Проф. Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ.

СИНТАКСИСЪ

РУССКАГО ЯЗЫКА.

Изданіе 2-ое, исправленное и дополненное.

1-е изданіе удостоено Московскимъ Университетомъ
преміи имени Поливанова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ И. Л. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОЙ.
1912.

4272

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

483
53

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе ко 2-му изданію. V

Введеніе. 1

ГЛАВА I. Части рѣчи и части предложенія 32

ГЛАВА II. Сказуемое и его выраженіе.—Сказуемое простое и составное.—Связка.—Дѣепричастіе.—Причастіе.—Инфинитивъ. 58

ГЛАВА III. Сказуемое и его выраженіе.—Простое глагольное сказуемое.—Глагольныя формы 100

ГЛАВА IV. Существительное и прилагательное въ сказуемомъ и ихъ замѣна несогласуемыми частями предложенія . 155

ГЛАВА V. Подлежащее, его выраженіе и его устраненіе . 179

ГЛАВА VI. Опредѣленіе (аттрибутъ) и приложеніе и ихъ выраженіе прилагательнымъ, существительнымъ, числительнымъ и мѣстоименіемъ. 222

ГЛАВА VII. Дополненіе и его выраженіе существительными (именами, мѣстоименіями и числительными) 237

ГЛАВА VIII. Обстоятельство и его выраженіе нарѣчьемъ, дѣепричастьемъ, косвенными падежами существительныхъ . . 258

ГЛАВА IX. Частицы предложенія—предлоги, служащіе связкою дополненій и обстоятельствъ 264

ГЛАВА X. Частицы предложеній—союзы.—Союзныя (относительныя) слова. 271

ГЛАВА XI. Слова, находящіяся внѣ предложенія, но при немъ, и отдѣльныя выраженія, не примыкающія къ нему . . 296

ГЛАВА XII. Виды предложеній. 300

Заключеніе. 311

Приложеніе. Къ реформѣ школьной грамматики русскаго языка. 312

Предисловіе ко 2-му изданію.

Предлагаемая книга представляетъ собою попытку общедоступнаго изложенія научнаго синтаксиса русскаго языка.

Въ основу изложенія положена *система Потебни*. Авторъ раздѣляетъ точку зрѣнія, научные принципы и большую часть выводовъ этого ученаго.

Нелишне отмѣтить здѣсь слѣдующее правило Потебни, послѣдовательно проведенное въ этомъ трудѣ: синтактическія формы современнаго языка слѣдуетъ понимать и опредѣлять по ихъ современному синтактическому значенію, а не на основаніи ихъ прежняго значенія или ихъ морфологическаго происхожденія. Поэтому, инфинитивъ признается глаголомъ, а не отглагольнымъ существительнымъ; форма, напр., „*стола*“ въ выраженіи „два стола“ принимается за то, чѣмъ является она нынѣ въ грамматическомъ сознаніи говорящихъ, т.-е. за особую разновидность родительнаго падежа ед. ч., а не за то, чѣмъ она была когда-то (имен.-винит. двойств.); глагольныя формы въ родѣ только-что употребленныхъ „*признается*“, „*принимается*“ отнесены къ страдательному залогу и т. д.

Прежнія значенія и морфологическое происхожденіе современныхъ синтактическихъ формъ принимаются во вниманіе для выясненія исторіи оборотовъ. Эволюціонная перспектива и историческая точка зрѣнія проведены съ возможною послѣдовательностью. Тѣмъ не менѣе, назвать этотъ опытъ „*историческимъ* синтаксисомъ“, конечно, нельзя: это только—*систематическое изложеніе синтаксиса современнаго общерусскаго языка съ эволюціонной точки зрѣнія, поясняемой справками изъ исторіи русскаго языка.*

Задачею автора было: 1) дать публикѣ книгу, по которой всякій образованный человѣкъ могъ бы ознакомиться съ основами *научнаго* синтаксиса общерусскаго языка, и 2) попытаться проложить дорогу *наукообразному* синтаксису этого языка въ школу, именно *въ старшіе классы* гимназій, гдѣ, по мнѣнію автора, и долженъ проходиться синтаксисъ—вмѣстѣ съ изученіемъ литературы, чтеніемъ образцовъ и „теоріей словесности“. Съ этою цѣлью было издано (Т-вомъ *И. Д. Сытина* въ Москвѣ) составленное мною „Руководство къ изученію синтаксиса русскаго языка“ (3-е изд. 1911 г.).

Знаменитый трудъ *А. А. Потебни* по синтаксису, озаглавленный „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“, состоитъ изъ двухъ томовъ, изъ которыхъ первый, заключающій въ себѣ I. *Введеніе* и II. Обширныя и детальныя изслѣдованія о *„составныхъ членахъ предложенія и ихъ замѣнахъ“*, вышелъ первымъ изданіемъ еще въ 1874 г. (въ Харьковѣ), а вторымъ—въ 1889 г. (тамъ же); второй же томъ (III. „Объ измѣненіи зна-

ченія и замѣнахъ существительнаго", о безсубъектныхъ предложеніяхъ и др.) былъ напечатанъ уже по смерти автора [1]) (Харьковъ, 1899 г.) по рукописямъ, которымъ великій ученый не успѣлъ придать окончательной формы. Тѣмъ не менѣе и этотъ томъ, какъ и первый, представляетъ собою истинно-великое твореніе геніальнаго ума. Особо издано было (въ „Филологическихъ Запискахъ" и отдѣльно, 1888 г.) важное изслѣдованіе „Значенія множественнаго числа въ русскомъ языкѣ".

Въ пользу системы и метода Потебни высказался крупнѣйшій авторитетъ современной славистики, академикъ *И. В. Ягичъ* въ „Beiträge zur Slavischen Syntax" (Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. B. XLVI).

Опытъ сжатаго и общедоступнаго изложенія синтактической системы Потебни былъ сдѣланъ *И. М. Бѣлоруссовымъ* — „Синтаксисъ русскаго языка въ изслѣдованіяхъ Потебни" (1901), — трудъ, исполненный съ большою тщательностью.

Недавно проф. *Н. К. Грунскій* выступилъ съ обширнымъ изслѣдованіемъ „Очерки по исторіи разработки синтаксиса славянскихъ языковъ" (Юрьевъ, 1910—1911). Выпускъ 3-ій I-аго тома цѣликомъ посвященъ Потебнѣ („Значеніе А. А. Потебни въ исторіи разработки русскаго синтаксиса"). Во II-мъ томѣ авторъ возвращается къ Потебнѣ въ главѣ (II-ой): „Изученіе синтаксиса въ русской научной и педагогической литературѣ со времени появленія трудовъ А. А. Потебни". Проф. Грунскій даетъ не только изложеніе, но и критическую оцѣнку научныхъ воззрѣній и метода покойнаго ученаго.

[1]) А. А. Потебня скончался въ декабрѣ 1891 г.

Если не ошибаюсь, впервые высокая (и вполнѣ правильная) оцѣнка открытій Потебни была сдѣлана покойнымъ проф. *Будиловичемъ* въ рецензіи („Журн. Мин. Нар. Просв.“) на 2-ое изданіе I-го тома „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ (1889). Потебня открылъ законъ эволюціи предложенія, доказалъ измѣняемость его частей и опредѣлилъ направленіе, куда идутъ, измѣняясь, грамматическія категоріи: *отъ именныхъ къ глагольнымъ*. Значеніе этого открытія въ наукахъ филологическихъ равносильно, по мнѣнію Будиловича, тому значенію, какое имѣло въ наукахъ біологическихъ открытіе Дарвиномъ измѣняемости видовъ. Это сопоставленіе станетъ яснѣе, если вспомнимъ, *что Потебня разсматривалъ эволюцію предложенія и частей рѣчи въ направленіи „отъ имени къ глаголу“—какъ частный случай или, вѣрнѣе, основу общей эволюціи человѣческаго мышленія въ направленіи отъ категоріи субстанціи къ категоріи дѣйствія (процесса), отъ идеи матеріи къ идеѣ энергіи.*

Стремясь идти по пути, проложенному Потебней, и слѣдов. отклоняясь отъ того, по которому шелъ *Миклошичъ*, мы тѣмъ не менѣе признаемъ за „Синтаксисомъ“ великаго слависта („Vergleichende Syntax der Slavischen Sprachen“) не только огромное историческое значеніе, но и другое—значеніе настольной и руководящей книги для всѣхъ, кто занимается вопросами синтаксиса. Въ смыслѣ научной обработки и систематизаціи матеріала классическій трудъ Миклошича еще очень долго не будетъ замѣненъ другимъ.

Въ чемъ разница между „системою“ Миклошича и „системою“ Потебни?

Суть дѣла—въ томъ, что они производили свои изысканія въ различныхъ плоскостяхъ, другъ друга не исключающихъ.

Всѣ, изучавшіе Потебню, знаютъ его *принципіальныя разногласія* съ Максомъ Мюллеромъ, Курціусомъ, Буслаевымъ, Н. П. Некрасовымъ и др. Что же касается Миклошича, то съ нимъ Потебня расходился не столько принципіально, сколько по частнымъ вопросамъ (рѣзче всего—по вопросу объ эволюціи безсубъектности). Этимъ, между прочимъ, и объясняется тотъ фактъ, что въ то время, какъ послѣ трудовъ Потебни „Историческая грамматика“ Буслаева потеряла все свое значеніе (кромѣ, конечно, историческаго), „Синтаксисъ“ Миклошича остался на своемъ мѣстѣ и продолжаетъ служить руководящею книгою—не только въ смыслѣ собранія матеріала, но и въ смыслѣ его обработки. Оба изслѣдователя стоятъ на той же—эволюціонной и исторической—точкѣ зрѣнія,—предъ ихъ умственнымъ взоромъ развертывается все та же картина развитія языка. Но одинъ (Миклошичъ) ограничиваетъ свою задачу изученіемъ эволюціи *грамматическихъ формъ самихъ по себѣ*, а другой (Потебня) беретъ *предложеніе* и, слѣдя за *его* эволюціей, показываетъ, какъ и въ какомъ направленіи измѣняются *въ немъ* грамматическія формы.

Методъ Потебни имѣетъ явное преимущество передъ методомъ Миклошича, но не исключаетъ возможности и—въ извѣстныхъ предѣлахъ — плодотворности послѣдняго.

Чтобы сдѣлать это яснѣе, прочтемъ слѣдующія строки изъ „Введенія“ Потебни („Изъ зап. по русск. грамм.“, ч. I, стр. 76—77):

„*Образованіе* и *измѣненіе* грамматическихъ формъ, со-

ставляющихъ формальное (грамматическое) содержаніе предложенія, *есть другое названіе для измѣненія самого предложенія* [1]), т.-е. того ближайшаго цѣлаго, въ коемъ совершается жизнь этихъ формъ. Понимая языкъ, какъ дѣятельность, невозможно смотрѣть на грамматическія категоріи, каковы глаголъ, существительное, прилагательное, нарѣчье, какъ на нѣчто неизмѣнное, разъ навсегда выведенное изъ всегдашнихъ свойствъ человѣческой мысли. Напротивъ, даже въ относительно небольшіе періоды эти категоріи замѣтно мѣняются... И вообще въ языкѣ, не только, говоря a priori („все течетъ“), не можетъ быть, но и a posteriori нѣтъ ни одной неподвижной грамматической категоріи. Но съ измѣненіемъ грамматическихъ категорій неизбѣжно измѣняется и то цѣлое, въ которомъ онѣ возникаютъ и измѣняются, именно предложеніе, подобно тому какъ неизбѣжно форма устойчивой кучи зависитъ отъ формы вещей (напр. кирпичей, ядеръ), изъ коихъ она слагается, какъ неизбѣжно форма и опредѣленіе общества измѣняется вмѣстѣ съ развитіемъ особей...“

Такъ вотъ, Миклошичъ слѣдилъ за измѣненіемъ самихъ „вещей“, за развитіемъ „особей“, оставляя въ сторонѣ вопросъ о цѣломъ (о „кучѣ“), о предложеніи. Потебня же этотъ вопросъ и выдвигалъ впередъ, изучая измѣненія цѣлаго въ связи съ измѣненіями его составныхъ частей.

Работы Миклошича по синтаксису носятъ по преимуществу *описательный* и *классификаціонный* характеръ и, по своему значенію, равносильны работамъ зоологовъ и ботаниковъ, преслѣдующихъ цѣли описанія видовъ, ихъ

[1]) Курсивъ Потебни.

регистраціи и систематики—съ соблюденіемъ, при этомъ, эволюціонной перспективы. Огромная цѣнность такихъ изслѣдованій не подлежитъ сомнѣнію, въ особенности если они произведены съ тою обстоятельностью, точностью и тѣмъ талантомъ—владѣть огромнымъ матеріаломъ, распоряжаясь въ немъ, какъ у себя въ домѣ, какими несомнѣнно отличаются всѣ работы Миклошича [1]).

Потебня былъ глубокій мыслитель, творческій и обобщающій умъ,—изъ числа тѣхъ, въ которыхъ дарованіе наблюдателя гармонически сочетается съ интуиціей созерцателя, предвосхищающаго геніальной отгадкой тайну явленій, чтобы потомъ раскрыть ее средствами методическаго индуктивнаго изслѣдованія. Ученый такого склада, конечно, долженъ былъ прежде всего обратить вниманіе на „цѣлое“ (предложеніе), приняться за изученіе процессовъ, въ немъ происходящихъ, и, слѣдя за эволюціей этого цѣлаго и его частей (его „особей“), поставить вопросъ: *откуда и куда мы идемъ въ развитіи нашего грамматическаго мышленія?*

Въ этой книгѣ, какъ и въ моихъ посильныхъ „Синтактическихъ наблюденіяхъ“ (1899), я въ общемъ и существенномъ иду за Потебней,—по торной дорогѣ, имъ проложенной. Но, кромѣ нѣкоторыхъ частностей, есть два принципіальныхъ вопроса, въ которыхъ я расхожусь съ нимъ.

Это, во-первыхъ, *вопросъ объ отношеніи грамматиче-*

---

[1]) Вполнѣ присоединяюсь къ протесту Н. К. Грунскаго противъ умаленія достоинства изслѣдованій Миклошича со стороны Риса и Дельбрюка („Очерки“, II, стр. 3 и сл.)

ческаго мышленія къ логическому. Въ статьѣ „Очерки науки о языкѣ“ („Русс. Мысль“, 1896 г., дек.) я протестовалъ противъ слѣдующаго положенія Потебни: „Языкознаніе и въ частности грамматика ничуть не ближе къ логикѣ, чѣмъ какая-либо изъ прочихъ наукъ“ („Изъ зап. по р. грамм.“, ч. I, стр. 63)—Уже *Герм. Пауль* („Prinzipien der Sprachgeschichte“) указалъ на то, что лингвисты (со временъ классической книги Штейнталя „Grammatik Logik und Psychologie“) слишкомъ усердно стали отворачиваться отъ всякихъ размышленій на тему объ отношеніяхъ грамматическихъ формъ мысли къ логическимъ... Грамматическіе процессы мысли по существу отличны отъ логическихъ,—и въ грамматику не слѣдуетъ переносить понятій изъ логики и выводить напр. опредѣленія частей рѣчи изъ логическихъ категорій. Все это давно уже установлено въ наукѣ и не подлежитъ сомнѣнію. Но на этомъ нельзя успокоиться. Ибо процессы и формы логической мысли съ одной стороны и грамматической съ другой, это—*явленія, при всемъ ихъ различіи, родственныя,* и едвали можно сомнѣваться въ томъ, что между ними есть *генетическая связь.* Явленіе, называемое „логическимъ сужденіемъ“, не совпадаетъ съ явленіемъ, которое мы называемъ „грамматическимъ предложеніемъ“, но они, во-первыхъ, классифицируются вмѣстѣ подъ рубрикою „мышленіе“, и, во-вторыхъ, между ними усматривается несомнѣнная аналогія. И, разумѣется, логика, какъ наука, стоитъ къ грамматикѣ, какъ наукѣ, гораздо ближе, чѣмъ стоитъ она напр. въ отношеніи къ ботаникѣ, зоологіи, біологіи и т. д.

Если въ вышеприведенной цитатѣ Потебня имѣлъ въ виду логику—*какъ дисциплину исключительно-норма-*

тивную, то его утвержденіе, что „грамматика ничуть не ближе къ логикѣ, чѣмъ какая-либо изъ прочихъ наукъ“, должно быть понимаемо такъ: въ противоположность нормативной логикѣ, грамматика есть наука не нормативная, а индуктивная, наблюдательная, — и ея отношенія къ логикѣ—тѣ же, что̀ и въ другихъ наукахъ. Иначе говоря, нормы логическаго мышленія, правила индукціи, пріемы анализа и синтеза, устанавливаемые и разрабатываемые нормативной логикой, одинаково обязательны какъ для филолога, такъ и для ботаника,—какъ для историка, такъ и для физіолога и т. д. — Но есть основанія думать, что Потебня не ограничивалъ понятіе логики тѣсными рамками исключительно-нормативной дисциплины; достаточно извѣстны его интересы къ вопросамъ психологіи мышленія, а равно и то, что онъ смотрѣлъ на процессы грамматической мысли—какъ на простѣйшую форму или основу высшаго мышленія, „возвышающагося надъ языкомъ“,—мышленія художественнаго и научнаго. Если это такъ, то положеніе, гласящее, что „грамматика ничуть не ближе къ логикѣ, чѣмъ какая-либо изъ прочихъ наукъ“, само собою отпадаетъ, сохраняя только смыслъ полемическаго замѣчанія, направленнаго по адресу такъ-называемой „логической грамматики“, давно упраздненной работами В. Гумбольдта, Штейнталя и всей школой новаго языкознанія.— Потебнѣ и принадлежитъ заслуга окончательнаго изгнанія изъ синтактическихъ изслѣдованій всѣхъ остатковъ и пережитковъ старой „логической грамматики“, какихъ было еще много, напр., въ „Исторической грамматикѣ“ Буслаева. Прочтемъ еще слѣдующее мѣсто (изъ той же главы: „Грамматика и Логика“): „Логическая грамматика не можетъ постигнуть мысли, составляющей основу со-

временнаго языкознанія и добытой наблюденіемъ, именно, что языки различны между собою не одной звуковой формой, но всѣмъ строемъ мысли, выразившимся въ нихъ, и всѣмъ своимъ вліяніемъ на послѣдующее развитіе народовъ".—Здѣсь, очевидно, дѣло идетъ *объ умственномъ развитіи, о прогрессѣ мышленія*, слѣдов. главнымъ образомъ о развитіи и изощреніи *логическихъ процессовъ*, о выработкѣ *логическаго сужденія*, какъ органа познающаго ума. У народовъ, говорящихъ на языкахъ различнаго строя и различной ступени развитія, логическіе процессы должны быть различны. Эти различія сводятся къ степени выработки логическихъ пріемовъ и понятій, къ оттѣнкамъ въ психологіи мышленія, наконецъ къ большему или меньшему *освобожденію логической мысли отъ прямыхъ внушеній со стороны языка*. Представимъ себѣ племя, въ языкѣ котораго нѣтъ ни прилагательныхъ, ни глаголовъ, ни нарѣчій, а числительныя идутъ не дальше пяти. Спрашивается: какова должна быть „логика" этого племени? будетъ ли „логическое сужденіе" при такомъ языкѣ совпадать съ нашимъ? Наконецъ, позволительно усомниться, имѣются ли вообще у такого племени логическіе процессы мысли. Можно думать, что ихъ нѣтъ, а есть только *мышленіе психологическое* и *грамматическое*.

Я считаю вполнѣ допустимымъ (и, во всякомъ случаѣ, полезнымъ въ смыслѣ „рабочей гипотезы") предположеніе, что процессы логическаго мышленія возникаютъ впервые на извѣстной ступени развитія грамматическаго строя, послѣ обособленія прилагательныхъ отъ существительныхъ, послѣ образованія грамматической категоріи глагола и т. д. Логическія понятія—субстанціи,

аттрибута, дѣйствія, состоянія и т. д. развиваются постепенно изъ соотвѣтственныхъ грамматическихъ категорій, и столь же постепенно процессы анализа и синтеза, данные въ грамматическомъ предложеніи, претворяются въ логическіе, и грамматическое предложеніе даетъ бытье логическому. Логика зарождается въ нѣдрахъ грамматическаго мышленія и долго остается тѣсно связанной съ нимъ. На извѣстной высотѣ развитія она въ большей или меньшей мѣрѣ освобождается отъ ферулы грамматическихъ категорій и организуется *надъ языкомъ*—какъ высшая инстанція мысли, которая однако не управляетъ имъ, а только царствуетъ. Между логикою и языкомъ устанавливается извѣстный modus vivendi. Въ существѣ дѣла строй языка продолжаетъ служить основою „интеллектуальной конституціи“ людей, которымъ только кажется, будто они орудуютъ всесильной логикою независимо отъ умственной атмосферы, выдѣляемой языкомъ...

При такой постановкѣ вопроса (повторяю, вполнѣ допустимой, хотя бы только въ видѣ „рабочей гипотезы“) становится понятно, что изслѣдованія въ области эволюціи языка (въ особенности—синтактическихъ формъ) имѣютъ ближайшее отношеніе не только къ вопросамъ психологіи мышленія, но и къ вопросамъ его *логики*—въ ея повседневной, живой функціи, въ ея многовѣковомъ развитіи и въ ея высшихъ проявленіяхъ (научныхъ, философскихъ и художественныхъ), доселѣ достигнутыхъ человѣчествомъ.

Перехожу къ другому пункту, гдѣ я (какъ меня упрекали) отступилъ отъ воззрѣній Потебни. Это именно вопросъ о томъ, можно ли считать слово, отдѣльно взятое

(напр. *домъ*, *весна*, *хорошій*, *скоро* и т. д.,—лишь бы оно не предицировало) *единицею рѣчи*, или нельзя, а таковою единицею слѣдуетъ признавать *предложеніе*. Я всегда думалъ и продолжаю думать, что *единицею рѣчи является у насъ* (въ языкахъ культурныхъ народовъ) *не предложеніе, а слово*. Потебня (по мнѣнію многихъ) видѣлъ, напротивъ, единицу рѣчи *въ предложеніи*, а *слово* (отдѣльно взятое) считалъ „*искусственнымъ препаратомъ*“.

Прочтемъ сперва слѣдующее мѣсто изъ рецензіи проф. *Д. Н. Кудрявскаго* на мою книгу (въ „Извѣстіяхъ отд. русск. яз. и словесн. Императорской академіи наукъ“, т. VII, кн. 4): „Никто, я думаю, не настаивалъ такъ сильно на томъ положеніи, что изслѣдованіе синтактическихъ вопросовъ должно исходить изъ анализа цѣлаго предложенія, какъ Потебня. Но важнѣе всего то, что онъ съ необыкновенной послѣдовательностью проводилъ этотъ принципъ (въ настоящее время общепризнанный) во всѣхъ своихъ научныхъ работахъ. Въ этомъ отношеніи книга г. Овсянико-Куликовскаго, на мой взглядъ, во многихъ случаяхъ дѣлаетъ уступку традиціонному взгляду, различая слова отдѣльныя, слѣдовательно вырванныя изъ связной рѣчи, отъ словъ въ рѣчи. Это сказывается уже прежде всего въ самомъ опредѣленіи синтаксиса, который авторъ опредѣляетъ, какъ „часть грамматики, занимающуюся изученіемъ употребленія (утилизаціи) словъ и ихъ сочетаній въ процессахъ рѣчи-мысли“. На первый взглядъ можетъ показаться, что и въ этомъ опредѣленіи мысль выражена только не совсѣмъ удачно, такъ какъ ниже говорится объ „ученіи о предложеніи и его частяхъ“, какъ о главномъ содержаніи синтаксиса, но уже при-

бавка „и о выраженіи послѣднихъ (т.-е. частей предложенія) частями рѣчи“ указываетъ на то, что авторъ дѣйствительно различаетъ отдѣльныя слова отъ словъ въ рѣчи. Далѣе этотъ взглядъ развивается подробнѣе, такъ что уже не остается сомнѣнія въ его существованіи, хотя и не выясняется, какое именно различіе авторъ видитъ между словами въ рѣчи и отдѣльными словами, которыя Потебня мѣтко называетъ „искусственными препаратами“ („Изъ зап. по русск. грамм., I, 44) [1])...“

Дѣйствительно, въ указанномъ мѣстѣ Потебня говоритъ, что слово, вырванное изъ предложенія (напр. слово „конь“ изъ предложеній: „кѣдѣ есть конь мой?“ и „помяну конь свой“) ничего грамматически не означаетъ: неизвѣстно, напр., именительный ли это падежъ или винительный; съ этой точки зрѣнія, такое изолированное отъ контекста слово представляется не живымъ, а какимъ-то „искусственнымъ препаратомъ“,—настоящее же слово, „живое слово“, является только въ контекстѣ, въ предложеніи.

Мимоходомъ замѣчу, что то же самое выраженіе „искусственный препаратъ“ употреблено Потебней въ другомъ мѣстѣ и въ другомъ примѣненіи: на первой страницѣ „Введенія“, въ главѣ, трактующей о томъ, что̀ такое „слово“, онъ говоритъ, что слово есть единство звуковой формы и лексическаго значенія, а сама по себѣ звуковая форма безъ значенія не составляетъ слова, являясь „искусственнымъ препаратомъ“. Итакъ, здѣсь „искусственнымъ препаратомъ“ Потебня еще не называлъ *слово* и, повидимому, эта мысль и не приходила ему въ голову. Она возникла позже, въ другомъ

[1]) Во 2-мъ изданіи это—I, 32.

мѣстѣ, и, смѣю думать, явилась плодомъ недоразумѣнія или увлеченія аргументаціей, что̀ часто случается со всѣми учеными, въ томъ числѣ и великими.

Наиболѣе категорическимъ выраженіемъ этой ошибочной мысли служатъ слѣдующія строки („Изъ зап.“, I, 32): „...изолированнаго слова въ дѣйствительности и не бываетъ. Въ ней есть только рѣчь. Значеніе слова возможно только въ рѣчи. Вырванное изъ связи слово мертво, не функціонируетъ, не обнаруживаетъ ни своихъ лексическихъ, ни, тѣмъ болѣе, формальныхъ свойствъ, потому-что ихъ не имѣетъ...“ (слѣдуетъ ссылка на В. Гумбольдта, Штейнталя и Буслаева).

Этому противорѣчитъ личный опытъ каждаго изъ насъ, свидѣтельствующій о томъ, что *отдѣльныя слова* весьма часто проявляются въ нашемъ сознаніи, не образуя предложенія, и что при этомъ они вовсе не утрачиваютъ ни лексическаго, ни грамматическаго значенія. Утверждая такъ, я опираюсь на слѣдующемъ:

а) Въ силу стародавняго, неискоренимаго инстинкта, мы стремимся превращать въ слово любое представленіе, возникшее въ нашемъ сознаніи; все, что̀ мы воспринимаемъ, прежде всего облекается грамматическою формою, которая служитъ необходимою формою воспріятія. Такъ вотъ, если отдѣльныя представленія могутъ, по праву, быть названы „единицами мысли“, то, разъ эти представленія даны у насъ не иначе, какъ въ видѣ словъ, приходится и въ словахъ видѣть не искусственные препараты, а живые элементы или единицы рѣчи—мысли. „Отдѣльныя слова“ существуютъ въ дѣйствительности, т.-е. въ практикѣ рѣчи—мысли, уже потому, что существуютъ отдѣльныя представленія и понятія. Этому ни-

сколько не противорѣчитъ та истина, что *генетически* представленія и понятія возводятся къ сужденіямъ (психологическимъ и логическимъ), а слова (т.-е. тѣ же представленія и понятія въ грамматической формѣ) выдѣлились изъ предложеній. Это—вопросъ генезиса, происхожденія. Разъ тѣ и другія выдѣлились изъ цѣлаго и получили самостоятельное бытье, мы должны смотрѣть на нихъ какъ на живые и подвижные элементы рѣчи—мысли, способныя вступать въ новыя сочетанія, группироваться въ грамматическія предложенія и логическія сужденія. Нужно оговориться, что, указывая на неизбѣжное превращеніе нашихъ представленій въ слова, я этимъ вовсе не утверждаю, что эти слова непремѣнно должны быть произнесены. Иногда мы произносимъ ихъ, такъ сказать, машинально, но въ большинствѣ случаевъ звуковая форма отсутствуетъ—даже (при быстротѣ мысли) въ видѣ представленія артикуляціи и звука. Отъ потери звуковой формы слово не перестаетъ быть словомъ: оно сохраняетъ свой главный признакъ—грамматическое значеніе. Послѣ этихъ соображеній, присмотримся ближе къ нѣкоторымъ случаямъ утилизаціи „отдѣльныхъ словъ“. Прежде всего вспомнимъ о томъ, какую важную роль играютъ въ нашей умственной жизни *ассоціаціи отдѣльныхъ представленій*; любое представленіе (оно же и слово) способно вызвать рядъ другихъ, и они появляются и исчезаютъ въ сознаніи, не образуя предложеній или сужденій, но подготовляя матеріалъ для нихъ. Въ высшемъ умственномъ творчествѣ (философскомъ, научномъ, художественномъ) обиліе отдѣльныхъ представленій, ихъ подвижность, ихъ, такъ сказать, ассоціаціонная виртуозность являются необходимою предпосылкою для предици-

рующей работы мысли. Помнить факты, вспоминать отдѣльныя представленія, держать въ сознаніи образы и понятія значитъ владѣть и орудовать „отдѣльными словами“, какъ матеріаломъ и стимуломъ мысли. И можно утверждать, что чѣмъ выше и сложнѣе умственная жизнь человѣка, тѣмъ больше у него запасъ „отдѣльныхъ словъ“, тѣмъ больше у него интереса къ нимъ и умѣнія распоряжаться ими. Напротивъ, при скудости умственной жизни, слово интересуетъ человѣка не само по себѣ, а своею ролью въ предложеніи, своимъ практическимъ примѣненіемъ. И безграмотные даже съ нѣкоторымъ трудомъ представляютъ себѣ отдѣльныя слова, внѣ предложенія. Далѣе укажу на сознательную утилизацію отдѣльныхъ словъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы составляемъ каталоги, списки техническихъ терминовъ, выбираемъ изъ книги слова для составленія указателя къ ней, заносимъ на карточки слова для словаря и т. д. Часто говорятъ, что тутъ слово извлекается изъ предложенія, и что слѣдовательно мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ изолированными словами, а со словами какъ частями предложенія. Положимъ, я прочиталъ фразу и извлекъ оттуда одно слово. Разъ я его извлекъ, а о предложеніи забылъ,—я имѣю дѣло съ этимъ отдѣльнымъ словомъ и распоряжаюсь имъ, какъ мнѣ нужно, не помышляя о томъ, какую роль играло оно во фразѣ, откуда я его взялъ. Наконецъ, я могу взять его изъ фразы, вовсе не прочитавъ ея, не продержавъ ея въ моемъ сознаніи. *Объективно* оно, конечно, остатокъ или обломокъ фразы. Но *субъективно*, т.-е. въ живой практикѣ рѣчи-мысли, оно вовсе не взято изъ фразы, ибо этой послѣдней въ моемъ сознаніи въ данный моментъ и не было. Укажу еще на процессъ

усвоенія новыхъ понятій, т.-е. новыхъ словъ, гдѣ явственно различаются двѣ фазы: а) одна, когда новое понятіе еще усваивается (напр. когда учитель исторіи объясняетъ ученикамъ, что значитъ „ренесансъ“, „реформація“ и т. п., или когда я впервые узнаю, что̀ такое „радіоактивность“), и 2) другая фаза, когда новое понятіе уже усвоено, но еще не перестало быть новинкою. Въ первой фазѣ мы имѣемъ не отдѣльныя слова, а ихъ сочетанія, контекстъ съ непремѣннымъ участіемъ акта предицированія: это—*предложеніе*, въ которомъ новое слово является чаще всего подлежащимъ, но нерѣдко, смотря по характеру оборота, можетъ выступать въ роли сказуемаго, а также и дополненія; отвлекаясь отъ грамматическаго выраженія и претворяя предложеніе въ логическое сужденіе, мы получаемъ предицирующій актъ мысли, въ которомъ понятіе является подлежащимъ, а его объясненіе дано въ предикатѣ. Во второй фазѣ наблюдается (не всегда, но очень часто) слѣдующее: какъ всякое умственное пріобрѣтеніе, новое понятіе (оно же и новое слово), такъ сказать, „региструется“ въ умѣ, поступаетъ въ „каталогъ“ памяти, и наше сознаніе охотно, кстати и не кстати, обращается къ нему, какъ бы для провѣрки: тамъ ли оно? Нашъ умъ любитъ играть новыми словами—понятіями, и мы невольно повторяемъ ихъ—внѣ контекста. Школьникъ, въ данную минуту занятый другимъ дѣломъ или игрой, вдругъ вспоминаетъ: ренесансъ, ренесансъ, реформація, реформація... Да и мы, пока понятіе „радіоактивности“ для насъ новинка, можемъ поймать себя на томъ, какъ это слово, нѣтъ—нѣтъ, да вдругъ вынырнетъ въ сознаніи. Такъ вотъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ акты мышленія

отдѣльными словами, хотя бы въ такомъ употребленіи безцѣльными, но отнюдь не мертвыми. Двѣ фазы, о которыхъ мы говоримъ, явственно различаются при изученіи иностранныхъ и мертвыхъ языковъ. Когда я впервые узнаю, что „человѣкъ“ по-латыни „homo“, то это, несомнѣнно, предложеніе, актъ предицированія: „homo значитъ человѣкъ“ или, наоборотъ, „человѣкъ по-латыни—homo“. Но когда, уже зная это, я повторяю: „homo—человѣкъ“, то это, при бѣгломъ припоминаніи, при автоматичности процесса, уже не является предложеніемъ: здѣсь исчезаетъ предицированіе, и русское слово („человѣкъ“) стало рядомъ съ латинскимъ (homo) не въ качествѣ предиката, а въ роли синонима; передъ нами особый случай рода ἓν-διὰ-δυοῖν,—не болѣе.

б) Фактъ существованія „отдѣльныхъ словъ“ подтверждается наблюденіями надъ процессами рѣчи при возбужденномъ (эмоціональномъ и аффективномъ) состояніи психики.—Здѣсь нужно различать, съ одной стороны, тѣ случаи, когда человѣкъ, находящійся въ возбужденномъ состояніи, не теряетъ способности къ связной и синтактически-правильной рѣчи, а съ другой—тѣ, когда эта способность парализуется. Насъ интересуютъ здѣсь только эти послѣдніе случаи. Весьма нерѣдко подъ вліяніемъ аффекта, напр. страха, гнѣва, нарушается правильность въ конструкціи фразы, отпадаютъ тѣ или другія части предложенія, въ томъ числѣ и главная—сказуемое, и остаются осколки разрушеннаго предложенія—отдѣльныя слова; о нихъ мы не скажемъ, что они мертвы: это—живыя слова, нерѣдко даже слишкомъ живыя... Во всякомъ случаѣ, они—не „искусственный препаратъ“.—

Этого рода случаи представляютъ извѣстный интересъ для изученія языка, какъ выраженія чувства [1]).

в) Вопросъ объ „отдѣльныхъ словахъ“, единицахъ рѣчи, долженъ быть перенесенъ на историческую почву. Это—вопросъ эволюціи языка.—Сперва напомню, что дѣло идетъ лишь о тѣхъ словахъ, которыя не предицируютъ. Слѣдовательно, такія, какъ „морозитъ“, „тошнитъ“, а равно и такія, какъ „молчать!“, „убирайся!“ и т. п., сюда не относятся: это—не „отдѣльныя слова“, а предложенія.

Такъ вотъ, имѣя въ виду лишь тѣ акты рѣчи, которые проявляются *отдѣльными непредицирующими* словами, мы скажемъ такъ: *эти акты—не исконны и не архаичны, они стали появляться исподоволь на извѣстной ступени развитія языка,—и было время, когда люди дѣйствительно не имѣли въ своемъ распоряженіи „отдѣль-*

---

[1]) Напротивъ, вышеупомянутые случаи другого рода, когда не нарушается правильность рѣчи, представляютъ высокій интересъ для изученія языка, какъ органа созданія и выраженія мысли. Нельзя сказать, что грамматическая правильность рѣчи сохраняется въ такихъ случаяхъ *несмотря на наличность эмоціи.* Напротивъ, наличность эмоціи благопріятствуетъ правильности и нерушимости рѣчи. Извѣстно, что даже косноязычные и заики, подъ вліяніемъ эмоціи, обнаруживаютъ рѣдкій даръ слова, возвышаясь иногда до настоящаго краснорѣчія Существеннымъ и крайне любопытнымъ пунктомъ въ этомъ явленіи слѣдуетъ признать слѣдующее: эмоція оттѣсняетъ грамматическіе и въ частности синтактическіе процессы, обычно протекающіе въ сферѣ подсознательной, еще глубже,—еще дальше отъ „порога сознанія“,—и тамъ имъ привольнѣе, легче функціонировать,—они становятся совершенно автоматичными, между тѣмъ какъ сознаніе всецѣло устремлено на содержаніе рѣчи Здѣсь ключъ къ тайнѣ ораторскаго искусства. Оттѣсненіе, подъ вліяніемъ эмоціи, процессовъ рѣчи въ глубь „безсознательной психики“ наглядно обнаруживается тѣмъ, что субъектъ по окончаніи рѣчи помнитъ только, *о чемъ* онъ говорилъ, но не помнитъ, *что* и *какъ* говорилъ онъ

ныхъ словъ", *когда всякій актъ рѣчи—мысли являлся у нихъ либо въ видѣ предложенія, либо (и, повидимому, гораздо чаще) въ эмоціональной или аффективной формѣ, представлявшей родъ гомолога предицирующей роли слова.*

Къ этому выводу приводятъ насъ слѣдующія наблюденія и соображенія:

1) Направляясь отъ современнаго состоянія культурныхъ языковъ къ ихъ прошлому, мы замѣчаемъ, какъ увеличивается число словъ, способныхъ предицировать, т.-е. выступать въ роли сказуемыхъ и слѣдовательно образовывать предложенія.—Нынѣ сказуемость сосредоточена въ *глаголѣ*; лишь нѣкоторую долю ея сохраняютъ еще—тѣсно примыкающія къ глаголу—*причастія* и *дѣепричастія*, но они уже не могутъ выражать сказуемое безъ помощи глагола; есть также нѣкоторое количество „оглаголенныхъ" словъ, способныхъ предицировать, замѣняя глаголъ („*бухъ* въ воду"; „*хлопъ*"; *стопъ* машина"; „*полно!*", „*полно-те!*" и др.); сюда же можно отнести и „оглаголенныя" существительныя въ эмоціональной рѣчи, напр.: „*Пожаръ!*"—„*Морозъ!*"—„*Бѣда!*" и т. п.; наконецъ, есть еще предицирующія нарѣчья, каковы: „*вонъ!*", „*прочь!*" и др.—Обращаясь къ прошлому, находимъ другую картину. Причастья и дѣепричастья обладаютъ гораздо большею силою предицированія и почти (а иногда и совсѣмъ) приравниваются къ глаголу. Это явленіе установлено и освѣщено Потебней на матеріалѣ славянскихъ языковъ и литовско-латышскаго („Изъ зап. по р. грамм. [2]", I, ч. II, стр. 181 и сл.). Я сдѣлалъ попытку дополнить выводы Потебни аналогичными наблюденіями надъ предицирующею ролью причастій въ санскритѣ, греческомъ, готскомъ и частью церковно-славян-

скомъ („Синтактическія наблюденія", 1899 г.).—Тамъ же я указалъ (вслѣдъ за Дельбрюкомъ и др.) на предикативность въ санскритѣ *именъ* на—*tar* и нѣкоторыхъ другихъ, какъ существительныхъ, такъ и прилагательныхъ. Въ результатѣ такихъ изслѣдованій получается картина языка, гдѣ *предикативность далеко выходитъ за предѣлы глагола, распространяясь не только на причастія, но и на имена, не принадлежащія къ категоріи причастій въ тѣсномъ смыслѣ.*—Далѣе, рѣдкимъ (сравнительно) случаямъ предицирующихъ нарѣчій въ современныхъ языкахъ („прочь!", нѣм. fort! heraus! и т. п.) слѣдуетъ противупоставить частую и яркую предикативность praeverbia въ ведаическомъ санскритѣ, гдѣ частицы *pra, ud, vi* и др. имѣютъ самостоятельную, независимую отъ глагола предицирующую силу, рѣзко оттѣняемую ихъ ударяемостью, при неударяемости глагола (въ „главномъ" предложеніи, а, вѣдь, первоначально всѣ предложенія были „главными").

Проводя мысленно эту линію (предикативности именъ и нарѣчій-частицъ) въ глубь древности, мы приходимъ къ выводу, что нѣкогда, на древнѣйшихъ ступеняхъ развитія языка, *любое слово могло быть предикативнымъ.* Если это такъ, то приходится думать, что *тогда* въ практикѣ рѣчи-мысли, дѣйствительно, „отдѣльныхъ словъ" не было, или ихъ было очень мало, и почти всякій актъ рѣчи-мысли былъ актомъ предицированія, т.-е. являлся *предложеніемъ.* „Единицею" рѣчи было не слово, а предложеніе. Но это было—„*тогда*". Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Эта эпоха уже для древнѣйшихъ гимновъ Ведъ и древнѣйшихъ страницъ Библіи являлась давно прошедшею,—съ тѣхъ поръ огромное большинство именъ

потеряло свою предикативность, которая стала сосредоточиваться въ глаголѣ, причастіяхъ, praeverbia и извѣстномъ (еще довольно значительномъ) количествѣ именъ. Человѣкъ эпохи Ведъ уже не могъ предицировать напр. словами *açva-s* (конь), *pitā* (отецъ), *çvā* (собака) и мн. др., и они проявлялись въ его сознаніи уже только какъ „отдѣльныя слова“.

„*Отдѣльное слово*“ *возникаетъ изъ* „*слова-предложенія*“ *путемъ утраты предицирующей силы.*

2) Наблюденія надъ природою и эволюціей *аттрибутивности* въ языкѣ (причастія, прилагательныя, аттрибутивныя существительныя) приводятъ къ весьма вѣроятному заключенію, что *аттрибутивность возникла изъ предикативности черезъ рядъ ослабленныхъ формъ послѣдней.*

Движеніе въ этомъ направленіи—отъ предикативности къ аттрибутивности наблюдается во всѣхъ періодахъ развитія языка, съ древнѣйшихъ временъ, и продолжается на нашихъ глазахъ. Вотъ важнѣйшіе факты, сюда относящіеся:

α) Причастье, форма, въ ея первобытной (доглагольной) стадіи, по преимуществу предикативная, съ теченіемъ времени пріобрѣла аттрибутивный оттѣнокъ, который, все болѣе развиваясь, заслоняетъ собою предикативную функцію причастья, идущую на убыль,—и въ результатѣ причастье становится промежуточною формою, чѣмъ-то среднимъ между глаголомъ и прилагательнымъ, потомъ утрачиваетъ способность предицировать самостоятельно, безъ помощи глагола, и наконецъ извѣстное количество причастій теряетъ всякій слѣдъ предицирующей силы, превращаясь въ обыкновенныя прилагатель-

ныя, каковы наши *могучій*, *висячій*, *сыпучій*, *тягучій*, *пропащій*, *летучій*, *сущій* (въ выраженіяхъ: „сущій пустякъ“, „сущая правда“) и др.—Это—явленіе широкораспространенное и наблюдается во всѣхъ культурныхъ языкахъ. Къ числу древнѣйшихъ случаевъ относятся въ санскритѣ такія формы, какъ *mahant*—(большой, великій), *santya*—(добрый, благосклонный), *satya*—(истинный), *jagat*—(движущееся, потомъ сущ. „міръ“), *amrta*—(безсмертный) и др.

β) *Аттрибутивныя существительныя* во многихъ (если не во всѣхъ) сочетаніяхъ ἓν διὰ-δυοῖν типа „*дубъ*-столъ“, „шуба-*соболь*“, „птица-*орелъ*“ и т. п. первоначально имѣли *предикативное значеніе*, отголосокъ котораго до сихъ поръ еще чувствуется въ выраженіяхъ: „*душа*-человѣкъ“, „*дрянь*-человѣкъ“ и т. п. Это были сперва *предложенія* архаическаго типа, въ которыхъ аттрибутивное существительное выступало въ роли сказуемаго (безъ глагола). Съ теченіемъ времени эта предикативность шла на убыль и превращалась въ аттрибутивность,—изъ предложенія возникало слово.

3) Очень показательна въ отношеніи къ разсматриваемому явленію (потеря большинствомъ словъ предикативной силы, превращеніе ихъ изъ предложеній въ „отдѣльныя слова“) исторія возникновенія *предлоговъ*. Они развились изъ первобытныхъ нарѣчій мѣста и направленія (потомъ—времени). Эти первобытныя нарѣчья, несомнѣнно, *предицировали* и на раннихъ ступеняхъ развитія служили излюбленнымъ выраженіемъ сказуемаго. Съ появленіемъ глагола они превращаются въ *praeverbia*, но долго еще (какъ было указано выше) сохраняютъ предицирующую силу. Въ дальнѣйшемъ развитіи они

утрачиваютъ эту силу, превращаясь съ одной стороны въ приглагольныя частицы, а съ другой — въ предлоги.

Убыль предицирующей силы слова, полное исчезновеніе ея въ именахъ, нарѣчьяхъ, предлогахъ, наконецъ ея ограниченіе предѣлами грамматической категоріи глагола (но такъ, что, при желаніи, мы можемъ держать въ сознаніи глаголъ, не предицируя имъ), вообще *освобожденіе словъ отъ обязательнаго предицированія*, все это — процессы, которые, вмѣстѣ со многими другими явленіями психики подводятся подъ общую генетическую формулу, гласящую такъ: *пассивные акты произошли отъ активныхъ, болѣе слабые отъ болѣе сильныхъ, менѣе яркіе отъ болѣе яркихъ, автоматичные отъ сознательныхъ.*

Сюда относятся:

1) переходъ процессовъ *апперцепціи* въ процессы *ассоціаціи*;

2) превращеніе *аффектовъ*, путемъ ихъ ослабленія, въ *эмоціи*, и *эмоцій*, черезъ дальнѣйшее ослабленіе, въ „простыя чувства“, безъ видимыхъ признаковъ эмоціональныхъ проявленій;

3) превращеніе *пріобрѣтенныхъ свойствъ* въ *инстинкты*, *усвоенныхъ* (сознательно) *движеній* — въ *автоматическія*;

4) *ослабленіе и утрата чувственной окраски ощущеній* (зрительныхъ, слуховыхъ и др.);

5) *забвеніе „внутренней формы“ словъ*, т.-е. переходъ образныхъ (поэтическихъ) словъ въ безъ-образныя (прозаическія);

6) *передвиженіе грамматическихъ формъ изъ сферы сознанія за ея предѣлы;*

7) *превращеніе значеній грамматическихъ формъ въ фикціи;*

8) *убыль эмоціональной стороны языка и передвиженіе процессовъ рѣчи изъ сферы чувства въ сферу мысли, совершившееся уже въ глубокой древности.*

Этотъ списокъ можно было бы пополнить еще цѣлымъ рядомъ рубрикъ—въ особенности изъ сферы соціальной психологіи (изъ области явленій моральныхъ, религіозныхъ, правовыхъ), но это отвлекло бы насъ далеко за предѣлы нашей задачи.

Во всѣхъ явленіяхъ этого рода суть дѣла сводится *къ накопленію энергіи,—къ достиженію все бо̀льшихъ результатовъ при все увеличивающемся ея сбереженіи.* Эмоціи тратятъ меньше, чѣмъ эффекты, мысль—меньше, чѣмъ чувство, автоматическія движенія приводятъ къ полезному результату, затрачивая только физическую (мускульную) силу и не требуя психической (силы вниманія, размышленія, усвоенія), подсознательное переживаніе процессовъ мысли поглощаетъ, сравнительно съ сознательнымъ, лишь ничтожную долю энергіи и т. д.—Примѣняя это къ предицированію, мы скажемъ такъ:

На низшихъ ступеняхъ, *въ такъ-назыв. „психологическомъ сужденіи“* (у животныхъ), *предицированіе* еще очень близко стоитъ къ своему психическому прототипу, *волевому акту* (что̀ замѣтно и у дѣтей) и окрашивается чувствомъ, имѣя болѣе или менѣе яркое эмоціональное выраженіе.—*Въ языкѣ, въ грамматическомъ предложеніи*, оно уже дальше отошло отъ своего волевого прототипа и является чисто-умственнымъ актомъ, который нѣкогда сопровождалъ всѣ или почти всѣ процессы рѣчи; слово имѣло цѣнность лишь постольку, поскольку оно преди-

цировало (утверждало, отрицало, требовало, отказывало, призывало, устрашало, успокаивало и т. д.), и также поскольку оно служило выраженіемъ чувства. На раннихъ ступеняхъ развитія языкъ человѣческій характеризуется силою и, такъ сказать, обязательностью предицированія и яркостью эмоціональной стороны рѣчи. Для „отдѣльныхъ словъ“, которыя не предицируютъ и не выражаютъ чувствъ, а только *называютъ* представленія, распредѣляя ихъ по категоріямъ, въ „первобытномъ языкѣ“ нѣтъ мѣста. Они появляются на послѣдующихъ ступеняхъ развитія вмѣстѣ съ выработкою и раздѣленіемъ грамматическихъ категорій, главнымъ образомъ, благодаря утратѣ предицирующей силы словъ. Слово, освобождаясь отъ предложенія, гдѣ оно всегда пріурочено къ конкретному значенію и, такъ сказать, прикрѣплено къ мѣсту, пріобрѣтаетъ подвижность, способность обозначать и обобщать представленія и становится само по себѣ цѣнностью, превращаясь въ размѣнную и ходкую монету рѣчи-мысли. Это было крупнымъ шагомъ впередъ въ развитіи человѣческой мысли, необходимымъ прецедентомъ возникновенія логическихъ процессовъ, возвышающихся надъ языкомъ. Освобожденіе словъ отъ тяготы предицированія и эмоціональности, а потомъ оттѣсненіе грамматическихъ формъ въ подсознательную сферу—это были процессы сбереженія и освобожденія энергіи, которая и пошла на созданіе логической мысли.

И съ тѣхъ поръ человѣчество владѣетъ все растущимъ сокровищемъ „отдѣльныхъ словъ“, служащихъ живыми элементами или „единицами“ рѣчи-мысли.

Въ этой книгѣ я послѣдовательно примѣняю къ анализу актовъ грамматической мысли понятія *фиктивности* и *мнимости*. Этотъ методологическій пріемъ не встрѣтилъ сочувствія у большинства моихъ критиковъ. Нѣсколько словъ въ оправданіе пріема будутъ здѣсь нелишними.

Оставляя въ сторонѣ сферу чувства, гдѣ понятія фиктивности и мнимости находятъ себѣ широкое поле, я ограничусь указаніями на ихъ примѣнимость къ области мысли вообще, грамматической въ частности.

При изученіи процессовъ мысли необходимо принимать во вниманіе *отношеніе мыслящаго субъекта къ нимъ*, существенно вліяющее на ихъ психологическую природу. Такъ напр. понятія: „оборотень“, „домовой“, „вѣдьма“ у человѣка, который въ простотѣ души не сомнѣвается въ подлинности такихъ существъ, будутъ далеко не такими, какими эти понятія являются у человѣка, убѣжденнаго въ томъ, что этого рода существъ нѣтъ и не было. Но это не мѣшаетъ ему пользоваться этими словами и держать въ сознаніи соотвѣтственныя понятія— *какъ фикціи*. Превращеніе понятія въ фикцію существенно измѣняетъ его характеръ; понятіе становится, такъ сказать, болѣе гибкимъ, болѣе пластичнымъ, и нерѣдко ему открывается новое поприще—дальнѣйшаго развитія и приспособленія къ новымъ потребностямъ мысли. Такъ многія миѳологическія представленія, ставши фикціями, превратились въ символы, въ художественные образы и даже въ философскія и научныя понятія и термины.

Движеніе въ сторону все бо́льшей фиктивности приводитъ къ тому пункту, на которомъ *фиктивность* по-

нятія переходитъ въ *мнимость*. Дальнѣйшій шагъ — *устраненіе*—изъ практики или обихода мысли—понятія, превратившагося въ мнимую величину. На этотъ процессъ неоднократно указывалъ Потебня—въ предѣлахъ и за предѣлами грамматическаго мышленія. Такъ напр., изучая эволюцію прилагательныхъ изъ аттрибутивныхъ существительныхъ, онъ говорилъ, что тутъ „грамматическая субстанція“ становится сперва фикціею, а потомъ превращается въ мнимую величину, и наконецъ „субстанція, ставшая мнимою, устраняется“: изъ существительнаго возникаетъ прилагательное.

Въ грамматическомъ мышленіи (т.-е. въ живыхъ процессахъ рѣчи-мысли и въ ихъ эволюціи) фикціи и мнимыя величины играютъ огромную роль. Трудно найти такую грамматическую форму, которая, при тѣхъ или иныхъ условіяхъ, не могла бы оказаться фиктивною, и есть множество формъ всегда и завѣдомо фиктивныхъ, а также и мнимыхъ. Вспомнимъ фиктивность, мнимость и затѣмъ исчезновеніе *грамматическаго рода*, фиктивность и также мнимость *числа* въ pluralia tantum, мнимость подлежащаго въ страдательномъ оборотѣ, частую фиктивность залоговыхъ значеній, мнимость и устраненіе лексическаго значенія отвлеченной связки, фиктивность лексическаго значенія полуотвлеченныхъ и—нерѣдко—и конкретныхъ связокъ, мнимость лица глагола въ безсубъектныхъ предложеніяхъ, фиктивность грамматической субстанціи въ отвлеченныхъ существительныхъ и т. д. и т. д.

Введеніе понятій „фиктивности“ и „мнимости“ представляется мнѣ методологическимъ пріемомъ, облегчающимъ изученіе *эволюціи* грамматическаго мышленія.

Всякая фикція когда-то не была фикціею. Грамма-

тическія формы становились фиктивными постепенно, съ древнѣйшихъ временъ, и этотъ процессъ шелъ дальше— по мѣрѣ того, какъ мышленіе грамматическихъ формъ все болѣе оттѣснялось въ сферу подсознательную.

На древнѣйшихъ ступеняхъ развитія люди понимали грамматическія формы, какія у нихъ были, „буквально". То, что эти формы говорили, было дано въ сознаніи,— и тогда это еще и не были *формы въ собственномъ смыслѣ*,—это было выраженіе положительнаго знанія и вѣрованія. Грамматическія категоріи стали превращаться въ *формы* по мѣрѣ того, какъ возникали противорѣчія между „знаніемъ" (или „вѣрованіемъ") и тѣмъ, что говорило слово своимъ грамматическимъ обликомъ. Тогда этотъ обликъ становился фикціею и оттѣснялся „за порогъ" вниманія: онъ превращался въ *форму. Формальность въ языкѣ является какъ слѣдствіе фиктивности, прогрессируетъ съ развитіемъ этой послѣдней и достигаетъ крайняго предѣла, когда фиктивность переходитъ въ мнимость.*

Въ этомъ процессѣ самое главное, это—сбереженіе энергіи, какая нѣкогда тратилась на сознаваніе грамматическихъ формъ; сбереженная на этомъ пунктѣ энергія обратилась на разработку лексическихъ значеній словъ, т.-е. на расширеніе и углубленіе представленій и понятій, и на созданіе логическихъ нормъ мысли.

Толчкомъ, направившимъ мое вниманіе въ эту сторону, послужили мнѣ слѣдующія слова Потебни:

„Моменты вещественный [1]) и формальный различны для насъ не тогда, когда говоримъ, а лишь тогда, когда дѣлаемъ слово предметомъ наблюденія. На мышленіе грам-

[1]) Т.-е. лексическое значеніе слова.

матической формы, какъ бы она ни была многосложна, затрачиваемъ такъ мало новой силы, кромѣ той, какая нужна для мышленія лексическаго содержанія, что содержаніе это и грамматическая форма составляютъ какъ бы одинъ актъ мысли, а не два или болѣе, и живутъ въ сознаніи говорящаго, какъ недѣлимая единица. Говорить на формальномъ языкѣ, каковы арійскіе [2]), значитъ систематизировать свою мысль, распредѣляя ее по извѣстнымъ отдѣламъ. Эта первоначальная классификація образовъ и понятій, служащая основаніемъ позднѣйшей умышленной и критической, необходится намъ, при пользованіи формальнымъ языкомъ, почти ни во что. По этому свойству сберегать силу, арійскіе [2]) языки суть весьма совершенное орудіе умственнаго развитія: остатокъ силы, сбереженной словомъ, неизбѣжно находитъ себѣ другое примѣненіе, усиливая наше стремленіе возвыситься надъ ближайшимъ содержаніемъ слова. Нашъ ребенокъ, дошедшій до правильнаго употребленія грамматическихъ формъ, при всей скудости вещественнаго содержанія своей мысли, въ нѣкоторомъ отношеніи имѣетъ преимущество предъ философомъ, который пользуется однимъ изъ языковъ, менѣе удобныхъ для мысли". („Изъ зап. по русс. грамм. [2], I, 27).

Очень важны и слѣдующія за этимъ мѣстомъ соображенія о языкахъ, „въ коихъ подведеніе лексическаго содержанія подъ общія схемы, каковы предметъ и его пространственныя отношенія, дѣйствіе, время, лицо и пр., требуетъ каждый разъ новаго усилія мысли. *То, что мы представляемъ формою, въ нихъ является лишь содер-*

---

[2]) Т.-е. индоевропейскіе.

жаніемъ, такъ что грамматической формы они вовсе не-имѣютъ... [1])“ (стр. 28).

Въ заключеніе замѣчу, что утилизація понятій *фикцій* и *мнимыхъ величинъ* могла бы оказать большую услугу при изученіи явленій *соціально-психологическихъ*, напр. этическихъ и правовыхъ.

Сочувственно, хотя и съ нѣкоторой оговоркой, отнесся къ поднятому мною вопросу о фикціяхъ въ языкѣ проф. *Н. К. Грунскій*. Онъ говоритъ: „Совершенно правильно выдвигаетъ О.-К. значеніе тѣхъ формъ, которыя онъ называетъ фикціями въ языкѣ. Я только предпочелъ бы говорить скорѣе о формальности, не прибѣгая къ термину фиктивность...“ („Очерки“, т. II, стр. 106).

Предлагаемое (2-ое) изданіе этой книги отличается отъ перваго, кромѣ мелкихъ поправокъ, болѣе или менѣе существенными измѣненіями и добавленіями—въ слѣдующихъ мѣстахъ: на страницахъ 1-го изданія 11—15 (о грамм. родѣ), 15 (о числѣ), 77 (о дѣепричастьи), 105, 107 (о наст. врем.), 113 (прош. вр.), 172 (творит. предик. прилагательныхъ), 190 (безсубъект. формы, выраженныя инфинитивомъ). Кое-что изъ „Приложенія“ перенесено въ текстъ (стр. 1-го изд. 21, 34).—Прежнее „Приложеніе“ замѣнено новымъ—объ ошибкахъ въ нашихъ школьныхъ грамматикахъ.

Д. Овсянико-Куликовскій.

---

[1]) Курсивъ мой.

ВВЕДЕНІЕ.

Синтаксисъ есть часть грамматики, занимающаяся изученіемъ употребленія (утилизаціи) словъ и ихъ сочетаній въ процессахъ рѣчи-мысли.

Въ нашей умственной жизни и дѣятельности наибольшая и важнѣйшая часть процессовъ рѣчи-мысли принимаетъ форму *предложенія*. Поэтому, въ синтаксисѣ на первомъ планѣ стоитъ *ученіе о предложеніи и его частяхъ и о выраженіи послѣднихъ частями рѣчи*.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію этого ученія, необходимо установить *основныя синтактическія понятія*. Это именно:

1) *Понятіе о синтактическомъ употребленіи словъ вообще* или о такъ называемой синтактической формѣ;

2) *Понятіе о двухъ способахъ сочетанія словъ:* о согласованіи и объ управленіи.

3) Понятіе о томъ основномъ процессѣ нашего грамматическаго мышленія, который извѣстенъ подъ именемъ предицированія (сказуемости).

1.

Что такое синтактическое употребленіе словъ или синтактическая форма?

Всякому ясно, что, еслибы онъ не владѣлъ „синтактическимъ употребленіемъ словъ“, то онъ не могъ бы ни гово-

рить, ни мыслить и былъ бы неспособенъ къ умственному развитію. Чтобы пользоваться языкомъ, со всѣми благами его, необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи не только слова, но и способы ихъ употребленія въ рѣчи, процессы ихъ сочетанія, ихъ упорядоченія. Мы овладѣваемъ этими процессами съ дѣтства: они возникаютъ и развиваются въ нашемъ умѣ по мѣрѣ того, какъ мы учимся говорить. Научиться говорить и мыслить на извѣстномъ языкѣ значитъ усвоить себѣ не только слова и грамматическія формы этого языка, но и процессы ихъ синтактическаго употребленія, и при томъ такъ, чтобы возможно было пользоваться ими легко, свободно, *безсознательно.* Такъ напр., говоря и мысля на родномъ языкѣ (или хотя бы и не родномъ, но хорошо усвоенномъ), мы производимъ сочетанія словъ моментально, не задумываясь, не слѣдя за *этою умственною работою, не сознавая ея;* мы сосредоточиваемъ вниманіе на другомъ: на *содержаніи* рѣчи-мысли; мы направляемъ умственныя усилія на то, *что* мы хотимъ сказать, на *смыслъ* и *цѣль* рѣчи, а вовсе не на то, какую употребить форму, какъ сочетать одно слово съ другимъ. Напр., говоря: „эта картина мнѣ очень понравилась“, я не держу въ сознаніи того, что слово „картина“ употреблено какъ подлежащее, что оно—женскаго рода един. числа, а слѣдов. слово „эта“ должно быть взято также въ жен. родѣ и един. числѣ, и что глаголъ „понравилась“ долженъ согласоваться съ подлежащимъ въ числѣ и въ родѣ и т. д. Все это проявляется въ нашемъ сознаніи только тогда, когда мы производимъ грамматическій разборъ фразы, когда мы дѣлаемъ ея грамматическое строеніе предметомъ наблюденія,— и тутъ-то и обнаруживается, что синтактическое сочетаніе и упорядоченіе словъ есть *умственная работа,* и при томъ довольно—сложная. Но въ самомъ актѣ рѣчи-мысли эта работа протекаетъ у насъ *безсознательно, точно слова сами собою принимаютъ должную синтактическую постановку и продѣлываютъ всѣ необходимыя въ данномъ случаѣ сочетанія.*

Прежде чѣмъ пойдемъ дальше, необходимо припомнить здѣсь слѣдующія *положенія изъ психологіи мышленія:*

1) Наша мысль *активна*, а не *пассивна:* все, что происходитъ въ умѣ, есть *дѣятельность, работа ума*, хотя бы мы и не замѣчали ея.

2) Работа ума совершается двояко: *сознательно* и *безсознательно;* оттуда воззрѣніе на мышленіе какъ сферу, распадающуюся на двѣ части: на *„сферу безсознательную“* и *сознаніе*. Въ первой сохраняется огромный запасъ образовъ, понятій, идей, знаній всякаго рода, усвоенныхъ нами съ дѣтства. Сохраненіе всего этого въ безсознательной сферѣ и есть то, что̀ называется *памятью*.

3) Матеріалъ, сохраняемый въ памяти, отнюдь не представляетъ безпорядочной, хаотической массы: онъ упорядоченъ, согласованъ и распредѣленъ по отдѣламъ или рубрикамъ. Этими отдѣлами или рубриками служатъ прежде всего *грамматическія категоріи*, каковы *грамматическое понятіе вещи* („имя существительное“), *грамматическое понятіе признака* („имя прилагательное“) и т. д., о чемъ у насъ будетъ рѣчь въ главѣ I, §§ 2 и 3. Весь матеріалъ представленій, образовъ, понятій, пріобрѣтаемыхъ нами въ теченіе нашей жизни и въ мѣру нашего умственнаго развитія, распредѣляется по этимъ рубрикамъ, которыя являются *необходимыми формами нашего мышленія*. Соединеніе какого-либо представленія или понятія (напр. *„дома“*, *„человѣка“*, или представленія *„высокаго“*, *„добраго“*, или же представленія *„ходить“*, *„говорить“* и т. д.) съ извѣстною грамматическою формою (первыхъ—съ формою существительнаго, вторыхъ — прилагательнаго, третьихъ — глагола) осуществляется въ *словѣ*. Эти представленія или понятія, въ ихъ отношеніи къ грамматической формѣ, должны быть понимаемы, какъ *содержаніе* послѣдней, находящее въ ней свое упорядоченіе и истолкованіе. Такой процессъ мысли, состоящій въ томъ, что одно представленіе или понятіе (напр. *„дома“*) подводится подъ другое, болѣе общее (понятіе *„вещи“*), въ которомъ находитъ свое упорядоченіе, называется *апперцепціею*. Процессы апперцепціи весьма многочисленны и разнообразны. Мы здѣсь выдѣляемъ изъ нихъ тѣ, которые совершаются *въ языкѣ* и являются *грамматическими*, отличаясь

отъ другихъ, напр. чисто-психологическихъ и логическихъ. *Слово* можно опредѣлить какъ *актъ апперцепціи извѣстнаго содержанія* (представленія, понятія и т. д.) *грамматическою категоріею.*

4) Между *сознаніемъ* и *сферою безсознательною* происходитъ постоянное общеніе. Эти два вида умственной работы находятся въ отношеніяхъ взаимодѣйствія и обмѣна. Все, что̀ попадаетъ въ сознаніе, сейчасъ же отражается и въ безсознательной сферѣ, находя тамъ родственные или сходные элементы, или же звенья той же цѣпи представленій, къ которой принадлежитъ элементъ, находящійся въ сознаніи. Ботаникъ, найдя новую, дотолѣ совершенно—неизвѣстную разновидность растенія, сейчасъ же вспоминаетъ другія, извѣстныя ему, разновидности, представляющія наиболѣе сходства съ вновь найденною, и пріурочиваетъ къ нимъ эту послѣднюю. Онъ ее объяснилъ себѣ *ими,* или иначе говоря, онъ ее *апперципировалъ* ими, т.-е. *понятіемъ* о нихъ, находившимся у него въ безсознательной сферѣ и теперь перешедшимъ въ сознаніе. Это—какъ бы отвѣтъ, данный безсознательною сферою на вопросъ, поставленный въ сознаніи. Здѣсь характерно и важно то, что самый отвѣтъ, идущій изъ сферы безсознательной, переносится въ сознаніе. Вотъ именно этой-то черты и нѣтъ въ грамматической апперцепціи: представленіе или понятіе „дома“ апперципируется грамматической категоріею существительнаго въ сферѣ безсознательной. Поэтому, данное выше опредѣленіе *слова* должно быть дополнено указаніемъ на эту особенность—и, съ этимъ дополненіемъ, будетъ гласить такъ: слово есть актъ безсознательной апперцепціи грамматическою категоріею извѣстнаго содержанія (представленія, понятія и т. д.), даннаго въ сознаніи.

5) То, что находится въ сознаніи, сознается (освѣщается сознаніемъ) различно, то съ большею, то съ меньшею ясностью. Поэтому, принято различать такъ называемую *„свѣтлую точку“* сознанія—съ одной стороны и другія „области“ сознанія—съ другой, которыя, постепенно удаляясь отъ „свѣт-

лой точки", приближаются къ сферѣ безсознательной. По мѣрѣ постепеннаго удаленія отъ свѣтлой точки яркость сознаваемыхъ процессовъ все уменьшается. На извѣстномъ пунктѣ сознательная работа совсѣмъ прекращается. Этотъ пунктъ или эта граница, отдѣляющая одну „сферу" отъ другой, называется *„порогомъ сознанія"*. Кромѣ этого „порога" есть еще другой, отдѣляющій „свѣтлую точку" сознанія отъ другихъ „областей" его, находящихся между „свѣтлой точкою" и сферою безсознательною. Этотъ второй „порогъ" можетъ быть названъ *„порогомъ вниманія"*: процессы, совершающіеся въ свѣтлой точкѣ сознанія, отличаются тѣмъ напряженіемъ работы, тою сосредоточенностью мысли, которыя извѣстны подъ именемъ *вниманія*. Къ числу процессовъ, протекающихъ *за порогомъ вниманія*, т.-е. въ областяхъ, граничащихъ съ сферою безсознательною, относится одна важная составная часть слова, о которой мы еще не говорили, именно его *звуковая (фонетическая) форма*. Въ актѣ рѣчи-мысли, въ особенности предназначенной для передачи другому, звуки словъ, какъ у говорящаго, такъ еще болѣе у слушающаго, воспринимаются этою промежуточною, полусознательною сферою, между порогомъ вниманія и порогомъ сознанія. Когда мы говоримъ, мы не сосредоточиваемъ нашего вниманія на *звукахъ словъ;* къ этому пункту вниманіе привлекается въ томъ случаѣ, когда сдѣлана ошибка въ произношеніи или удареніи, или тогда, когда мы учимся чужому языку и должны заучивать, должны сознательно усвоивать себѣ особенности произношенія и ударенія, свойственныя этому языку. При нормальномъ функціонированіи рѣчи, мы, не сосредоточивая вниманія на звукахъ словъ, однако сознаемъ ихъ: иначе не возможна была бы передача рѣчи-мысли, общеніе между людьми силою языка.—Отсюда получается слѣдующее второе дополненіе даннаго нами опредѣленія слова: слово есть ассоціація содержанія (представленія, понятія и т. д.), даннаго въ свѣтлой точкѣ сознанія, съ звуковымъ комплексомъ, отражающимся между двумя порогами, и съ грамматическою формою,

которая, пребывая въ сферѣ безсознательной, апперципируетъ содержаніе извѣстною грамматическою категоріею (существительнымъ, глаголомъ и т. д.).

6) Одновременно съ работою сознательною, требущею сосредоточенія вниманія на извѣстномъ предметѣ, могутъ совершаться въ сферѣ безсознательной не только тѣ акты грамматической апперцепціи, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, но и другіе, болѣе сложные, процессы рѣчи-мысли (а также и процессы мысли, возвышающейся надъ языкомъ,— акты умственнаго творчества, научнаго и художественнаго). Процессы рѣчи-мысли, которые мы здѣсь имѣемъ въ виду, это—*синтактическое употребленіе словъ, превращеніе грамматическихъ формъ въ синтактическія, претвореніе слова въ синтактическую величину вообще, въ часть предложенія въ частности.*—Эта работа, совершающаяся безо всякихъ усилій, безъ сосредоточенія вниманія, занятаго другимъ дѣломъ, есть *работа автоматическая* и, какъ таковая, обходится намъ даромъ; она не требуетъ траты умственной силы, слѣдовательно сберегаетъ эту силу (такъ-же, какъ и работа грамматической—безсознательной—апперцепціи, о которой мы говорили выше). Напротивъ, работа сознанія тратитъ силу: извѣстно, какъ утомляетъ долгое вниманіе, обращенное на какой-либо предметъ. Въ актѣ рѣчи-мысли вниманіе обращено на ея содержаніе, ея смыслъ и цѣль. Въ отношеніи къ этому содержанію и смыслу рѣчи-мысли акты превращенія словъ въ синтактическіе моменты являются процессами *формальными*. Употребляя слова для осуществленія рѣчи-мысли, мы ихъ превращаемъ въ *синтактическія формы*.

7) Въ сознаніи весьма часто проявляется конечный результатъ автоматической работы, протекающей въ сферѣ безсознательной, и тогда мы замѣчаемъ эту работу; если при этомъ сознаніе уловитъ ея ходъ, ея характеръ и, такъ сказать, отдастъ себѣ отчетъ въ этой какъ-бы ревизіи ея, то получается особое—и весьма важное—умственное явленіе, извѣстное подъ именемъ *рефлексіи*. Сейчасъ мы встрѣтимся съ нимъ въ области грамматической.

Работа синтактическаго упорядоченія словъ, совершающаяся въ безсознательной сферѣ, надо думать, не проникаетъ въ глубь ея, а держится (если можно такъ выразиться) на ея поверхности: слова превращаются въ синтактическія величины *у порога сознанія*. Это видно изъ того, что сознанію не трудно направить на эту синтактическую дѣятельность долю вниманія. Стоитъ напр. сдѣлать нечаянно ошибку въ сочетаніи словъ, и сознаніе сейчасъ же замѣчаетъ это. Тогда данный процессъ перестаетъ быть автоматическимъ и безсознательнымъ и становится въ большей или меньшей мѣрѣ сознательнымъ. Если бы онъ совершался въ глубинѣ безсознательной сферы, то общеніе и взаимодѣйствіе между двумя сферами было бы для синтактическаго мышленія далеко не столь легкимъ. Помимо невольныхъ ошибокъ, можно и произвольно, нарочито направить вниманіе на эту—синтактическую—работу мысли и держать въ свѣтлой точкѣ сознанія не только содержаніе фразы, но и ея синтактическія формы, способы употребленія и сочетанія словъ въ ней. Тогда въ сознаніи совершается та „ревизія“, о которой мы говорили выше, и дается какъ бы „отчетъ“ о ходѣ и характерѣ синтактической работы ума. Это значитъ—пробудилась *рефлексія* въ отношеніи къ этой работѣ. Школьный, традиціонный синтаксисъ, которому мы учимся въ дѣтствѣ и юности, есть не что иное, какъ искусственное, совершаемое при помощи учебника и при содѣйствіи учителя, пробужденіе въ нашемъ умѣ рефлексіи въ отношеніи къ синтактической работѣ нашей собственной мысли.

Все изложенное даетъ намъ слѣдующій отвѣтъ на выше поставленный вопросъ:

Синтактическое употребленіе словъ или такъ называемыя синтактическія формы, это—особая работа мысли, совершающаяся автоматически въ безсознательной сферѣ недалеко отъ порога сознанія, направленная на грамматическія формы словъ и безусловно необходимая для того, чтобы то, что дано въ сознаніи, могло превратиться въ актъ рѣчи-мысли.

Нѣсколько замѣчаній объ отношеніи *синтактической* формы къ *грамматической* (часто называемой *этимологической*) будутъ здѣсь нелишними.

Если *слово* взято внѣ рѣчи-мысли (напр. въ словарѣ), то оно не имѣетъ *синтактической формы*. Но это не отнимаетъ у него *грамматической формы*, ему присущей. Слово, по природѣ своей лишенное грамматической формы (таковы *междометія*), получаетъ однако, участвуя въ актѣ рѣчи-мысли, извѣстную синтактическую форму. Вообще, основной признакъ синтактической формы и условіе, необходимое для ея осуществленія, это — *участіе слова въ актѣ рѣчи-мысли*. Этотъ актъ можетъ либо вылиться въ форму предложенія, либо не вылиться. Какъ на обращикъ актовъ рѣчи-мысли, не образующихъ предложенія, укажу на такія *заглавія* (книгъ, статей, главъ и т. д.), какъ, напр., „Похожденія Чичикова или Мертвыя Души, поэма Н. В. Гоголя“, „Дворянское Гнѣздо, романъ въ XLV главахъ, съ эпилогомъ“, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ — С. М. Соловьева“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Мѣдный Всадникъ“ и т. д. Все это несомнѣнные акты рѣчи-мысли, имѣющіе свой смыслъ и свою цѣль; но предложеній они не составляютъ. Слова, въ нихъ употребленныя, несомнѣнно имѣютъ синтактическія формы, вмѣстѣ съ соотвѣтственными грамматическими.

Грамматическія формы характеризуются особыми суффиксами и окончаніями, по которымъ ихъ можно отличать одну отъ другой и распознавать внѣ фразы. Но въ прогрессирующихъ языкахъ ярко сказывается стремленіе устранять суффиксы и окончанія, въ силу чего многія слова являются лишенными этихъ внѣшнихъ знаковъ грамматическихъ формъ. Значитъ ли это, что въ такихъ словахъ совсѣмъ нѣтъ этихъ формъ? Онѣ есть, но только онѣ поставлены въ зависимость отъ формъ синтактическихъ. Слово узнается какъ существительное, прилагательное, глаголъ по контексту рѣчи, по его роли во фразѣ, предложеніи. Но разъ оно узнается въ этомъ смыслѣ, т.-е. опредѣляется (апперципируется) какъ существительное, прилагательное, глаголъ и т. д., то, значитъ, эти

грамматическія категоріи существуютъ въ умѣ говорящихъ, а, стало быть, существуютъ грамматическія формы словъ.

2.

Что такое „согласованіе“ и „управленіе“?

Чтобы изъ данныхъ словъ могло образоваться синтактическое сочетаніе, т.-е. синтактическая форма, — эти слова должны быть *упорядочены*. *Упорядоченіе (организація)* словъ есть умственная работа, зачастую весьма сложная. Характеръ или ходъ этой умственной работы сводится къ установленію *внутреннихъ соотношеній* между двумя или болѣе *грамматическими* величинами, въ результатѣ чего возникаетъ *величина синтактическая*, т.-е. участвующая въ актѣ рѣчи-мысли. Эти внутреннія соотношенія могутъ быть подведены подъ понятіе различныхъ видовъ и степеней *зависимости* одного слова отъ другого, начиная отъ полной зависимости, въ смыслѣ *подчиненія*, и кончая зависимостью чисто-внѣшнею, формальною, подъ которою скрывается уже иное соотношеніе.

Прежде всего нужно различать *два основныхъ вида зависимости:* во-первыхъ, когда слово зависимое принимаетъ форму того слова, отъ котораго оно зависитъ, какъ бы „подражаетъ“ ему (*добрый* человѣкъ, *добраго* человѣка, *доброму* человѣку и т. д.), и во-вторыхъ, когда слово зависимое не принимаетъ и не можетъ принять формы того слова, отъ котораго оно зависитъ, но это послѣднее требуетъ, чтобы слово, отъ него зависящее, было употреблено въ извѣстной формѣ (такъ „читаю“ требуетъ, чтобы зависящее отъ него слово „книга“ было употреблено въ формѣ „книгу“). Первый видъ зависимости есть согласованіе, второй—управленіе.

Ознакомимся ближе съ характеромъ этихъ умственныхъ синтактическихъ актовъ.

Согласованіе. Различаются слѣдующія разновидности согласованія: 1) *полное подчиненіе* одного слова другому, напр. опредѣленія—прилагательнаго опредѣляемому—существитель-

ному: *добрый* человѣкъ, *высокаго* дома, *полезную* книгу и т. д.; 2) *неполное подчиненіе*, переходящее въ отношеніе *параллелизма*, — таково отношеніе приложенія-существительнаго къ опредѣляемому: „Лермонтовъ, *слава* и *надежда* русской литературы, погибъ во цвѣтѣ лѣтъ"; *женщина-врачъ;* 3) *согласованіе безъ оттѣнка подчиненія, зависимость чисто-формальная:* это именно согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ.

Разсмотримъ всѣ три случая въ отдѣльности.

Полное подчиненіе это — согласованіе *въ родѣ, числѣ и падежѣ*, сопряженное съ *умственнымъ ощущеніемъ подлинной, несомнѣнной зависимости* одного слова отъ другого. Такое умственное ощущеніе неизбѣжно возникаетъ въ насъ, когда мы напр. относимъ прилагательное или мѣстоименіе, въ качествѣ опредѣленія, къ существительному (*добрый* человѣкъ, *высокій* домъ, *ваша* книга, *мои* вещи, *такой* вопросъ и т. д.). Поскольку это *ощущеніе* связано съ внѣшнею, звуковою формою (*добрый человѣкъ, добраго человѣка, доброму человѣку* и т. д.), которая, какъ мы знаемъ, проявляется въ „области" между „двумя порогами", постольку оно также должно быть пріурочено къ этой — *полусознательной* — сферѣ. Но не слѣдуетъ думать, что здѣсь же совершается и самый процессъ согласованія: послѣдній совсѣмъ безсознателенъ, — онъ протекаетъ по ту сторону „порога сознанія", а то ощущеніе, о которомъ идетъ рѣчь,—только спутникъ его, только его отголосокъ въ сосѣдней—полусознательной—области. Оно же вмѣстѣ съ звуковою формою и служитъ какъ бы посредникомъ или проводникомъ *рефлексіи* въ отношеніи къ синтактическимъ актамъ согласованія.

Здѣсь необходимо остановиться на грамматическихъ понятіяхъ *рода* и *числа* (о понятіи *падежа* мы поведемъ рѣчь нѣсколько ниже, когда будемъ говорить объ *управленіи*).

Грамматическій родъ, это — такая принадлежность существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименій, числительныхъ, причастій и прошедшаго времени (на—*лъ, ла, ло,* возникшаго, какъ извѣстно, изъ причастья), въ силу которой данныя слова распредѣляются по тремъ разрядамъ: одни *(домъ, высокій,*

этотъ, одинъ, милліонъ, первый, находящійся, любимый, сказалъ) представляются какъ *мужескія, другія (скала, высокая, эта, одна, тысяча, первая, находящаяся, любимая, сказала)*— какъ *женскія*, третьи *(поле, высокое, это, первое, находящееся, любимое, сказало)*—какъ *среднія*. Передъ нами—*особая, чисто-грамматическая, классификація именныхъ категорій языка.*

Эта классификація возникла въ глубокой древности, — и ея происхожденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея первоначальное значеніе все еще остаются темными, несмотря на то, что надъ рѣшеніемъ этого вопроса трудились первостепенные умы [1]). — Здѣсь намъ нѣтъ надобности входить въ его разсмотрѣніе. Вмѣсто этого, мы займемся другимъ: обратимъ вниманіе на тѣ признаки, по которымъ можно составить себѣ понятіе объ исторической судьбѣ этой категоріи: въ какомъ направленіи она движется, и что̀ ожидаетъ ее въ будущемъ.

Если отъ современныхъ передовыхъ языковъ обратимся къ ихъ прошлому и къ старымъ языкамъ, то легко замѣтимъ, что эта категорія идетъ на убыль.

Въ старину родовые суффиксы и окончанія имѣли гораздо больше значенія, чѣмъ имѣютъ нынѣ; они ярче проявлялись въ мышленіи и были, такъ сказать, требовательнѣе, настойчивѣе. Это видно, между прочимъ, изъ того, что существительныя, обозначавшія существа мужескаго пола, но имѣвшія окончанія женскаго рода, относились къ женскому роду, а не къ мужескому, куда, въ угоду смыслу и вопреки грамматической формѣ, мы относимъ ихъ нынѣ. Это видно изъ согласованія опредѣленія — прилагательнаго и мѣстоименія, а также и сказуемаго-глагола (въ прош. вр.) съ такими существительными. Мы согласуемъ: *красивый мущина, сельскій староста, городской голова, храбрый воевода,* городской *голова сказалъ...*, *судья постановилъ...*, *слуга ушелъ*... Въ противоположность этому, въ старину было употребительно другое согласованіе—*въ женскомъ родѣ*, напр.: *старѣйшинамъ галилейскамъ* (въ жен. р.; такъ въ Остром. ев. и въ Зограф., Маркъ,

[1]) Як. Гриммъ, В. Гумбольдтъ, Штейнталь, Поттъ, Миклошичъ, Потебня, Бругманнъ и др.

VI, 22)—τοῖς πρώτοις τῆς Γαλιλαίας, *воєводамъ божиꙗмъ* (супрасл. рукоп.—ducibus divinis), *избъраныꙗ слоугы* (въ муж. р. было бы: избъраніи; тамъ-же — electi servi), *дъвѣ воєводѣ* — duo duces, *ближикы моꙗ*—οἱ πλησίον μου [1]); убиша *дъвѣ воєводѣ*, а третьяго руками яша (Пск. л. 1217) [2]). Это архаическое согласованіе нерѣдко встрѣчается въ нашей народной поэзіи, какъ остатокъ старины: *дѣтина, дѣтинушка пріѣзжая* (въ былинахъ; примѣръ взятъ у Миклошича, Syntax, 22—23), *судья страховитая, уѣхала судья неправосудная* („Причит. Сѣв. Края“).

Переходъ отъ этого согласованія къ современному означаетъ, что грамматическій родъ пошелъ на убыль, что его формальные признаки (окончанія, суффиксы) потеряли былую яркость и силу и уже не могутъ, такъ сказать, соперничать съ требованіями смысла слова и съ логикою.

Другой симптомъ того же процесса, это — затемнѣніе и исчезновеніе грамматическаго рода числительныхъ-количественныхъ. Такъ, числительныя *пять, шесть, семь, восемь, девять, десять* и сложныя *двадцать, тридцать* и т. д., формально принадлежащія къ разряду существительныхъ женскаго рода (склоняются какъ *честь, месть* и т. д.), уже почти потеряли признакъ рода: мы не скажемъ, напр., „одна десять“, „другая десять“, въ смыслѣ „одинъ десятокъ“, „другой десятокъ“. Но въ старину такъ именно и говорили. Вотъ примѣры изъ церковно-слав.: принесе дрⷭгѫѭ 5 талан'тъ... се дрⷭгѫѭ 5 талан'тъ пріобрѣтохъ ими (Матѳ. XXV, 20—въ Маріин. и Зограф. Ев.), і пріимъ *седмь тѫ* хлѣбъ — καὶ λαβὼν τοὺς ἑπτὰ ἄρτους (Зограф. Ев., Маркъ, VIII, 6).

„*Сто*“ формально принадлежитъ къ именамъ средняго рода, но эта принадлежность уже не сознается: мы не говоримъ: „одно сто“; а въ числит. *двѣсти* (первоначально двойст. число *средн. рода: дъвѣ—сть*, какъ *дъвѣ селѣ, дъвѣ окнѣ*) неправильное „*и*“ на концѣ (вм. правильнаго „*ъ*“) свидѣтельствуетъ не только о забвеніи категоріи двойств. числа, но

[1]) Эти примѣры, кромѣ изъ Зограф. ев., взяты у *Миклошича* (Syntax, 22—23).

[2]) Примѣръ взятъ у Потебни („Изъ зап., т. II (ч. III), 618).

отчасти и объ исчезновеніи средняго рода числительнаго „сто“.

Въ отношеніи грамм. рода прямую противоположность этимъ числительнымъ образуютъ слова *„сотня“*, *„десятокъ“*, *„дюжина“*, *„пара“*, *„тысяча“*, которыя сохраняютъ признаки грамм. рода и роднятся съ *существ.—знаменательными*.

Два, *двѣ*, благодаря различенію муж. и сред. р. съ одной стороны *(два)* и женскаго—съ другой *(двѣ)*, еще сохраняютъ тѣнь грамм. рода. За то *три*, *четыре*, *сорокъ* потеряли и эту тѣнь. Въ нихъ нѣтъ совсѣмъ признаковъ грамм. рода.

Милльонъ, *билльонъ* и т. д. сохраняютъ родъ и примыкаютъ въ этомъ отношеніи къ существ.-знаменательнымъ.

Къ числу симптомовъ разсматриваемаго процесса (убыли категоріи грамм. рода) слѣдуетъ отнести еще: 1) *исчезновеніе средняго рода* въ нѣкоторыхъ языкахъ (именно въ романскихъ, въ кельтскомъ, литовско-латышскомъ) и замѣну нѣкоторыхъ формъ средн. рода формами мужескаго въ языкахъ, гдѣ средній родъ еще сохраняется (такъ это, напр., у насъ: *яблоки*, *вѝны* (вм. *вѝна*), „яблокъ садовой“ [1]), возможность формы „облакъ“ (вм. *облако*, напр. у Тютчева); 2) неразличеніе (т.-е. исчезновеніе) грамм. рода (не только средняго, но и муж. и жен. въ существ. и прилаг.) въ англійскомъ и новоперсидскомъ; 3) *усиленіе фиктивности грамм. рода* — до степени абсурда, откуда уже недалеко до превращенія грамм. рода въ величину *мнимую*, въ пустую форму, подлежащую—въ будущемъ—упраздненію. Сюда мы отнесемъ, напр., средній родъ нѣмецкихъ *das Weib* (женщина), *das Madchen* (дѣвушка), муж. родъ словинскаго (хорутанскаго) *deklič* — дѣвица, употребленіе слова *„супругъ“* въ см. „жена“ и слова *„хотъ“* (ж. р., собст. *жена*)—въ см. „мужъ“ и т. п. (см. у *Миклошича*, Syntax, 21, откуда и взяты эти послѣднія указанія); 4) рѣдкость и явную архаичность парныхъ существительныхъ (одно—муж. р., другое—жен.), выражавшихъ нѣкогда въ связи съ родовымъ различіемъ, соотвѣтственные оттѣнки значенія;

---

[1]) Эти примѣры взяты у Потебни („Изъ зап.“, т. II (ч. III), стр. 574).

таковы: *духъ* и *душа*, лат. *animus* и *anima;* первоначально это были образованія того же типа, какъ столь распространенныя въ старыхъ языкахъ парныя формы: лат. *filius* и *filia*, *equus* и *equa*, греч. θεός и θεά, санскр. açva-*s* (конь) и açvā (кобыла), *deva-s* (богъ) и *devī* (богиня), наши *супругъ* и *супруга*, *кургъ* и *кура*, и др. Эти пары, какъ и ихъ остатки въ новыхъ языкахъ (фр. fils и fille и др.), впервые возникли еще въ ту эпоху, когда весьма многія существительныя имѣли *атрибутивный характеръ* и могли поэтому измѣняться по родамъ.

Грамматическая категорія *числа* не столь формальна, какъ категорія рода. Окончанія, обозначающія число, имѣютъ свой положительный смыслъ, служа для различенія представленій объ *одномъ* предметѣ, признакѣ, дѣйствіи *(домъ, высокій, говоритъ)* и—*о многихъ* (двухъ и болѣе; *дома, высокіе, говорятъ*). Въ старомъ русскомъ, какъ и въ церк.-славянскомъ, кромѣ формъ единственнаго и множественнаго числа, была еще форма двойственнаго — для обозначенія двухъ предметовъ, признаковъ, дѣйствій (им. — вин. *человѣка*, дат. — твор. *человѣкома*, род.—мѣстн. *человѣку;* въ глаголѣ: 1 л. *несевѣ*, *несоховѣ*, 2 и 3 л.: *несета, несоста).*

Остаткомъ формъ двойственнаго числа въ современномъ русскомъ признаются, какъ извѣстно, формы именъ существ. муж. р. съ окончаніемъ *а* въ сочетаніяхъ съ числительными *два, оба* (которыя сами по себѣ являются остатками двойственнаго), *три, четыре,* напр. *два стола, оба брата, три человѣка, четыре дома.* Это, дѣйствительно, и была нѣкогда форма именит. и винит. пад. двойств. числа. Она совпадала по окончанію съ формою родит. единств. И поэтому, когда двойств. число вышло изъ употребленія, эти выраженія (*два стола* и пр.) были истолкованы грамматическимъ чутьемъ какъ сочетанія числительнаго съ родительнымъ падежомъ существительнаго: отъ оборота „пять столовъ", „шесть домовъ" и т. д. эти формы отличались только тѣмъ, что въ нихъ требовался родительный *единств.* (а не множеств.). О такомъ истолкованіи или пониманіи данныхъ формъ свидѣтельствуютъ соотвѣтственныя сочетанія съ именами сущ. женскаго и средн.

рода: *двѣ* (старая форма двойств. ч.) *страны, три вороны, четыре окна, два села.* Ибо это уже—не формы двойств., перетолкованныя какъ родит. ед., а настоящій родительный ед.: форма им.-вин. двойств. имѣла въ твердомъ склоненіи существительныхъ женскаго и средняго рода другое окончаніе—*ь (двѣ жены, двѣ семьи).* — Что и форма муж. р., какъ *два стола, два года* и т. д. уже въ XVI-мъ вѣкѣ понималась какъ сочетаніе *съ родит. п. ед.*, видно напр. изъ выраженія одной грамоты 1543 года: „тому два *году*“ (*Лихачевъ*, „Сборникъ актовъ“, стр. 206). Въ этихъ актахъ родительный на—*у*—форма нерѣдкая (напр. *отъ роду* 70 лѣтъ [грамота 1502 г.], з боярсково *докладу* [духовная 1560], *з году* на годъ [духов. 1551—2 гг.] и др.) [1]).

Итакъ, форма „два стола“, какъ и „два села“, „двѣ страны“, уже давно ощущается какъ сочетаніе числительнаго съ родит. падежомъ существительнаго. Тѣмъ не менѣе есть нѣкоторая разница между оборотомъ напр. „два стола“, „три дома“, „три женщины“ и т. д. съ одной стороны и оборотомъ съ родительнымъ принадлежности и родительнымъ раздѣлительнымъ (напр. „ножка стола“, „крыша дома“, „кусокъ ветчины“, „жители города“ и т. д.)—съ другой.

Различіе, между прочимъ, состоитъ въ томъ, что форма род. *един.* числа замѣтно получаетъ значеніе род. множественнаго, что̀ видно изъ согласованія: два *хорошихъ* стола и т. п., а значеніе *родит. пад.* затемняется въ согласованіи: два *хорошіе* стола.

Въ современномъ русскомъ есть не мало существительныхъ, употребляющихся *только въ формѣ множественнаго числа.*

Они дѣлятся на слѣдующіе важнѣйшіе разряды:

1) Существительныя, не имѣющія формы единственнаго, но сохраняющія его идею; въ нихъ форма множественнаго числа служитъ для выраженія обоихъ чиселъ; таковы: *сани, ножницы, щипцы, вилы, дрожжи, сутки.*

---

[1]) См. также: *А. А. Шахматовъ*, „Изслѣдованіе о двинскихъ грамотахъ XV в.“ (1903 г.), стр. 126 и сл.

Говорится: „мои ножницы“, „ваши сани“ — въ значеніи, какъ един., такъ и множеств. числа, и „пять ножницъ“, „много саней“ (знач. множ. числа).

2) Существительныя, обозначающія предметы *парныс*, употребляются въ формѣ множ. числа, которая одинаково служитъ для выраженія, какъ единств. числа (одна пара), такъ и множ. (много паръ); для обозначенія же одной изъ составныхъ частей пары (ея половины) служитъ *форма единств. числа;* таковы: *носки* (т.-е. пара, но—одинъ *носокъ*), *чулки (чулокъ), портки (портокъ), ноздри (ноздря), губы (губа), брови (бровь).*

3) Извѣстныя существительныя, означающія *дѣлимое вещество* или *массу, состоящую изъ частей,* употребляются только въ формѣ множеств числа, въ которой чувствуется значеніе *собирательности;* таковы: *сливки, дрожжи, квасцы, отруби, щи; помои, поддонки; дрова; чернила, бѣлила.*

4) Существительныя *сумерки, потемки, именины, крестины* и др.

Въ первыхъ двухъ разрядахъ вполнѣ возможны оба числа, но только для нихъ имѣется одна форма (множ.); поскольку она служитъ для един. числа, она можетъ быть названа „мнимымъ множественнымъ“. Въ разрядахъ же 3-мъ и 4-мъ неупотребительно множ. число въ собств. смыслѣ,—здѣсь нѣтъ ясно выраженной идеи множественности: она тонетъ въ идеѣ собирательности, отчетливо выступающей въ большинствѣ словъ, сюда относящихся (какъ *сливки, дрожжи* и т. д., *сумерки, потемки;* не столь ясна собирательность въ словахъ *именины, крестины* и т. п.).

Въ нѣкоторыхъ словахъ форма множественнаго числа употребляется не столько для выраженія множественности, сколько для внесенія особаго оттѣнка — усиленія, большей выразительности, а также и оттѣнка собирательности. Такъ, говорятъ „холода“, „жары“, „морозы“ не въ смыслѣ „много холодовъ“ и т. д., а вмѣсто единств. „холодъ, жара, морозъ“: „стояли жестокіе морозы“. И здѣсь идея множественности какъ бы потонула въ идеѣ собирательности.

Къ этому порядку явленій, т.-е. къ употребленію формы множественнаго числа вмѣсто формы единственнаго, связанному съ тѣмъ или другимъ оттѣнкомъ, принадлежатъ слѣдующіе случаи:

а) Употребленіе *мѣстоименій 2-го и 3-го лица множ. числа* вмѣсто единств. для выраженія вѣжливости или почтительности (pluralis reverentiae): *вы* вмѣсто *ты, они* вмѣсто *онъ*, съ соотвѣтственнымъ согласованіемъ сказуемаго.

б) *Мы* вмѣсто *я* въ указахъ Государей (pluralis majestatis) [1]).

в) Авторское *мы*, извѣстное уже въ старину. „Авторъ (говоритъ Потебня, слѣдуя Якову Гримму) расширяетъ свою личность.... до общности съ читателемъ. Такъ уже, по примѣру древнихъ, напр. Цицерона, у пишущихъ полатыни германскихъ писателей—съ VI-го вѣка. У насъ это съ первой страницы начальной лѣтописи: се начнемъ повѣсть сію...“ (*Потебня*, „Значенія множественнаго числа въ русс. яз.“, 1888 г., стр. 3).—

Къ категоріи числа примыкаетъ представленіе *собирательности*. *Собирательными* именами называются такія, которыя обозначаютъ предметы, состоящіе изъ собранія (группы) однородныхъ предметовъ, при чемъ послѣдніе, взятые отдѣльно, не могутъ быть обозначены тѣмъ же словомъ. Таковы: *лѣсъ* (отдѣльный предметъ—*дерево*), *стадо (овецъ, коровъ), табунъ (лошадей), стая (птицъ), свора (собакъ), толпа (людей), войско,*

---

[1]) „Мы владѣтельныхъ лицъ... идетъ къ намъ отъ Византійскихъ императоровъ черезъ Германію и Зап. Русь. Въ XIII-мъ в. этотъ обычай на Руси еще не встрѣчается. Князьямъ говорятъ *ты*... Сами князья говорятъ о себѣ *язъ*.“ се язъ... далъ есмь... „Одинъ изъ первыхъ случаевъ этого рода *мы*—грам. 1375 г.: *Мы* княз(ь) Олексапдро Корьятовичъ Б(ож)ьею милостью князь и г(оспо)д(а)рь Подольской земли чинимъ свѣдочно“ и пр. Вскорѣ такъ, кромѣ „Божьею милостью“, начинаютъ титуловаться и паны: „а се мы, панъ Гнѣвошь, староста Русскоя земли...“ и пр. (1393 г.). Характеристичность этого видна изъ того, что еще въ XVI в. Государь Московскій пишется съ *язъ*: „Се язъ князь Великш Василей Ивановичь всея Русіи пожаловалъ есми... (1502 г.)“. (*Потебня*, „Знач. множ. числа въ русс. яз.“, стр. 3).

дружина, армія, народъ, нація, сословіе, общество, человѣчество и т. д. Имена собирательныя представляютъ собою явленіе противуположное вышеразсмотрѣнному употребленію формы множественнаго числа вмѣсто единственнаго: тамъ—категорія множественности, примѣненная къ выраженію единичности („мнимая множественность"), здѣсь—категорія единичности, заключающая въ себѣ представленіе близкое къ идеѣ множественности. Это сродство собирательности съ множественностью въ старину проявлялось отчетливѣе, чѣмъ нынѣ: въ старомъ русскомъ собирательныя большею частью понимались почти какъ формы множественнаго. Правда, опредѣленіе, выраженное прилагательнымъ или мѣстоименіемъ, относясь къ собирательному, ставилось въ единств. числѣ, но зато *глаголъ-сказуемое, причастье, входившее въ составъ сказуемаго, прилагательное—какъ часть составного сказуемаго,* наконецъ *приложеніе* и *относительное мѣстоименіе* чаще всего принимали, относясь къ собирательному, форму множественнаго числа. Напр.: Тоже *слышавше народъ* оттолѣ *поидоша* на Игоря... (Ипат. лѣт. п. 1147 г.).—Толику же *множеству убивающимъ* Игоря... (дат. сам., тамъ же). — И тако *народъ двигнушася* и *выломиша* ворота... (тамъ же).—...а *дружина Русская* (опредѣленіе въ един. ч.) *они* (прилож.) с Ростиславомъ *идоша*... (Ипат. лѣт. 1148 г.).—.....*рекоша дружина* Игореви.... (Лавр. л. п. 945 г.).—....кдѣ *суть дружина наша* (опред. въ един. ч.), *ихъ-же* (мѣстоим. относ.) послахомъ по тя? (Лавр. л. п. 945 г.).—....а *дружина* сему смѣятися *начнуть*.... (Лавр. п. 955 г.).—Собирательное ставилось иногда во множ. числѣ—не для выраженія идеи множественности, а только для усиленія идеи собирательности (какъ и нынѣ вмѣсто „толпа" можно сказать „тѣлпы", не имѣя при этомъ въ мысли представленія многихъ отдѣльныхъ толпъ): *народи* идяху по мосту (Ипат. л. п. 1147 г.), т.-е. народъ (въ большомъ количествѣ) шелъ по мосту, и здѣсь „народи" значитъ „народъ, толпа народа".—

Случаи замѣны множеств. числа сказуемаго единственнымъ при подлежащемъ-собирательномъ встрѣчаются уже въ лѣто-

писяхъ, какъ напр. въ варіантѣ къ вышеприведенному мѣсту изъ Лавр. лѣт. (п. 945 г. „кдѣ *суть дружина...*“) читаемъ: „кдѣ *есть дружина*“. Но и старый оборотъ сохранялся очень долго. Такъ, мы его находимъ еще въ XVII-мъ вѣкѣ, напр. у *Котошихина:* „Московскаго государства *женскій полъ* грамотѣ *неученые,* а породнымъ разумомъ *простоваты* и на отговоры *несмышлены* и *стыдливы*“,—въ „Вѣдомости о Китайской земли и о глубокой Индѣи“ (1669 г.): „А *женской полъ* на головахъ *носятъ* противъ немецкаго“ (т.-е. на нѣмецкій ладъ). [См. „Памятники древней письменности“ CXXXIII].

Множ. число сказуемаго при подлежащемъ—собират. (въ един. ч.) есть явленіе очень древнее, архаическое. Мы его находимъ въ разныхъ языкахъ и притомъ въ ихъ древнѣйшихъ памятникахъ, — между прочимъ въ церк.-славянскомъ: *г многъ* (опредѣл. въ един. ч.) *народъ идоша* (Зограф. ев., Марк. III, 7),—*народъ* же *иже* (един.) не *въсть* (един., потому что относится къ *иже)* закона *проклѧти сѫтъ* (множ., относится къ „народъ“) (Савв. кн., Іоан. VII, 49).

Это явленіе любопытно между прочимъ въ томъ отношеніи, что наглядно показываетъ различіе между согласованіемъ *опредѣленія* въ собственномъ смыслѣ съ одной стороны и согласованіемъ приложенія, причастій и прилагательныхъ, составляющихъ часть сказуемаго, и наконецъ глагола-сказуемаго—съ другой. Въ согласованіи „дружина Русская“ сказывается большая сила вліянія формы опредѣляемаго на опредѣленіе: послѣднее принимаетъ форму единств. числа, потому что такова форма опредѣляемаго, и при этомъ, конечно, идея собирательности, данная въ словѣ „дружина“, нѣкоторымъ образомъ распространяется и на опредѣленіе „Русская“. Напротивъ, причастье и глаголъ въ оборотѣ *„слышавше народъ... поидоша“* не подчиняются *формѣ* существительнаго „народъ“ и слѣдов. сохраняютъ въ этомъ отношеніи извѣстную независимость, самостоятельность; они не усвоиваютъ характера собирательности, а только истолковываютъ идею собирательности, данную въ подлежащемъ „народъ“, категоріею множественнаго числа. Этотъ родъ согласованія уже не принад-

лежитъ къ типу согласованія-подчиненія, и его скорѣе можно подвести подъ типъ „параллелизма“ въ согласованіи.

Такимъ образомъ, вопросъ о согласованіи съ подлежащимъ-собирательнымъ глагола-сказуемаго, причастія и прилагательнаго, входящихъ въ составъ сказуемаго, приложеній и относительныхъ мѣстоименій въ старомъ русскомъ языкѣ привелъ насъ къ разсмотрѣнію тѣхъ видовъ согласованія, которыя не подходятъ подъ понятіе подчиненія въ собственномъ смыслѣ и являютъ характеръ либо *подчиненія неполнаго*, либо *параллелизма* и согласованія чисто-формальнаго.

Если въ настоящее время глаголъ-сказуемое, при подлежащемъ-собирательномъ, ставится въ един. числѣ, то это еще не значитъ, что здѣсь, на смѣну прежняго неполнаго подчиненія (или параллелизма), явилось полное. Это означаетъ только то, что теперь категорія собирательности не признается столь близкою къ категоріи множественности, какъ это было въ старину. Вслѣдствіе этого сказуемое и перестало отвѣчать множественнымъ числомъ на собирательность подлежащаго; равнымъ образомъ и приложеніе, выраженное мѣстоименіемъ, и относительное мѣстоименіе удерживаютъ нынѣ, примыкая къ собирательному, единственное число послѣдняго. Но и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ согласованія сказуемаго, приложенія и относительнаго мѣстоименія, нѣтъ полнаго подчиненія. Разсмотримъ эти явленія въ отдѣльности.

а) *Приложеніе.* Если оно выражено существительнымъ, то для него обязательно только согласованіе въ *падежѣ*. Фактически весьма многія приложенія согласуются съ опредѣляемымъ также въ родѣ и числѣ; но это фактъ, а не законъ, ибо есть не мало другихъ приложеній, согласующихся только въ падежѣ. Съ одной стороны мы имѣемъ: „ангелъ-хранитель“, „городъ Петербургъ“, „рѣка Нева“, „Пушкинъ, *нашъ великій поэтъ*, не былъ вполнѣ понятъ современниками“ и т. д. (гдѣ—полное согласованіе), а съ другой: „женщина-врачъ“, „Владиміръ-Солнышко“, „городъ Москва“, „рѣка Днѣпръ“, „Олень-Золотые Рога“, „Дмитрій-Грозныя Очи“, „Пушкинъ, *слава* и *свѣтило* нашей поэзіи, не былъ...“ и пр.

(гдѣ нѣтъ согласованія либо въ родѣ, либо въ числѣ, либо въ родѣ и числѣ вмѣстѣ). Эти случаи неполнаго согласованія отнимаютъ у первыхъ, т.-е. тѣхъ, гдѣ согласованіе полное, характеръ полнаго подчиненія. Приложеніе, выраженное прилагательнымъ, согласуется съ опредѣляемымъ и въ родѣ, и въ числѣ, но это не мѣшаетъ ему сохранять извѣстную самостоятельность. Мы вполнѣ отчетливо чувствуемъ разницу въ этомъ смыслѣ между: „въ бричкѣ сидѣлъ господинъ недурной наружности, *ни слишкомъ толстъ, ни слишкомъ тонокъ*..," съ одной стороны и напр. „въ бричкѣ сидѣлъ *не слишкомъ толстый*, но и не *слишкомъ тонкій* господинъ", съ другой: тамъ мы имѣемъ приложенія-прилагательныя, которыя, при всемъ согласованіи, стоятъ къ опредѣляемому въ отношеніи скорѣе параллелизма, чѣмъ подчиненія; здѣсь—обыкновенныя опредѣленія, стоящія къ опредѣляемому въ отношеніяхъ полнаго подчиненія [1]).

б) *Мѣстоименія относительныя* согласуются съ опредѣляемымъ только въ родѣ и числѣ (кромѣ *кто, что,* сохраняющихъ единств. число, и мѣстоим. *какой* въ оборотахъ типа: „человѣкъ, *какихъ* мало", гдѣ нѣтъ согласованія въ числѣ), но отнюдь не въ падежѣ, который зависитъ отъ другого слова: „онъ, *на котораго я* такъ надѣялся, обманулъ меня". Неполная зависимость мѣстоименія отъ его опредѣляемаго, переходящая въ родъ параллелизма, явствуетъ еще изъ того, что относительное мѣстоименіе принадлежитъ дру-

---

[1]) Различіе между двумя примѣрами: 1) „въ бричкѣ сидѣлъ господинъ недурной наружности, *ни слишкомъ толстъ, ни слишкомъ тонокъ*", гдѣ мы имѣемъ приложенія — прилагательныя, и 2) „въ бричкѣ сидѣлъ *не слишкомъ толстый, но и не слишкомъ тонкій* господинъ", гдѣ мы имѣемъ обыкновенныя опредѣленія (не приложенія), — не должно быть связываемо съ *безчленною* формою приложеній (*толстъ, тонокъ*): все равно, и при членной (мѣстоименной) формѣ, эти прилагательныя оставались бы здѣсь приложеніями, и ихъ отношеніе къ опредѣляемому („господинъ") было бы то же, что и при безчленной формѣ (скорѣе параллелизмъ, чѣмъ подчиненіе): „въ бричкѣ сидѣлъ господинъ недурной наружности, *ни слишкомъ толстый, ни слишкомъ тонкій*"..

гому предложенію (придаточному) и уже поэтому не можетъ такъ тѣсно примыкать къ своему опредѣляемому, какъ это дѣлаютъ настоящія опредѣленія [1]).

в) *Сказуемое-глаголъ*, а также *причастіе* и *имя (прилагательное* и *существительное), входящія въ составъ сказуемаго.* Здѣсь мы имѣемъ особый типъ согласованія, представляющій нѣкоторое сходство съ согласованіемъ приложеній, но характеризующійся своими признаками, о которыхъ удобнѣе повести рѣчь ниже, въ связи съ вопросомъ о сказуемости (предицированіи). Здѣсь достаточно будетъ отмѣтить лишь то, что всѣ виды сказуемости (включая сюда и связку), по психологической природѣ своей и постановкѣ ихъ въ грамматическомъ мышленіи, являются синтактическими формами настолько важными, вѣскими и самобытными, что ихъ согласованіе съ подлежащимъ отнюдь не подходитъ подъ понятіе подлинной зависимости: это — зависимость чисто-внѣшняя и формальная, и ей вполнѣ приличествуетъ названіе *фиктивной.* Въ то время какъ опредѣленія и приложенія должны имѣть свое опредѣляемое, безъ котораго они не могутъ образовать синтактической формы, сказуемое образуетъ таковую само по себѣ, что видно изъ безсубъектныхъ предложеній, напр. „морозитъ", „свѣтаетъ", гдѣ подлежащаго совсѣмъ нѣтъ, а есть только сказуемое, ни съ чѣмъ не согласующееся. При наличности подлежащаго, сказуемое, согласуясь съ нимъ, образуетъ однако моментъ, равноправный подлежащему, къ которому оно стоитъ въ отношеніи не зависимости въ собственномъ смыслѣ, а *параллелизма* особаго рода.

Управленіе. Предварительное понятіе объ управленіи было дано выше. Здѣсь намъ остается только развить и дополнить его. Мы это сдѣлаемъ при помощи другого грамматическаго понятія—*о склоненіи.*

Зависимость одного слова отъ другого, данная въ управленіи, есть зависимость *подчиненія,* большею частью *полнаго.*

[1]) Относительныя мѣстоименія *который, какой* давно уже перешли изъ категоріи опредѣленій въ категорію дополненій, т.-е. стали существительными, сохраняя лишь слабый слѣдъ прилагательности.

Органомъ или способомъ осуществленія этого подчиненія служитъ *склоненіе существительныхъ* (включая сюда соотвѣтственныя мѣстоименія и числительныя). Склоненіе прилагательныхъ, причастій, мѣстоименій-прилагательныхъ, числительныхъ порядковыхъ не относится къ управленію, не является его орудіемъ, а только служитъ для согласованія опредѣленій (приложеній и т. д.) съ дополненіями существительными, въ которыхъ собственно и проявляется актъ управленія. Прилагательныя (причастія и пр.) склоняются вслѣдъ за существительными; существительныя же склоняются по требованію управляющихъ словъ. Итакъ понятіе о склоненіи, служащее для развитія или поясненія понятія управленія, ограничивается предѣлами именъ существительныхъ въ обширномъ смыслѣ.

Склоненіе, взятое внѣ акта рѣчи-мысли (т.-е. несинтактически), есть измѣненіе слова по падежамъ, т.-е. по особымъ формамъ, отвѣчающимъ на вопросы: *кто? что? кого? чего? кому? чему?* и т. д.

Склоненіе, взятое какъ процессъ *синтактическій*, должно быть прежде всего раздѣлено на двѣ части, рѣзко отличающіяся одна отъ другой, принадлежащія къ совершенно различнымъ синтактическимъ категоріямъ. Одну часть составляютъ *именительный* и *звательный* падежи, такъ называемые *прямые;* первый—какъ падежъ подлежащаго (субъекта), второй—какъ „слово обращенія“, при чемъ оба къ управленію не относятся (не могутъ быть управляемыми); вторую часть образуютъ остальные падежи, называемые *косвенными:* они-то и служатъ орудіемъ и выраженіемъ управленія. Имѣя въ виду эти двѣ части склоненія, мы даемъ слѣдующее опредѣленіе его, какъ процесса *синтактическаго:* склоненіе, это — собраніе семи формъ, изъ коихъ одна (именительный) является грамматической апперцепціей подлежащаго, другая (звательный) выражаетъ лицо, къ которому обращена рѣчь, а остальные пять служатъ орудіемъ и выраженіемъ *управленія.* Говоря о склоненіи, въ его отношеніяхъ къ управленію, должно имѣть въ виду только косвенные падежи.

Съ точки зрѣнія синтактической, падежи (именно *косвенные*), это—формы, выражающія зависимость существительнаго отъ глагола *(читаю книгу, пишу перомъ)*, отъ глагола при посредствѣ предлога *(говорю о событіи, иду по грибы)*, отъ предлога *(изъ лѣса, по дорогѣ, съ горы)*, отъ существительнаго и числительнаго *(домъ купца, сочиненія Гоголя, желаніе счастья, три рубля)*, отъ существительнаго при посредствѣ предлога *(мечта о славѣ, тоска по родинѣ)*, отъ прилагательнаго (мѣстоим.-прил., числит.-порядк.) безъ предлога или съ нимъ *(полный надеждъ, чуждый всему, всякій изъ насъ, первый изъ нихъ)*, отъ нарѣчія *(мало времени, много работы)*, наконецъ отъ общаго характера предложенія, отъ свойствъ оборота (а не отъ того или другого слова): мнѣ *думается*, ему *здѣсь хорошо живется, не видать* тебѣ *счастья* и т. п.

Подчиненіе одного слова другому выражено въ формахъ управленія гораздо сильнѣе и отчетливѣе, чѣмъ въ формахъ согласованія. Въ послѣднихъ даже наиболѣе полное подчиненіе являетъ внѣшній—ложный—видъ параллелизма: прилагательное-опредѣленіе и существительное-опредѣляемое стоятъ *какъ бы* параллельно, „на одной доскѣ“, на одномъ „планѣ“, въ одномъ и томъ же родѣ, числѣ и падежѣ. Мы хорошо чувствуемъ и вполнѣ сознаемъ, что они (опредѣляемое и опредѣленіе, т.-е. прилагательное и существительное) имѣютъ различный „вѣсъ“ и неодинаковое положеніе въ актѣ рѣчи-мысли, что одно изъ нихъ *подчинено* другому. Но сама синтактическая форма согласованія не сопряжена съ этимъ ощущеніемъ подчиненности, и мы знаемъ, что въ другихъ случаяхъ, напр. въ согласованіи приложенія съ опредѣляемымъ, или сказуемаго съ подлежащимъ, этого ощущенія совсѣмъ нѣтъ. Итакъ, ощущеніе подчиненности не является необходимымъ спутникомъ акта согласованія. Напротивъ того, оно неизмѣнно сопутствуетъ актамъ управленія. Здѣсь мы явственно ощущаемъ синтактическую подчиненность одного слова другому даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оба они имѣютъ одну и ту же форму; напр. во фразѣ „онъ не сознаетъ *пустоты* своей *жизни*“ управляющее *(пустоты)* и управляемое *(жизни)*

стоятъ въ одномъ и томъ же падежѣ, родѣ и числѣ, но это воспринимается нами какъ случайное совпаденіе и отнюдь не сопровождается ощущеніемъ равноправности или параллелизма этихъ словъ. Напротивъ, данное синтактическое сочетаніе сопряжено съ тѣмъ, что можно назвать „синтактическою перспективою“: слова, въ немъ участвующія, сколько бы ни совпадали они по формѣ, стоятъ въ мысли не „рядомъ“, не на „одномъ планѣ“, а на разныхъ планахъ. Само собою разумѣется, еще ярче и рѣзче вырисовывается эта перспектива тамъ, гдѣ словомъ управляющимъ является глаголъ или нарѣчіе, вообще, гдѣ грамматическія формы обоихъ словъ совершенно различны.

Въ исторіи языковъ, въ ихъ прогрессивномъ развитіи, мы наблюдаемъ нерѣдко переходъ отъ согласованія къ управленію (о чемъ см. въ гл. VI ой): извѣстныя формы согласованія вытѣсняются извѣстными формами управленія, т.-е. синтактическія сочетанія съ соблюденіемъ перспективы, съ ярко выраженнымъ отношеніемъ подчиненности берутъ верхъ надъ тѣми, гдѣ эта перспектива и эта подчиненность выражены слабо.—Въ этомъ отношеніи любопытно также отмѣтить тѣ архаическія формы, гдѣ, вмѣсто существующаго нынѣ управленія одного дополненія другимъ, мы находимъ параллелизмъ двухъ дополненій. Такъ, въ санскритѣ фраза: „убить *ногами слоновъ*“ имѣетъ форму: „убить *ногами слонами*“; вмѣсто „хоботомъ слона“ — „хоботомъ, слономъ“ [1]). Соотвѣтственныя архаическія формы въ русскомъ встрѣчаются нерѣдко, какъ въ старомъ языкѣ, такъ и въ современномъ народномъ. У Потебни („Изъ зап. по русс. грамм.“ т. II-ой, стр. 206 и сл.) собрано довольно много примѣровъ этого рода, изъ которыхъ приведемъ здѣсь:

Пришли-прибряли *къ честному мужу*,

Къ честному мужу, къ богатому дому . . . (бѣлорусс.; стр. 220).

Вези мене *до матери до двора* . . . (малорусс; тамъ-же).

---

[1]) См. *Потебня* „Изъ зап. по русс. грамм.“, т. II, стр. 206.

У Котошихина—заглавіе статьи: „*о гонцѣхъ о приниманьи*“, т.-е. о пріемѣ гонцовъ. (стр. 222).

У него-же: „А кто будетъ судья возьметъ посулъ... и *о такихъ судьяхъ о наказаніи* [т.-е. *о наказаніи такихъ судей*] подлинно писано въ Уложенной книгѣ“ (тамъ-же).

3.

Что такое предицированіе или сказуемость?

Выше мы упоминали объ особыхъ „умственныхъ ощущеніяхъ“, сопутствующихъ актамъ согласованія и управленія. Эти ощущенія бываютъ болѣе или менѣе ярки—въ зависимости, во-первыхъ, отъ характера синтактической формы, а во-вторыхъ — отъ случайностей рѣчи-мысли. Ихъ связь съ внѣшнею, звуковою формою едвали можетъ подлежать сомнѣнію. Послѣдняя, какъ мы видѣли, *полусознательна:* она помѣщается въ области „между двумя порогами“. Здѣсь же проявляются и тѣ „умственныя ощущенія“, о которыхъ мы говоримъ. Извѣстная степень сознательности звуковой формы является для нихъ условіемъ, благопріятствующимъ болѣе отчетливому ихъ проявленію. Такъ, если я въ извѣстной мѣрѣ сознаю („полусознаю“) самые звуки въ окончаніяхъ согласующихся словъ: „*добраго* человѣка“, то вмѣстѣ съ тѣмъ и умственное ощущеніе данной синтактической формы (ощущеніе согласуемости съ оттѣнкомъ подчиненія) становится отчетливѣе, подвигается нѣсколько ближе къ порогу вниманія.

Надо думать, всякая синтактическая форма сопровождается особымъ, ей свойственнымъ, ощущеніемъ. Изученіе синтактическихъ процессовъ мысли съ этой стороны, т.-е. въ связи съ сопутствующими имъ умственными ощущеніями, это—одна изъ задачъ дальнѣйшаго прогресса науки.

Въ настоящее время мы имѣемъ возможность въ ряду умственныхъ ощущеній, сопутствующихъ актамъ рѣчи-мысли, отмѣтить одно, наиболѣе доступное изученію, потому что оно

гораздо *сознательные* другихъ. Это именно—*ощущеніе, сопутствующее акту грамматическаго предицированія.*

Когда актъ рѣчи-мысли принимаетъ форму *предложенія*, тогда въ немъ является синтактическая форма, извѣстная подъ именемъ „сказуемаго". Эта форма сопровождается особымъ умственнымъ ощущеніемъ, которое, по своему характеру и степени яркости, замѣтно отличается отъ ощущеній, сопряженныхъ съ другими синтактическими формами.

Возьмемъ нѣсколько предложеній: „я прочиталъ эту книгу, и она мнѣ очень понравилась",—„онъ былъ боленъ",—„человѣкъ, который имѣетъ высокое представленіе о себѣ, становится непріятенъ",—„онъ всѣми любимъ"—„это окно выходитъ въ садъ". Предположимъ, что всѣ части этихъ предложеній поставлены въ условія совершенно—одинаковыя, что говорящій не имѣетъ въ виду привлечь вниманіе къ той или другой части и произноситъ данныя фразы безъ особыхъ удареній и „подчеркиваній". При такомъ условіи окажется (въ этомъ нетрудно удостовѣриться путемъ самонаблюденія), что въ первой фразѣ ярче, замѣтнѣе, энергичнѣе проявится особое умственное ощущеніе, связанное съ формами *„прочиталъ"* и *„понравилась"*, во-второй — соотвѣтственное ощущеніе, сопутствующее формѣ *„былъ боленъ"*, въ третьей—то, которое сопровождаетъ слова *„имѣетъ"* и *„становится"* въ четвертой—ощущеніе формы *„любимъ"*, въ пятой—формы *„выходитъ"*. Это особое умственное ощущеніе, выдѣляющее указанныя формы изъ ряда другихъ, имѣющихся въ данныхъ фразахъ,—ощущеніе, придающее этимъ словамъ большій вѣсъ въ мысли, и есть ощущеніе сказуемости или предицированія.

Это ощущеніе доступно дальнѣйшему анализу и опредѣленію.

Сравнимъ: *„бѣлый* снѣгъ" и „снѣгъ—*бѣлъ*", „мой *больной* другъ" и „мой другъ—*боленъ*", *„моя* книга" и „эта книга—*моя*". Не трудно замѣтить (или, скорѣе, *нельзя не замѣтить*), что опредѣленія *„бѣлый"*, *„больной"*, *„моя"* совсѣмъ не такъ ощущаются въ мысли, какъ сказуемыя *„бѣлъ"*, *„бо-*

ленъ“, „*моя*“. Послѣднія отражаются гораздо ярче первыхъ. Ихъ синтактическія формы могутъ, по примѣру другихъ, функціонировать за порогомъ сознанія, ихъ звуковыя формы могутъ отражаться между двумя порогами, но самое *ощущеніе* сказуемости, имъ сопутствующее, несомнѣнно, освѣщено сознаніемъ. Въ формахъ „*бѣлый* снѣгъ“, „*больной* другъ“, „*моя* книга“ мы имѣемъ *аттрибутивное* употребленіе прилагательныхъ и мѣстоименія, въ формахъ „снѣгъ *бѣлъ*“, „другъ *боленъ*“, „эта книга — *моя*“ мы имѣемъ ихъ *предикативное* употребленіе, осуществляющееся при содѣйствіи глагола *быть* (который въ формахъ настоящаго времени *[есть, суть]* часто опускается, но въ прошедш. и будущ. — всегда на лицо).

Итакъ, *ощущеніе*, сопряженное съ формою сказуемаго, проявляется либо въ свѣтлой точкѣ сознанія, либо близко къ ней. Это освѣщеніе его, эта его сознательность позволяетъ намъ глубже проникнуть въ его природу.

Сравнивая его съ ощущеніемъ, сопутствующимъ аттрибутивности („*бѣлый* снѣгъ“ и пр.), мы находимъ, что оно не только ярче, энергичнѣе, сознательнѣе послѣдняго, но что въ немъ также просвѣчиваетъ особое движеніе мысли, отдаленно напоминающее *волевой актъ*. Предицируя, мы какъ бы имѣемъ въ виду себя, свою личность, мы ощущаемъ или сознаемъ себя, какъ виновника акта предицированія: такъ, предложеніе „снѣгъ *бѣлъ*“ заключаетъ въ себѣ, въ скрытомъ видѣ, слѣдующее—невыраженное—движеніе мысли: „я (говорящій, думающій) знаю, полагаю, утверждаю и т. д., что признакъ бѣлизны долженъ или можетъ быть приписанъ снѣгу, какъ его предикатъ“. Здѣсь дано особое *самочувствіе* говорящаго, на которое мы можемъ смотрѣть какъ на *перерожденный волевой актъ*. У дѣтей волевой характеръ или волевая основа предицированія выражена яснѣе: ребенокъ чувствуетъ свое предицированіе почти какъ родъ хотѣнія и какъ движеніе воли. Чѣмъ выше и сложнѣе процессы мышленія, тѣмъ ощущеніе, сопутствующее предицированію, отходитъ дальше отъ своей первоосновы, отъ самочувствія, и само предициро-

ваніе все больше утрачиваетъ характеръ волевого акта. Надо думать, у животныхъ (у которыхъ есть мышленіе) актъ предицированія очень близокъ къ волевому. Въ высшемъ человѣческомъ мышленіи (логическомъ) отъ волевой первоосновы остаются въ актѣ предицированія лишь незначительные слѣды. Зато гораздо замѣтнѣе они въ языкѣ, въ предицированіи грамматическомъ.

Актъ предицированія есть умственный процессъ, выходящій за предѣлы грамматическаго мышленія: онъ свойственъ— по одну сторону языка—животнымъ и ребенку, еще не овладѣвшему рѣчью, а по другую — высшему человѣческому мышленію, возвышающемуся надъ языкомъ. Кромѣ этихъ *ступеней* предицированія въ восходящемъ (эволюціонномъ) порядкѣ, нужно различать и извѣстные *виды* его. Такъ, въ высшемъ мышленіи различается 1) *предицированіе научно-философское* и 2) *предицированіе художественное*. Какъ то, такъ и другое можетъ быть *аналитическимъ* и *синтетическимъ*, оно можетъ мѣнять свой характеръ смотря по тому, какіе умственные процессы участвуютъ въ его образованіи, напр. процессы *апперцепціи* того или иного типа, процессы *ассоціаціи* различнаго рода и т. д. Но все это принадлежитъ уже къ психологіи высшаго, надъязычнаго, сверхграмматическаго мышленія. Въ предѣлахъ же мышленія грамматическаго актъ предицированія или сказуемости характеризуется одною основною чертой: *сочетаніемъ съ извѣстными синтактическими формами*. И на вопросъ: что такое грамматическое предицированіе или сказуемость?—мы отвѣтимъ такъ:

Грамматическое предицированіе или сказуемость, это—процессъ мысли, состоящій въ томъ, что предицированіе (существующее и внѣ языка) апперципируется извѣстною грамматическою формою, въ результатѣ чего является образованіе грамматическаго предложенія, какъ особой формы мышленія, отличной отъ сужденія психологическаго (до-язычнаго) съ одной стороны и логическаго (надъ-язычнаго)—съ другой.

Грамматическая сказуемость, т.-е. сказуемость въ актѣ рѣчи-мысли, проявляется либо какъ *одинъ моментъ*, напр. „я *читаю*“, „онъ *идетъ*“, „лѣсъ *шумитъ*“, либо какъ *два момента*, напр. „я *былъ боленъ*“ „онъ *пришелъ весь мокрый*“, „мы *ушли первые*“. Грамматическая форма, которою апперципируется сказуемость, состоящая изъ одного момента мысли, есть *глаголъ;* въ результатѣ этой апперцепціи получается *синтактическая форма простого глагольнаго сказуемаго*. Для апперцепціи сказуемости, состоящей изъ двухъ моментовъ мысли, служатъ двѣ грамматическія формы: одна—глагольная, другая—именная; первая есть такъ называемая *связка* (въ приведенныхъ примѣрахъ *былъ, пришелъ, ушли),* вторая—*предикативный аттрибутъ* (въ нашихъ примѣрахъ *боленъ, весь мокрый, первые);* въ результатѣ получается *синтактическая форма составного глагольно-именного сказуемаго*. Здѣсь сказуемость какъ бы распредѣляется между двумя грамматическими формами.

Характерною чертою предицированія въ актѣ рѣчи-мысли является *различеніе трехъ грамматическихъ лицъ*. Внѣ предложенія (безъ предицированія) эти три лица различаются въ мѣстоименіяхъ личныхъ, гдѣ *я, мы*—формы *перваго (говорящаго)* лица, *ты, вы*—формы *второго* лица (того, къ которому обращена рѣчь), *онъ, она, оно, они, оны* — формы *третьяго* лица (о которомъ идетъ рѣчь). Въ предложеніи, т.-е. вмѣстѣ съ актомъ предицированія, эта категорія грамматическихъ лицъ является однимъ изъ выраженій или отголосковъ того самочувствія или самосознанія, которое, какъ мы видѣли, сопутствуетъ предицированію и служитъ отзвукомъ его волевого происхожденія. *Первое лицо является въ предложеніи лицомъ предицирующаго*. Въ извѣстномъ смыслѣ оно всегда чувствуется въ каждомъ актѣ предицированія, скрываясь, если можно такъ выразиться, за кулисами его. Оно выступаетъ наружу и получаетъ свое выраженіе въ личныхъ формахъ глагола-сказуемаго тогда, когда предицирующій субъектъ что-либо предицируетъ о себѣ самомъ (*„я прочиталъ* эту книгу“, „*я — боленъ*“, „мы *знаемъ*, что...“). Когда предицированіе

относится ко второму или третьему лицу, то въ личныхъ формахъ глагола-сказуемаго выражаются эти послѣднія (*„ты прочиталъ...“, „вы больны“...; „онъ прочиталъ“, „они знаютъ...“*), первое же скрывается „за кулисы“ рѣчи-мысли, откуда иногда оно какъ бы выглядываетъ въ „вводныхъ предложеніяхъ“ въ родѣ: „говорю я“, „полагаю“, „мнѣ кажется“ и т. п.

Эта роль категоріи грамматическихъ лицъ въ актѣ предицированія является основаніемъ для выдѣленія формъ согласованія сказуемаго въ особый типъ согласованія, о чемъ мы говорили выше. Къ сказанному тамъ добавимъ слѣдующее. Согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ есть прежде всего *согласованіе въ лицѣ:* лицу подлежащаго отвѣчаетъ соотвѣтственное лицо сказуемаго. Здѣсь нѣтъ подчиненія и нѣтъ даже зависимости, кромѣ чисто-формальной, здѣсь мы видимъ только *соотвѣтствіе* между лицомъ подлежащаго и лицомъ сказуемаго. Это соотвѣтствіе распространяется и на *число* (въ прошедшемъ же времени и на *родъ*). Все вмѣстѣ сопровождается умственнымъ ощущеніемъ *соотвѣтствія, координаціи,*—ощущеніемъ, весьма непохожимъ на то, которое сопутствуетъ акту согласованія опредѣленія съ опредѣляемымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ и сопряжено съ оттѣнкомъ подчиненія. Что касается согласованія въ падежѣ, то мы его находимъ въ составномъ сказуемомъ, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда вторая часть послѣдняго выражена существительнымъ или прилагательнымъ въ мѣстоименной формѣ, напр. „онъ былъ *купецъ*“, „онъ ушелъ *первый*“, „онъ сидѣлъ *грустный* и *задумчивый*“. Это—такъ называемые *вторые именительные.* И здѣсь согласованіе принимаетъ характеръ только соотвѣтствія, координаціи. Если прилагательное взято въ именной формѣ, напр. „онъ былъ *боленъ*“, „она—очень *красива*“, „мой совѣтъ будетъ вамъ *полезенъ*“, то ощущеніе согласованія въ падежѣ значительно тускнѣетъ, потому-что, съ потерею склоненія прилагательныхъ въ именной формѣ („добръ, добра, добро“), единственно—сохранившійся именительный падежъ въ обоихъ числахъ („ты—добръ, они—добры“) уже не вос-

принимается мыслью, въ своемъ падежномъ значеніи, съ достаточною отчетливостью. Тѣмъ не менѣе и эти формы мы называемъ „вторыми именительными“, причемъ ихъ можно точнѣе опредѣлить такъ: именительные съ убывающимъ падежнымъ значеніемъ.

Что касается согласованія въ числѣ, то при двухъ и болѣе подлежащихъ, взятыхъ въ единств. числѣ, сказуемое, къ нимъ относящееся, принимаетъ форму множеств. числа, т.-е. въ сущности не согласуется, а только отвѣчаетъ множественнымъ числомъ на фактъ наличности не одного, а двухъ или болѣе подлежащихъ [1]). Это также черта, указывающая на тотъ типъ согласованія, который мы обозначаемъ понятіемъ *соотвѣтствія* или *координаціи*.—

Послѣ выясненія этихъ основныхъ синтактическихъ понятій, мы можемъ приступить къ разсмотрѣнію *частей рѣчи*, т.-е. *грамматическихъ* формъ, и къ вопросу о томъ, какъ апперципируются ими части предложенія, т.-е. какъ создаются синтактическія формы, входящія въ составъ послѣдняго.—

ГЛАВА I.

Части рѣчи и части предложенія.

§ 1. Русскій языкъ въ его современномъ состояніи имѣетъ слѣдующія *части рѣчи:* 1) *имя существительное,* 2) *имя прилагательное,* 3) *глаголъ,* 4) *причастіе,* 5) *дѣепричастіе,* 6) *нарѣчіе,* 7) *мѣстоименіе,* 8) *предлогъ,* 9) *союзъ,* 10) *имя числительное.* Къ нимъ принято присоединять и 11) *междометіе,* которое въ сущности не можетъ быть названо „частью рѣчи“ въ собственномъ смыслѣ.

---

[1]) Напр: Проказница—мартышка, оселъ, козелъ да косолапый мишка *затѣяли* сыграть квартетъ... (*Крыловъ*).

Вѣра, Наташа, Соня и Петя *вошли* въ комнату... (*Л. Толстой* „Война и Миръ“, т. I, ч. III. гл VI).—

Предложеніе современнаго русскаго языка имѣетъ слѣдующія *части:* 1) *подлежащее,* 2) *сказуемое,* 3) *связку,* 4) *дополненіе,* 5) *опредѣленіе,* 6) *обстоятельство.*

Къ этимъ *частямъ* предложенія слѣдуетъ присоединить еще *частицы,* выражающія отношенія между частями предложенія, а также и между отдѣльными предложеніями.

Части рѣчи отвѣчаютъ *частямъ предложенія* въ слѣдующемъ порядкѣ:

Имя существительное является 1) *подлежащимъ* (напр. „*человѣкъ* смертенъ"), 2) *частью сказуемаго* (напр. „онъ былъ *силачъ*", гдѣ сказуемое состоитъ изъ двухъ частей: *связки* „былъ" и существительнаго „силачъ"), 3) *дополненіемъ* („я прочиталъ эту *книгу*"), 4) *опредѣленіемъ* (такъ назыв. *приложеніемъ*), напр.: „Бывшій богатый дворникъ, уважаемый въ околоткѣ *человѣкъ*, сидѣлъ съ связанными руками на соломѣ ..." (Тург. „Постоялый дворъ").

Имя прилагательное является: 1) *опредѣленіемъ,* которое можетъ относиться къ подлежащему, ко второй части сказуемаго, выраженной существительнымъ, къ дополненію, къ приложенію существительному (напр. „*внимательное* чтеніе *глубокихъ* твореній Спинозы, этого *геніальнаго* мыслителя, оказало *благотворное* вліяніе на *умственное* развитіе Гете, который самъ былъ *великій* мыслитель"), 2) *частью сказуемаго* (напр. „онъ былъ *боленъ*", гдѣ „былъ"—связка, а „боленъ"—вторая часть сказуемаго, выраженная прилагательнымъ).

Глаголъ является 1) *сказуемымъ* („я *читаю*", „онъ *поетъ*"), 2) *связкою* („онъ *былъ* боленъ").

Причастье, какъ увидимъ ниже, въ старомъ русскомъ языкѣ играло важную роль, служа весьма часто выраженіемъ именной части сказуемаго. Въ современномъ общерусскомъ въ этой роли выступаютъ причастія страдательныя („онъ—всѣми *любимъ*", „урокъ былъ *выученъ*"), причастія же дѣйствительныя (въ народныхъ нарѣчьяхъ совсѣмъ исчезнувшія) сохраняются, какъ остатокъ старины, и служатъ для выраженія опредѣленій („всѣмъ недовольные, все *порицающіе,* вѣчно *жалующіеся* люди—несносны") и для образованія такъ назыв.

„сокращенныхъ“ придаточныхъ предложеній, о чемъ будетъ рѣчь въ гл. II-ой, § 8.

Дѣепричастіе и *нарѣчіе* служатъ выраженіемъ *обстоятельства:* „онъ лжетъ *не краснѣя*“, „онъ ходитъ *прихрамывая*“, „она поетъ *хорошо*“, „я иду *домой*“. О роли дѣепричастій въ такъ назыв. „сокращенныхъ“ придаточныхъ предложеніяхъ будетъ рѣчь въ гл. II-ой, § 7.

Мѣстоименіе, какъ замѣна существительныхъ и прилагательныхъ, играетъ въ предложеніи ту-же роль, что̀ и эти послѣднія: „*онъ* уѣхалъ“; „*нѣкто* сказалъ, что...“; „я не знаю *его* (мѣстоим.—дополн.); *такой* человѣкъ, какъ N, не можетъ быть пріятенъ“ (мѣстоим.—опредѣленіе подлежащаго); „онъ всегда былъ *такой*“ (мѣстоим.—вторая часть сказуемаго); „я прочиталъ *эту* книгу“ (мѣстоим.—опредѣленіе дополненія) и т. д.

Числительныя играютъ въ предложеніи тѣ же роли, какія принадлежатъ существительнымъ, прилагательнымъ и нарѣчіямъ; „*пять*—половина *десяти*“, „*первый* день прошелъ благополучно“, „*трижды* пропѣлъ пѣтухъ“ и т. д.

Предлоги и *союзы* служатъ тѣми *частицами*, которыми опредѣляются отношенія между частями предложенія („я ѣду *въ* Петербургъ“; „насъ было двое: братъ *и* я“ и т. д.); *союзы* выражаютъ, кромѣ того, и отношеніе между отдѣльными предложеніями.

Междометіе стоитъ внѣ предложенія (кромѣ тѣхъ случаевъ, когда оно взято не какъ выраженіе чувства, а вмѣсто существительнаго или глагола, какъ напр. „*увы* есть междометіе“; „я первый сказалъ *э!*....“; „Татьяна—*ахъ!*...“)

Прим. Въ нѣкоторыхъ великорусс. діалектахъ существуетъ еще одна часть рѣчи, именно *членъ* (—тъ,—та,—то).

Приведу здѣсь слѣдующія свѣдѣнія изъ статьи пок. проф. *М. Г. Халанскаго*, посвященной этой любопытной формѣ, аналогичной соотвѣтственному явленію въ болгарскомъ языкѣ,— „Изъ замѣтокъ по исторіи русскаго литературнаго языка. II. О членѣ въ русскомъ языкѣ“ („Извѣстія отдѣленія русск. языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, т. VI

(1901 г.), кн. 3, и отдѣльно), гдѣ указана и литература вопроса.

„Въ великорусскихъ говорахъ (читаемъ на стр. 23) членъ встрѣчается въ болѣе или менѣе архаичной формѣ... Наблюдателями отмѣчены членныя формы рѣчи въ слѣдующихъ мѣстностяхъ, занятыхъ южно—и сѣверо-великоруссами: въ губерніяхъ: Московской, Тульской, Орловской, Калужской, Рязанской, Самарской, Нижегородской, Владимирской, Пермской, Костромской, Вятской, Тверской, Новгородской, Псковской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской и нѣкоторыхъ губ. Сибири".—Примѣры: слышу крикъ*отъ*, изба-*та*, избу-*ту*, хлѣб*отъ*, масло-*то*, каша-*та*, бабы-*ти*, бабу-*ту*, бабы-*ть* дома остались.—Пока эта форма сохраняетъ измѣняемость по падежамъ и числамъ, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ, она должна быть понимаема, какъ членъ, т.-е. совершенно такъ, какъ понимаются франц. le, la, les, итал. lo, la, нѣм. der, die, das. Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она уже не склоняется, а равно и въ тѣхъ, гдѣ она присоединена не къ существительному (или прилаг.), а къ глаголу, нарѣчью и т. д., она уже, очевидно,—не членъ, а частица. Таковы: рядомъ-*то*, у избы-*то*, избѣ-*то*, проѣздить-*то* и т. д.—Таково именно происхожденіе частицы *то*, употребительной въ общерусскомъ.—Въ старомъ русскомъ членъ-*тъ*,-*та*,-*то* встрѣчается нерѣдко, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ. Напр.: градъ-*тъ*, масло-*то*, сѣсоудъ-*тъ* и т. д. („Житіе Ѳеодосія Печер.", сост. преподоб. Несторомъ, рукоп. XII-го в., см. *Халанскій*, указ. статья, стр. 4 и сл.); бѣ же варягъ-*тъ* пришелъ отъ грѣкъ (Ипат. л.), холмо*тъ*, отроко*тъ* (въ Лавр. л.; тамъ же и формы съ чл.-*съ*: градъ*съ*, съвѣто*съ*). Членныя формы находимъ также въ грамотахъ XIV—XV вв., въ „Хожденіи" игум. Даніила, въ особенности же у протоп. Аввакума (*Халанскій*, стр. 9—17). Вотъ примѣры изъ Аввакума: „О имени Господни повелѣваю ти, напиши и ты рабу-*тому* Христову, какъ Богородица бѣса-*того* въ рукахъ-*тѣхъ* мяла и тебѣ отдала, и какъ муравьи-*тѣ*... и какъ бѣсо*тъ* дрова-*тѣ*

сожегъ и какъ келья-*та* обгорѣла, а въ ней цѣло все, и какъ ты кричалъ на небо-*то*"...

Членъ возникъ изъ ослабленнаго мѣстоименія указательнаго или анафорическаго, потерявшаго свое мѣстоименное значеніе.

§ 2. Теперь намъ нужно уяснить себѣ *значеніе* частей рѣчи. Дѣло идетъ о *формальномъ* значеніи словъ, которое слѣдуетъ отличать отъ ихъ *матеріальнаго* или *лексическаго* значенія.

Всякое слово имѣетъ свой смыслъ, т.-е. выражаетъ извѣстное понятіе, представленіе, отношеніе. Это—его *содержаніе*, которое называютъ *матеріальнымъ* или *лексическимъ* [1]). Такъ, матеріальное (лексическое) содержаніе или значеніе слова „человѣкъ" это—*понятіе* о человѣкѣ, какъ о разумномъ существѣ, одаренномъ рѣчью, имѣющемъ такіе-то и такіе-то признаки, отличающіе его отъ другихъ существъ. Матеріальное (лексическое) значеніе слова „домъ" это—само *понятіе* дома,—слова „ходить"—понятіе дѣйствія, производимаго ногами съ цѣлью передвиженія, и т. д. и т. д.—Слѣдов., матеріальныя (лексическія) значенія словъ это—тѣ, которыя указываются въ словаряхъ.

Формальное (грамматическое) значеніе словъ это—то, въ силу котораго они распредѣляются между частями рѣчи, такъ что одно является существительнымъ, другое прилагательнымъ, третье глаголомъ и т. д. Въ словѣ „человѣкъ" дано не только *понятіе* объ извѣстномъ существѣ (это—лексическое содержаніе этого слова), но еще и то, что это понятіе, это содержаніе отлито въ форму существительнаго, а не напр. прилагательнаго или глагола. Въ данномъ случаѣ форма и содержаніе находятся въ полной гармоніи между собою, потому что человѣкъ—въ самомъ дѣлѣ существо. Въ силу этой гармоніи, этого какъ бы сліянія формы съ содержаніемъ, мы, разбирая слово „человѣкъ", не сразу замѣчаемъ границу, отдѣляющую ихъ другъ отъ друга. Но возьмемъ другіе при-

[1]) Возводится къ греч. λέξις—слово, реченіе, выраженіе, откуда λεξικον—словарь.

мѣры. *Близна, доброта, красота, высота, глубина,* вѣдь,— не существа и не вещи, а качества или признаки вещей; слѣдов., по своему матеріальному содержанію, по лексическому значенію, эти слова скорѣе подходили бы къ *формальному значенію* прилагательнаго, чѣмъ—существительнаго. А между тѣмъ они, несомнѣнно, существительныя, а не прилагательныя. Съ другой стороны, „хожденіе", „ѣзда", „борьба", „посѣщеніе", „чтеніе" и т. п. обладаютъ матеріальными значеніями, согласующимися съ *формальнымъ значеніемъ* глагола, а не существительнаго; но они, несомнѣнно,—существительныя, а не глаголы.—Итакъ, *содержаніе* (матеріальное, лексическое) всѣхъ словъ этого рода („доброта", „быстрота", „глубина"..... „хожденіе", „чтеніе", „исканіе".....) *не находится въ согласіи съ ихъ грамматическою формою.* Оттого-то, разбирая ихъ, мы яснѣе видимъ, гдѣ, такъ сказать, кончается ихъ содержаніе и гдѣ начинается ихъ форма, мы легче улавливаемъ различіе между содержаніемъ и формою и съ тѣмъ вмѣстѣ усваиваемъ себѣ понятіе о *грамматическомъ значеніи*, какъ особой (и очень важной, какъ сейчасъ увидимъ) части слова, которую нужно строго отличать отъ содержанія слова, отъ его лексическаго значенія.

Вотъ теперь и обратимся къ объясненію и опредѣленію формальныхъ, грамматическихъ значеній словъ, т.-е. *значенія частей рѣчи.* Для удобства изложенія начнемъ съ прилагательнаго.

Мы различаемъ съ одной стороны *предметы (вещи и существа)*, а съ другой—*свойства, качества* этихъ предметовъ. Эти свойства или качества суть не что иное, какъ тѣ *впечатлѣнія*, которыя мы получаемъ отъ предметовъ, черезъ посредство нашихъ органовъ чувствъ (глазъ, ушей и т. д.). Эти впечатлѣнія мы, такъ сказать, возвращаемъ обратно вещамъ,—мы ихъ вновь приписываемъ предметамъ, какъ будто они (наши впечатлѣнія) принадлежатъ не намъ, а самимъ предметамъ. Въ дѣйствительности, предметы суть только источники нашихъ впечатлѣній, а сами впечатлѣнія принадлежатъ намъ, а не имъ. Но таково уже свойство нашего

мышленія, что мы неудержимо стремимся представлять себѣ вещи такими, какими онѣ намъ кажутся; а кажутся онѣ намъ такими или иными—въ силу извѣстнаго устройства нашихъ органовъ чувствъ и нашей нервно-мозговой системы съ одной стороны, и въ силу вѣками сложившихся формъ и привычекъ мысли—съ другой. Существо, обладающее другими органами чувствъ и другимъ устройствомъ нервно-мозговой системы, получало бы совсѣмъ иныя впечатлѣнія отъ вещей, не похожія на наши. И потому самые предметы представлялись бы ему не такими, какъ онѣ представляются намъ.

Наши впечатлѣнія, получаемыя отъ предметовъ, лежатъ въ основѣ всего нашего мышленія объ окружающемъ мірѣ. Это мышленіе было бы невозможнымъ, еслибы мы не обладали способностью или наклонностью приписывать вещамъ тѣ свойства, которыя служатъ выраженіемъ нашихъ впечатлѣній. Такъ напр. еслибы *я*, получивъ впечатлѣніе бѣлизны отъ снѣга и другихъ вещей, не могъ бы приписать имъ соотвѣтственнаго качества, не могъ бы назвать ихъ „бѣлыми“, то я и не зналъ бы, что дѣлать мнѣ съ этимъ ощущеніемъ бѣлизны, какъ воспользоваться имъ для познанія окружающаго міра. Наша способность приписывать вещамъ *свойства*, соотвѣтствующія полученнымъ впечатлѣніямъ, помогаетъ намъ различать вещи, оріентироваться въ окружающей средѣ, изучать ее. Это—начало и источникъ всякаго знанія. Такая способность называется способностью *объективировать* впечатлѣнія. *Объектъ* значитъ *внѣшній предметъ*; слѣдов. *объективировать* впечатлѣніе значитъ превращать его въ нѣчто внѣшнее, внѣ насъ находящееся. *Всякое объективированное впечатлѣніе, т.-е. приписанное предмету, какъ его принадлежность, его свойство, будемъ называть* признакомъ предмета.

Послѣ этихъ предварительныхъ поясненій, уже нетрудно понять значеніе той части рѣчи, которая называется „именемъ прилагательнымъ“.

Прилагательное есть именно такое *движеніе нашей мысли*, въ силу котораго мы приписываемъ предметамъ *признаки* и представляемъ себѣ, что эти признаки находятся въ предме-

тахъ, принадлежатъ имъ.—Предметъ „снѣгъ“ вызываетъ въ насъ впечатлѣнія бѣлаго цвѣта и холода,—мы возвращаемъ эти наши впечатлѣнія снѣгу и представляемъ себѣ, что бѣлый цвѣтъ и холодъ находятся въ снѣгѣ, составляютъ его принадлежность,—и выражаемъ это въ прилагательныхъ „бѣлый“, „холодный“, которыя и относимъ къ снѣгу, говоря „бѣлый снѣгъ“, „холодный снѣгъ“.

Итакъ, прилагательное есть часть рѣчи или, иначе, форма мысли, изображающая признаки находящимися въ предметахъ, пассивно въ нихъ пребывающими.—

Теперь представимъ себѣ, что наша точка зрѣнія на отношеніе признака къ предмету измѣнилась. Намъ представляется, будто признакъ не просто принадлежитъ предмету или находится въ немъ, какъ бѣлизна — въ снѣгѣ, а будто предметъ дѣйствуетъ и самъ производитъ свой признакъ. Тогда мы получимъ другую форму мысли, другой способъ представлять себѣ отношеніе между предметами и признаками. Этотъ другой способъ есть *глаголъ*. Такъ, въ выраженіи „снѣгъ *бѣлѣетъ*“ признакъ бѣлизны изображенъ уже не просто находящимся, не пассивно — пребывающимъ въ снѣгѣ, а какъ бы производимымъ дѣятельностью даннаго предмета,—какъ будто снѣгъ самъ производитъ свою бѣлизну.

Итакъ, глаголъ есть часть рѣчи или форма мысли, изображающая признаки производимыми дѣятельностью предмета, при чемъ все равно, признаемъ ли мы эту дѣятельность, какъ фактъ, или только такъ—условно—представляемъ себѣ это. На самомъ дѣлѣ, мы не можемъ думать, что снѣгъ производитъ свою бѣлизну, но, не думая этого, мы однако придаемъ именно такое направленіе своей мысли, когда говоримъ „снѣгъ бѣлѣетъ“.—

Теперь представимъ себѣ, что признакъ изображенъ производимымъ дѣятельностью предмета, но что—разъ онъ произведенъ—мы снова приписываемъ его предмету и уже разсматриваемъ его, какъ признакъ, пассивно-находящійся въ этомъ послѣднемъ. Здѣсь представленіе о предметѣ, какъ о

производитель признака, совмѣщается съ представленіемъ о немъ, какъ *обладатель* признака. Иначе говоря, здѣсь *глагольность* совмѣщена съ *прилагательностью*. Эта двойственная форма мысли есть *причастіе*. „Бѣлѣющій снѣгъ“ значитъ снѣгъ, который самъ произвелъ свою бѣлизну и засимъ представленъ обладателемъ этого признака. Здѣсь сочетались оба пріема мысли,—тотъ, который данъ въ выраженіи „снѣгъ бѣлѣетъ“ и тотъ, который данъ въ выраженіи „бѣлый снѣгъ“.—

Эти три части рѣчи, *прилагательное, глаголъ, причастіе,* говорятъ намъ о *признакахъ* предметовъ и суть не что иное, какъ различные способы представлять въ мысли отношеніе признака къ предмету. Но вѣдь это предполагаетъ, что уже существуетъ четвертая форма—*для обозначенія самого предмета*. Для того, чтобы была возможность представить себѣ признакъ, напр.—бѣлизны, въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ къ какому-нибудь предмету, напр. снѣгу, нужно заранѣе имѣть въ мысли общее представленіе о предметѣ вообще, о всякомъ предметѣ; только при такомъ условіи и возможно противупоставить „бѣлизну“, какъ признакъ, „снѣгу“, какъ предмету, и воображать, что этотъ признакъ либо просто находится въ снѣгѣ, либо является продуктомъ его предполагаемой дѣятельности. Итакъ, необходима особая форма мысли, приспособленная къ тому, чтобы получаемыя нами впечатлѣнія представлялись намъ — какъ *предметы* (*вещи* и *существа*). Эта форма слагается изъ тѣхъ же впечатлѣній, но только переработываемыхъ въ другомъ направленіи. Получая одновременно рядъ впечатлѣній, которыя тѣсно связаны между собою и составляютъ постоянную группу, отличную отъ другихъ группъ впечатлѣній, мы безсознательно составляемъ себѣ представленіе о такой группѣ, какъ объ особомъ цѣломъ. Если бы у насъ не было вышеуказанной способности объективировать впечатлѣнія, то это были бы только группы впечатлѣній, группы нашихъ ощущеній, нашихъ внутреннихъ, душевныхъ состояній. Но, благодаря способности объективировать, группы впечатлѣній превращаются въ группы признаковъ. Эти группы признаковъ и образуютъ ту форму мысли, которую мы назы-

ваемъ *идеей или категоріею предмета.* Въ языкѣ ея выраженіемъ служитъ *имя существительное.*

Въ имени существительномъ группы признаковъ, т.-е. предметы (вещи и существа), обозначались первоначально по одному изъ данныхъ признаковъ, и такой способъ обозначенія сохраняется во многихъ словахъ и доселѣ; даже возникаютъ новыя слова этого типа. Напр., цвѣтокъ *подснѣжникъ* состоитъ изъ группы признаковъ, въ числѣ которыхъ находится и тотъ, что этотъ цвѣтокъ прозябаетъ подъ снѣгомъ. И вотъ по этому одному признаку обозначенъ весь предметъ, т.-е. одинъ изъ признаковъ выбранъ для обозначенія и всѣхъ прочихъ, при чемъ сюда внесено представленіе, что всѣ они, вмѣстѣ взятые, образуютъ одно цѣлое, одну вещь, отличную отъ другихъ вещей. Признакъ, выбранный для обозначенія цѣлаго, съ теченіемъ времени можетъ быть забытъ, но слово остается обозначеніемъ цѣлаго предмета, только при этомъ мы уже не знаемъ, съ какой стороны оно его изображаетъ, по какому признаку называетъ его. Такъ, давно уже забыто первоначальное значеніе существительныхъ *солнце, мѣсяцъ, домъ, день, зима, весна* и т. д. И только научныя изысканія открываютъ намъ, что напр. слово *мѣсяцъ* значило нѣкогда „измѣритель“, и что это свѣтило было такъ названо въ древности потому, что тогда измѣряли время по фазамъ луны; слѣдов., изъ группы признаковъ луны былъ избранъ одинъ (именно— что она служитъ для измѣренія времени) и этотъ признакъ былъ взятъ для обозначенія цѣлаго предмета. Потомъ значеніе этого признака было забыто въ словѣ, но слово сохранилось—какъ обозначеніе даннаго предмета.—Слова, въ которыхъ ясенъ признакъ, взятый для обозначенія цѣлаго, называются *словами съ внутреннею формою*, а тѣ, въ которыхъ этотъ признакъ забытъ, суть *слова безъ внутренней формы.* Сама же внутренняя форма, названная такъ въ противуположность *внѣшней, звуковой*, опредѣляется такъ: *она есть отношеніе даннаго признака* (напр. прозябаніе подъ снѣгомъ въ „подснѣжникѣ“, измѣреніе времени въ „мѣсяцѣ“) *къ лекси-*

ческому значенію слова (къ понятію объ извѣстномъ цвѣткѣ, о лунѣ) [1].—

Итакъ, имя существительное есть часть рѣчи или форма мысли, обозначающая совокупность признаковъ, т.-е. цѣлый предметъ, по одному изъ нихъ, который можетъ либо сознаваться, либо не сознаваться (помниться или быть забытъ).

Но есть особый разрядъ существительныхъ, о которыхъ нельзя сказать, что они обозначаютъ группу различныхъ признаковъ. Таковы *бѣлизна, высота, глубина, доброта, красота* и мн. др. Здѣсь мы имѣемъ слѣдующее. Признакъ *бѣлизны* наблюдается въ весьма различныхъ вещахъ. И вотъ онъ какъ бы извлекается мысленно изъ нихъ,—все „бѣлое“, гдѣ-бы-то-ни-было усматриваемое, собирается, такъ сказать, въ одно мѣсто, и такимъ путемъ образуется также *группа* признаковъ, только *однородныхъ, и эта группа представлена въ видѣ особой вещи.* При этомъ все равно, вѣримъ ли мы въ отдѣльное существованіе такой вещи, или не вѣримъ,—важно здѣсь то, что въ языкѣ извѣстные признаки вещей представляются такъ, какъ будто они сами суть особыя вещи. Такія существительныя можно назвать *фиктивными*, т.-е. не отвѣчающими дѣйствительности. *Фикція* („выдумка“) — это такой пріемъ мысли, въ силу котораго мы *условно* принимаемъ существованіе того, что̀ въ дѣйствительности не существуетъ, или, хотя и существуетъ, но — не въ томъ видѣ, въ какомъ мы его представляемъ себѣ. Такой—ложный—способъ представленія намъ почему-либо нуженъ или полезенъ для дѣятельности нашей мысли,—и мы миримся съ этою полезною „выдумкою“, съ этою „грамматическою ложью“. Нужно однако имѣть при этомъ въ виду, что фиктивность существительныхъ есть дѣло относительное: то, что̀ для одного человѣка фиктивно, для другого можетъ и не быть таковымъ; то, что̀ те-

[1]) Слова съ „внутреннею формою“ являются словами *образными*, и мы, по праву, можемъ назвать ихъ „*художественными*“, „поэтическими“. Напротивъ, слова безъ „внутренней формы“ лишены образности,—мы ихъ называемъ „*прозаическими*“.

перь считается фикціей, въ прежнее время признавалось дѣйствительнымъ. Такъ, въ древности думали, что напр. „бѣлизна“ есть въ самомъ дѣлѣ особая вещь, находящаяся въ другихъ вещахъ. И всѣ вообще признаки, качества, свойства понимались какъ вещи, при чемъ вѣрили даже въ самостоятельное существованіе многихъ изъ нихъ, отдѣльно отъ предметовъ, въ которыхъ они усматриваются. До сихъ поръ еще простые люди думаютъ, что *болѣзнь* есть особое существо, вселяющееся въ человѣка. *Смерть* также представлялась какимъ-то существомъ.—

Принимая во вниманіе тотъ родъ существительныхъ, къ которому принадлежатъ *бѣлизна*, *доброта*, *хожденіе* и т. д., мы дадимъ слѣдующее общее опредѣленіе этой части рѣчи:

Имя существительное есть часть рѣчи или форма мысли, служащая для обозначенія предмета (вещи, существа), какъ совокупности признаковъ, причемъ эти признаки могутъ быть или разнородные, или однородные, могутъ въ дѣйствительности составлять особые предметы или не составлять ихъ, а быть только принадлежностью другихъ предметовъ, наконецъ могутъ совсѣмъ не существовать въ дѣйствительности ни какъ вещи или существа, ни какъ признаки (напр. вѣдьма, русалка, домовой).

Этотъ очеркъ главныхъ частей рѣчи показываетъ намъ, что части рѣчи суть особыя формы мысли, которыя служатъ намъ для переработки получаемыхъ нами впечатлѣній; послѣднія мы отливаемъ въ эти формы, какъ въ готовыя рубрики или категоріи, помогающія намъ разбираться въ окружающемъ, классифицировать впечатлѣнія, относя одни къ понятію вещи, другія къ понятію признака, находящагося въ предметѣ или имъ производимаго. Безъ этой переработки и классификаціи, данной въ языкѣ, незамѣтно усваиваемой нами въ дѣтствѣ и (какъ мы видѣли во „Введеніи“) дѣйствующей въ сферѣ безсознательной, мы бы бродили во мракѣ и были бы неспособны къ дальнѣйшему развитію ума. Прежде чѣмъ усвоить научныя понятія и знанія о мірѣ, мы пріобрѣтаемъ

въ дѣтствѣ *грамматическое понятіе о немъ*, и въ дальнѣйшемъ пользуемся этими грамматическими формами, какъ необходимымъ орудіемъ мысли.

Но пойдемъ дальше. Не трудно понять, что *признакъ* (т.-е. объективированное впечатлѣніе) можетъ быть усмотрѣнъ не только въ какомъ-либо предметѣ, *но и въ другомъ признакѣ*. Напр. признаки, выраженные прилагательными *большой*, *яркій*, *бѣлый*, *черный*, *горячій*, *громкій* и т. д., могутъ сами обладать особыми признаками, которыми одна величина, яркость, бѣлизна и т. д. отличается отъ другой величины, яркости, бѣлизны. Такъ, положимъ, къ горѣ Чатыръ-Дагу отнесены прилагательныя *большая*, *высокая*, *крутая*, *величественная*, и мы говоримъ: „Чатыръ-Дагъ, это—большая, высокая, крутая, величественная гора“. Засимъ рѣчь зашла о Казбекѣ, и тѣ же признаки величины, высоты, крутизны и т. д. мы находимъ и въ этой горѣ, но только въ гораздо большей мѣрѣ и съ другими оттѣнками. И вотъ, сравнивая эти признаки одной горы съ таковыми же другой, мы приходимъ къ заключенію, что между тѣми и другими есть извѣстная разница, что признаки Казбека обладаютъ извѣстными свойствами, отличающими ихъ отъ соотвѣтственныхъ признаковъ Чатыръ-Дага. И мы говоримъ: „Казбекъ, это — гора *болѣе* высокая, *гораздо болѣе* величественная, *несравненно болѣе* крутая и трудная для подъема, чѣмъ Чатыръ-Дагъ“. Вотъ именно эти *признаки признаковъ* и выражены нарѣчьями *болѣе*, *гораздо болѣе*, *несравненно*. Возьмемъ теперь такой примѣръ. Признакъ отнесенъ къ другому признаку, который представленъ продуктомъ дѣйствія вещи, т.-е. выраженъ глаголомъ, а не прилагательнымъ. „Снѣгъ бѣлѣетъ“, т.-е. производитъ свою бѣлизну; этотъ признакъ „бѣлѣетъ“ можетъ въ свою очередь характеризоваться особыми признаками, напр. можно *бѣлѣть* ярко и неярко, долго и недолго, красиво или некрасиво и т. д. И вотъ говорятъ напр.: „на огромной равнинѣ *величаво* бѣлѣли снѣга“, или „*ослѣпительно — ярко* бѣлѣлъ снѣгъ подъ лучами солнца“ и т. п. Эти признаки признаковъ, производимыхъ предметомъ, т.-е. признаки глаголовъ, также выражаются *нарѣчіями*.

Итакъ, нарѣчье есть часть рѣчи или форма мысли, обозначающая признаки другихъ признаковъ, какъ тѣхъ, которые выражаются прилагательными, такъ и тѣхъ, которые отлиты въ форму глагола.

Къ числу нарѣчій принадлежатъ дѣепричастія, отличающіяся отъ обыкновенныхъ нарѣчій тѣмъ, что въ нихъ точка зрѣнія нарѣчія осложнена глагольною: признакъ представленъ не только даннымъ въ другомъ признакѣ, но и производимымъ дѣятельностью предмета. Такъ „онъ шелъ *прихрамывая*“ значитъ: признакъ „*итти*“ заключаетъ въ себѣ другой признакъ „*прихрамывать*“, и послѣдній, какъ находящійся въ другомъ признакѣ, отлитъ въ форму нарѣчья, но онъ, въ то же время, представленъ и производимымъ дѣятельностью предмета (прихрамываніе производилось тѣмъ лицомъ, о которомъ сказано, что оно „шло“). Дѣепричастье относится къ собственному нарѣчью такъ, какъ причастье относится къ прилагательному.

Вмѣсто выраженія „признакъ признака“ можно (и это представляется болѣе удобнымъ) взять другое: „*способъ (образъ) обнаруженія (проявленія) признака* [1]), и тогда наше опредѣленіе нарѣчья получитъ такую форму:

Нарѣчье есть часть рѣчи или форма мысли, обозначающая способъ (образъ) обнаруженія (проявленія) признака, даннаго въ предметѣ (выраженнаго прилагательнымъ) или производимаго дѣятельностью предмета (признака, выраженнаго глаголомъ).

§ 3. Всѣ разобранныя доселѣ части рѣчи образуютъ особую группу и извѣстны подъ именемъ знаменательныхъ. Ихъ отличительная черта въ томъ, что они *обозначаютъ признаки*, съ различныхъ точекъ зрѣнія, съ точки зрѣнія существительнаго, прилагательнаго, глагола, причастія, нарѣчія, дѣепричастія. Эти „*точки зрѣнія*“ „дѣйствуютъ“ въ сферѣ безсознательной, самый же *признакъ* данъ въ сознаніи (см. „Введеніе“).

Другую группу составляютъ тѣ части рѣчи, *которыя прямо*

[1]) Замѣчаніе академика Ѳ. Е. Корша.

не выражаютъ самихъ признаковъ, а только устанавливаютъ ту или другую точку зрѣнія на признакъ. Если самый признакъ не данъ, а только дана точка зрѣнія *существительнаго*, то и получаются такія формы мысли, какъ *я, ты, мы, вы, они, тотъ, этотъ*. Если, при отсутствіи самого признака, дана точка зрѣнія *прилагательнаго*,, то являются формы: *такой, всякій, каждый*. Далѣе, когда, при отсутствіи признака, взята точка зрѣнія *наръчья*, тогда возникаютъ формы: *тамъ, тутъ, здѣсь, такъ*.

Ясное дѣло, что во всѣхъ этихъ случаяхъ признаки отсутствуютъ не вполнѣ, не абсолютно: иначе не къ чему было бы прилагать точки зрѣнія существительнаго, прилагательнаго и т. д. Отсутствіе признака нужно понимать относительно: онъ подразумѣвается, его наличность признается, но только онъ не воспроизводится въ словѣ и не данъ непосредственно въ сознаніи. Такъ напр., если вмѣсто „зеленый“ я говорю „такой“, то признакъ зеленаго цвѣта (т.-е. представленіе его) этою замѣною не устраненъ изъ моей мысли, но его нѣтъ въ словѣ „такой“, которое можетъ быть употреблено и вмѣсто словъ „желтый“, „красный“, „черный“, „бѣлый“, „добрый“, „злой“, „большой“, „малый“ и т. д. и т. д.; однако, въ данномъ случаѣ, представленіе „зеленаго“ все-таки дано въ мысли, но только оно проявляется въ сознаніи не съ тою мгновенностью, съ какою оно проявилось бы тамъ, если бы я сказалъ „зеленый“: оно выступаетъ въ сознаніи не непосредственно, не вмѣстѣ со словомъ („такой“), а либо вслѣдъ за нимъ, либо раньше его.—Далѣе, есть случаи, когда, слыша слова „онъ“, „этотъ“, „такой“, „такъ“ и пр., мы не знаемъ, къ чему собственно они относятся: предметъ, признакъ предмета, признакъ признака не выяснены, но при этомъ вполнѣ признается ихъ наличность, ихъ существованіе. Самонаблюденіе приводитъ насъ къ заключенію, что напр. въ словѣ „такой“ его грамматическая форма, его точка зрѣнія прилагательнаго стоитъ значительно ближе къ свѣтлой точкѣ сознанія, чѣмъ въ словѣ „зеленый“, гдѣ поле сознанія заполнено самимъ признакомъ, лексическимъ значеніемъ слова.

Вотъ именно этого рода слова и составляютъ особую группу. Ихъ называютъ *незнаменательными, формальными, мѣстоименными* частями рѣчи. Въ отдѣльности они опредѣляются такъ:

Мѣстоименіе есть часть рѣчи или форма мысли, выражающая точку зрѣнія существительнаго или прилагательнаго на признакъ, который не обозначенъ въ словѣ и не данъ непосредственно въ сознаніи.

Малознаменательныя (формальныя) нарѣчья (*такъ, тамъ, здѣсь, какъ, когда, тогда, гдѣ* и пр.), большею частью происшедшія отъ мѣстоименныхъ корней, это—часть рѣчи или форма мысли, выражающая точку зрѣнія нарѣчья на признакъ, который не обозначенъ въ словѣ и не данъ непосредственно въ сознаніи.

Теперь спрашивается: возможны ли соотвѣтственныя формы въ глаголѣ, причастіи и дѣепричастіи?—Вполнѣ возможны, но ихъ немного. Представимъ себѣ, что признакъ, выраженный глаголомъ, не есть прямое впечатлѣніе или опредѣленное представленіе въ родѣ, *бѣлѣть, краснѣть, говорить, итти, лежать, сидѣть* и т. д, а является результатомъ отвлеченія отъ многихъ впечатлѣній,—результатомъ обобщенія различныхъ признаковъ. Въ такомъ случаѣ это будетъ очень общій, какъ бы неуловимый, незримый, неощутимый признакъ. Таковъ именно тотъ, который данъ въ глаголахъ *быть, существовать*: отъ разныхъ формъ бытья (существованія), какія мы наблюдаемъ (всякая вещь существуетъ на свой ладъ), отвлечены лишь самыя общія, всѣмъ имъ принадлежащія черты. Это—обобщеніе разныхъ формъ бытья,—той, какая присуща живымъ существамъ, и той, которая свойственна вещамъ; тутъ и существованіе человѣка, и—звѣрей, и—насѣкомыхъ, и—растеній, и—минераловъ, и—планетъ и т. д.,—однимъ словомъ — всего, о чемъ только можно сказать, что оно существуетъ. Понятно, что такой общій признакъ столь блѣденъ и несодержателенъ, что его можно сравнить съ тѣмъ, который данъ въ мѣстоименіяхъ и формальныхъ на-

рѣчьяхъ. Въ глаголахъ *быть, существовать*, при отвлеченности ихъ лексическаго значенія, ярче проявляется (стоитъ ближе къ свѣтлой точкѣ сознанія) ихъ формальная, грамматическая сторона. Подобно мѣстоименіямъ и формальнымъ нарѣчьямъ, они могутъ быть названы *малознаменательными-формальными*. Таковы же и соотвѣтственныя причастья и дѣепричастья: *сущій, бывшій, будущій, будучи, бывъ, бывши*.

Идя дальше въ этомъ направленіи, т.-е. слѣдя за убывающею знаменательностью и возростающею формальностью словъ, мы находимъ *третью группу* — словъ незнаменательныхъ, чисто-формальныхъ.

Сюда относится глаголъ *быть (есть, суть, былъ, буду* и пр.), когда онъ служитъ *связкою*, напр. въ предложеніи „онъ *былъ* боленъ“, гдѣ въ глаголѣ *былъ* устраняется даже отвлеченный признакъ „существованія“: здѣсь *былъ* не значитъ „существовалъ“,—онъ только выражаетъ *связь* между *онъ* и *боленъ*; въ немъ признакъ, т.-е. лексическое значеніе, есть величина мнимая, и такой глаголъ-связка *совсѣмъ незнаменателенъ*, и его формальность еще значительно больше формальности мѣстоименій, малознаменательныхъ нарѣчій и таковыхъ же глаголовъ. Послѣдніе *(быть, есть* въ смыслѣ „существовать“, „находиться“, напр. „я *былъ* тогда въ Кіевѣ...“ „у меня *есть* деньги...“), въ отличіе отъ глагола-связки, такъ и называются „глаголами *существительными*“, т.-е. означающими существованіе.

Связка *быть (есть, суть)* есть связка *отвлеченная*, въ противоположность другимъ глаголамъ—связкамъ, въ которыхъ данъ извѣстный признакъ, напр. *лежать* въ предложеніи „въ то время я *лежалъ* больной“ вмѣсто „я *былъ* боленъ“. Объ этихъ „конкретныхъ“ (или „полуотвлеченныхъ“) связкахъ у насъ будетъ рѣчь впослѣдствіи.

Къ той же третьей группѣ словъ незнаменательныхъ—формальныхъ относятся *предлоги* и *союзы*. Они не выражаютъ признаковъ, а только устанавливаютъ связь между другими словами. Такъ предлогъ *въ* предложеніи „я ѣду *въ* Кіевъ“ устанавливаетъ связь между *ѣду* и *Кіевъ* и является *связкою*

дополненія; союзъ *и* въ предложеніи „у него есть деньги *и* домъ" служитъ связкою двухъ частей предложенія (двухъ подлежащихъ). Взятыя отдѣльно, эти слова не имѣютъ смысла. Подобно глаголу—связкѣ, они не самостоятельны. Ихъ и называютъ *служебными* частями рѣчи.

Что касается *числительныхъ*, то они занимаютъ середину между знаменательными и формальными частями рѣчи. Въ нихъ признакъ есть (количество, число), но онъ—внѣшній, несодержательный, не качественный; онъ самъ, въ извѣстномъ смыслѣ, формаленъ, какъ все, что̀ принадлежитъ къ математическимъ категоріямъ мысли. Съ грамматической же стороны мы имѣемъ въ ряду числительныхъ—*существительныя (одинъ два, три... сто, тысяча...), прилагательныя (первый, второй... десятый... сотый...)* и *наръчья (дважды, трижды...)*

Междометіе, какъ выраженіе *чувства*, а не *мысли*, не есть настоящая часть рѣчи: въ немъ нѣтъ ни признака, ни грамматической формы. Его можно назвать *фиктивною* частью рѣчи. Въ связи съ этимъ оно и не входитъ въ составъ предложенія, а стоитъ внѣ его.

На основаніи всего вышеизложеннаго, мы дадимъ слѣдующую классификацію всѣхъ словъ русскаго языка по частямъ рѣчи:

I. *Со стороны* формально-грамматической *слова дѣлятся на:*

1) Существительныя: *домъ, человѣкъ, Богъ, высота, доброта, знаніе, истина, правосудіе, хожденіе, человѣчество, этотъ, тотъ, онъ, она, я, ты, мы, кто, два, сто, тысяча...*

2) Прилагательныя: *добрый, злой, бѣлый, высокій, жемчужный, трудный, береговой, мой, твой, каждый, такой, который, первый, второй, сотый...*

3) Глаголы: *говорю, идешь, бѣлѣетъ, ходимъ, сидятъ, пить, играть, быть, есть, существую...*

4) Причастья: *говорящій, сказавшій, бѣлѣющій, любимый, взятый, поющій, сказанный, бывшій...*

5) Наръчья: *хорошо, много, мало, высоко, болѣе, сильнѣе, тамъ, здѣсь, такъ, гдѣ, когда, дважды, трижды...*

6) Дѣепричастья: *говоря, сказавъ, будучи, взявши...*

7) Служебныя слова: глаголы—связки, предлоги, союзы.

II. *Со стороны* убывающей знаменательности и возростающей формальности *слова дѣлятся на:*

1) Знаменательныя.
1. *Существительныя* (кромѣ немногихъ—отвлеченныхъ).
2. *Прилагательныя.*
3. *Глаголы* (кромѣ немногихъ—отвлеченныхъ и связокъ).
4. *Причастья* (кромѣ немногихъ—отвлеченныхъ).
5. *Нарѣчья* (кромѣ формальныхъ).
6. *Дѣепричастья* (кромѣ немногихъ—отвлеченныхъ).

2) Знаменательныя-отвлеченныя.
1. *Глаголы существительные (быть, существовать)*, соотвѣтственныя *причастья и дѣепричастья (бывшій, сущій, будучи)* и также *отглагольныя имена существительныя, выражающія отвлеченное понятіе бытія (бытіе, существованіе).*
2. *Числительныя.*

3) Малознаменательныя-формальныя.
1. *Мѣстоименія.*
2. *Формальныя нарѣчья.*
3. *Конкретныя* (или *полуотвлеченныя) глаголы—связки (являться, жить, итти, сидѣть и др.)*

4) Незнаменательныя-формальныя.
1. *Отвлеченныя глаголы—связки (быть, есть, сутъ).*
2. *Предлоги.*
3. *Союзы.*

§ 4. Теперь намъ предстоитъ болѣе трудный вопросъ о томъ, что̀ такое предложеніе и его части.

Во „Введеніи“ мы ознакомились съ грамматическимъ явленіемъ *предицированія*. Имѣя въ своемъ распоряженіи понятіе о немъ, мы устанавливаемъ слѣдующее опредѣленіе *предложенія:*

Предложеніе есть такое слово или такое упорядоченное сочетаніе словъ, которое сопряжено съ особымъ движеніемъ мысли, извѣстнымъ подъ именемъ „предицированія“ („сказуемости“).—Если этого движенія мысли нѣтъ, то нѣтъ и предложенія. Такъ напр. слово „морозный“ такого движенія въ себѣ не заключаетъ, и потому оно и не можетъ быть предложеніемъ. Но „морозитъ“, несомнѣнно, есть слово, обладающее предикативностью, и потому оно является не только словомъ, но и предложеніемъ. Сочетаніе словъ „домъ—хорошій—этотъ—купецъ“ не составляетъ предложенія; чтобы изъ нихъ образовалось таковое, нужно присоединить къ нимъ слово, обладающее предикативностью, и засимъ привести ихъ въ порядокъ, установить между ними синтактическія соотношенія, сдѣлать изъ нихъ синтактически-организованное цѣлое. Это осуществится, если придадимъ имъ напр. такую форму: „этотъ купецъ построилъ хорошій домъ“, гдѣ имѣется предикативное слово „построилъ“, и гдѣ всѣ слова выступаютъ въ извѣстныхъ роляхъ, одно—какъ подлежащее, другое—какъ сказуемое, третье—какъ дополненіе и т. д., и всѣ они приведены въ стройный порядокъ, по правиламъ согласованія и управленія.

Итакъ, вотъ условія, которыя необходимы для возникновенія предложенія: 1) *наличность словъ (хотя бы одного)*, 2) *наличность предикативнаго движенія мысли, воплощеннаго въ одномъ изъ данныхъ словъ;* 3) *организація словъ въ порядкѣ согласованія и управленія.*—Гдѣ нѣтъ хотя бы одного изъ этихъ условій, тамъ нѣтъ и предложенія.

Важнѣйшая часть предложенія, это—сказуемое, иначе называемое предикатомъ. Оно-то и есть носитель и выразитель того движенія мысли, которое извѣстно подъ именемъ

предикативности (предицированія, сказуемости), и безъ котораго предложеніе невозможно. Безъ сказуемаго не можетъ быть предложенія, между тѣмъ какъ всѣ прочія части могутъ отсутствовать. Такъ, „свѣтаетъ“, „морозитъ“, „тошнитъ“, это—предложенія, состоящія изъ однихъ сказуемыхъ.

Въ современномъ русскомъ, какъ и въ другихъ родственныхъ языкахъ, *необходимымъ носителемъ сказуемости (предикативности) является глаголъ*. Наблюдая различныя формы выраженія сказуемаго въ современныхъ индоевропейскихъ языкахъ, мы приходимъ къ выводу, гласящему такъ: *безъ глагола или, по крайней мѣрѣ, безъ глагольности нѣтъ предложенія*. Этому выводу ничуть не противорѣчатъ тѣ случаи, гдѣ глаголъ опущенъ: опущенное слово подразумѣвается, т.-е. присутствуетъ въ мысли. Мало того: *пропускъ глагола—сказуемаго не означаетъ отсутствія глагольности даже и тогда, когда этотъ глаголъ не подразумѣвается*. Такъ напр., въ предложеніи „ты — боленъ“ отсутствуетъ и не подразумѣвается глаголъ *еси*, совсѣмъ не существующій въ современномъ русскомъ; но что тутъ есть *глагольность*, есть *ея умственное — грамматическое — ощущеніе*, — это всѣ мы чувствуемъ и сознаемъ, и это обнаруживается, какъ только возьмемъ прошедшее или будущее время: „ты *былъ* боленъ“, „ты *будешь* боленъ“ [1]).—Далѣе, когда я говорю „морозъ!“ или „вотъ-такъ морозъ!“ вмѣсто „морозитъ“, то существительному „морозъ“ несомнѣнно сопутствуетъ умственное грамматическое ощущеніе глагольности, и такое существительное можно назвать въ извѣстной мѣрѣ *олаголенным*. Въ русскомъ, какъ и въ другихъ языкахъ, есть извѣстное количество *глагольныхъ и олаголенныхъ словъ;* таково напр. нарѣчіе *пóлно* въ выраженіи: *„ну, пóлно!“* (т.-е. „перестань“); къ нему даже присоединяется окончаніе 2-го лица мн. ч.: *„полно-те!“* Таковы-же и *„ну!“ „ну-те!“—„вонъ!“—„Бухъ!“—„Бацъ!“* и др.

[1]) Въ предложеніяхъ „я боленъ“, „ты боленъ“, „она больна“ и т. д. пропускъ глагола не только не означаетъ его отсутствія, но даже указываетъ на его наличность (въ мысли) въ опредѣленной формѣ, именно въ формѣ настоящаго времени.

Возьмемъ еще примѣръ:

„Татьяна — ахъ!.. Пошла — и что-жъ? Медвѣдь за ней". *(Пушк. Ев. Онѣг.). Здѣсь глаголы пропущены, но этотъ пропускъ отнюдь не означаетъ отсутствія глагольности въ самой грамматической мысли.* При этомъ все равно, какіе именно глаголы мы могли бы тутъ подразумѣвать (напр. Татьяна *вскрикнула* „ахъ"; медвѣдь *идетъ* или *лѣзетъ* за нею); даже лучше будетъ вовсе не останавливаться мыслью на опредѣленномъ глаголѣ (это обусловливается и оправдывается быстротою, оживленностью рѣчи-мысли въ данномъ случаѣ); но безусловно-необходимо и существенно—важно здѣсь то, что *въ мысли проявляется умственное ощущеніе необходимости глагола, мелькаетъ какъ бы чистая глагольная форма, и только въ силу быстроты рѣчи-мысли эта глагольная форма не успѣла наполниться опредѣленнымъ лексическимъ содержаніемъ. Здѣсь глаголъ присутствуетъ—какъ форма, какъ грамматическая идея или категорія глагольности, и отсутствуетъ въ смыслѣ опредѣленнаго, точно обозначеннаго лексическаго значенія. Это отсутствіе, эта невыраженность лексическаго значенія* есть въ своемъ родѣ *особый способъ выраженія;* очевидно, будь обозначены глаголы,—фраза не имѣла бы той выразительности, не производила бы того эффекта, какіе ей присущи. Такой *отрицательный* способъ выраженія въ томъ и состоитъ, что лексическое значеніе глагола не дано съ полной опредѣленностью, и только контекстъ указываетъ на тѣ—правда, очень тѣсныя—границы, въ которыхъ оно замкнуто (для перваго глагола, это—значеніе „вскрикнуть", для второго—„итти", „лѣзть"). Такъ какъ лексическое значеніе только намѣчено, но прямо не указано, не „названо", то, разумѣется, не могла быть выражена и глагольная форма. Но—не выраженная—она присутствуетъ въ мысли, и это уже значитъ, 1) что тутъ есть слово, хотя и не произнесенное, и 2) что это непроизнесенное слово есть *глаголъ*. Мало того: невыраженные глаголы выдаютъ свое тайное присутствіе въ мысли еще и *своею ролью сказуемыхъ*. Это ясно чувствуется въ томъ, что нѣкоторая тѣнь, какъ глагольности, такъ и сказуемости падаетъ на дополненія

„ахъ“ и „за ней“, которыя въ этомъ случаѣ произносятся съ извѣстною интонаціею: этой особой интонаціи не будетъ, если мы выразимъ глаголы. Сравнимъ:

Татьяна—*ахъ!*..

. . . . . .

. . . . . .

Пошла—и что-жъ? медвѣдь—за нéй—

и: Татьяна вскрикнула „*ахъ*“!..

. . . . . медвѣдь лѣзетъ *за ней*.

Различные случаи этого рода (отсутствіе глагола—сказуемаго при наличности ощущенія глагольности) могутъ быть освѣщены еще слѣдующимъ соображеніемъ. Въ языкѣ, т.-е. въ нашей умственной дѣятельности, извѣстной подъ именемъ „языка“, въ такъ называемомъ „грамматическомъ мышленіи“, происходятъ сложные акты мысли, большею частью протекающіе въ сферѣ безсознательной. Въ томъ числѣ тамъ совершаются разнаго рода „грамматическія умозаключенія“. Въ ряду послѣднихъ есть и такое: „въ подавляюще—огромномъ количествѣ случаевъ сказуемое, въ современномъ языкѣ, выражается глаголомъ, и глагольность стала излюбленною, привычною формою сказуемаго,—а потому и тамъ, гдѣ глагола-сказуемаго нѣтъ въ грамматическомъ выраженіи, глагольность сказуемаго должна быть такъ или иначе дана“. Такую приблизительно форму получило бы это „грамматическое умозаключеніе“, еслибы перевести его изъ безсознательной сферы въ сознаніе. Результатомъ же его скрытаго дѣйствія и является то, что, разъ дано напр. существительное, которое мы почему-бы-то-ни-было склонны принять за подлежащее предложенія, а глаголъ не данъ, то мы сейчасъ же либо оглаголиваемъ это существительное (какъ въ выраженіи „морозъ!“), либо подразумѣваемъ тотъ или иной глаголъ, либо наконецъ „мысленно ощущаемъ“ глагольную сказуемость, не ища для нея особаго выраженія въ томъ или другомъ глаголѣ. Такъ это напр. въ извѣстномъ стихотвореніи Фета:

Шопотъ, робкое дыханье,

Трели соловья. . . и т. д.,

которое сплошь состоитъ изъ существительныхъ-подлежащихъ (съ ихъ дополненіями и опредѣленіями). Не вставляя глаголовъ (что̀ испортило бы все стихотвореніе), мы однако сопровождаемъ эти существительныя умственнымъ ощущеніемъ глагольной сказуемости—потому только, что они даны намъ—какъ *подлежащія*.

Принявъ это основное положеніе, что сказуемое это—глаголъ, или, точнѣе, безъ участія глагола или, по крайней мѣрѣ, глагольности не обходится, мы легко выведемъ оттуда и *понятіе подлежащаго, равно какъ и его выраженіе существительнымъ*.

Глаголъ, какъ мы уже знаемъ, есть грамматическое выраженіе признака, производимаго дѣятельностью (подлинною или мнимою) предмета. Слѣдов. сказуемое-глаголъ предполагаетъ существованіе предмета, который дѣйствуетъ или представляется дѣйствующимъ. Этотъ дѣйствующій предметъ можетъ остаться неизвѣстнымъ или грамматически не обозначеннымъ. Но если онъ извѣстенъ и грамматически обозначенъ, то *это обозначеніе и есть подлежащее*. Итакъ, подлежащее есть грамматическое обозначеніе дѣятеля (подлиннаго или мнимаго), производящаго признакъ, данный въ сказуемомъ. — Данъ признакъ „бѣлѣть“ и при томъ данъ — какъ сказуемое „бѣлѣетъ“; если извѣстно, кто или что̀ именно производитъ этотъ признакъ въ данномъ случаѣ, и если для этого производителя найдено опредѣленное грамматическое выраженіе, то при сказуемомъ „бѣлѣетъ“ и появляется подлежащее, напр. „снѣгъ“. Получается предложеніе „снѣгъ бѣлѣетъ“, въ которомъ „снѣгъ“ есть подлежащее, т.-е. грамматическое обозначеніе дѣйствующаго предмета, производящаго тотъ признакъ, который данъ въ сказуемомъ „бѣлѣетъ“.—[О подлежащемъ при страдат. зал. см. въ гл. III (§ 11), 4].

Такъ какъ грамматическимъ выраженіемъ предмета, а слѣдов. и „дѣятеля“, является *существительное* (а не другія части рѣчи), то грамматическимъ подлежащимъ можетъ быть только *имя существительное* въ имен. пад. (при чемъ, разу-

мѣется, все равно, существительное ли оно въ тѣсномъ смыслѣ, или же мѣстоименіе, или числительное). Другія части рѣчи могутъ быть подлежащимъ только какъ *замѣны существительнаго.*

Взятое внѣ предложенія, существительное есть грамматическое изображеніе *предмета* (неодушевленнаго и одушевленнаго,—подлиннаго и фиктивнаго или мнимаго). Въ предложеніи *предметы* являются въ двухъ роляхъ: 1) *въ роли подлежащаго,* — и тогда „предметъ“ превращается въ *дѣятеля,* почему и существительное, какъ обозначеніе подлежащаго, выражаетъ не просто „предметъ“, но предметъ — *какъ дѣятеля, какъ дѣйствующее лицо, отвѣчающее лицу глагола-сказуемаго;* 2)—*въ роли дополненія, которое смыслов. также выражается существительнымъ, но уже только какъ обозначеніемъ предмета (объекта), а не дѣятеля (субъекта).*

Дополненіе есть второстепенная часть предложенія, обозначающая, въ формѣ существительныхъ, предметъ (объектъ), которымъ, съ различныхъ сторонъ, разъясняется дѣятельность, выраженная сказуемымъ, а также смыслъ или значеніе другихъ частей предложенія. Такъ, напр. въ предложеніи „я читаю *книгу*“ дополненіе „*книгу*“ разъясняетъ дѣятельность, выраженную сказуемымъ „*читаю*“, въ томъ смыслѣ, что указываетъ на предметъ, на который прямо направлена эта дѣятельность; въ предложеніи „онъ отогналъ собаку *палкою*“ дополненіе „*палкою*“ указываетъ на орудіе, при помощи котораго осуществилось дѣйствіе „отогналъ“; въ предложеніи „онъ живетъ въ домѣ своего *брата*“ дополненіе „*брата*“ служитъ для уясненія другого дополненія „въ домѣ“.—Дополненія, т.-е. грамматическіе объекты (предметы) въ предложеніи, могутъ быть подведены подъ двѣ категоріи: 1) дополненія *приглагольныя,* относящіяся къ глаголу и имъ управляемыя (непосредственно или посредственно при помощи предлоговъ), и 2) дополненія *прѣименныя,* относящіяся къ именамъ и ими управляемыя (также либо прямо, либо при содѣйствіи предлоговъ).—Различныя формы дополненія выражаются существи-

тельными (и мѣстоименіями и числительными, въ ихъ значеніи — какъ существительныхъ) во всѣхъ падежахъ, кромѣ именительнаго и звательнаго.—Излишне пояснять, что объектъ (предметъ), выражаемый дополненіемъ, можетъ быть и вещью, и лицомъ.

Кромѣ *дѣятеля* (подлежащаго), выраженія его *дѣятельности* (сказуемаго) и *объекта* (дополненія), въ предложеніи бываютъ еще и другія части, служащія для обозначенія *признаковъ*, принадлежащихъ: 1) *предметамъ* (дѣятелю — подлежащему, объекту—дополненію) и 2) *признакамъ* тѣхъ же предметовъ. Первые, признаки предметовъ (подлежащаго, дополненія, именной части составного сказуемаго), называются опредѣленіями ихъ. Мы знаемъ уже, что часть рѣчи, служащая выраженіемъ признаковъ предметовъ, есть *имя прилагательное* (съ мѣстоим.—прилаг. и числит.— порядковыми, а также и съ примыкающимъ къ нему *причастьемъ*). Слѣдоват., выраженіемъ *опредѣленій* являются *прилагательныя* (въ обширномъ см.) и *причастья*. Но, какъ извѣстно, есть случаи, когда въ роли опредѣленія выступаетъ также *имя существительное* (такъ наз. „приложеніе“). Это значитъ, что признакъ предмета самъ понятъ или представленъ какъ особый „предметъ“, находящійся въ другомъ предметѣ.

Вторые, т.-е. признаки не предметовъ, а другихъ признаковъ, или выраженія, обозначающія способъ обнаруженія признаковъ, образуютъ въ предложеніи то, что̀ принято называть обстоятельствами или словами обстоятельственными. Мы знаемъ уже, что для выраженія признака, отнесеннаго къ другому признаку, существуетъ особая часть рѣчи, называемая *нарѣчьемъ* (съ примыкающимъ къ нему *дѣепричастьемъ*). Итакъ, выраженіемъ *обстоятельствъ* въ предложеніи служатъ *нарѣчья* (и *дѣепричастья*).

Послѣ этихъ предварительныхъ разъясненій мы можемъ приступить къ подробному разсмотрѣнію *частей предложенія* и *способовъ ихъ выраженія различными частями рѣчи*.

ГЛАВА II.

Сказуемое и его выраженіе.

Сказуемое простое, двойное и составное. Связка. Дѣепричастье. Причастье. Инфинитивъ.

---

§ 5. Сказуемое въ современномъ русскомъ, какъ и въ другихъ языкахъ, бываетъ трехъ родовъ: 1) простое, 2) составное и 3) двойное.

Простымъ сказуемымъ называется такое, которое выражено одною, цѣльною глагольною формою, напр., „я *сказалъ*“, „ты *говоришь*“, „онъ *идетъ*“ и т. д. Составнымъ сказуемымъ называется такое, которое состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ моментовъ, изъ коихъ одинъ — личный глаголъ, а другой — имя (существительное, прилагательное, причастье). Напр. „онъ *былъ купецъ*“, „ты *былъ* тогда *молодъ*“, „Пушкинъ *(есть)* великій *поэтъ*“, „онъ *былъ* всѣми *уважаемъ*“. Глагольная часть составного сказуемаго *(былъ, будетъ, есть,* обыкновенно опускающееся), называется, какъ мы уже знаемъ, связкою (или точнѣе: *связкою сказуемаго).* Роль въ мысли (въ предложеніи) этой части сводится къ тому, чтобы *связывать* вторую, именную, часть сказуемаго съ подлежащимъ. Эта роль основывается на томъ, что связка (сказуемаго), которая всегда глаголъ, беретъ на себя выраженіе *самой предикативности, сказуемости,* т.-е. того особаго движенія или усилія мысли, которое, какъ мы знаемъ, составляетъ отличительный психологическій признакъ сказуемаго. Итакъ, *связка* выражаетъ *сказуемость, а не самое содержаніе (не лексическое значеніе)* сказуемаго. Это содержаніе (это лексическое значеніе) дано во второй, именной, части составного сказуемаго, которая обыкновенно называется предикативнымъ аттрибутомъ. „Аттрибутъ“ значитъ *признакъ;* въ данномъ случаѣ, напр., въ предложеніи „онъ *былъ* тогда *молодъ* и *неопытенъ*“, аттрибуты (признаки) *молодой* и *неопыт-*

ный, выраженные прилагательными, взяты не какъ простое опредѣленіе подлежащаго, а какъ часть предиката (сказуемаго), и, примыкая къ связкѣ („былъ"), заимствуютъ отъ нея силу сказуемости (предикативности). Поэтому ихъ и называютъ *аттрибутами предикативными*.

Прежде чѣмъ пойти дальше, нужно устранить возможность одного недоразумѣнія. Мы сказали, что простое сказуемое выражается одною цѣльною формою, однимъ глаголомъ. Къ этому нужно добавить, что форма можетъ состоять изъ двухъ и болѣе словъ и все-таки оставаться *одною, цѣльною* и слѣдов. быть простымъ сказуемымъ. Такъ это напр. во французскихъ и нѣмецкихъ *сложныхъ временахъ: j'ai pris, je suis venu*, ich *habe gelesen*, ich *bin gekommen* и т. п. Въ этихъ формахъ мы имѣемъ „вспомогательный глаголъ" *(être, avoir, haben, sein)* и причастіе спрягаемаго глагола, но ни то, ни другое не образуетъ особаго, самостоятельнаго момента въ мысли. Глаголы *ai* и *suis*, въ этихъ формахъ, не отражаются въ мысли, первый въ значеніи „имѣю", а второй—въ значеніи „есмь", и, лишенные своего собственнаго смысла, примыкаютъ къ причастію *(pris, venu)*, образуя вмѣстѣ съ нимъ одну грамматическую единицу, одно неразложимое цѣлое. Это легко провѣрить слѣдующимъ способомъ: вводя во фразу дополненіе или обстоятельство, мы ясно видимъ, что оно не можетъ относиться къ одной изъ частей сложнаго времени, а непремѣнно будетъ относиться къ обѣимъ, взятымъ вмѣстѣ, какъ къ одному нераздѣльному цѣлому: *j'ai lu* ce livre avec plaisir, je suis venu à Paris, ich habe dieses Buch gelesen, ich bin in Berlin angekommen и т. д. Совершенно очевидно, что *ce livre* и *avec plaisir* никоимъ образомъ не могутъ относиться отдѣльно, напр., къ *ai*, не относясь къ *lu*, а должны относиться къ *ai*+*lu*, которое имъ противупоставляется—какъ неразложимое цѣлое. Въ нѣмецкомъ этой неразложимости сложнаго времени *(habe gelesen)* ничуть не мѣшаетъ тотъ фактъ, что дополненіе и обстоятельство помѣщаются между его частями. Отсюда мы заключаемъ, что видимая, внѣшняя раздѣльность грамматической формы нисколько не препятствуетъ единенію

ея частей въ мысли. Для единства, для неразложимости формы нужно одно,—чтобы глаголъ, напр., *ai, habe*, не сознавался отдѣльно въ своемъ значеніи („имѣю“), а причастіе *(lu, gelesen)*, въ своемъ причастномъ значеніи („прочитанный“), т.-е. чтобы это не значило „имѣю прочитаннымъ“, а было вполнѣ равносильно нашему „прочиталъ“. Наши прошедшія времена на—*лъ (взялъ, далъ, шелъ, говорилъ)* были въ старину сложными временами того же типа, какъ нѣм. съ *sein* и франц. съ *être*, говорили: *есмь взялъ, еси пришелъ, есть послалъ, суть имѣли* и т. д. Это было сложное время, которое, въ извѣстную эпоху, уже перестало быть составнымъ сказуемымъ и превратилось въ простое.

Послѣ этого отступленія, мы можемъ вернуться къ составному сказуемому. Постараемся вникнуть во взаимныя отношенія его частей.

Уже непосредственное чутье языка показываетъ, что части составного сказуемаго образуютъ, каждая, особый моментъ въ мысли и не сливаются въ неразложимое цѣлое, не взирая на то, что связка („былъ“) не удерживаетъ своего лексическаго значенія („былъ“ въ связкѣ не значитъ „существовалъ“). Составное сказуемое „былъ боленъ“, конечно, образуетъ своего рода *цѣлое*, но это цѣлое не есть *одна единица*,—оно состоитъ изъ *двухъ единицъ*, изъ *двухъ моментовъ*, раздѣльность которыхъ ощущается съ большею или меньшею явственностью. Помимо непосредственнаго чутья, мы можемъ и здѣсь прибѣгнуть къ тому же опыту, при помощи котораго мы обнаружили выше нераздѣльность сложныхъ формъ глагола. Возьмемъ предложенія съ составными сказуемыми и введемъ въ нихъ дополненія и обстоятельственныя слова, напр., „онъ былъ *тогда очень* молодъ“, „N былъ боленъ *тифомъ*“, „онъ—(есть) офицеръ *N-го полка*“, „Н—(есть) купецъ *первой гильдіи*“ и т. д. Здѣсь мы замѣчаемъ, что „тогда“ относится спеціально къ „*былъ*“, а не къ „*молодъ*“, а „*очень*“ спеціально — къ *молодъ*,—„*тифомъ*“ примыкаетъ къ „*боленъ*“ и никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ „*былъ*“,—„*N-скаго полка*“ относится къ „*офицеръ*“ отдѣльно, а „*первой*

гильдіи“ — къ „*купецъ*“. Если и чувствуется, что, напр., дополненіе „*тифомъ*“ имѣетъ отношеніе къ цѣлому „*былъ боленъ*“, то это обусловлено тѣмъ, что „*тифомъ*“ тяготѣетъ къ „*боленъ*“, а послѣднее вмѣстѣ съ „былъ“ образуетъ составное сказуемое. Но тяготѣя къ „боленъ“, и не тяготѣя къ „былъ“, дополненіе „*тифомъ*“ обнаруживаетъ раздѣльность двухъ моментовъ составного сказуемаго. Вообще можно сказать, что дополненія и обстоятельства при составномъ сказуемомъ, въ одно и то же время, и объединяютъ его и, пожалуй, еще болѣе, разъединяютъ его части, относясь спеціально къ одной изъ нихъ. Какъ бы то ни было, единство составного сказуемаго не есть то, которое присуще сложнымъ временамъ: „былъ боленъ“, какъ и *je suis malade*, ich *bin krank*, суть цѣлыя, состоящія изъ двухъ отдѣльныхъ моментовъ мысли, въ противуположность сложнымъ временамъ *есмь взялъ* (стар. русск.), *j'ai pris*, ich *bin gekommen* и проч., образующимъ одинъ моментъ.

Раздѣльность частей составного сказуемаго обнаруживается также въ слѣдующемъ: 1) одна изъ нихъ, именно *связка*, можетъ быть зачастую выражаема различными глаголами (въ свое время у насъ будетъ рѣчь объ этомъ) и 2) другая часть, предикативный аттрибутъ, выражаемый существительнымъ и прилагательнымъ, можетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, быть переведена изъ именительнаго падежа въ творительный („былъ *купецъ*“ и „былъ *купцомъ*“), отчего составное сказуемое превращается въ простое; упомянемъ также о замѣнѣ прилагательнаго (въ сказуемомъ: „онъ — *уменъ*“) нарѣчіемъ („онъ — *умнѣе*“), результатомъ чего также является превращеніе составного сказуемаго въ простое. Объ этихъ оборотахъ мы будемъ говорить подробно въ гл. III-ей. Здѣсь же я упоминаю объ этомъ только для того, чтобы обратить вниманіе на *замѣняемость* и *подвижность* частей составного сказуемаго—въ противуположность *незамѣняемости* и *неподвижности* частей сложныхъ формъ глагола; этимъ еще ярче оттѣняется *раздѣльность* частей составного сказуемаго и *нераздѣльность*, *цѣльность* сложныхъ глагольныхъ формъ, образующихъ *простое* сказуемое.

§ 6. Виды составного сказуемаго. — Въ современномъ русскомъ существуетъ два вида составныхъ сказуемыхъ: 1) *съ именами существительными и прилагательными* (въ роли предикативнаго аттрибута) и 2) *съ причастіями страдательными* (въ той-же роли). Примѣры: 1) „онъ былъ *купецъ*“, „онъ былъ *боленъ*“, 2) „онъ былъ всѣми *любимъ*“.—Но въ старомъ русскомъ (какъ это было и въ другихъ языкахъ) въ большомъ ходу были, кромѣ этихъ двухъ видовъ, еще составныя сказуемыя *съ причастьями дѣйствительными настоящаго и прошедшаго врем.* на—*щій*,—*ший*,—*вшій*,—*шій*, обыкновенно (но не всегда) употреблявшимися въ этомъ случаѣ не въ мѣстоименной, а въ именной формѣ.—Намъ необходимо познакомиться здѣсь, въ общихъ чертахъ, съ этимъ стариннымъ оборотомъ, такъ какъ отъ него прямымъ путемъ возникли нѣкоторыя, очень важныя, синтактическія формы современнаго языка.

Приведемъ сперва нѣсколько примѣровъ изъ лѣтописей:

И *есть* церки та *стоящи* (прич. дѣйств. наст. вр. ж. р. въ именной формѣ) въ Корсунѣ градѣ (Лавр. л.).—Буквально это звучало бы теперь такъ (кромѣ именной формы причастья, которую мы принуждены замѣнить мѣстоименною): „и *есть* та церковь *стоящая* въ городѣ Корсунѣ“. Въ настоящее время такой оборотъ невозможенъ,—и мы должны перевести (замѣняя составное сказуемое простымъ): „и *стоитъ* (вм. „есть стоящая“) та церковь въ городѣ Корсунѣ“.

Суть же кости его и доселѣ тамо *лежаче* (прич. дѣйств. наст. имен. пад. мн. чис.; Лавр. л.)—букв. „*суть* кости его доселѣ тамъ *лежащія*“,—оборотъ невозможный, вмѣсто котораго мы скажемъ: „кости его *лежатъ* тамъ доселѣ“.

Суть же (Грьци—Греки) хытро *сказающе*, и чюдно слышати ихъ (Лавр.) — „искусно *разсказываютъ*, хорошо *говорятъ*“.

Бѣ бо Володимеръ *любя* (прич. дѣйств. наст. вр. имен. пад. муж. род. един. чис.) дружину и съ ними *думая* (то-же) о строѣ земленѣмь и о ратехъ... и *бѣ живя* (то-же) съ кнѧзи околними миромь... (Лавр. подъ 996 г.), т.-е. „Владиміръ

любилъ дружину и *думалъ* съ нею (въ подлинникѣ „съ ними“—въ виду собирательности существительнаго „дружина“,—явленіе обычное въ старомъ языкѣ) объ устройствѣ земли и о войнахъ... и *жилъ* съ окольными князьями въ мирѣ...“.

Послахъ отрока своего в Печеру, люди, иже *суть* дань *дающе* (прич. дѣств. наст. мн. ч.) Новугороду... „которые *даютъ* дань Новгороду“.

Аще ли *покаявшеся* (прич. дѣйств. прош. вр. мн. ч. им. п.) *будемъ*... букв. „будемъ покаявшіеся“ т.-е. если *покаемся*. ..... пещеру..., въ ней же *бяше* множество Чюди *вльзше* (прич. прош. дѣйств. им. мн.)—букв. „пещеру, въ которой множество Чуди *было вльзшіе* (множ. число причастья—въ виду собирательнаго „множество Чуди“), т.-е. „въ которую *вльзло* множество Чуди“ [1]).

Примѣчаніе. Этотъ послѣдній оборотъ—со связкою *быти (есть, бѣхъ...)* и съ *прич.* прош. *дѣйств.*, въ противоположность обороту съ *прич.* наст. *дѣйств.*, встрѣчается довольно рѣдко въ русскихъ памятникахъ.

Всѣ эти примѣры заключаютъ въ себѣ связку *быти (есмь, еси, есть* и т. д., *бѣхъ, буду* и пр.). Она называется *отвлеченною*, потому что выражаетъ только предикативную связь между подлежащимъ и второю частью сказуемаго (причастьемъ), не внося въ рѣчь никакого лексическаго значенія, такъ какъ здѣсь исчезаетъ даже, въ глаголѣ „*быть*“, значеніе „быть, существовать“.—Но такая связка не была единственною: рядомъ съ нею употреблялись и другія, выражавшіяся глаголами не столь отвлеченными или совсѣмъ неотвлеченными, обозначавшими тѣ или другія конкретныя дѣйствія или состоянія. Такъ напр. въ качествѣ связокъ выступали глаголы *явитися, стати, стояти, мьнѣтися, сѣсти, лежати, сѣдѣти* и др. Нѣкоторые изъ нихъ и теперь еще употребляются въ составныхъ сказуемыхъ съ именами, напр. „онъ *лежитъ больной* (или: *боленъ*)“,—„Иванъ-Царевичъ *лежалъ мертвъ* на томъ мѣстѣ“ (Сказки Аѳан.),—„Жаль мнѣ

[1]) Всѣ эти примѣры взяты у *Потебни*, „Изъ зап. по русск. грамм.“, т. I, стр. 128 и сл.

тебя, Иванъ-Царевичъ, что ты *тышъ изнурился*". (Сказ. Аѳ.),— „.... колотили (волка) до того, что волкъ не пожалѣлъ и хвоста, оторвалъ его, и *куцый побѣжалъ*, куда глаза глядятъ.." (Ск. Аѳ.). Излишне пояснять, что здѣсь прилагательныя *больной (боленъ)*, *мертвъ*, *тышъ*, *куцый* являются не простыми опредѣленіями подлежащихъ, а *предикативными аттрибутами* и образуютъ вторую часть сказуемыхъ; глаголы же *(лежитъ, лежалъ, изнурился, побѣжалъ)* суть *связки*, а не простыя сказуемыя. Различіе между такой связкою, какъ напр. „*лежитъ*", „*побѣжалъ*" и пр., и такою, какъ „*былъ*", сводится къ тому, что въ то время какъ послѣдняя выражаетъ только предикативную связь, первая присоединяетъ къ этому еще указаніе на опредѣленный признакъ, данный въ лексическомъ значеніи глагола. Такая связка, въ противоположность отвлеченной, называется *конкретною* или *знаменательною*. Степень конкретности или знаменательности связокъ можетъ быть различна. Въ литературномъ языкѣ совершенно-конкретныя связки сравнительно-рѣдки (какъ напр. „пьянъ *напился*", „*идетъ* пѣшій"), и предпочитаются связки болѣе или менѣе отвлеченныя, т.-е. выражаемыя глаголами съ такимъ лексическимъ значеніемъ, которое не принимается въ буквальномъ смыслѣ. Такъ мы говоримъ: „погода *стояла* теплая", „я цѣлый день *сижу* одинъ" и т. п.: и при этомъ вовсе не придаемъ глаголу „*стоять*" того конкретнаго значенія, какое принадлежитъ ему въ другихъ случаяхъ (напр. „комодъ *стоялъ* въ углу"), а (во второмъ примѣрѣ: „я цѣлый день *сижу* одинъ") глаголъ *сижу* не значитъ непремѣнно „сидѣть" (а не *лежать*, *ходить* и пр.),—онъ значитъ здѣсь *оставаться*, *находиться*, *быть*. Такіе глаголы—связки, не сохраняющіе всей полноты своего лексическаго значенія, могутъ быть названы *полузнаменательными* или *полуотвлеченными*.—

Приведу два-три примѣра составного сказуемаго съ причастьемъ дѣйств. наст. и прошедш. врем. при *знаменательной* или *полузнаменательной* связкѣ изъ стараго русскаго.

„*Убояся побѣже* Олегъ" (Ипат. лѣтоп. подъ 1096 г.).— Здѣсь *убояся*—причастье (а не дѣеприч.), а именно причастье

дѣйств. наст. вр. въ имен. пад. ед. ч. муж. р.; въ буквальномъ переводѣ фраза звучала бы: „убоявшійся (испугавшійся) побѣжалъ Олегъ“. Не будемъ забывать, что прич. *убояся* здѣсь не было простымъ опредѣленіемъ подлежащаго „Олегъ“, какъ выходитъ въ современномъ русскомъ, а составляло часть сказуемаго и было *предикативнымъ аттрибутомъ*. Въ виду этого буквальный переводъ, приведенный выше, не выражаетъ характера стараго оборота,—и послѣдній гораздо вѣрнѣе передается другими способами: „Олегъ *испугался* и побѣжалъ“, „Олегъ, *испугавшись*, побѣжалъ“. Старый оборотъ былъ *составнымъ сказуемымъ* изъ 1) знаменательнаго глагола „*побѣже*“ (аористъ), взявшаго на себя роль *связки*, и 2) причастія наст. дѣйств. „*убояся*“.

„И врази наши половци *пришедъше возьмуть* землю Русскую“ (Ипат. л.)—букв. „... Половцы *пришедшіе* возьмутъ...“; здѣсь „*пришедъше*“ не совпадаетъ, по своей роли въ предложеніи, съ нашимъ современнымъ „*пришедшіе*“ (помимо различія ихъ формы: первое имѣетъ именную форму, второе — мѣстоименную); наше „*пришедшіе*“—просто опредѣленіе подлежащаго, между тѣмъ какъ старинное „*пришедъше*“, отличаясь большою предикативностью, входило въ составъ сказуемаго.—Мы можемъ перевести такъ: „*прійдутъ* и *возьмутъ*“, или: „*пришедши (прійдя)*, *возьмутъ*“, т.-е. замѣняя причастіе либо глаголомъ, либо дѣепричастіемъ.

Нерѣдко (въ старинныхъ оборотахъ этого рода) мы находимъ между причастіемъ и глагольною частью сказуемаго союзъ „*и*“ или „*а*“, что, очевидно указываетъ на значительную самостоятельность причастія, которое такимъ образомъ оказывается почти равносильнымъ глаголу. Напр. „гражани же *слышавше* се *и созвониша* вѣче“ (букв. „граждане же услышавшіе это *и* созвонили вѣче“), гдѣ прич. *слышавше* обладаетъ такою самостоятельностью, что сбивается на глаголъ, и потому и могло быть отдѣлено отъ второй—глагольной—части сказуемаго союзомъ *и*. Такія фразы мы переводимъ на современный языкъ, либо замѣняя причастіе глаголомъ (если желательно удержать союзъ), напр. „граждане *услышали*

это *и* созвонили вѣче", либо замѣняя его дѣепричастіемъ (и уже, конечно, безъ союза), напр. „граждане, *услышавъ* это, созвонили вѣче".

Въ этихъ примѣрахъ глаголы, играющіе роль связки, *очень знаменательны (побѣжс, возмутъ, созвонили)* и въ силу этого выступаютъ въ мысли такъ, какъ будто они скорѣе настоящія сказуемыя, чѣмъ какъ связки. И только наличность причастій, которыя здѣсь не могутъ быть истолкованы, какъ простыя опредѣленія, придаетъ даннымъ сказуемымъ характеръ составныхъ, и глаголамъ *(побѣжс* и пр.), такъ сказать, по неволѣ приходится брать на себя роль связки.— Отсюда видно, что по духу оборота, эти предложенія (съ вполнѣ знаменательными связками) весьма различаются отъ тѣхъ, въ которыхъ связка отвлеченна или, по крайней мѣрѣ, полузнаменательна. Различіе между ними сказывается и въ характерѣ причастной части сказуемаго. Чтобы лучше оттѣнить это различіе въ постановкѣ причастій, мы будемъ называть причастье въ оборотѣ типа „кости *суть лежаче*" *предикативнымъ аттрибутомъ* въ собственномъ или тѣсномъ смыслѣ, а причастье въ оборотахъ типа „*убоялся побѣжс*"—*аппозицією* („приложеніемъ"). Предикативный аттрибутъ въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ, не выходя изъ предѣловъ сказуемаго, все-таки замѣтнѣе (чѣмъ аппозиція) тянетъ къ подлежащему и предполагаетъ вопросъ „какой"?—Аппозиція же такого вопроса не предполагаетъ, къ подлежащему тяготѣетъ гораздо слабѣе и выступаетъ явственнѣе въ своемъ значеніи—какъ сказуемаго.

Запасшись этими свѣдѣніями, мы можемъ теперь пойти дальше и уяснить себѣ происхожденіе *современныхъ оборотовъ съ дѣепричастьемъ и причастьемъ* (такъ называемыя придаточныя обстоятельственныя и опредѣлительныя предложенія, неправильно именуемыя „сокращенными").

§ 7. *Дѣепричастье.* Въ народныхъ нарѣчьяхъ русскаго языка *причастій дѣйствительныхъ* (наст. и прош. врем.) давно уже нѣтъ: они превратились въ *дѣепричастья.* Это превращеніе произошло и въ общерусскомъ (разговорномъ и

литературномъ) языкѣ, но съ тою разницею, что рядомъ съ дѣепричастьями сохранились и причастья, именно причастья наст. врем. въ формѣ — *щій* и прош. вр. въ формѣ — *вшій*, —*шій*. Изъ нихъ первая (—*щій*) обыкновенно признается церковно-славянскою, а не русскою. И дѣйствительно, по законамъ русской фонетики, окончаніе причастья дѣйств. наст. вр. должно звучать—*чій;* такъ это и было въ старину: въ нашихъ старыхъ памятникахъ (лѣтописяхъ, актахъ и др.) мы находимъ весьма часто такія формы, какъ, напр., *стояче* (им. мн. муж. р.), *лежаче* (то-же), *желѣючи* (им. ед. жен. р.) и мн. др. Но рядомъ съ этими чисторусскими формами были въ ходу и формы, совпадавшія съ церковно-славянскими,— на—*щій*.—Нѣкоторыя формы съ русскимъ окончаніемъ сохранились до сихъ поръ, но только уже не въ качествѣ причастій, а въ качествѣ прилагательныхъ; таковы: *горячій, сыпучій, висячій, летучій, могучій* и др. Причастья же дѣйств. наст. въ общерусскомъ существуютъ нынѣ только въ формѣ на—*щій: горящій, висящій, летящій* и т. д.

Итакъ, нашъ общерусскій языкъ обладаетъ и причастьями дѣйств. наст. и прош. вр., и соотвѣтственными дѣепричастьями. Здѣсь мы ведемъ рѣчь о послѣднихъ.

Что такое дѣепричастье? Общее предварительное понятіе о немъ было дано выше, въ § 4. Здѣсь мы имѣемъ въ виду болѣе обстоятельное ознакомленіе съ этою важною частью рѣчи и ставимъ вопросъ на историческую почву. Какъ возникло дѣепричастье? Какова исторія обособленія и развитія этой формы? Отвѣты на эти вопросы дадутъ намъ и болѣе точное понятіе о формѣ, занимающей въ современномъ языкѣ весьма видное мѣсто.

Мы уже сказали, что дѣепричастья возникли изъ причастій. Теперь припомнимъ, что въ старину причастья, подобно прилагательнымъ, употреблялись въ двухъ формахъ, 1) *именной (безчленной)* и 2) *мѣстоименной (членной)*. Такъ, соотвѣтственно именной формѣ прилагательныхъ (напр. *добръ, добра, добро)* существовали *именныя формы причастій дѣйств. наст. врем.*, какъ-то:

Русскія.

Ед. ч.	*муж. р.*	*жен. р.*	*ср. р.*
	неса	несучи	неса
	ходя	ходячи	ходя
	сѣдя	сѣдячи	сѣдя
Мн. ч.	*муж. р.*	*жен. р.*	*ср. р.*
	несуче	(несучѣ)	несуча
	ходяче	(ходячѣ)	ходяча
	сѣдяче	(сѣдячѣ)	сѣдяча

Церк.-слав.

Ед. ч.	*муж. р.*	*жен. р.*	*ср. р.*
	несы	несѧщи	несы
	ходѧ	ходѧщи	ходѧ
	сѣдѧ	сѣдѧщи	сѣдѧ
Мн. ч.	*муж. р.*	*жен. р.*	*ср. р.*
	несѧще	несѧщіѧ	несѧща
	ходѧще	ходѧщіѧ	ходѧща
	сѣдѧще	сѣдящіѧ	сѣдѧща

Вотъ именно изъ такихъ—*именныхъ*—формъ причастій дѣйств. наст. вр. и произошли дѣепричастья наст. вр., напр., *неся* (по аналогіи съ *ходя*), *ходя, сидя, будучи, идучи* и т. д. Отмѣтимъ, что въ основѣ этихъ дѣепричастій лежатъ, какъ видно изъ окончанія—*чи, русскія*, а не церк.-слав. формы.

Такъ же точно существовали и *именныя* формы *причастій дѣйств. прошедш.* врем.:

Русскія.

Ед.	*муж. р.*	*жен. р.*	*ср. р.*
	несъ	несши	несъ
	знавъ	знавши	знавъ
Мн.	несше	(несшѣ)	несша
	знавше	(знавшѣ)	знавша

Церк.-слав.

Ед.	*муж. р.*	*жен. р.*	*ср. р.*
	несъ	несъши	несъ
	знавъ	знавъши	знавъ

Церк.-слав.

Мн.	*муж. р.*	*жен. р.*	*ср. р.*
	несъше	несъшѧ	несъша
	знавъше	знавшѧ	знавша

Изъ такихъ—*именныхъ*—формъ причастій дѣйств. прош. вр. возникли дѣепричастья прош. вр., напр., *взявъ, узнавъ, принесши, узнавши, взявши.*

Сличая дѣепричастья, какъ наст., такъ и прошедш. врем. съ соотвѣтственными формами причастій, мы видимъ, что дѣепричастья произошли изъ имен. падежа един. ч. частью муж. (и сред.) р., какъ *ходя, говоря, сидя, взявъ, узнавъ*, частью—жен. р., какъ *идучи, будучи, взявши, узнавши.*

Приблизительно мы можемъ опредѣлить и время, когда дѣепричастья стали возникать изъ причастій. Уже въ памятникахъ XII-го и еще болѣе XIII-го вѣка нерѣдко встрѣчаются случаи *неправильнаго согласованія* причастій, напр., имен. мн. причастья стоитъ при имен. ед. того слова, къ которому причастье относится, или относясь къ существительному муж. рода, оно стоитъ въ жен. родѣ. Такіе факты должны быть понимаемы, какъ признаки (симптомы) того, что уже начинало утрачиваться чутье правильности въ склоненіи и согласованіи причастій. Мало-по-малу причастья все болѣе теряли выдержанную правильность измѣненій по падежамъ, родамъ и числамъ, и въ дальнѣйшемъ это привело къ совершенной потерѣ склоненія и согласованія причастій. Они превратились въ слова *несклоняемыя* и *несогласующіяся*, т.-е. перестали быть прилагательными и стали *нарѣчьями.* Но такъ какъ въ нихъ сохранились извѣстныя глагольныя свойства (время, видъ), то и получилось нарѣчье не простое (какъ *хорошо, дурно*—отъ прилагательныхъ *хорошій, дурной*), а нарѣчья глагольныя, раздѣляющія съ глаголомъ нѣкоторыя его особенности. Вотъ этой-то формѣ и присвоено названіе *дѣепричастья.*

Обращаясь, съ одной стороны, къ старымъ текстамъ, а съ другой наблюдая употребленіе дѣепричастій въ современномъ языкѣ, какъ общерусскомъ, такъ и народномъ, мы легко

замѣтимъ, что *дѣепричастья возникли изъ причастій* (дѣйств. наст. и прош. вр.) *въ аппозитивномъ (а не аттрибутивномъ)* употребленіи послѣднихъ.

Такъ, уже извѣстные намъ старинные обороты, гдѣ находимъ составное сказуемое съ *причастьемъ предикативно-аттрибутивнымъ*, не превращаются въ новомъ языкѣ въ такіе обороты, *гдѣ бы возможно было дѣепричастье*. Напр. „*бѣ обладая* (прич. дѣйст. наст. муж. р. им. ед.) Олегъ Поляны“ въ новомъ языкѣ замѣняется либо оборотомъ „*обладалъ* Полянами“, либо — „*былъ обладателемъ* Полянъ“, и дѣепричастье здѣсь невозможно, какъ невозможно и причастье. „И *есть* церки та *стоящи* въ Корсунѣ градѣ“ превращается въ оборотъ „*стоитъ* церковь...“, равно какъ и „*суть* кости его и доселѣ тамо *лежаче*“ даетъ оборотъ „кости *лежатъ*“,— и никакихъ дѣепричастій мы не можемъ ввести въ эти фразы въ-замѣнъ прежнихъ причастій.

Другое дѣло—причастья *аппозитивныя:* они прямымъ путемъ превращаются въ наши дѣепричастья. Такъ, „Давыдовича (им. дв. ч.) *не дойдуча* (прич. дѣйств. наст. въ им. пад. муж. р. дв. ч.) пакы града стаста близъ“ (Ипат. л.) легко переводится: „Давыдовичи, *не дойдя* (дѣепр.) до города, стали (остановились) вблизи (его)“. „Святополкъ и Володимиръ посласта ко Давидови Святославича *веляча* (прич. дѣйств. наст. муж. р. им. п. дв. ч., согласуется съ „Святополкъ и Володимиръ“) ему съ собою“ (Ип. л.) — Святополкъ и Владиміръ послали къ Давиду Святославича (сына Святослава) *веля (приказывая)* ему (Давиду) присоединиться къ нимъ“.—

Причастья аппозитивныя могутъ, какъ мы видѣли это выше, также передаваться въ новомъ языкѣ самостоятельнымъ глаголомъ, напр. „*приникши* (прич. наст. ж. р. ед. ч.) Ольга и рече“ можно перевести не только дѣепричастьемъ: „*наклонившись*, Ольга сказала“, но и глаголомъ: „Ольга *наклонилась* и сказала“. Это, между прочимъ, указываетъ на то, что причастья, отъ которыхъ пошли дѣепричастья, подходили, по своей роли въ предложеніи, ближе къ глаголу, чѣмъ къ прилагательному, ихъ *предикативность* значительно пере-

вѣшивала ихъ *атрибутивную* роль, т.-е. они были *аппозитивны*.

Въ современномъ языкѣ дѣепричастья играютъ весьма видную роль. При этомъ нужно отмѣтить, что въ народныхъ діалектахъ употребленіе дѣепричастій гораздо свободнѣе, чѣмъ въ общерусскомъ. Въ послѣднемъ эта свобода стѣснена правиломъ, гласящимъ, что *дѣепричастье должно относиться къ тому же подлежащему, къ которому относится и глаголъ (сказуемое), находящійся въ предложеніи*. Такъ, напр., можно сказать: „*получивъ* это извѣстіе, *я* принялъ мѣры...“; но не позволительно говорить: „*получивъ* это извѣстіе, мѣры были приняты *мною*“, потому что здѣсь дѣепричастье будетъ тяготѣть къ подлежащему „мѣры“, къ которому относится и глаголъ „были приняты“, между тѣмъ какъ, по смыслу фразы, оно должно бы относиться къ дополненію „мною“. Откуда это правило и насколько оно авторитетно?—Его источникъ, какъ и вообще „правилъ“ грамматики, это—наблюденіе надъ живою рѣчью. Дѣйствительно, наблюденіе показываетъ, что въ общерусскомъ, въ особенности же въ его литературной формѣ, употребленіе дѣепричастій ограничено въ указанномъ смыслѣ. Но если произвесть болѣе тщательныя наблюденія, то можно замѣтить, что границы употребленія дѣепричастій понемногу расширяются, и что установленное правило далеко не такъ безусловно, какъ обыкновенно думаютъ. Ниже мы приведемъ примѣры, показывающіе, что въ языкѣ несомнѣнно существуетъ стремленіе къ болѣе свободному употребленію дѣепричастій. Но сперва постараемся отдать себѣ отчетъ въ настоящемъ смыслѣ явленія, т. е. въ томъ, что значитъ и отчего происходитъ эта обязательность—относить дѣепричастье непремѣнно къ тому-же подлежащему, къ которому относится глаголъ-сказуемое даннаго предложенія. Возьмемъ два-три примѣра съ цѣлью наблюденія синтактической примѣняемости дѣепричастья. Фраза: „когда я вошелъ въ комнату, онъ сидѣлъ на диванѣ“, конечно, не можетъ быть передѣлана въ оборотъ съ дѣепричастьемъ;—вышла бы безсмыслица: „войдя въ комнату, онъ сидѣлъ на диванѣ“. Здѣсь мы ясно замѣчаемъ свой-

ственное дѣепричастью тяготѣніе къ тому подлежащему, къ которому относится глаголъ-сказуемое даннаго предложенія; мы убѣждаемся въ томъ, что дѣепричастье стоитъ, въ качествѣ обстоятельственнаго слова (хотя и особаго сорта), при глаголѣ-сказуемомъ (въ данномъ случаѣ „сидѣлъ“) и вмѣстѣ съ нимъ тянетъ къ его подлежащему („онъ“). Въ силу этого тяготѣнія и вышла въ приведенномъ примѣрѣ безсмыслица. Итакъ, главная причина тяготѣнія дѣепричастья къ подлежащему—въ томъ, что оно, дѣепричастье, состоитъ при сказуемомъ и связано съ нимъ весьма тѣсными узами. Но спрашивается: всегда-ли это такъ? можетъ быть, найдутся случаи, гдѣ уже нѣтъ этихъ узъ? Возьмемъ такой примѣръ: *воздавая* каждому должное, несправедливости устраняются“. Можетъ быть, это и неловко, пожалуй не „литературно“ выражено, но вѣдь нельзя сказать, чтобы это было невозможно; такой оборотъ легко можетъ сорваться съ языка у человѣка, въ совершенствѣ владѣющаго русскою рѣчью. Вотъ напр. подобная же конструкція у *Тургенева:* „Она сама не знала, какая въ ней таилась сила, *ну, а убѣдившись въ ея дѣйствіи на балѣ, какъ же ей (Иринѣ) было остановиться* на ничтожномъ студентѣ...“ („Дымъ“, г. IX). Разница между этимъ примѣромъ и предшествующимъ только въ томъ, что здѣсь (у Тургенева) данное предложеніе безсубъектно (безлично), между тѣмъ какъ въ томъ примѣрѣ оно субъектно („несправедливости устраняются“). Въ обоихъ случаяхъ мы замѣчаемъ, что дѣепричастья („воздавая“, „убѣдившись“) отличаются нѣкоторымъ характеромъ *независимости,* — они не примыкаютъ, не тяготѣютъ къ сказуемому главнаго предложенія, а, стало быть, не тянутъ и къ его подлежащему (если оно есть). Это особый родъ безсубъектности, абсолютной или только относительной, [1]) и вмѣстѣ—извѣстная ступень *независимости* дѣепричастья. *Независимость* эта становится явственнѣе въ оборотахъ слѣдующаго рода: „*говоря по совѣсти,* это дѣло—темное“,—„*положа руку на сердце,* такой поступокъ не мо-

[1]) О безсубъектности вообще и объ этихъ двухъ видахъ ея у насъ будетъ обстоятельная рѣчь въ главѣ V, § 15.

жетъ быть оправданъ", — „*соблюдая должную осторожность*, рискованность предпріятія значительно уменьшится". „Состраданіе вѣдь, *на тебя глядя*, беретъ" (Дост. „Бр. Карам.", т. III, кн. VII, гл. II.) Примѣры этого рода, число которыхъ можно бы значительно увеличить, указываютъ намъ на явное *стремленіе дѣепричастій къ независимой постановкѣ, къ освобожденію отъ обязательнаго тяготѣнія къ сказуемому и подлежащему даннаго предложенія*. Движеніе въ этомъ направленіи не можетъ, при данномъ состояніи языка, итти дальше извѣстныхъ границъ, и это съ очевидностью обнаруживается въ слѣдующемъ: 1) достигая наибольшей независимости, дѣепричастья перестаютъ быть дѣепричастьями и превращаются въ союзы, каковы: *не смотря на, хотя, хоть* (въ выраженіи „хоть куда)"; смыслъ явленія ясенъ: *дѣепричастье еще не выдерживаетъ полной независимости* и, достигая таковой, перестаетъ быть „самимъ собою"; 2) за вычетомъ вышеуказанныхъ проявленій извѣстной независимости, дѣепричастье тѣсно примыкаетъ къ глаголу-сказуемому даннаго предложенія и, вмѣстѣ съ нимъ, тянетъ къ подлежащему (извѣстное „правило"). Здѣсь нельзя не видѣть слѣдующаго: наши общерусскія дѣепричастья, хотя они давно уже отдѣлились отъ причастій и стали особою частью рѣчи, всетаки сохраняютъ въ себѣ *какъ-бы слѣды своего причастнаго происхожденія, глухое, если можно такъ выразиться, воспоминаніе о своей былой природѣ прилагательнаго, о своей прежней согласуемости съ подлежащимъ*. Такъ, въ предложеніи „войдя въ комнату, я увидѣлъ..." дѣепричастье „*войдя*", тяготѣя, конечно, прежде всего къ сказуемому „*увидѣлъ*", всетаки сохраняетъ какъ бы тѣнь своего былого (когда оно еще не было дѣепричастьемъ, а было причастьемъ) тяготѣнія къ подлежащему („я"). Эта „тѣнь былого" и служитъ лишнимъ стимуломъ къ заторможенію постепенно развивающагося „вольнаго" употребленія дѣепричастій. Въ старомъ русс. эти слѣды чувствовались яснѣе, что̀ видно изъ случаевъ, когда дѣепричастье относится (точно оно еще причастье) къ *своему*, особому, подлежащему, напр.: по великой рѣкѣ *ледъ идучи*, христіаномъ силно много хоромъ подрало...

(Пск.). *Выскакавъ* же *вси прочи* изъ лодья, и рече Олегъ... (Лавр.) [1]).

Относительная „вольность", независимость дѣепричастій *(именно отъ подлежащаго)* сильнѣе выражена въ народномъ языкѣ, гдѣ находимъ напр. слѣдующіе обороты:

И только видѣли молодца на конѣ *сядаючи*,
И не видѣли его *поїдучи*.
(Русск. Былины, изд. Тихонравова и Вс Миллера, 58).

Видали молодца *саждаючи*,
Не видали *поїзжаючи*. (Тамъ же, 177).

Т.-е. видѣли молодца, *когда онъ садился на коня*, а не видѣли, *какъ онъ поѣхалъ* (или *когда поѣхалъ*). Зимушка, зима,... Я прошу меня: Не морозь меня... При дороженькѣ, Коня *ведучи*, Сбрую *несучи*...
(*Собол.* Великор. нар. пѣсни, I, № 131).

Изучая происхожденіе и исторію нашихъ дѣепричастій, мы приходимъ къ слѣдующему выводу.

Наши современныя сложныя предложенія, состоящія изъ „главнаго" и „придаточнаго", заключающаго въ себѣ дѣепричастье, возникли изъ старинныхъ предложеній съ составнымъ сказуемымъ изъ глагола и аппозитивнаго причастья.

Выражая это примѣромъ, мы скажемъ такъ: сложныя предложенія типа „*подумавъ*, сказалъ" произошли отъ старинныхъ предложеній съ составнымъ сказуемымъ, въ которыхъ „*подумавъ*" было не дѣепричастье, а причастье, измѣнявшееся по родамъ и числамъ („*подумавъ* онъ сказалъ", „*подумавши* она сказала", „*подумавше* они сказали"). Этотъ переходъ отъ стараго оборота къ новому долженъ быть понимаемъ, какъ процессъ превращенія составного сказуемаго въ простое. Пока „подумавъ" было причастьемъ, оно согласовалось съ подлежащимъ и, будучи предикативнымъ, составляло вторую часть сказумаго. Потеря склоненія и устраненіе согласованія

[1]) Эти примѣры взяты у *Потебни*, „Изъ зап. по р. гр. [2]", Т. I стр. 197, гдѣ (и на слѣд. стр.) см. и другіе.

съ подлежащимъ оторвало его отъ этого послѣдняго и пріурочило къ сказуемому въ качествѣ обстоятельственнаго слова, но отличающагося отъ другихъ обстоятельственныхъ словъ тѣмъ, что оно обладаетъ въ извѣстной мѣрѣ собственною предикативностью. Это — *предикативное обстоятельственное слово*. Этимъ, между прочимъ, оправдывается обычай ставить между нимъ и глаголомъ запятую: „подумавъ, сказалъ", чего не слѣдуетъ дѣлать въ старинномъ составномъ сказуемомъ, ибо въ немъ запятая отдѣляла бы причастную часть сказуемаго отъ подлежащаго, съ которымъ это причастье согласовалось. Запятая становится возможною здѣсь только послѣ потери согласованія и является естественнымъ выраженіемъ той относительной независимости, которою дѣепричастье, какъ несогласуемая часть рѣчи, отличается отъ причастья. Въ современномъ оборотѣ, дѣепричастье „подумавъ", форма несклоняемая и несогласующаяся, не относится ближайшимъ образомъ къ подлежащему (только „тѣнь" этого отношенія еще осталась, какъ было указано выше), а примыкаетъ къ глаголу, но однако не такъ тѣсно, какъ примыкаетъ къ нему простое нарѣчье (сравнимъ: „подумавъ, сказалъ" и „громко сказалъ"). „Подумавъ", сохраняющее свою предикативность, легко замѣняется личнымъ глаголомъ: «*подумалъ* и сказалъ». Это, въ свою очередь, указываетъ на относительную самостоятельность этой части предложенія; а когда при дѣепричастьи имѣются свои второстепенныя части (дополненія, обстоятельства), тогда эта самостоятельность выступаетъ еще яснѣе,—и запятая тѣмъ болѣе оправдывается, напр. „*немного подумавъ объ этомъ*, я сказалъ..." Запятая не нужна въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣепричастье явно утрачиваетъ подлинный характеръ этой части рѣчи и переходитъ въ нѣчто среднее между нею и простымъ нарѣчьемъ, напр., „училъ *шутя*", „ѣлъ *стоя*", „стоялъ *вытянувшись*" и т. п.; таковы и народныя:

Не могу я *стоючи* стоять,
Не могу я *сидючи* сидѣть,
Не могу я *лежучи* лежать...

(Р. Былины, изд. Тих. и Милл, 256).

Сравнимъ: и велел гробницу дѣлать каменную, чтобы двумъ человѣкомъ *сидма сидѣть* и *лежма лежать* и *стойма стоять*. (Русс. Был., изд. Тихонр. и Милл., 29—„Повѣсть о Михайлѣ Потокѣ“ по рукописи XVII-го в.). — Здѣсь дѣепричастьямъ *стоючи, сидючи, лежучи* отвѣчаютъ простыя нарѣчья *сидма, лежма* и *стойма*.

Излишне пояснять, что, во многихъ случаяхъ этого рода, *такія дѣепричастья, приближающіяся къ типу простого нарѣчья*, явились, въ противуположность большинству дѣепричастій, замѣною не аппозитивнаго, а скорѣе *аттрибутивнаго* причастья. Такъ, напр., „ѣлъ *стоя*“ предполагаетъ старинное „ѣлъ *стоящій*“, гдѣ причастье, надо думать, имѣло *аттрибутивный* оттѣнокъ и отвѣчало на вопросъ „какой?“. Но если этого рода выраженія и могутъ быть понимаемы, смотря по точкѣ зрѣнія, и аттрибутивно, и аппозитивно, то, съ другой стороны, мы имѣемъ нѣкоторые случаи, гдѣ дѣепричастье уже несомнѣнно возводится къ причастью предикативно-аттрибутивному, а не аппозитивному. Это именно тѣ обороты, въ которыхъ сказуемое выражено глаголомъ *быть* или его замѣнами и, очевидно, было нѣкогда не простымъ сказуемымъ, а *связкою* и притомъ—*отвлеченною* (или *полуотвлеченною*). Такова форма: „онъ *былъ выпивши*“,— оборотъ, несомнѣнно возводящійся къ старинному „онъ *былъ* (связка) выпивъ (=*выпившій*, прич. дѣйст. прош.)“, гдѣ причастье *выпивъ* отвѣчало на вопросъ „какой?“ и, конечно, было предикатив. аттрибутомъ (а не аппозиціею). Таковы также народные обороты:

Пріунывъ стоитъ палата грановитая,
Припечаливши—косѣвчаты окошечки...
(*Барсовъ, Причитанья Съв. Края*, I, 149).

Какъ сглянула на хоромное строеньице:
Припечаливши—хоромное строеньице... (Тамъ-же, I, 167).
Пріунывъ стоитъ любимая скотинушка... (Тамъ-же, I, 215).

Въ этихъ примѣрахъ глаголъ „*стоитъ*“ является уже не связкою (замѣною связки „быть“), а настоящимъ (простымъ) сказуемымъ, потому что „пріунывъ“ и „припечаливши“—не

причастья, а дѣепричастья. Но прототипъ этого оборота, напр., „палата *стоитъ пріунывши*“, заключалъ въ себѣ составное сказуемое, гдѣ „*стоитъ*“ — была связка (полуотвлеченная, вмѣсто „быть“), а „*пріунывши*“ — причастье прош. дѣйств. жен. р., согласующееся съ подлежащимъ „палата“. И это причастье было предикативно-аттрибутивное (на вопросъ: „какая?“), а не аппозитивное.

Появленіе дѣепричастій въ этой роли, т.-е. взамѣнъ причастій аттрибутивнаго характера, является указаніемъ на ростущую популярность этой части рѣчи, уже выступающей изъ предѣловъ аппозитивности и вторгающейся въ сферу аттрибутивности.

Подводя итогъ всему сказанному въ этомъ §, мы приходимъ къ слѣдующему: наши какъ сложныя, такъ и простыя предложенія *съ дѣепричастьемъ* должны быть понимаемы, *какъ результатъ* распаденія старинныхъ составныхъ *сказуемыхъ*. При этомъ, *составное сказуемое изъ глагола и аппозитивнаго причастья („подумавъ сказалъ“ = подумавшій сказалъ) распалось на двѣ части:* 1) *на сказуемое* — *глаголъ* („сказалъ“) и 2) *на предицирующее обстоятельство* — *дѣепричастье* („подумавъ“). — Старинныя составныя сказуемыя съ причастьемъ предикативно-аттрибутивнымъ („былъ выпившій“), послѣ вторженія сюда дѣепричастья, превратились въ сказуемыя простыя, распавшись на глаголъ—сказуемое („*былъ*“, уже не связка) и обстоятельственное слово съ предикативнымъ оттѣнкомъ, выражаемое дѣепричастьемъ („выпивши“). Старый оборотъ типа „былъ выпившій“ отвѣчалъ на вопросъ „какой?“ и, по синтактическому характеру, подходилъ къ оборотамъ (старымъ и новымъ) съ прилагательнымъ, напр., „былъ добръ“; новый оборотъ „былъ выпивши“, „стоитъ пріунывши“ отвѣчаетъ на вопросъ „какъ?“ и аналогиченъ новому обороту съ нарѣчьемъ въ сравнительной степени—„былъ добрѣе“ (гдѣ „добрѣе“ уже перестало быть прилагательнымъ и стало *нарѣчьемъ*).

Въ заключеніе укажемъ на то, какъ неправильно и несогласно съ исторіей оборота названіе „*сокращенныя* прида-

точныя предложенія". Исторія оборота показала намъ, что напр., „*подумавъ*, я сказалъ" вовсе не замѣнило собою оборота „*когда я подумалъ*, я сказалъ". Это два разные оборота, имѣющіе, каждый, свою исторію и развивавшіеся независимо одинъ отъ другого.

Дѣепричастье есть нарѣчье, обладающее нѣкоторою долею предицирующей силы. Въ предложеніи оно является „*предицирующимъ обстоятельствомъ*". Присущая ему доля предицированія, всегда значительно меньшая, чѣмъ въ глаголѣ, при извѣстныхъ условіяхъ увеличивается, при другихъ понижается. Она увеличивается, *когда дѣепричастье предшествуетъ подлежащему или находится между подлежащимъ и сказуемымъ; она понижается, когда дѣепричастье слѣдуетъ за сказуемымъ*. Сравнимъ, съ точки зрѣнія силы предицированія въ дѣепричастьи, обороты: „*подумавъ*, онъ сказалъ" и „онъ, *подумавъ*, сказалъ" съ одной стороны и „онъ сказалъ *подумавъ*" — съ другой. Въ двухъ первыхъ примѣрахъ предицирующая сила дѣепричастья замѣтно больше, чѣмъ въ третьемъ.—Кромѣ того, *эта сила увеличивается при наличности дополненій или обстоятельствъ, относящихся къ дѣепричастью, каково бы ни было положеніе этого послѣдняго во фразѣ*. Напр., въ предложеніяхъ: „онъ сказалъ, *подумавъ немного*", „онъ спалъ, *сидя въ креслѣ*", „онъ ѣлъ, *стоя у стола*" — предицирующая сила дѣепричастій несомнѣнно больше, чѣмъ въ тѣхъ же предложеніяхъ, но только безъ словъ: „немного", „въ креслѣ", „у стола".

§ 8. Причастья дѣйств. наст. и прош. врем.

Какъ было сказано выше, въ народномъ русскомъ они уже не существуютъ, — отъ нихъ осталось извѣстное число формъ, превратившихся въ обыкновенныя прилагательныя (*горячій, могучій, сыпучій* и пр.). Но въ общерусскомъ мы имѣемъ причастья дѣйств. наст. и прош. врем. и весьма часто пользуемся ими, въ особенности въ языкѣ литературномъ.

Важно отмѣтить, что нынѣ употребляющіяся у насъ причастья дѣйств. (за весьма рѣдкими, да и то собственно *мнимыми*, исключеніями) являются только въ *мѣстоименной* (а

не именной) формѣ; мнимое исключеніе составляютъ такіе случаи, какъ „онъ былъ очень *знающъ, свѣдущъ*“, гдѣ „знающъ“, „свѣдущъ“ уже сбиваются на *прилагательныя* и построены по аналогіи съ „онъ былъ *добръ*“.

Вотъ образчики причастій дѣйств. въ старомъ русскомъ въ мѣстоим. формѣ:

	Причастія	*наст.*	*дѣйств.*
	Муж.	Жен.	Сред.
Един. ч.	вѣдый	предтекущія	будущее
	Причастія	*прош.*	*дѣйств.*
	несый,	несшія,	изгыбшее
	взявый,	взявшія,	бывшее

Наши современныя общерусскія причастья дѣйств. пошли отъ старинныхъ въ ихъ мѣстоименной формѣ, образчики которой мы привели (между тѣмъ какъ дѣепричастья произошли отъ старыхъ причастій въ ихъ именной формѣ).

Между мѣстоименною и именною формою причастій была нѣкоторая разница въ значеніи,—такая же, какая была между соотвѣтственными формами прилагательныхъ (*добрый, добрая, доброе* съ одной стороны и *добръ, добра, добро* — съ другой). Но эта разница въ старину не была такъ значительна, какъ это наблюдается теперь въ прилагательныхъ. Это видно изъ того, что прилагательное въ именной формѣ могло служить опредѣленіемъ не хуже прилагательнаго въ мѣстоименной формѣ: „*добрый* человѣкъ“ и „*добръ* человѣкъ“ (что встрѣчается и нынѣ въ народномъ языкѣ). Но зато различіе между двумя формами проявлялось въ томъ, что именная форма (прилагательныхъ) была по преимуществу приспособлена къ тѣмъ случаямъ, когда прилагательное входило въ составъ сказуемаго („Богъ есть *добръ*“), какъ это является правиломъ, хотя и не безусловнымъ, и въ современномъ языкѣ.—Различіе въ значеніи между именными и мѣстоименными формами старинныхъ причастій обнаруживалось также въ слѣдующемъ: 1) Именная форма причастья въ составномъ сказуемомъ выступала, какъ въ роли предикативнаго аттрибута, такъ и въ

роли аппозиціи, — *мѣстоименная же — только въ роли предикативнаго аттрибута.* — Это значитъ, что мѣстоименная форма причастья употреблялась тогда, когда нужно было оттѣнить ближайшее отношеніе причастной части сказуемаго къ подлежащему, т.-е., когда требовалось ярче выставить на видъ то обстоятельство, что это причастье является не только частью сказуемаго, но въ то же время служитъ и опредѣленіемъ подлежащаго. Пояснимъ это примѣрами. Во-первыхъ,— въ оборотѣ съ отвлеченною или полуотвлеченною связкою (что встрѣчается довольно рѣдко): „си (Ольга) *бысть* [1]) *предътекущия* крестьяньствѣи земли...“, т.-е. она стала (явилась) предтечею, предшественницею христіанства на Руси. Здѣсь ясно видно намѣреніе оттѣнить то, что причастье должно отвѣчать не только на вопросъ: „что дѣлала?“, но и на вопросъ „*какая* была?“. Какъ и въ оборотахъ съ причастьемъ въ именной формѣ, здѣсь предикативность соединена съ аттрибутивностью, но только эта аттрибутивность выражена тутъ сильнѣе, ярче, чему содѣйствуетъ мѣстоименное окончаніе причастья. При именной формѣ: „бысть предътекущи“ фраза отвѣчала бы современному „предшествовала“, между тѣмъ какъ при мѣстоименной формѣ фраза значитъ „стала предтечею“.—Далѣе, въ оборотахъ съ вполнѣ-знаменательною связкою (что также встрѣчается рѣдко), мѣстоименная форма причастья, очевидно, означаетъ, что причастье должно быть понимаемо только какъ предикативный аттрибутъ, а отнюдь не какъ аппозиція. Таковъ напр. случай: „...похваливъся велми *не вѣдый*, яко Богъ гордымъ противится...“ (Лавр. л. подъ 1078 г.). т.-е. (...очень похвалившійся) — *онъ*, который не знаетъ того, что Богъ... и пр. Такою передачею — при посредствѣ мѣстоименія „который“ — мы хотимъ оттѣнить аттрибутивный по преимуществу характеръ причастья „не вѣдый“; еслибы оно имѣло характеръ аппозитивный, мы бы передали его дѣепричастьемъ („не зная“). — „Василько же

[1]) Аористъ *быхъ, бы, бысть*... имѣлъ значеніе „стать“, „сдѣлаться“, „явиться“ (чѣмъ) и, въ противоположность другому аористу *бѣхъ, бѣ*..., былъ связкою не вполнѣ отвлеченною.

обѣщася прити *не видый* лсти...“ — „Василько же обѣщалъ прійти,—*онъ, который* не подозрѣвалъ коварства (обмана).— 2) Мѣстоименная форма причастья была приспособлена къ выраженію опредѣленій непредикативныхъ, т.-е. не входящихъ въ составъ сказуемаго, напр.: А которой человѣкъ у человѣка знаетъ свое што *изгибшее*... (Псков. Судн. Грам., 1397—1467 г.г. ст. 46.).—Всеволодъ же исповѣда ему все *бывшее*. (Ип. л. п. 1078 г.).—...въ сий вѣкъ и в *будущий* (Ип. л. п. 1151 г.).— Причастье въ мѣстоименной формѣ служило также для выраженія подлежащаго, при чемъ это причастье являлось здѣсь замѣною существительнаго, напр. „*пребываяй* (подлеж.) в любви въ Бозѣ пребываетъ“, т.-е. „пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ“,—„да *любяй* (подлеж.—„любящій“) Бога любить брата своего (Лавр. л. подъ 1078 г.).—

Наблюденія надъ старымъ языкомъ показываютъ намъ, что мѣстоименная форма причастій принадлежала къ числу формъ сравнительно—рѣдкихъ; ея употребленіе было ограничено вышеуказанными рамками. Въ этомъ отношеніи новый языкъ представляетъ полную противоположность старому. Причастья дѣйств. въ новомъ языкѣ употребляются почти исключительно *въ формѣ мѣстоименной*.

Ихъ роль въ современной общерусской рѣчи выражается въ слѣдующемъ:

1) Они служатъ *опредѣленіями*, отличаясь отъ обыкновенныхъ прилагательныхъ лишь тѣмъ, что, въ своемъ качествѣ причастій, обладаютъ въ большей или меньшей мѣрѣ *предицирующею силою*, чего нѣтъ въ прилагательныхъ. Примѣры: „*любящее* сердце“,—„это—очень *знающий* человѣкъ“—„*господствующая* сила“,—„*преобладающее* направленіе“—„*протекшіе* годы“,—„*бывшіе* крѣпостные“—и т. д. Не трудно подмѣтить, что одни изъ этихъ причастій—опредѣленій обладаютъ большею предицирующею силою (преимущественно—причастья *прошед. вр.*), другія—меньшею (причастья *наст вр.*), и въ послѣднихъ предицирующая сила нерѣдко низводится къ тому минимуму, при которомъ причастье уже стоитъ на переходѣ къ прилагательному; таковы напр. „*любящее* сердце“, „*знающій* чело-

вѣкъ", „*свѣдущіе* люди" и пр. Полная потеря предицирующаго характера (сведеніе предицированія къ нулю) приводитъ къ окончательному превращенію причастья въ простое прилагательное, что и случилось съ упомянутыми выше формами „*могучій*", „*летучій*", „*горячій*" и др.; въ народномъ языкѣ ихъ гораздо больше, чѣмъ въ обще-русскомъ; мы встрѣчаемъ тамъ формы въ родѣ слѣдующихъ:

Аль сорока эта птица *поскакучая*,
Аль вороница она да *полетучая*...
(Барсовъ, Причит. Сѣв Кр., I, 211—212)

Въ общерусскомъ сюда относятся еще „*вѣщій*", „*зловѣщій*", „*пропащій*", „*гнетущій*", „*сущій*" („*сущая* правда"), „*вездѣсущій*", „*всемогущій*" и др.

2) Они служатъ *опредѣленіями, обладающими замѣтнобольшею, чѣмъ предыдущіе, силою предицированія*, что, между прочимъ, связано съ присутствіемъ при нихъ другихъ второстепенныхъ частей (обстоятельствъ, дополненій). Примѣры: „... его *внезапно* побагровѣвшее лицо со *злобно* вращавшимися бѣлыми глазами приняло зловѣщее выраженіе..." (*Тург.*, „Несчастная"); „... *недавно еще трепетавшія* губы сжались въ одну прямую, неумолимо-строгую черту" (*Тург.*, „Несчастная").—Такія опредѣленія, выраженныя причастьями, мы будемъ называть „*предицирующими*", въ отличіе, съ одной стороны, отъ опредѣленій, выраженныхъ прилагательными и потому не заключающими въ себѣ силы предицированія, а съ другой—въ отличіе отъ опредѣленій (аттрибутовъ) *предикативныхъ*, образующихъ часть составного сказуемаго. *Предицирующее* опредѣленіе, это—такое, которое предицируетъ, *не входя въ составъ сказуемаго*. Есть замѣтная разница, съ одной стороны, между предицирующими опредѣленіями, предшествующими опредѣляемому слову, и съ другой тѣми, которыя слѣдуютъ за нимъ. Мы привели образчики первыхъ,—приведемъ теперь примѣры вторыхъ. „Власть бабушки, замѣтно *одряхлѣвшей* въ послѣдніе годы, не тяготѣла надо мною." (*Тург.*, „Пунинъ и Бабуринъ"). „Изъ-подъ теплаго

картуза, *закрывавшаго* всю верхнюю часть головы его до бровей и ушей, виднѣлось красное, гладкое, выбритое, круглое лицо...“ (*Тург.*, „Бригадиръ“).—„Но особенно любилъ Пахотинъ уноситься воспоминаніями въ Парижъ, когда въ четырнадцатомъ году русскіе явились великодушными побѣдителями, *перещеголявшими* любезностью тогдашнихъ французовъ, уже попорченныхъ въ этомъ отношеніи революціей, и *превосходившими* безумнымъ мотовствомъ широкую щедрость англичанъ“. (*Гончаровъ*, „Обрывъ“, ч. I, II.)—„... онъ хотѣлъ отыскать въ ней просто женщину, наблюсти и опредѣлить, что кроется подъ этой покойной, неподвижной оболочкой красоты, *сіяющей* ровно, одинаково, никогда не *бросавшей* ни на что быстраго, жаждущаго, огненнаго, или наконецъ скучнаго, утомленнаго взгляда, никогда не *обмолвившейся* нетерпѣливымъ, неосторожнымъ или порывистымъ словомъ?“ (тамъ же, I, III.).—„Плетень, *отдѣлявшій* садъ Райскихъ отъ лѣса, давно упалъ и исчезъ“ (Тамъ-же, I, X.).—„... почувствовалъ симптомы болѣзни, *мучившей* его въ Петербургѣ“. (Тамъ же, II, XVI.).

Чутье языка подсказываетъ намъ, что въ этихъ и подобныхъ случаяхъ (когда причастье слѣдуетъ за опредѣляемымъ словомъ) причастье *менѣе аттрибутивно* и *болѣе предикативно*, чѣмъ то, которое предшествуетъ опредѣляемому слову. Причастье, предшествующее опредѣляемому, ближе подходитъ къ типу прилагательнаго — опредѣленія, между тѣмъ какъ причастье, слѣдующее за опредѣляемымъ, отстоитъ отъ этого типа дальше, и въ немъ *глагольный* характеръ причастья выраженъ явственнѣе. Таковъ именно тонкій оттѣнокъ, которымъ различаются обороты: 1) „почувствовалъ симптомы болѣзни, *мучившей* его въ Петербургѣ“ и 2) почувствовалъ симптомы *мучившей* его въ Петербургѣ болѣзни. Въ связи съ этимъ мы ощущаемъ и то, что въ первомъ случаѣ разстояніе (въ мысли) между „болѣзни“ и „мучившей“ больше разстоянія между ними во второмъ случаѣ, т.-е. здѣсь причастье примыкаетъ къ существительному тѣснѣе, чѣмъ тамъ. Этими „ощущеніями“ и оправдывается обычай отдѣлять при-

частье, слѣдующее за опредѣляемымъ, запятою и не отдѣлять ею причастья, предшествующаго опредѣляемому.

Изъ тѣхъ же „ощущеній“ вытекаетъ еще и то, что мы склонны понимать причастье, слѣдующее за опредѣляемымъ, какъ родъ особаго предикативнаго момента, какъ нѣчто равносильное придаточному предложенію. Оттуда и традиціонное ученіе о томъ, будто эти формы явились въ языкѣ какъ результатъ *сокращенія* придаточныхъ предложеній. Такъ, напр. фраза „плетень, *отдѣлявшій* садъ Райскихъ отъ лѣса, давно упалъ и исчезъ“, съ этой точки зрѣнія, обычно понимается какъ „сокращеніе“ фразы: „плетень, *который* отдѣлялъ садъ Райскихъ отъ лѣса, давно упалъ и исчезъ“. Такое пониманіе взаимнаго отношенія двухъ оборотовъ совершенно ложно: причастья, какъ предицирующія опредѣленія, существовали въ языкѣ искони сами по себѣ, придаточныя предложенія съ „*который*“ развивались сами по себѣ, причемъ относительное „который“ стало появляться сравнительно поздно въ-замѣнъ болѣе древняго „*иже*“. Въ старомъ же языкѣ обороты съ „*иже*“ имѣютъ свою исторію, отличную отъ исторіи оборотовъ съ причастьями. Исторической преемственной связи между тѣми и другими не было.

3) *Наконецъ причастья дѣйст. наст. и прош. вр. являются въ качествѣ предицирующихъ опредѣленій, возникшихъ какъ результатъ распаденія составного сказуемаго.* Это — явленіе рѣдкое,—и вотъ почему. Мы знаемъ уже, что составныя сказуемыя съ причастьемъ дѣйств. въ роли *аппозиціи* превратились въ *обороты съ дѣепричастьемъ*. Мы видѣли также, что составныя сказуемыя съ причастьемъ дѣйств. въ роли *предикативнаго аттрибута*, при отвлеченной связкѣ, перешли, въ большинствѣ случаевъ, въ простыя глагольныя сказуемыя („церки есть стоящи“ = церковь *стоитъ*“), или же замѣняются другими оборотами („бѣ обладая Поляны“ = „былъ обладателемъ Полянъ“). Случаи, когда составное сказуемое съ причастьемъ, повидимому, сохранено, должны быть признаны мнимыми, потому что въ нихъ причастье уже—не подлинное причастье, а прилагательное („онъ былъ *свѣдущъ*“).

Остаются немногіе случаи, гдѣ современное причастье (въ мѣстоим. формѣ) стало на мѣсто стариннаго причастья, въ составномъ сказуемомъ, въ роли предикативнаго аттрибута. Возьмемъ вышеприведенный примѣръ изъ лѣтописи: „Василько же обѣщася прити *не вѣдый* лсти...“ и переведемъ эту фразу на современный языкъ съ удержаніемъ причастья въ мѣстоименной формѣ и съ передачею того же оттѣнка, который выраженъ въ подлинникѣ. Подлинникъ *не значитъ:* „Василько, *не подозрѣвая* обмана, обѣщалъ прійти“, — онъ значитъ: „Василько, *который не подозрѣвалъ* обмана, обѣщалъ прійти“. Этимъ перифразомъ мы хотимъ оттѣнить ту черту, что причастье „не вѣдый“ было здѣсь аттрибутивно, а не аппозитивно, что оно служило скорѣе „характеристикою“ Василька (на вопросъ: „какой?“), чѣмъ—указаніемъ на обстоятельства дѣла. Этотъ оттѣнокъ не будетъ уловленъ, если мы передадимъ старое причастье *(не вѣдый)* дѣепричастьемъ („не зная“) или глаголомъ („Василько не зналъ...“). Имѣя въ своемъ распоряженіи причастья дѣйств., мы можемъ легко уловить указанный оттѣнокъ—и не прибѣгая къ перифразу мѣстоименіемъ „который“. Мы переведемъ такъ: Василько, *не подозрѣвавшій* обмана, обѣщалъ прійти“. Сравнимъ этотъ—современный — оборотъ съ прежнимъ. Послѣдній былъ *составнымъ сказуемымъ* изъ знаменательной (мнимой) связки („обѣщася прити“) и предикативнаго аттрибута „не вѣдый“. Мы утверждаемъ это на основаніи общаго характера стараго языка, въ которомъ составныя сказуемыя были весьма распространенною, излюбленною формою выраженія предиката. И разъ во фразѣ было предикативное причастье,—оно такъ или иначе тяготѣло къ глагольной части сказуемаго, образуя вмѣстѣ съ нимъ болѣе или менѣе связное цѣлое. „Обѣщася (прійти) не вѣдый“ отражалось въ грамматическомъ ощущеніи приблизительно такъ, какъ теперь отражаются обороты „пришелъ грустный“, „вернулся домой усталый, сердитый“. Но *не такъ* отражаются въ мысли *современные обороты съ причастьемъ,* къ которымъ принадлежитъ и нашъ переводъ: „Василько, *не подозрѣвавшій* обмана, обѣщалъ прійти“.

Здѣсь уже нѣтъ былого тяготѣнія причастья къ глаголу, который уже и не играетъ роли связки, хотя бы и мнимой. Связное цѣлое (глаголъ+причастье, „обѣщася не вѣдый“) *распалось*, и причастье стало независимымъ (отъ глагола), самостоятельнымъ *предицирующимъ опредѣленіемъ*. Въ нашемъ примѣрѣ причастье „не подозрѣвавшій“ отстоитъ отъ глагола („обѣщалъ прійти“) приблизительно такъ же далеко (въ грамматическомъ сознаніи), какъ, въ приведенной выше фразѣ изъ Гончарова („плетень, отдѣлявшій.., и т. д...), причастье „отдѣлявшій“ отстоитъ отъ глаголовъ „упалъ“ и „исчезъ“.

Какъ же мы опредѣлимъ характеръ новаго оборота? Мы скажемъ, что это не составное сказуемое, а *новая форма, возникшая послѣ распаденія составного сказуемаго*.

Составное сказуемое распалось на свои части: глаголъ пересталъ играть роль связки, хотя бы и мнимой, а причастье перестало быть частью сказуемаго и *превратилось въ самостоятельное предицирующее опредѣленіе подлежащаго*.

§ 9. Инфинитивъ („неопредѣленное наклоненіе“) въ сказуемомъ.

Такъ называемое „неопредѣленное наклоненіе“ есть особая глагольная форма, характеризующаяся съ внѣшней стороны окончаніями *ти (итти, везти, нести), ть (везть, несть, говорить, искать, носить* и т. д.,—огромное большинство), *чь (течь, печь, сѣчь)*. — Причисленіе этой формы къ категоріи *наклоненій* (хотя бы по имени только) нельзя признать правильнымъ, въ чемъ убѣдимся ниже (гл. III). Зато терминъ „неопредѣленное или *инфинитивъ* (латинское infinitivus—неопредѣленный, неокончательный) прекрасно идетъ къ ней, ибо существенное ея отличіе—въ томъ, что въ ней глагольное представленіе отнесено къ лицу неопредѣленному, если взять инфинитивъ отдѣльно, внѣ фразы. Такъ, говоря *итти, ходить, любить, сѣсть, горѣть* и т. д., мы только чувствуемъ возможность отнести глагольныя представленія, выраженныя въ этихъ словахъ, къ тому или другому лицу (1-му, 2-му, 3-му или, наконецъ, къ лицу, ближе не опредѣляемому).

Только въ предложеніи выясняется, къ какому именно лицу относится инфинитивъ. Такъ, въ предложеніи „я хочу *пѣть*“ онъ относится къ *первому* лицу (= „я хочу, чтобы *я* ѣлъ), въ предложеніи „ты хочешь *читать*“ онъ относится ко *второму* лицу ед. ч. (= „ты хочешь, чтобы *ты* читалъ“) и т. д.; во фразѣ „я прошу васъ *прійти* ко мнѣ завтра“ неопредѣленное *прійти* явно имѣетъ отношеніе ко 2-му лицу множ. ч. („я прошу, чтобы *вы* пришли“); наконецъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ „жизнь *прожить* — не поле *перейти*“, при инфинитивахъ подразумѣваются всѣ лица, т.-е. это формы съ лицомъ неопредѣленнымъ.

Отношеніе къ лицу, это — главный признакъ глагола, это именно то, что̀ дѣлаетъ глаголъ глаголомъ, отличая его отъ другихъ частей рѣчи. При этомъ нѣтъ нужды, чтобы лицо было непремѣнно выражено особымъ окончаніемъ. Такъ *пришелъ, далъ, взяла, сказали* — все это несомнѣнные глаголы, и въ нихъ дано отношеніе къ лицу, дана возможность этого отношенія; но опредѣляется то или другое лицо только благодаря присоединенію мѣстоименія (я пришелъ, ты далъ, она взяла, мы сказали), или же въ контекстѣ фразы, напр., „*взялся* за гужъ—не говори, что не дюжъ“, „разъ *пришелъ*— такъ ужъ сиди“, гдѣ отношеніе глаголовъ *взялся* и *пришелъ* ко *второму* лицу явствуетъ изъ повелительныхъ „*не говори*“, „*сиди*“ [1]). Отсюда между прочимъ мы заключаемъ слѣд.: для того, чтобы данная форма могла быть признана *глаголомъ*, ей вовсе не нужно имѣть опредѣленное личное окончаніе, а вполнѣ достаточно имѣть отношеніе къ лицу, хотя бы и неизвѣстному внѣ контекста. „*Сказалъ*“, „*сказать*“ такіе же глаголы, какъ „*скажу*“, „*скажешь*“ и т. д.

Опредѣленіе инфинитива. Обыкновенно инфинитивъ опредѣляютъ, какъ имя существительное, произведенное отъ глагольной темы, приравнивая такимъ образомъ инфинитивы,

[1]) Какъ увидимъ ниже (гл. V, § 15), второе лицо пов. накл. („не говори“) первой фразы является вторымъ лишь формально, служа способомъ обозначенія всѣхъ лицъ: это—разновидность относительно-безсубъектныхъ или неопредѣленно-личныхъ оборотовъ.

напр., *ходить, пить* къ существительнымъ *хожденіе, пьянe*. Это опредѣленіе можетъ отчасти быть оправдано только съ точки зрѣнія *происхожденія* инфинитива. Дѣйствительно, во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ „неопредѣленная форма“ глагола возводится къ именамъ существительнымъ, произведеннымъ (или, лучше, нѣкогда возникшимъ) отъ глагольныхъ темъ, потерявшимъ склоненіе и сохранившимся только въ одномъ падежѣ (давно уже не сознаваемомъ, какъ таковой,— въ славянскихъ языкахъ это былъ, вѣроятно, *дательный*— или же *мѣстный* [1]) *ед. ч.*: *нести*—первоначально дат. п. ед. ч. отъ темы жен. р. *нес-ть*, какъ дат. *чести, лести* отъ *честь, лесть*).—Но не только въ настоящее время, а уже въ отдаленной древности, для непосредственнаго чутья языка, для грамматическаго сознанія, формы инфинитива почти ничего общаго не имѣютъ съ именами существительными, рѣзко, принципіально отличаясь отъ нихъ отсутствіемъ склоненія и, что̀ еще важнѣе, отношеніемъ къ лицу. Отношеніе къ лицу дѣлаетъ инфинитивъ *спрягаемою* частью рѣчи; если будемъ называть его, какъ это до сихъ поръ принято, отглагольнымъ существительнымъ, то получимъ *спрягаемое существительное*, что̀—невозможно. Къ этому прибавимъ еще, что инфинитивъ имѣетъ *залоги* (*виды* въ данномъ случаѣ не имѣютъ значенія: отглагольнымъ существительнымъ они свойственны, напр., *прихрамываніе, пришепетываніе, отнятіе, отниманіе* и т. д.), признакъ, раздѣляемый съ глаголами только причастьемъ.— Инфинитивъ когда-то (въ глубокой древности) былъ отглагольнымъ или, лучше, приглагольнымъ существительнымъ, но давнымъ-давно, еще въ эпоху праславянскую, пересталъ быть таковымъ и превратился въ настоящій глаголъ, обладающій всѣми глагольными свойствами. Если имѣть въ виду

---

[1]) Русская форма на—*ть* обыкновенно понимается какъ фонетическое измѣненіе формы на—*ти* (какъ напр. *мать* изъ *мати*). Но по взгляду акад. А. И. Соболевскаго (и это представляется мнѣ болѣе вѣроятнымъ), форма—*ть* была нѣкогда супинумъ (ср.—*ть* въ цер.-слав. супинумахъ *тешть* и т. д.). Въ такомъ случаѣ ее можно возводить, отдѣляя отъ формы—*ти*, къ винит. пад. ед. именъ на—*ть*.

его *происхожденіе*, то можно называть его *отглагольнымъ* существительнымъ.—Принимая такое воззрѣніе на инфинитивъ, установленное *Потебнею*, мы дадимъ слѣдующеее опредѣленіе этой формы:

Инфинитивъ есть глагольная форма, происшедшая отъ существительнаго отглагольнаго, выражающая лишь возможность отношенія къ лицу, которое (лицо) выясняется только въ контекстѣ, и служащая для обобщеннаго обозначенія глагольности представленія (понятія), даннаго въ лексическомъ содержаніи слова.

Примѣръ. Въ лексическомъ содержаніи дано представленіе (или понятіе) „хожденія", „ходьбы". Оно можетъ быть отлито въ различныя грамматическія формы: въ форму существительнаго *(ходьба, хожденіе)*,—прилагательнаго *(ходьій, ходячій)*,—причастья *(ходящій, ходившій)*,—нарѣчья *(ходко, ходуномъ)*, наконецъ—*глагола*.. Въ глагольной формѣ оно можетъ быть изображено разно: *хожу, ходить, ходилъ, ходили бы* и т. д. Спрашивается: какая изъ глагольныхъ формъ наиболѣе приспособлена служить представителемъ всѣхъ прочихъ и быть ихъ обобщеніемъ? Въ именахъ такимъ обобщающимъ представителемъ является *именительный падежъ*. Вотъ именно въ области глагола въ соотвѣтственной роли выступаетъ *инфинитивъ*, не только въ силу установившагося (въ грамматикахъ и словаряхъ) обычая, но и въ силу самой грамматической природы этой формы, которая, не обозначая опредѣленнаго лица, выражаетъ однако общее отношеніе къ лицу и вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ и другими свойствами глагола. Инфинитивъ есть *глагольное* обозначеніе дѣйствія (или состоянія), напр., *ходить, просить, говорить*,—въ противуположность *именному* обозначенію его, напр., *ходьба, хожденіе, просьба, говоръ*.

Разъ мы приняли, что инфинитивъ есть глаголъ, то этимъ самымъ признали и его способность, его призваніе — быть сказуемымъ.

Инфинитивъ въ сказуемомъ. *Инфинитивъ въ соеди-*

нені̀и съ личною формою другого глагола образуетъ сложное сказуемое, которое, въ отличіе отъ составного, будемъ называть „двойнымъ“.

Различаются слѣдующіе виды такого сказуемаго съ инфинитивомъ:

1) *Другой глаголъ, къ которому присоединенъ инфинитивъ,— вполнѣ знаменателенъ, но самъ по себѣ не выражаетъ всего, что́ нужно выразить въ данномъ случаѣ, и инфинитивъ является необходимою добавочною частью сказуемаго.* Сюда принадлежатъ: а) Оборотъ съ глаголами (въ личной формѣ), выражающими понятія *хотѣть, желать, бояться,* а также—движеніе съ намекомъ на волю или намѣреніе, какъ *итти, отправиться, поѣхать* и т. п.—По большей части, уже въ старину здѣсь былъ ифинитивъ или его разновидность—*супинумъ* („достигательное“). Въ этомъ оборотѣ инфинитивъ можетъ относиться только къ тому лицу, къ которому относится первый глаголъ, напр., *хочу пить* (= чтобы я пилъ), *боюсь ошибиться* (= что ошибусь), *желаешь знать, идемъ гулять, онъ боится упасть* и т. д. б) Оборотъ съ глаголами *просить, желать, приказывать, заставить* и др., *при которыхъ имѣется или подразумѣвается дополненіе;* здѣсь инфинитивъ относится къ тому лицу, которое указано дополненіемъ, напр., „я прошу *васъ прійти* ко мнѣ завтра“ (= чтобы *вы* пришли), „онъ приказалъ *имъ сдѣлать*...“ (= чтобъ *они* сдѣлали), „ты заставляешь *меня думать*, что...“ (= чтобы *я* думалъ...), „желаю *вамъ здравствовать*“ и т. д. При отсутствіи выраженнаго дополненія инфинитивъ въ этомъ оборотѣ относится къ лицу неопредѣленному: „просятъ (кого? — всѣхъ вообще) *не курить* здѣсь“, „это обстоятельство заставляетъ (кого?—всякаго, всѣхъ) *опасаться*, чтобы...“.—Съ пропускомъ подразумѣвающагося дополненія: „прошу (васъ) войти“, „желаю (тебѣ, вамъ) здравствовать“ и т. д.

2) *Личный глаголъ полузнаменателенъ—изъ числа тѣхъ, которые въ составномъ сказуемомъ съ причастьями или именами служили (въ старину) связками,* каковы: *начать, кончать, перестать,* а также *сѣсть, лечь, стать* и пр., напр.: Онъ *на*

чалъ дѣйствовать.—Они *кончили пить*.—Я *пересталъ думать* объ этомъ. — Онъ *сѣлъ писать*. — Я *легъ спать*. — Она *стала шить*.—Онъ *принялся работать*.—Я *не успѣлъ сдѣлать* этого.

Въ этихъ примѣрахъ даже такіе глаголы, какъ *лечь* или *сѣсть*, обладаютъ лишь кажущеюся полнотою знаменательности, потому что безъ инфинитива они не способны выразить то, что̀ нужно. Ихъ называютъ „глаголами неполной сказуемости“ (Verba der unvollständigen Aussage). Такъ, предложеніе „я сѣлъ писать“ хочетъ сказать не то собственно, что „я *сѣлъ*“, а что я *принялся (началъ, сталъ) писать, занялся писаніемъ*, а глаголъ *сѣсть*, при всей своей знаменательности, служитъ здѣсь только для болѣе точнаго или образнаго выраженія того же, что̀ болѣе блѣдно выражено черезъ *начать, стать, приняться* и т. д.

Обращаясь къ исторіи языка, мы видимъ, что дѣйствительно эти глаголы служили *связками* въ составныхъ сказуемыхъ, гдѣ второю частью являлись причастья или имена. Такъ, выраженіе „пересталъ говорить“ въ церк.-слав. имѣетъ форму „прѣста глаголѧ“ (сост. сказ. съ прич. наст.); современному обороту типа „*сѣлъ писать*“ отвѣчаютъ въ старомъ русскомъ такіе, какъ, напр.: „Преставися Мстиславъ... и *сѣде* (аористъ: сѣлъ) по немь братъ его Ярополкъ *княжа* (прич. дѣйств. наст.) Кыевѣ“ (Лавр. л.). „Сѣде княжа“ перешло впослѣдствіи въ „сѣлъ княжить“.

3) *Инфинитивъ, стоящій въ болѣе отдаленномъ отношеніи къ личному глаголу; онъ уже — не вторая часть сказуемаго, а родъ добавочнаго сказуемаго*. По смыслу, по лексическому содержанію, онъ можетъ совпадать съ дополненіемъ (существительнымъ), т.-е. то же содержаніе возможно выразить при помощи именной категоріи рѣчи; но съ точки зрѣнія грамматической (синтактической), эти обороты (1, съ инфинитивомъ и 2, съ именемъ) далеко не совпадаютъ. Сюда относятся: „усталъ *писать*“ („усталъ отъ писанія“), „отказался *обѣдать* („отказался отъ обѣда“), „привыкъ *работать*“ („привыкъ къ работѣ“), „научился *говорить* понѣмецки“ и т. д.— Было бы ошибочно называть такой инфинитивъ дополненіемъ,

т.-е. приравнивать его къ существительному, потому что *синтактически* вовсе не одно и то же—сказать: „выучился *читать* и *писать*“ и „выучился чтенію и письму“. Здѣсь два различныхъ движенія, два весьма несходныхъ пріема грамматической мысли, и это видно хотя бы изъ того только, что „читать“, „писать“ соединены съ предицированіемъ, а „чтеніе“, „письмо“—не соединены съ нимъ; фраза съ инфинитивомъ заключаетъ въ себѣ *двойную сказуемость*,—и это даетъ совсѣмъ другую „картину“ грамматическаго процесса мысли, чѣмъ та, которая представлена оборотомъ съ существительнымъ—дополненіемъ, гдѣ нѣтъ двойной сказуемости. Съ синтактической точки зрѣнія важно не то, что̀ сказано, а—*какъ* сказано, *какова* количественно и качественно работа мысли, выражающаяся въ грамматическихъ категоріяхъ.

Помимо участья въ сложномъ *(двойномъ)* сказуемомъ, *инфинитивъ самъ по себѣ можетъ выражать сказуемое, безъ содѣйствія другого—личнаго—глагола.* Вотъ примѣръ: (Лиса говоритъ дрозду:) „если не накормишь (меня),—я дѣтей твоихъ поѣмъ“. Дроздъ *горевать*, дроздъ *тосковать*, какъ лисицу ему накормить... (Лиса продолжаетъ): „напои меня“. Дроздъ *горевать*, дроздъ *тосковать*, какъ лисицу напоить... „Вытащи меня изъ ямы..“. Дроздъ *горевать*, дроздъ *тосковать*, какъ лисицу вынимать....“ *(Аѳанасьевъ, Р. Сказки*[2] I, 49).—Для выясненія характера этого оборота, нѣтъ надобности прибѣгать къ мысли, что, ради краткости, здѣсь пропущенъ личный глаголъ „сталъ“: „Дроздъ *сталъ* горевать...“ Къ этому предположенію можно обратиться только для объясненія *происхожденія* даннаго оборота: весьма возможно, что онъ въ самомъ дѣлѣ возникъ этимъ путемъ. Но разъ онъ ужъ возникъ, и и если, говоря: „дроздъ горевать“, мы не держимъ въ мысли ни пропущеннаго личнаго глагола, ни даже представленія о его пропускѣ, о сокращеніи выраженія, то, значитъ, оборотъ ужъ очень далеко отошелъ отъ своего источника и превратился въ особую синтактическую форму, въ которой инфинитивъ несетъ всѣ обязанности сказуемаго.—Такъ и у Пушкина:

Татьяна—ахъ! а онъ—*реветъ*...

Наконецъ, *инфинитивъ играетъ видную роль въ безсубъектныхъ предложеніяхъ*, гдѣ онъ является то самостоятельнымъ сказуемымъ, то добавочнымъ, о чемъ у насъ будетъ рѣчь въ гл. V-й, § 15. Примѣры самостоятельнаго сказуемаго, выраженнаго инфинитивомъ, въ безсубъектномъ оборотѣ, мы имѣемъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ сказки о Дроздѣ: „какъ лисицу ему *накормить*... какъ лисицу *напоить*...“

Заканчивая этотъ параграфъ, посвященный инфинитиву, приведемъ нѣкоторые образчики употребленія этой формы (именно въ сочетаніи съ другими глаголами) въ старомъ русскомъ языкѣ.

Хочю жити въ Переяславци... (Лавр. лат. п. 969 г.).

Камо *хощеши* отъ мене *ити?* (Тамъ же).

Хочю на вы *ити* и *взяти* градъ вашь... (Тамъ же п. 971 г.).

Прим. Не слѣдуетъ смѣшивать этихъ выраженій съ формою будущаго, образованною изъ инфинитива и вспомог. глагола *хочю*, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

.... *ста зимовати* в Бѣлобережьи *(тамъ-же)*.

Умыслиша дерзнути на Половцѣ и *поити* в землю ихъ... (*Лавр. п.* 1102) г.)—... *почахъ копати*... и трудихомся не *могуще ся докопати, начахъ тужити*... (Ипат. л. п. 1091 г.)—Вложи Богъ въ сердьце... княземъ мысль благу... и *снятася думати*... (Ип. п. 1103)—... и *выслa* имъ князь Болгарскій *пити* съ отравою... (Им. п. 1117 г.)—... *не терпя* противу *стати*... (Ип. п. 1148 г.)—... съ Гюргемъ *не могу жити;* не *хочешь* ли мене въ любовь *приати*, ни Киеву *поидеши сѣдѣть*, язъ *хочю* волость твою *пожечи*... (Ип. п. 1149 г.)...—како *можемъ молитися*... (Ип. п. 1149).—*Присла* Романъ и Констянтинъ и Стефанъ слы къ Игореви *построити мира перваго* (т.-е. утвердить прежній миръ)... *вельша глаголати, писати* обоихъ рѣчи на харатьѣ... (Договоръ Русскихъ съ Греками 945 г.). — Оже ли себе не *можетъ мьстити*... (Рус. Правда). — Вы бо своими крамолами *начасте наводити*

поганыя на землю Русьскую... (Сл. о полку Игор.—А *ясти* же *садятся*... (Хожденіе Аѳон. Никитина, 1466—1472 г.)—и язъ *велю* ему апостолъ *дати чести* (т.-е. читать)... и язъ *прикажу учити* ихъ октеніи... (Посланіе Новгор. еписк. Геннадія къ митроп. Симону)—... и вы бы... *потщилися совершити* и *исправити*... (Стоглавъ, 1551 г.). — Почата бысть *писати* церкы... [1]) (Лавр. п. 1161 г.).

Въ старомъ русскомъ, какъ и въ церк.-славянскомъ, существовала еще другая форма инфинитива, извѣстная подъ именемъ „достигательнаго“ или „супинума“ (латинское *supinum*). Она имѣла окончаніе—*тъ* (а въ глаголахъ съ окончаніемъ обыкновеннаго инфинитива—*чи*, церк.-сл.—*щи*, какъ *течи, тещи*, она имѣла форму на—*чь*, церк.-сл. *штъ*) и ставилась послѣ глаголовъ, обозначающихъ *движеніе*, выражая *цѣль* этого движенія. Напр.: *поити* же хочемъ битъся (*Лавр.* п. 1147 г.). Дружина же Всеволожа начаша князю жаловати: мы не цѣловатъ ихъ *пріѣхали*... (*Тамъ-же*, подъ 1178 г.).

Изучая исторію языка, мы находимъ, что, въ направленіи отъ древности къ нашему времени, употребленіе инфинитива все увеличивается. Уже въ старину это была форма весьма распространенная, но все-таки ея роль въ древнемъ періодѣ отчасти суживалась другими оборотами. Мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ оборотахъ, гдѣ позже явился инфинитивъ, прежде стояло причастье, напр. *съде княжа—сѣлъ княжить* и друг.— Такъ какъ инфинитивъ есть глаголъ, а не имя, то его распространеніе насчетъ причастій содѣйствовало *увеличенію глагольности предложенія.*

§ 10. Распаденіе составного сказуемаго на 1, сказуемое главнаго предложенія и 2, сказуемое придаточнаго дополнительнаго или обстоятельственнаго.

Въ старинномъ языкѣ въ большомъ ходу были обороты такого типа: *сжалисѧ послалъ*—букв. пожалѣлъ (себѣ-си) по-

---

[1]) Инфинитивъ на—*ти* при страдательномъ залогѣ, чего въ новомъ языкѣ нѣтъ.

славшій", но это значило: *„пожалълъ, что послалъ"; мнится имѣя*—букв. „мнитъ (думаетъ себѣ, воображаетъ) имѣющій", а значило это: *„думаетъ (воображаетъ себѣ), что имѣетъ"*. Это были, какъ видно изъ приведенныхъ образчиковъ, *составныя сказуемыя* съ знаменательными глаголами въ лексическомъ значеніи „думать", „воображать", „полагать", „чувствовать" *(verba sentiendi)* и причастьями дѣйств. наст. и прошл. вр. въ именной формѣ.—Въ новомъ языкѣ такое составное сказуемое распадается на *два глагола:* одинъ („пожалѣлъ", „думаетъ"), образующій сказуемое главнаго предложенія, и другой („послалъ", „имѣетъ"), образующій сказуемое придаточнаго предложенія и присоединяемый къ первому глаголу посредствомъ союза („что"); въ результатѣ изъ одного предложенія съ составнымъ сказуемымъ возникаетъ два предложенія, главное и придаточное,—оба съ простыми глагольными сказуемыми.—

Кромѣ союзовъ, въ образованіи придаточныхъ предложеній этого рода участвуютъ также *мѣстоименія (относительныя* и *вопросительныя)* и *нарѣчья (мѣста, времени, обстоятельства):* „я не знаю, *что* и думать", гдѣ „что" — мѣстоименіе, а не союзъ, „они не знали, *куда* итти" и т. д.

Важно отмѣтить, что эти мѣстоименія и нарѣчья стали появляться въ разсматриваемомъ оборотѣ *раньше распаденія составного сказуемаго* на сказуемое главнаго предложенія и сказуемое придаточнаго. Вотъ образчики этой формы, на которую можно смотрѣть, какъ на переходную отъ архаическаго оборота къ новому.

Не *вѣдяху* бо *камо бѣжаще* (Ипат. лѣт.) — „ибо они не знали, *куда бѣгутъ*" (букв. „куда бѣгущіе"). Здѣсь вставлено нарѣчье „камо" („куда").

Изъ церк.—славянскаго:

І еже мьнитъ сѧ имѣѥ отыи́метъ сѧ отъ него (Зограф. Ев. Лук. VIII, 18) — „и что (мѣстоим.) онъ думаетъ, что (союзъ) имѣетъ,—отымется отъ него" (букв. „что (мѣстоим.) мнитъ себя имѣющій", т.-е. мнитъ себя имѣющимъ, обладающимъ"). Вставка мѣстоименія *еже* (которое, что).

Не вѣдѧть бо сѧ чьто творѧщіе (Остром. Ев., листъ 191, об.). — Но уже въ Зографскомъ Еван. находимъ здѣсь новый оборотъ (т.-е. оборотъ не архаическій, новаго типа)— съ придаточнымъ предложеніемъ (какъ это выражено и въ греческомъ текстѣ: οὐ γάρ οἴδασι τί ποιοῦσι): не вѣдѧтъ бо сѧ чьто творѧтъ — „не знаютъ, что (мѣстоим.) дѣлаютъ“.—Здѣсь (въ Остром. Ев.) вставлено мѣстоименіе чьто уже въ оборотъ съ состав. сказуемымъ.

Вотъ еще примѣры того же явленія въ старомъ русскомъ съ тою лишь разницею, что личный глаголъ не принадлежитъ къ числу глаголовъ съ лексическимъ значеніемъ „думать“, „чувствовать“. Это не мѣняетъ сущности дѣла.

Оже ли небудетъ *кто* его *мьстя*, то... *(Рус. Правда)* — „если же не будетъ (никого), кто бы отомстилъ за него, то...“, букв.: „кто мстящій“. Вставка мѣстоименія „кто“.

И не бысть *кто помилуя* ихъ (Ипат. лѣт. п. 1261 г.)— „не было (никого), кто бы пожалѣлъ ихъ“, букв. „кто жалѣющій“, со вставкою мѣстоименія „кто“.

И тако съступиша *еже рекше* (Ипат. л.), — и такъ отступили (не исполнили) отъ того, что сказали (обѣщали), — букв. „отступили отъ того, что сказавшіе“. Вставка мѣстоим. относит. *еже*.

А другіи разбѣгошася *камо кто видя* (Ипат. л. п. 1264 г.— „а другіе разбѣжались куда попало (куда глаза глядятъ)“, букв. „кто куда видящій“, со вставкою нарѣчья *камо* и мѣстоимѣнія *кто* [1]).

По этимъ примѣрамъ мы наблюдаемъ одно изъ тѣхъ направленій, въ которыхъ развивался оборотъ съ составнымъ сказуемымъ. Это, именно, въ данномъ случаѣ направленіе въ сторону нашихъ сложныхъ предложеній изъ главнаго и придаточнаго, соединяемыхъ мѣстоименіями относительными, нарѣчіями мѣста, времени, обстоятельства и наконецъ — союзами.

---

[1]) Всѣ эти примѣры, кромѣ изъ Зограф. ев, взяты у *Потебни* „Изъ зап. по р. гр.“, т. I, стр. 206 и сл.

При этомъ нужно имѣть въ виду, что движеніе въ эту сторону началось уже въ древности. Обороты новаго типа, какъ результатъ распаденія составного сказуемаго, найдутся въ древнѣйшихъ памятникахъ; такъ, выше мы привели такую форму изъ Зограф. Ев. (нє вѣдѧтъ во сѧ чьто творѧтъ), вполнѣ совпадающую съ современною русскою. Но такіе случаи сравнительно рѣдки. Новый (т.-е. неархаическій) оборотъ развивался и распространялся постепенно, и старый долго еще сохранялъ свою силу, пока наконецъ не былъ вытѣсненъ новымъ. Долгое время обѣ формы существовали рядомъ, замѣняя одна другую. Нынѣ форма съ составнымъ сказуемымъ разсматриваемаго типа уже невозможна.

Теперь подведемъ итогъ разсмотрѣннымъ (въ §§ 5—10) явленіямъ, т.-е. процессамъ преобразованія составныхъ сказуемыхъ съ причастьями дѣйств.

Старинныя составныя сказуемыя этого рода, по мѣрѣ приближенія къ современному языку, постепенно выходятъ изъ употребленія и замѣняются другими оборотами, а именно:

1) *Состав. сказуемое* съ *отвлеченною связкою* и *причастьемъ въ роли предикативнаго аттрибута*, напр. „кости его *суть* доселѣ тамо *лежаче*“, переходитъ *въ простое глагольное сказуемое:* „кости его доселѣ тамъ *лежатъ*“. Внутренній смыслъ этой замѣны опредѣляется такъ: устраненіе причастья ведетъ къ умаленію *именныхъ* категорій въ предложеніи и въ частности къ ослабленію момента подлежащаго, такъ какъ причастье, въ особенности аттрибутивное, тяготѣя къ подлежащему и согласуясь съ нимъ, содѣйствуетъ болѣе яркому проявленію его въ грамматической мысли. Далѣе, появленіе, взамѣнъ связки и причастья, простого глагольнаго сказуемаго усиливаетъ *глагольность* предложенія и съ тѣмъ вмѣстѣ дѣлаетъ предложеніе болѣе цѣльнымъ, болѣе компактнымъ.

2) *Составное сказуемое* съ *знаменательною связкою* и *причастьемъ аппозитивнымъ* („подумавъ сказалъ“, „подумавши сказала“, „подумавше сказали“) превращается въ *простое глагольное сказуемое съ дѣепричастьемъ* („подумавъ сказалъ“, „подумавши сказалъ, сказала, сказали“). Это значитъ: имен-

ной характеръ предложенія, зависѣвшій отъ наличности причастья, пошелъ на убыль; напротивъ, *глагольность предложенія увеличилась*, ибо дѣепричастье, не согласуясь съ подлежащимъ, тѣснѣе примыкаетъ къ глаголу; оно усиливаетъ моментъ сказуемаго. И здѣсь предложеніе стало цѣльнѣе, сплоченнѣе.

Прим. Насколько старый оборотъ съ причастьемъ („подумавъ“) былъ предложеніемъ несплоченнымъ, это видно между прочимъ изъ возможности появленія внутри его союза „и“: „вставъ и рече“, что̀ встрѣчается на каждомъ шагу.

3) *Составное сказуемое* типа „сѣде княжа“ превращается въ *двойное сказуемое съ инфинитивомъ*: „сѣлъ княжить“. Это значитъ: именной характеръ предложенія, зависѣвшій отъ наличности причастья, пошелъ на убыль; напротивъ, *глагольный строй предложенія усилился* съ появленіемъ инфинитива. *Моментъ подлежащаго*, благодаря той же замѣнѣ причастья инфинитивомъ, *сталъ слабѣе*, *моментъ сказуемаго* въ значительной мѣрѣ *возросъ* и *окрѣпъ*.

4) *Составныя сказуемыя распадаются на сказуемыя главныхъ предложеній, выражаемыя глаголомъ*, и *сказуемыя придаточныхъ, выражаемыя дѣепричастьями и причастьями*. Здѣсь мы имѣемъ явленіе, которое, на первый взглядъ, представляется противуположнымъ вышеуказанному стремленію языка къ замѣнѣ двухъ моментовъ сказуемаго однимъ, къ наибольшей цѣльности предложенія. Здѣсь составное сказуемое, повидимому, становится еще болѣе составнымъ. Его части удалились одна отъ другой и развились въ особыя предложенія (главное и придаточное). Это, несомнѣнно,—движеніе въ сторону, противоположную той, которая представлена явленіями замѣны составнаго сказуемаго простымъ. При всемъ томъ, и здѣсь, какъ и тамъ, въ послѣднемъ результатѣ оказывается все то же *усиленіе глагольности* предложенія, *умаленіе момента подлежащаго, расширеніе сказуемости* и даже *увеличеніе цѣльности предложенія*. И въ самомъ дѣлѣ: характерное отличіе *новыхъ сложныхъ* предложеній отъ *прежнихъ составныхъ* въ томъ, что первыя *уже не имѣютъ связки,—она превратилась*

въ простое глагольное сказуемое главнаго предложенія, чѣмъ уже достигнуто въ его предѣлахъ все, на что мы только-что указали; далѣе, причастье, а еще болѣе дѣепричастье, переставъ быть частью составного сказуемаго, не тяготѣютъ къ подлежащему въ той мѣрѣ, какъ они тяготѣли прежде. Наконецъ самый фактъ возникновенія придаточныхъ предложеній разныхъ типовъ знаменуетъ собою достиженіе той раздѣльности, расчлененности и вмѣстѣ упорядоченія рѣчи, которыя *въ сложномъ предложеніи* вполнѣ отвѣчаютъ тому, что въ простомъ предложеніи мы назвали его цѣльностью, компактностью. Излишне еще пояснять, что придаточныя дополнительныя и обстоятельственныя предложенія („пожалѣлъ, что послалъ", „думаетъ, что имѣетъ", „не знаетъ, куда идетъ" и т. д.) отличаются отъ соотвѣтственныхъ старинныхъ оборотовъ съ составнымъ сказуемымъ („сжалиси послав", „мниться имѣя", „не вѣдяху камо бѣжаще" и т. д.) именно вышеуказанными преимуществами усиленной глагольности сказуемаго, а также придаютъ предложенію тотъ характеръ, который можно опредѣлить понятіемъ *связной расчлененности.*

Въ ряду нынѣ существующихъ составныхъ сказуемыхъ мы отмѣтимъ здѣсь составныя сказуемыя съ *причастьями страдательными: (есть) любимъ, былъ уважаемъ, былъ взятъ, будетъ отданъ.* Въ этомъ оборотѣ глаголъ *(быть)* служитъ, какъ и въ старину, *связкою,* а причастье должно быть понимаемо, какъ *предикативный аттрибутъ.* Формы „*(есть), былъ, будетъ* любимъ" и т. д. не могутъ быть понимаемы, какъ простыя глагольныя сказуемыя. Раздѣльность двухъ моментовъ, связки и причастья, видна изъ такихъ случаевъ, какъ: „онъ *былъ тогда всѣми уважаемъ*„ гдѣ, очевидно, „тогда", относится къ „былъ", а „всѣми"—къ „уважаемъ".

ГЛАВА III.

Сказуемое и его выраженіе.

Простое глагольное сказуемое.—Глагольныя формы.

§ 11. Мы видѣли, какими путями составныя сказуемыя съ причастьями дѣйств. преобразовывались въ простыя. Эти простыя, т.-е. различныя формы глагола, существовали издревле. Они возникли еще въ индоевропейскомъ пра-языкѣ, были, конечно, въ ходу въ общеславянскомъ, затѣмъ въ общерусскомъ основномъ (прарусскомъ) и наконецъ вошли въ грамматическій обиходъ исторически-извѣстнаго русскаго языка. Но въ старину ихъ употребленіе и распространеніе ограничивалось и тормозилось составными сказуемыми, въ которыхъ глагольныя формы являлись только въ роли связокъ. Обѣ формы сказуемаго существовали рядомъ, но одна (составная) съ теченіемъ времени шла на убыль, другая (простая), напротивъ, все болѣе распространялась и вытѣсняла первую.

Теперь намъ предстоитъ ознакомиться съ синтактическими формами простого сказуемаго, т.-е. съ наличнымъ составомъ современнаго русскаго глагола, причемъ мы будемъ сличать этотъ составъ съ прежнимъ, съ формами глагола въ древнерусскомъ.

Русскій глаголъ имѣетъ: 1) *лица* и *числа* (и въ прошедш. врем. един. ч. — *родъ*), 2) *времена*, 3) *наклоненія*, 4) *залоги*, 5) *виды*, 6) *инфинитивъ*.

1) Лица и числа. Отличительный признакъ глагола это—*отношеніе къ лицу*. Это отношеніе можетъ быть выражено особыми личными окончаніями или не выражено ими, т.-е. оно можетъ быть „прямымъ“ или „косвéннымъ“. Выраженное (прямое) отношеніе къ лицу мы находимъ въ формахъ настоящаго времени и будущаго простого *(иду, идешь, идетъ* и т. д., *увижу, увидишь... увидимъ..., буду, будетъ, будутъ...)*; невыраженное (косвенное)—въ формахъ прошедш. врем. и въ инфинитивѣ, о чемъ уже была рѣчь выше.—Мы принимаемъ *пять*

синтактическихъ лицъ въ глаголѣ: первое—лицо говорящее *(несу, сижу, буду, я сказалъ, несемъ, сидимъ, мы сказали);* второе—то, къ которому обращена рѣчь *(несешь, сидишь, ты сказалъ, несете, сидите, вы сказали);* третье—то, о которомъ идетъ рѣчь *(несетъ, сидитъ, сказалъ, несутъ, сидятъ, они (онѣ сказали);* четвертое—неопредѣленное въ такъ называемыхъ „неопредѣленно-личныхъ" предложеніяхъ, какъ напр. „говорятъ", „пишутъ", „просятъ не курить", „тише ѣдешь—дальше будешь"; это лицо въ русскомъ языкѣ выражается глагольными окончаніями 3-го лица множ. числа и 2-го един. ч.; особаго мѣстоименія для него у насъ нѣтъ, но въ нѣмецкомъ и французскомъ такое—*неопредѣленно-личное*—мѣстоименіе существуетъ: это—нѣм. *man* (man sagt, man schreibt) и фр. *on* (on dit, on écrit); пятое лицо есть лицо мнимое; по окончанію оно совпадаетъ съ третьимъ лицомъ ед. ч., но, по смыслу, не обозначаетъ никакого,—ни третьяго, ни второго, ни перваго, представляя собою *грамматическую фикцію;* мы находимъ его въ безличныхъ (безсубъектныхъ) оборотахъ типа „свѣтаетъ", „морозитъ", „тошнитъ". Соотвѣтственной мѣстоименной формы у насъ нѣтъ, но она есть въ нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ; это именно—нѣм. *es* и франц. *il* въ безсубъектныхъ предложеніяхъ какъ *es blitzt, es friert, il pleut, il gèle.* Такъ какъ эта форма *(es, il)* не является замѣною имени, то на нее слѣдуетъ смотрѣть—какъ на мѣстоименіе *мнимое;* ее можно назвать *псевдомѣстоименіемъ (ложнымъ мѣстоименіемъ)* [1]).

Чиселъ въ современномъ русскомъ глаголѣ два: *единственное (говорю, пришелъ)* и *множественное (говоримъ, пришли).* Въ старомъ русскомъ, какъ и въ церк.-славянскомъ, было еще *двойственное*—для обозначенія двухъ лицъ, напр.: „*Она же* (они двое) *рекоста* (сказали)", *несевѣ* (мы двое несемъ), *несоховѣ* (мы двое понесли, аор.) и т. д.

Измѣненіе глагола по лицамъ и числамъ называется *спря-*

[1]) Зачаткомъ этой формы у насъ является *оно* въ такихъ оборотахъ, какъ: „*Оно*, правда, совѣстно немного обыгрывать старухъ". (Гонч. „Обрывъ", ч. I, гл. I). См. въ § 15.

женіемъ: несу, несешь, несетъ, несемъ, несете, несутъ, — это— спряженіе глагола *нести* въ наст. врем.; *я несъ, ты несъ, онъ несъ, мы несли* и т. д. — спряженіе того же глагола въ прошедш. врем. Какъ извѣстно, принято различать (собственно въ настоящемъ вр. и простомъ будущемъ) два спряженія: *первое,* характеризующееся во 2-мъ и 3-мъ л. ед. гласнымъ *е* передъ окончаніями — *шь, тъ (нес-е-шь, нес-е-тъ)* и въ 3-мъ л. мн. — гласными *у, ю* передъ окончаніемъ — *тъ (нес-у-тъ, сну-ю-тъ),* и *второе,* гдѣ во 2-мъ и 3-мъ л. ед. находится передъ окончаніями гласный *и (вид-и-шь, вид-и-тъ),* а въ 3-мъ мн.—звуки *я, а (вид-я-тъ, стороож-а-тъ).*

Внѣшнимъ выраженіемъ лицъ и чиселъ служатъ: 1) *личныя окончанія* (особое для каждаго лица и числа) и 2) *личныя мѣстоименія* (а также и другія, указательныя, относительныя, вопросительныя, какъ замѣстители личныхъ)—когда нѣтъ окончаній.

2) Времена. Грамматическимъ временемъ называется глагольная форма, выражающая отношеніе (дѣйствительное или мнимое) дѣйствія къ моменту рѣчи.

Если дѣйствіе, обозначаемое глаголомъ, представлено совпадающимъ съ моментомъ рѣчи, то это—настоящее время, напр., *пишу,* т.-е. дѣлаю это въ тотъ самый моментъ, когда говорю объ этомъ. — Если дѣйствіе глагола представлено предшествующимъ моменту рѣчи, то это — прошедшее время, напр. *я писалъ,* т.-е. дѣлалъ это раньше того, какъ говорю объ этомъ; *ты писалъ* значитъ—это происходило (ты дѣлалъ это) прежде, чѣмъ я повелъ объ этомъ рѣчь. — Если дѣйствіе представлено совершающимся послѣ момента рѣчи, то это — будущее время: „*я напишу*“, „*ты будешь читать*“ означаютъ, что эти дѣйствія наступятъ послѣ того, какъ это сказано.

Древнерусскій яз. былъ гораздо богаче формами временъ, чѣмъ современный русскій. Послѣдній имѣетъ только три особыя формы временъ: *настоящее, прошедшее* и *будущее.* Но эта бѣдность — только кажущаяся: недостатокъ временъ съ

избыткомъ восполняется *видами,* благодаря которымъ русскій глаголъ способенъ выражать тончайшіе оттѣнки дѣйствій, въ ихъ теченіи, послѣдовательности и взаимныхъ отношеніяхъ, не уступая въ гибкости, выразительности и точности никакому другому языку. Большинство формъ времени, существовавшихъ въ старомъ русскомъ, вышло изъ употребленія—за ненадобностью. Съ развитіемъ видовъ, они оказались излишними.

Старый русскій имѣлъ слѣдующія формы временъ. Простыя. Настоящее: *несу, вижю, есмь, еси, есть, несемъ, видиши, несетъ, несутъ* и т. д. Аористъ *(прошедшее совершенное): несохъ, несе, несохомъ, бѣхъ, бѣша, бысть, видѣста* и пр.— Преходящее *(прошедшее несовершенное): бяхъ, бяше, предаяшеть, думашеть.—Будущее простое* (собств. настоящее въ значеніи будущаго): *понесу, понесутъ, сядетъ, буду.*

Примѣры простыхъ временъ: „слышавъ же князь Глѣбъ рѣчь князий Половецкыхъ *въсхотѣ* (аор.) к нимъ ити на снемъ, и рекъ посломъ Половецкымъ: „*иду* (наст.) к вамъ", и *думашеть* (преход.) з дружиною своею о томъ, „к которымъ *пойдемъ* (буд. прост.) передь"; и *здумаша* (аор.) преже ити к Переяславлю блюда (причастье дѣйств. наст. уже въ качествѣ дѣеприч.) Переяславля, князь бо Переяславьскый Глѣбовичь Володимеръ в то время *бяшеть* (преход.) малъ, яко 12 лѣтъ". (Лавр. л. п. 1169 г.). Переводъ: „Князь Глѣбъ, услышавъ рѣчь князей Половецкихъ, пожелалъ пойти къ нимъ на совѣщаніе (на съѣздъ) и, сказавъ посламъ Половецкимъ: „иду къ вамъ", думалъ (совѣтовался) съ дружиною своею о томъ, куда пойти сперва; и порѣшили итти сперва къ Переяславлю, охраняя Переяславль (заботясь объ охранѣ этого города), потому что Переяславскій князь Владиміръ Глѣбовичъ былъ въ то время малъ, около 12 лѣтъ".

Сложныя *а)* изъ причастій на—*лъ* и вспомогат. глаголовъ *есмь, бѣхъ* и др.—для выраженія прошедшихъ временъ и б)—изъ инфинитива и буд. *буду* или наст. *хочю, имамь*— для выраженія будущаго; была также форма будущаго, составленная изъ вспомогательнаго *буду* и причастья на—*лъ.*

Объ этихъ формахъ будетъ рѣчь ниже, гдѣ приведемъ и образцы.

Употребленіе настоящаго времени въ соврем. русскомъ. Настоящее время употребляется: 1) въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ, т.-е. для выраженія того, что моментъ дѣйствія совпадаетъ съ моментомъ рѣчи: *я сижу, ты читаешь, онъ идетъ;* 2) въ обширномъ смыслѣ, для выраженія того, что̀ существуетъ вѣчно или, по крайней мѣрѣ, длится неопредѣленно — долго, или же представляется постояннымъ,—такъ что, по необходимости, моментъ рѣчи совпадаетъ съ нимъ, напр., „земля *вращается* вокругъ своей оси", „тѣла *притягиваются* обратно-пропорціонально квадратамъ разстояній", „законъ *гласитъ*...", „обычай *требуетъ*, чтобы...", „исторія *учитъ*, что .." и т. д.; этотъ родъ настоящаго приспособленъ для выраженія законовъ природы, выводовъ науки, законовъ юридическихъ, общихъ правилъ, нравственныхъ истинъ, религіозныхъ ученій, общихъ мѣстъ, пословицъ и т. д. — Сюда же можно отнести и настоящее время въ такихъ выраженіяхъ, какъ, напр. „Аристотель *говоритъ*, что...",—„авторъ „Слова о полку Игоревѣ" *порицаетъ* князей за междуусобія",—въ „Евг. Онѣгинѣ" Пушкинъ *изображаетъ*..." и т. д.; 3) настоящее вр. употребляется для воспроизведенія прошлаго—ради большей живости и изобразительности; говорящій мысленно переноситъ себя въ прошлое, которое поэтому и представляется такъ, какъ будто оно—настоящее; это—*мнимое настоящее.* Напр.: „*Пріѣзжаетъ* ко мнѣ одинъ сосѣдъ.... *Слышу я*: онъ чёркъ, чёркъ спичкой а та-то все *не унимается*, бокъ себѣ *чешетъ*". (Тург. „Собака").

. . . . . Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ....

(*Пушк.*, „Полтава").

Гарунъ бѣжалъ быстрѣе лани....
. . . . . .
Бѣжалъ онъ въ страхѣ съ поля брани....
. . . . . .

. . . . . .

Гарунъ забылъ свой долгъ и стыдъ,
Онъ растерялъ въ пылу сраженья
Винтовку, шапку—и *бѣжитъ*.

(*Лерм*, „Бѣглецъ“).

Это *мнимое (изобразительное) настоящее* извѣстно и народному языку, напр.:

Поѣзжае Илья Муромецъ
Въ тѣ-ли степи Саратовы....
Наѣзжае онъ на три розстанки широкіи....
Лежитъ тута камешекъ сѣрые....

(Рус. Был. изд. Тихонр. и Милл, стр. 14).

Прим.: Здѣсь послѣдній глаголъ „лежитъ“ долженъ быть понимаемъ не какъ мнимое настоящее, а какъ то, которое мы помѣстили подъ рубрикою 2-ю („настоящее постоянства“).

Говоритъ ему батюшко старый казакъ
да Илья Муромецъ....

(Тамъ же, стр. 52).

Скорымъ на-скоро Ильюша *одѣвается*,
Покрутёшенько Ильюша *снаряжается*,
Обувалъ [1]) Ильюшинька лапо̀тки семи
шелковъ....

(Тамъ-же, стр. 53).

Это употребленіе рядомъ мнимаго настоящаго *(одѣвается, снаряжается)* и прошедшаго *(обувалъ)* составляетъ характерную черту языка народной поэзіи. Оно наглядно обнаруживаетъ истинное значеніе мнимаго настоящаго — какъ прошлаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ проявляется одна особенность народнаго языка, которая станетъ яснѣе, если привлечемъ къ сравненію соотвѣтственное явленіе въ общерусскомъ-литературномъ. Въ послѣднемъ, когда въ описаніи *прошлаго* событія употребляются рядомъ формы настоящаго и прошедшаго врем., то при этомъ соблюдается извѣстная перспек-

[1]) Переходъ къ прошедшему вр.

тива: дѣйствія, выраженныя прошедшимъ и настоящимъ, стоятъ не на одномъ планѣ картины, а на разныхъ, хотя бы промежутокъ между этими дѣйствіями былъ мгновенный. Напр.: „я *задулъ* свѣчу; вдругъ *слышу*...“. То и другое *(задулъ* и *слышу)* принадлежитъ къ прошлому (относительно момента рѣчи); но въ этомъ прошломъ моментъ „задулъ“ предшествовалъ моменту „слышу“. Подобной перспективы нѣтъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ былины, гдѣ моментъ „обувалъ“, по смыслу, совпадаетъ съ моментами „одѣвается“ и „снаряжается“, а между тѣмъ онъ выраженъ прошедшимъ, т.-е. здѣсь не принимается въ разсчетъ и не осуществляется та перспектива, которая для нашего—общерусскаго-литературнаго—синтактическаго чутья непремѣнно возникла бы при данныхъ условіяхъ (и, конечно, была бы въ данномъ случаѣ неправильною); народное грамматическое чутье еще не ощущаетъ этой неправильности, этого „синтактическаго диссонанса“.

3) *Настоящее время часто встрѣчается рядомъ съ прошедшимъ, выражая дѣйствіе прошлое относительно момента рѣчи, но совпавшее по времени съ тѣмъ дѣйствіемъ, которое обозначено формою прошедшаго времени.* Напр.: „я тогда думалъ, что *не могу*, къ сожалѣнію, исполнить „обѣщаннаго“,—„я услышалъ: кто-то *идетъ*“,—„на просьбу участвовать въ прогулкѣ мы *отвѣтили*, что *не можемъ*“.

4) *Настоящее время рядомъ съ будущимъ выражаетъ будущее относительно момента рѣчи, но одновременное съ глаголомъ въ будущемъ врем.*, напр.: „завтра я получу приглашеніе участвовать въ спектаклѣ. Но я *отвѣчу*, что *не могу*“.

5) *Къ формѣ настоящаго врем. (напр. сижу), а также и—будущаго простого (напр. сяду) присоединяется форма „бывало“ для выраженія прошедшаго, повторявшагося неоднократно,* при чемъ сюда вносится особый оттѣнокъ—изобразительности воспоминанія. Напр.: *„сижу бывало* и *думаю (бывало)...“,—„сяду бывало и задумаюсь...“,—„прихожу бывало...“, „прійду бывало...“.*

Форма *„бывало“* можетъ быть разсматриваема здѣсь какъ

остатокъ вводнаго безсубъектнаго предложенія — съ очень ослабленною предикативностью.

Примѣры употребленія формы настоящаго и буд. простого.

Воеводы не дремали,
Но никакъ не успѣвали:
Ждутъ бывало съ юга: глядь—
Анъ съ востока *мзлетъ* рать...
. . . . . .
. . . . . .
Годъ, другой *проходитъ* мирно,
Пѣтушокъ *сидитъ* все смирно,
(*Пушк*, „Сказка о золот. Пѣтушкѣ“).

Ужъ столъ накрытъ; давно пора;
Хозяйка *ждетъ* нетерпѣливо;
Дверь отворилась, *входитъ* графъ;
Наталья Павловна, привставъ,
Освѣдомляется учтиво,
Каковъ онъ? Что нога его?
Графъ *отвѣчаетъ* ничего!
Идутъ за столъ; вотъ онъ *садится*,
Къ ней *подвигаетъ* свой приборъ
И *начинаетъ* разговоръ...
(*Пушк.*, „Графъ Нулинъ“)

. . . . . Нашъ герой
Живетъ въ Коломнѣ, гдѣ-то *служитъ*,
Дичится знатныхъ и не *тужитъ*
Ни о покойницѣ роднѣ,
Ни о забытой старинѣ.
(*Пушк.*, „Мѣдн. Всадн.“).

— Эй, ямщикъ! закричалъ я: смотри—что тамъ такое *чернѣется?* Ямщикъ сталъ всматриваться. — А Богъ *знаетъ*, баринъ, сказалъ онъ, *садясь* на свое мѣсто: возъ не возъ, дерево, не дерево, а *кажется*, что *шевелится*.... (*Пушк.*, „Капит. дочка“, гл. II).

Въ народѣ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, возникли

слухи, что самоубійца, весь въ бѣломъ, *блуждаетъ* въ лѣсу, *взбирается* иногда на обрывъ, *смотритъ* на жилыя мѣста и *исчезаетъ*. (*Гончар.*, „Обрывъ“, I, X).

Вѣрочка *плачетъ* рѣдко и потихоньку, и если огорчатъ ее чѣмъ-нибудь, она *дѣлается* молчалива и не скоро *приходитъ* въ себя, *не любитъ*, чтобы ее заставляли просить прощенія. Она *молчитъ-молчитъ*, потомъ вдругъ неожиданно *придетъ* въ себя и *станетъ* опять бѣгать... (Тамъ же).

Вдругъ *пріѣзжаетъ* новый майоръ принимать баталіонъ. *Принимаетъ*. Старый подполковникъ вдругъ *заболѣваетъ*, двинуться *не можетъ*, двое сутокъ дома *сидитъ*, суммы казенной не *сдаетъ*. Докторъ... увѣрялъ, что дѣйствительно боленъ былъ... (*Достоев.* „Братья Карам.“ ч. I, кн. III, гл. IV).

Сидѣлъ я тогда дома, были сумерки, и только-что хотѣлъ выходить, одѣлся, причесался, платокъ надушилъ, фуражку взялъ, какъ вдругъ *отворяется* дверь и—предо мною, у меня на квартирѣ, Катерина Ивановна (Тамъ же).

Такъ *бывало* и *закричу* въ темнотѣ. Да какъ *вспомню* вдругъ, что ничего-то я ему не сдѣлаю, а онъ-то надо мною смѣется теперь..., такъ *кинусь* съ постели на полъ, *зальюсь* безсильною слезой и *трясусь-трясусь* до разсвѣта. Поутру *встану* злѣе собаки, рада весь свѣтъ проглотить... (Тамъ же, ч. III, кн. VII, гл. III).

Набѣгавшись до-сыта, *сидишь бывало* за чайнымъ столомъ, на своемъ высокомъ креслицѣ; *уже поздно*, давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ, сонъ *смыкаетъ* глаза, но не *трогаешься* съ мѣста, *сидишь* и *слушаешь*. И какъ не слушать? Maman *говоритъ* съ кѣмъ-нибудь, и звуки ея голоса *такъ сладки, такъ привѣтливы*. Одни звуки эти такъ много *говорятъ* моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально *смотрю* на ея лицо, и вдругъ, она сдѣлалась вся маленькая, маленькая—лицо ея не больше пуговки; но оно мнѣ все такъ же ясно *видно: вижу*, какъ она взглянула на меня и какъ улыбнулась. Мнѣ *нравится* видѣть ее такою крошечною. Я *прищуриваю* глаза еще больше, и она *дѣлается* не больше тѣхъ мальчиковъ, которые *бываютъ* въ зрачкахъ; но

я пошевелился—и очарованіе разрушилось; я *сужи́ваю* глаза, *поворачиваюсь*, всячески *стара́юсь* возобновить его, но напрасно.—Я *вста́ю*, съ ногами *забира́юсь* и уютно *укла́дываюсь* на кресло. (*Л. Н. Толстой*, „Дѣтство“, гл. XV).

Бывало въ глубокій полуночный часъ,
Малютки *прійду* любоваться на васъ..
. . . . . .
Бывало люблю васъ крестомъ знаменать...

(Хомяковъ).

Бывало часто *говорю* ему: „Ну, что̀, братъ Пушкинъ?“—„Да такъ, братъ,—*отвѣчаетъ бывало:*—такъ какъ-то все... (Гоголь, „Ревизоръ“, III, VI).

Бывало носишься съ своей грустью, какъ съ кладомъ и *совьстишься* веселаго порыва... (Тург. „Фаустъ“).

Снова *поданы* два экипажа къ крыльцу Петровскаго дома; одинъ—карета, въ которую *садятся* Мими, Катенька, Любочка, горничная и самъ прикащикъ Яковъ, на козлахъ; другой—бричка, въ которой *пдемъ* мы съ Володей и недавно взятый съ оброка лакей Василій.—Папа, который нѣсколько дней послѣ насъ *долженъ* тоже пріѣхать въ Москву, безъ шапки *стоитъ* на крыльцѣ и *креститъ* окно кареты и бричку.—„Ну, Христосъ съ вами! Трогай!“ Яковъ и кучера (мы *пдемъ* на своихъ) *снимаютъ* шапки и *крестятся*. (*Л. Н. Толвтой*,—„Отрочество“, гл. I).

Хлопотунья хозяйка *отворяетъ* скрипящія ворота, *выгоняетъ* задумчивыхъ коровъ на улицу, по которой уже *слышны* топотъ, мычаніе и блеяніе стада, и *перекидывается* словечкомъ съ сонною сосѣдкой. (Тамъ же).

Прошедшее время. Старинныя *простыя* прошедшія времена, именно *аористы* и *преходящія*, вышли изъ употребленія уже въ старину. Единственная существующая теперь форма прошедшаго это — та, которая имѣетъ окончаніе — *лъ*,—*ла*,—*ло*,—*ли*. Это, конечно, уже форма *простая*, а не сложная. Но въ старину она была сложною, потому что состояла изъ двухъ частей: *вспомогательнаго глагола (есмь, бѣхъ)*

и *причастья* на—*лъ*.—Вотъ обращики этихъ формъ въ старомъ русскомъ:

а) *Съ настоящимъ временемъ вспомог. глагола — есмь, еси* и т. д.:... ныне же *увѣдѣлъ есть* князь вашь посылати грамоты ко царству нашему. (Лавр. л. п. 945 г.).—Идутъ Русь, и *наяли суть* къ собѣ Печенѣги. (Лавр. л. п. 944 г.).—Мы же, елико насъ *крестилися есмы*, кляхомъся... (Лавр. п. 945 г.). — Брате Дамьяне! еже *есмь обѣщалъ*, то ти буди. (Лавр. л. п. 1074 г.).—... зане *вверилъ еси* ножь въ ны... (Лавр. п. 1100),—Отроци Свѣньлъжи *изодѣлися суть* оружьемь и порты... (Лавр. п. 945).—... наши князи добри суть, иже *распасли суть* Деревьску землю... (Лавр. 945).—Яко Богъ *далъ есть* намъ 40 дний... на очищенье души. (Лавр. 1074 г.).

Эта форма имѣла значеніе прошедшаго совершеннаго и мало чѣмъ отличалась отъ аориста. Въ приведенныхъ примѣрахъ она могла быть замѣнена послѣднимъ, напр., нынѣ же *увѣдѣ* князь...“, „идуть Русь и *наяша къ собѣ Печенѣги*...“, „*еже обѣщахъ*...“ и т. д.—Слѣдуетъ полагать, что исчезновенію аористовъ (начавшемуся уже въ XIII—XIV вв). много содѣйствовала именно равнозначность съ ними разсматриваемой формы. Можно принять, какъ правило, что, если двумъ равнозначнымъ формамъ не будутъ приданы—каждой—особые оттѣнки, то одна изъ нихъ рано или поздно исчезнетъ: въ обиходѣ грамматическаго мышленія всякій балластъ только мѣшаетъ и съ теченіемъ времени выбрасывается. Всякое мышленіе, и прежде всего грамматическое, *стремится къ экономіи*. Этому не противорѣчитъ явленіе такъ называемыхъ „синонимовъ“: они существуютъ частью потому, что одни изъ равнозначныхъ словъ еще не успѣли исчезнуть и до поры, до времени сохраняются, какъ остатокъ старины, частью же потому, что ихъ равнозначность—не полная, и каждому слову приданъ особый оттѣнокъ.

б) *Съ вспомог. глаголомъ въ аористѣ: бѣхъ, бѣ, бѣхомъ, бѣша*... ...кую вину вторую *створилъ бѣхъ*...? не *блудилъ* ли *бѣхъ* по чюжимъ землямъ...? (Лавр. л. п. 1078)... и градъ *бѣ заложилъ* камянъ... (Лавр. п. 1089). В се же лѣто священа бысть

церкы святаго Михаила Ефрѣмомъ, митрополитомъ тоя церкви, юже *бъ создалъ* велику сущю... (Лавр. 1089).

Эта форма была также „прошедшее совершенное“, но выражала болѣе отдаленное прошлое; между прочимъ, она употреблялась для обозначенія прошедшаго, предшествующаго другому прошедшему.

в) *Съ вспомогат. глаголомъ въ преходящемъ врем. — бялъ, бяше, бяшеть...:* Изяславу же не вѣдущю и творящу побѣдившю [1]) Галичаны, братъ его *бѣжалъ бяшеть*... (Лавр. п. 1153). — И тое же зимы даша Изяславу Туровъ и Пинескъ къ Мѣньску, то бо *бяшеть остаюся* передниѣ волости его. (Лавр. п. 1132). — И позва къ собѣ нарочитыѣ мужи, иже *бяху иссѣкли* Варягы... (Лавр. 1015) — ... бысть знаменье в солнци: *огородилося бяше* солнце в три дугы... (Лавр. п. 1102). — Тогда же придоста к рѣцѣ к Саноку, Владимерко же *ростављялъ бяше* дружину свою на бродѣхъ... (Лавр. п. 1152 г.).

Это было „прошедшее несовершенное“ или „длительное“ и, подобно предыдущей формѣ, выражало болѣе отдаленное прошлое, служа между прочимъ и обозначеніемъ прошедшаго, предшествующаго другому прошедшему.

г) *Со сложною формою вспомог. глагола—есмь былъ, бѣхъ былъ...: шелъ еси былъ* (Лавр.), крестъ *есте были цѣловали* (Ипат.), *приготовилися есме были* (Грамота Рижанъ около 1300 г.). Въ такихъ прошедшихъ часто опускался личный глаголъ и получалась форма съ двумя причастьями на—*лъ*: Ярославъ *былъ уставилъ*... (Русс. Правда),... что *былъ отъялъ* братъ твой... (Договоръ Новгорода съ Тверью, 1265 г.).

[Эти послѣдніе примѣры, подъ *г)*, взяты изъ „Лекцій по исторіи русскаго языка“ акад. *А. И. Соболевскаго*, изд. 4-е, стр. 164; см. также стр. 242—243].

Уже въ старыхъ памятникахъ наблюдается нерѣдко въ различныхъ формахъ сложнаго прошедшаго пропускъ вспомогательнаго глагола, который однако подразумѣвался и могъ

---

[1]) Т.-е. воображавшему, что побѣдилъ.

всегда быть вновь введенъ въ эти формы. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ *Лаврент. лѣтописи:*

Тѣмъ же Словѣньску языку учитель есть Анъдроникъ апостолъ, въ Моравы бо *ходилъ*, и апостолъ Павелъ *училъ* ту... (подъ 898 г.)... тако и прежде *было* же (подъ 1139 г.)—... не мы его *убили*, но *убила* и Давыдовича и Всеволодичь, оже *замыслили* на нашего князя зло... (п. 1147)—Глѣбъ ти *пришелъ* на тя... (п. 1148) ... и рече Володимеръ к митрополиту: „се *прислалъ* братъ мой 2 мужа Кыянина, ато молвять братьѣ своей". И выступи Добрынъка и Радило и рекоста: „*цѣловалъ* тя братъ, а митрополиту *ся покланялъ*, и Лазаря *цѣловалъ* и Кыяны всѣ". Рекоша Кыяне: „молвита, с чимь васъ князь *прислалъ*". Она же рекоста: „тако молвить князь: *цѣловала* ко мнѣ крестъ Давыдовича и Святославъ Всеволодичь, ему же азъ много добра створихъ, а нынѣ *хотѣли* мя убити лестью; но Богъ *заступилъ* и крестъ честный, его же суть ко мнѣ цѣловали"... (п. 1147 г.—Братъ ти *умерлъ* Вячеславъ... (п. 1154 г.).

Приведемъ теперь нѣсколько примѣровъ сложныхъ прошедшихъ, относящихся къ болѣе поздней эпохѣ, когда аористы и преходящіе уже вышли изъ употребленія въ живой рѣчи, и прошедшія сложныя стали общераспространенными формами. Это именно эпоха XV—XVI вв. Слѣдующіе обращики взяты изъ грамотъ, изданныхъ проф. *Лихачевымъ* („Сборникъ Актовъ, собранныхъ въ Архивахъ и Библіотекахъ. Вып. I: Духовныя и сговорныя грамоты. Вып. II: Грамоты правовыя.—С.-Петерб. 1895 г.): ... и то *есми* село ... *далъ*... (такому-то) со всѣми угодьи покуды *ходила* соха, коса и топоръ (1559 г.).—И судья *спросилъ*... (1529 г.).—И князь велики Иванъ Ивановичъ... *вспросилъ* обоих истцовъ: *былъ* ли вамъ таков суд? и обои истцы . *сказали*, что судъ им таков *былъ*, какъ в сем списку написано; и князь... *велѣлъ*... (1529 г.)—крестьяне тоѣ земли *отступилися* и тоѣ головщины толды... *не платили*... *не сказывали*... мы толды тоѣ... земли *не отступалисъ* потому, что толды того убитаго человѣка *не нашли*... (1529 г.)—Формы, какъ *молчали, сказывалъ, пахали, пріѣхали* и т. д.,

встрѣчаются въ этихъ грамотахъ весьма часто, при чемъ лицо опредѣляется контекстомъ. Чаще это—3 лицо, но нерѣдки и другія лица. Изрѣдка удерживается вспомогат. глаголъ, преимущественно для 1-го и 2-го лица: и ярь *есмь... сьялъ* и *жалъ*... о чемъ ж *есте* им до сих мѣстъ *молчали*... Не *молчалы есмя*... О чемъ *есте билы* челомъ... — Появляются иногда при этихъ формахъ (какъ съ удержаніемъ вспомог. глагола, *такъ и съ пропускомъ* его) и мѣстоименія: *яз почал*...

Отъ этой картины употребленія прошедшаго сложнаго (въ XV—XVI вв.) до его постановки въ современномъ языкѣ— всего одинъ шагъ: полное устраненіе вспомогательнаго глагола и закрѣпленіе мѣстоименій при формахъ на—*лъ*,—*ла*,—*ло*,—*лы* для замѣны отсутствующихъ личныхъ окончаній. Этотъ шагъ и былъ сдѣланъ въ теченіе XVI—XVII вв.

Формы наст. врем. вспомог. глагола *есмь, еси, есмы (есмя), есте* совсѣмъ вышли изъ употребленія. Остались только *есть* и *суть:* 1) „*есть*“ — какъ глаголъ существ. („у него *есть* деньги“) и 2) оба—*какъ связки* составного сказуемаго. Но въ роли связокъ они употребляются только (и то не всегда) въ составныхъ сказуемыхъ *съ существительными* (напр. „лингвистика *есть* наука о языкѣ“, „законъ сохраненія энергіи *есть* одно изъ великихъ открытій XIX-го вѣка“, гдѣ „одно“—мѣстоименіе-существительное); „*суть*“ часто встрѣчается въ книжномъ оборотѣ „суть слѣдующіе“, напр. „племена, населяющія центральную Африку, *суть слѣдующія*...“ (гдѣ „слѣдующія“ можетъ быть разсматриваемо — какъ замѣна существительнаго). Въ составныхъ сказуемыхъ *съ прилагательными есть* и *суть* уже не употребляются („онъ—добръ“, „они—богаты“); но мы знаемъ (§ 4), что здѣсь отъ этихъ формъ остался слѣдъ — идея глагольности, умственное ощущеніе сказуемости. — Въ сложномъ прошедшемъ эта идея глагольности и умственное ощущеніе сказуемости перешли на причастье (—*лъ*), которое поэтому перестало быть причастьемъ и превратилось въ настоящій глаголъ.

Первоначально эти формы—„есмь взялъ“, „бѣхъ далъ“ и т. п. были, какъ и всѣ сложныя времена, сказуемыми не про-

стыми, а составными; *тогда* это было сочетаніе двухъ моментовъ: 1) *глагола* и 2) *причастья*, изъ коихъ первый былъ связкою, а второй—предикативнымъ аттрибутомъ. Возможно, что слѣды такого состоянія или характера данной формы еще сохранялись въ русскомъ языкѣ до извѣстной эпохи, какъ это предполагаетъ *Потебня* (именно до эпохи исчезновенія изъ живой рѣчи аористовъ и преходящихъ—въ XIV в.).— Пока простыя прошедшія (аористы и преходящія) существовали, прошедшее сложное, по мнѣнію *Потебни*, имѣло особый оттѣнокъ, которымъ оно отличалась отъ прошедшаго въ собственномъ смыслѣ, а именно оно обозначало *прошлое въ его отношеніи къ настоящему*,—прошлое дѣйствіе, результаты котораго остаются въ настоящемъ (въ родѣ латинскаго *perfectum praesens*). Послѣ же исчезновенія простыхъ прошедшихъ, сложное стало на ихъ мѣсто—и по значенію, и по характеру формы: оно стало означать прошлое безъ отношенія къ настоящему и вмѣстѣ съ тѣмъ превратилось изъ составного сказуемаго въ простое, сперва удерживая сложность формы, а потомъ, послѣ исчезновенія *есмь*, *еси* и т. д., сдѣлавшись простымъ и по формѣ (см. *Потебня*, „Изъ записокъ по русск. граммат.“, т. I, стр. 257 и сл.). — Этотъ взглядъ требуетъ еще повѣрки и подтвержденія, и мы не будемъ здѣсь останавливаться на этомъ вопросѣ. Для насъ достаточно знать, что, рано или поздно, формы *„есмь взялъ“*, *„бѣхъ далъ“* и т. д. стали *простыми сказуемыми* (образовали *одинъ моментъ* въ грамм. мысли), совершенно такъ, какъ это случилось съ нѣмецкими и французскими сложными временами (bin gekommen, suis venu).

Раннее превращеніе этой формы въ простое сказуемое зависѣло отъ характера причастья на-*лъ*. Повидимому, уже въ большой древности это причастье было мало приспособлено къ тому, чтобы служить *опредѣленіемъ;* оно было лишь *въ слабой степени аттрибутивно;* но зато оно было *въ высокой степени предикативно* и слѣдов. наиболѣе пригодно для выраженія сказуемаго. Поэтому уже въ древности оно потеряло склоненіе. Отъ склоняемыхъ и аттрибутивныхъ причастій

на—*лъ* остались немногія формы, какъ *бы-лый, кис-лый,* превратившіяся въ обыкновенныя прилагательныя. Другія же прилагательныя этого рода возникли гораздо позже — изъ давно уже несклоняемыхъ причастій на—*лъ* (изъ прошедшихъ временъ на—*лъ*); таковы напр. *пошлый* (отъ *пошьлъ, пошелъ*), *смылый* (отъ прош. вр. *смылъ*), *гнилой* (отъ прош. вр. *гнилъ*) и нѣк. др.

Въ современномъ языкѣ различаются слѣдующія формы прошедшаго:

1) *Простая форма* отъ глаголовъ совершеннаго и несовершеннаго видовъ: *сказалъ, говорилъ, увидалъ, видѣлъ, сидѣлъ, сѣлъ...*

2) *Сложная форма* съ „*было*“, *которое присоединяется къ формѣ на—лъ глаголовъ совершеннаго и несовершеннаго видовъ: подумалъ-было, хотѣлъ-было...*

3) *Сложная форма съ „бывало“, которое присоединяется къ формѣ на—лъ глаголовъ несовершеннаго вида: говорилъ бывало, приходилъ бывало...* Такъ и въ украинскомъ: дівчата *бувало* і *днювали*, й *ночувалы*... (Шевчен.).

4) Сложная форма изъ прошедшаго *сталъ и инфинитива спрягаемаго глагола : сталъ говорить, стала пить, мы стали читать...*

Прим. Форма съ „было“, вѣроятно, возникла изъ старой формы сложнаго прошедшаго: *(есмь) былъ хотѣлъ, (еси) былъ хотѣлъ* и т. д., въ которой вспомогат. глаголъ *былъ* превратился (для всѣхъ лицъ и чиселъ) въ *было* (сред. р.) подъ вліяніемъ безсубъектнаго „было“, напр. въ выраженіяхъ: „такъ *было* когда-то“, „*было* видно“, „*было* слышно“ и т. п.—Первоначальная форма сохранилась въ малорусскомъ, напр. трохи *була* не втопилась... (Шевч.).

Примѣры.

Я *было* и *запамятовалъ*... (Л. Толстой, „Война и Миръ“, т. I, ч. I, гл. XIII).

Такъ *пекли* только *бывало* въ Обломовкѣ... (Гончар., „Обломовъ“, IV, VI).

Господинъ Ратчъ чуть *было не засмѣялся* по старой при-

вычкѣ, но вò-время спохватился... (Турген. „Несчастная“, XXIV).

Я *хотѣлъ-было* остаться дома, но не вытерпѣлъ... (Тург., „Фаустъ“).

И я *принялся-было* за работу... (Тамъ же).

Слава Богу,... насилу вы пріѣхали. Чуть *былó* вы барышню *не заморили*... (Пушк., „Метель“).

... Легъ на диванъ и заснулъ тяжелымъ сномъ, какъ *бывало сыпалъ* въ Гороховой улицѣ въ запыленной комнатѣ... (Гончар., „Облом.“, II, VIII).

Подумала—и *стала кушать* (Пушк. „Русл. и Людм.“, II).

Я *сталъ хохотать* и *болтать* громче другихъ... (Тург. „Первая любовь“, VII).

Оставшись одинъ въ деревнѣ, онъ *сталъ убѣждаться*, что... (Боборыкинъ, „Перевалъ“, II, III).

Прим. „Было“ превратилось въ энклитику и проклитику, т.-е. потеряло свое удареніе (на первомъ слогѣ: *бы́ло*), взамѣнъ котораго нерѣдко появляется новое—на второмъ слогѣ *(былó)*. Мы говоримъ: *хотѣ́лъ-было* и *хотѣлъ-былó*, *чу́ть-было* и *чуть-былó*.

Будущее время. Формою *будущаго времени* отъ глаголовъ *совершеннаго вида* служитъ *форма настоящаго: возьму, прійду, скажешь, запоетъ, отвѣтимъ, увидите, отдадутъ*. Глаголы *несовершеннаго вида* имѣютъ *сложную форму* будущаго врем., образуемую изъ *инфинитива* спрягаемаго глагола и *будущаго времени вспомогательнаго глагола;* въ качествѣ вспомогат. глагола являются здѣсь глаголы *быть (буду)* и *стать (стану)*. Напр. *буду просить, будешь читать, будетъ пѣть* и т. д.,—*стану разговаривать, станутъ упрашивать* и т. д.

Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою... *(Дерм.)*

Есть нѣкоторая разница въ оттѣнкѣ грамматическаго значенія между будущимъ съ глаг. *буду* и будущимъ съ глаг. *стану*. Тѣмъ не, менѣе одно можетъ безъ ущерба для смысла фразы, быть замѣнено другимъ, напр.: „вы утверждаете, что

это такъ,—*не буду спорить*, но... = „вы утверждаете, что это такъ, *не стану спорить*, но...“. Однако, мы все-таки чувствуемъ, что какая-то разница тутъ есть. Въ чемъ же состоитъ она? Она сводится прежде всего къ тому, что глаголъ *буду болѣе отвлеченъ*, чѣмъ *стану*, которое отчасти приближается къ *начну*, *пріймусь*. Хотя глаг. *стану* и не сохраняетъ здѣсь своего конкретнаго значенія (какое онъ имѣетъ въ другихъ *случаяхъ*, напр. „*стану на*-ноги, на̀-полъ“), но все-таки нѣкоторый слѣдъ конкретности въ немъ еще чувствуется, чего нельзя сказать о глаг. *буду*. Степень отвлеченности глагола *стану* въ формахъ будущаго видна между прочимъ изъ того, что напр. въ выраженіяхъ „стану ходить“, „стану лежать“ мы не сознаемъ противорѣчія между лексическими значеніями глагола *стану* съ одной стороны и глаголовъ *ходить*, *лежать*—съ другой. Но все-таки мы чувствуемъ, что здѣсь осталось кое-что, какая-то „тѣнь“ или слѣдъ отъ лексическаго значенія *стану*, и оборотъ „стану ходить“ отражается въ мысли не совсѣмъ такъ, какъ оборотъ „буду ходить“. Нельзя не замѣтить здѣсь еще и другой черты различія: *буду—видъ несовершенный*, *стану—совершенный*, и, въ связи съ этимъ, „*буду* упрашивать“, „*буду* пѣть“ и т. д. имѣютъ видовой оттѣнокъ продолженности дѣйствія безъ указанія на его начало, между тѣмъ какъ „*стану* упрашивать“, „*стану* пѣть“ заключаютъ въ себѣ, кромѣ видового оттѣнка продолженности дѣйствія, еще и указаніе на начало этого послѣдняго. Оттуда и указанная выше близость *стану* къ *начну*, *пріймусь*.

Въ старомъ русскомъ форма съ *буду* была, повидимому, не столь слитна, какъ теперь, о чемъ можно заключить изъ возможности замѣнять *буду* такими глаголами, какъ *начну*, *почну*, *хочю*, *имy*, напр.: азъ, сыну мой [говоритъ Ольга Святославу], Бога познахъ и радуюся; аще ты познаеши, и [1]) *радоватися почнеши*.—Како азъ [отвѣчаетъ Святославъ] *хочю* инъ законъ *принятi* единъ? а дружина сему *смѣятися начнутъ*“

[1]) *и* въ знач. „*то*“.

(Лавр. л. п. 955 г.). — Здѣсь *„радоватися почнешь“*, *„хочю принятi“* и *„смѣятися начнуть“* суть будущія времена: первое значитъ *„станешь (будешь) радоваться*, второе—*пріймy* [1]), третье—*„станутъ смѣяться“*. Иначе говоря, здѣсь „почнешь“, „хочю“ и „начнуть“ взяты не въ ихъ подлинныхъ лексическихъ значеніяхъ, а въ качествѣ вспомогательныхъ глаголовъ. Будущее съ „хочю“ не должно быть смѣшиваемо съ другими сочетаніями инфинитива съ этимъ глаголомъ, въ которыхъ послѣдній удерживаетъ свое лексическое значеніе; къ приведеннымъ уже примѣрамъ этого рода (§ 9) прибавимъ здѣсь слѣдующіе: *хочю имѣти* миръ съ тобою твердъ и любовь (Лавр. п. 971 г.), т.-е. не „буду имѣть“, а именно „хочу, желаю, намѣренъ имѣть миръ съ тобою“: бѣ бо ему (Борису) вѣсть уже, яко *хотятъ погубити* и (Лавр. п. 1015 г.), т.-е. не „погубятъ“, а именно „хотятъ, стремятся, замышляютъ погубить его“.—

Будущее съ *имѣти*:... тако и мы не *имамы* сде *быти* (Лавр. п. 987 г.). — Аще ся не вдасте, *имамъ стояти* и за 3 лѣта (Лавр. п. 988 г.), гдѣ „имамы быти“ значитъ „будемъ“, „имамъ стояти“—„буду стоять“. Подобный оборотъ изрѣдка употребляется и нынѣ—въ отзывающихся искусственностью выраженіяхъ, какъ, напр., „представленіе *имѣетъ быть* въ 8 часовъ“, „желающіе *имѣютъ явиться* къ...“ Такія—неловкія — выраженія принадлежатъ собственно языку дѣловыхъ бумагъ и афишъ, и едвали возможно выводить ихъ изъ старины (отъ старыхъ оборотовъ съ „имамъ“); это скорѣе новый оборотъ, вѣроятно—полонизмъ.—

Въ заключеніе укажемъ на простыя будущія въ малорусскомъ на—*му*, образовавшіяся изъ инфинитива и вспомогат. глагола *иму (ходити-му, любите-мешъ, просити-мутъ* и т. д.). Въ этихъ формахъ вспомогательные глаголы потеряли всякую самостоятельность и превратились въ суффиксы [2]).

---

[1]) Съ оттѣнкомъ: „какъ мнѣ принять...?“

[2]) Но въ малорусс. существуютъ формы составного будущаго—изъ вспомог. глагола (малорусс. *маю)* и инфинитива, выражающія извѣстные оттѣнки („долженствованія“; въ вопросит. оборотѣ—тотъ

Въ стар. русс. существовала еще форма будущаго сложнаго (съ причастьемъ на—лъ):... зане не знаетъ его, у кого *будетъ купилъ*... что *будетъ* у него *погыбло*... (Рус. Прав., по Карамз. сп. ст. 33).—

3) Наклоненія. — Наклоненіями называются такія глагольныя формы, въ которыхъ выражена зависимость дѣйствія (состоянія), обозначаемаго глаголомъ, отъ 1) воли (желанія намѣренія) лица говорящаго или дѣйствующаго, или отъ 2) внѣшнихъ условій.

Историческія изысканія въ области наклоненій (преимущественно въ древнѣйшихъ памятникахъ индоевропейской семьи, каковы поэмы Гомера у Грековъ и гимны Ведъ у индусовъ) показали, что первоначально наклоненія выражали *волю* лица дѣйствующаго *(сослагательное* или *конъюнктивъ)*, *намѣреніе, желаніе* того же лица *(желательное* или *оптативъ)*, и *требованіе, приказаніе, просьбу* лица говорящаго *(повелительное, императивъ)*. Позже (но еще въ древнихъ языкахъ, въ особенности въ греческомъ и латинскомъ) сослагательное (въ лат. и греч.) и желательное (въ греч.) получили дальнѣйшее развитіе и стали выражать зависимость дѣйствія не только отъ воли и желанія дѣйствующаго лица, но и отъ внѣшнихъ условій, а кромѣ того имъ было присвоено и другое, чисто-формальное значеніе—выражать синтактическую связь между предложеніями.

Въ современномъ русскомъ мы имѣемъ два наклоненія: повелительное и сослагательное.

Повелительное выражаетъ требованіе (желаніе, приказаніе, просьбу) лица говорящаго. Оно отличается, между прочимъ, тѣмъ, что имѣетъ два лица: одно, которое требуетъ (приказываетъ, проситъ), и другое, къ которому обращено требованіе (приказаніе, просьба). При этомъ лицо требующее (просящее, приказывающее) всегда — *первое един. числа*, а

оттѣнокъ, который выражается у насъ безсубъектною формою съ инфинитивомъ и дат. лица: що маю діяти (робити)? — что мнѣ дѣлать?). Такой оттѣнокъ имѣли также и старорусс. формы съ *хочю*. См. *Потеб.*, „Изъ Зап. по р. Гр. 2 т. I. стр. 367 и сл.

другое можетъ быть *вторымъ* и *третьимъ обоихъ чиселъ* и *первымъ множ. числа*. Такъ, *возьми, читай* значатъ: „*я* (первое лицо ед. ч.) требую (приказываю, прошу), чтобы *ты* (2-ое л. ед. ч.) взялъ, читалъ“; *пойте* значитъ „*я* требую (прошу и пр.), чтобы *вы* (2-ое л. мн. ч.) пѣли“: *пусть онъ скажетъ, пусть они прійдутъ* означаютъ: „*я* требую, чтобы *онъ* (3-е л. ед.) сказалъ,—чтобы *они* (3-е л. мн.) пришли“; наконецъ, *пойдемъ* значитъ „*я* требую (желаю, приказываю и т. д.), чтобы *мы* (1-ое л. мн.) пошли“; есть еще форма съ двойнымъ окончаніемъ—*ите*, напр., „*пойдемте*“, въ которой къ окончанію 1-го лица мн. ч. присоединено окончаніе 2-го л. мн.; въ ней—то лицо, къ которому обращено требованіе, является соединеніемъ перваго со вторымъ (*я*+*вы* или *мы*+*вы*).

Повелительное можетъ выражать разные оттѣнки—смотря по контексту, по лексическому значенію глагола, по намѣренію говорящаго или автора, по интонаціи. Примѣры: „*Ступай* вонъ!“—„*Убирайся!*“—„*Пойди* сюда!“—„*Молчите!*“ (строгое приказаніе, окрикъ).—„*Учи* урокъ!“—„*Возьмите* ваши тетради и *пишите!*“ (требованіе).—„*Подайте* милостыню!...“ (просьба).—„*Дай* Боже...“ (молитвенное обращеніе) и т. д., и т. д.

Всѣ такіе оттѣнки, сколько бы ихъ ни было, не выходятъ за предѣлы подлиннаго значенія повелительнаго наклоненія,—значенія, которое основывается на присутствіи *перваго лица* ед. ч. (лица требующаго, приказывающаго, просящаго и т. д.). Но есть случаи, когда это лицо отсутствуетъ, при сохраненіи, однако, формы повелительнаго наклоненія, напр. „*скажи онъ* прямо,—я бы понялъ“, гдѣ „скажи“ не есть приказаніе или требованіе и т. д. и не заключаетъ въ себѣ соотвѣтственнаго лица; здѣсь форма повелительнаго употреблена для выраженія условности: „скажи онъ“ значитъ „еслибы онъ сказалъ“. Слѣдов., это уже не повелительное наклоненіе, а сослагательное; эту форму можно назвать *мнимымъ повелительнымъ*. Въ ней форма повелит. со 2-мъ л. ед. служитъ для всѣхъ трехъ лицъ обоихъ чиселъ.

Такой оборотъ употребляется также и безсубъектно, т.-е.

съ мнимымъ („пятымъ“) лицомъ: *„не случись этого*, все устроилось бы“ (гдѣ безсубъектность возникла въ силу замѣны именительнаго падежа родительнымъ, зависящей отъ отрицанія; соотвѣтственная субъектная форма — *„случись это* часомъ позже, никакой бѣды не было бы“).

Другой оттѣнокъ (не условности, а *неожиданности, внезапности)*, сопряженный съ формою мнимаго повелительнаго, находимъ въ выраженіяхъ: „откуда ни *возьмись*...“, *„случись* же на бѣду...“ — „Я вдругъ и *скажи* ему“. *(Дост.*, „Брат. Карам.“, ч. II, кн. V, гл. I).

Примѣры на разные случаи употребленія формы повелительнаго наклоненія, какъ подлиннаго, такъ и мнимаго:

Не говори, что молодость сгубила...
. . . . . .
. . . . . .
О, *погоди!* близка моя могила... (*Некрасовъ*).

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной... (*Пушк.*).

Подите прочь! Какое дѣло
Поэту мирному до васъ?
Въ развратѣ *каменѣйте* смѣло... (*Пушк.*).

Возстань, пророкъ, и *виждь*, и *внемли!*
Наполнись волею моей!
И обходя моря и земли,
Глаголамъ *жги* сердца людей!

[Здѣсь *виждь* и *внемли*—формы церк.-славянскія, что̀ прекрасно гармонируетъ съ духомъ и содержаніемъ стихотворенія „Пророкъ“].

Имѣю сообщить тебѣ довольно важную новость, любезный другъ. *Слушай!* Вчера, передъ обѣдомъ... *(Тург.* „Фаустъ“.)

Прощайте, батюшка, имени и отчества не помню,—прибавила она, обратившись къ Владиміру Сергѣевичу: — *извините* старуху. А вы, внучки, *не провожайте* меня... *Сидите, сидите*, да уроки *твердите*... *(Тург.* „Затишье“).

Но *успокойтесь:* я хочу говорить съ вами не о васъ, а о себѣ *(Тург.* „Переписка“).

Хоть до зимы на печи *лежи,* никака собака не чукнетъ. *(Тург.* „Поѣздка въ Полѣсье“).

Щепотки волосковъ Лиса *не пожалѣй,*—
Остался бъ хвостъ у ней. *(Крыловъ).*

... что капитанъ-исправникъ, хоть самъ и не *ѣзди,* а *пошли* только на мѣсто себя одинъ картузъ свой, то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до самаго мѣста ихъ жительства. *(Гоголь,* „Мертв. Души“, VIII).

Надо долгъ исполнить, хоть *умри* потомъ! *(Тург.,* „Дымъ,“ XVI).—

И вотъ вдругъ мнѣ тогда въ ту же секунду кто-то и *шепни* на-ухо... *(Достоев.* „Бр. Карам.“, т. I, кн. III, гл. IV).

Не упади. Не спотыкнись. Не разбейте.

Примѣчаніе. По общему правилу, при *отрицаніи* употребляется повелительное наклоненіе въ *несовершенномъ* видѣ: *сядь!* (соверш. в.), но: *не садись!* (несов. в.); *уйди!* (сов.), но: *не уходи!* (несов.). Подъ это правило не подходятъ только-что приведенные: *не упади* и пр. Случаи этого рода подводятся подъ другое правило: повелительное глаголовъ соверш. вида съ отрицаніемъ выражаетъ *оттѣнокъ предостереженія.*—Подъ это послѣднее правило подходитъ и выраженіе *„не скажи!“ „не скажите!“*

(Указаніе акад. *Ѳ. Е. Корша*).

Обращики повелительнаго въ старомъ русскомъ.

Послы к намъ въскорѣ сына своя, Меѳодія и Костянтина... И *посмѣте* ны учителя... (Лавр. л. п. 898 г.).

Уже князь почалъ; *потянѣте,* дружина, по князи. (Лавр. п. 946 г.).

Вы же *рѣцѣте:... понесѣте* ны в лодьи. (Лавр. п. 945).

... да аще мя просите право, то *пришлите* мужа нарочиты... (тамъ же).

... *вѣруй* въ законъ нашь и *поклонися* Бохъмиту... (Лавр. п. 986 г.).

Се *буди* мати градомъ Русьскимъ. (Лав. п. 882 г.).

Идьте съ данью домови (Лавр. 945 г.).

... *буди* ми другъ! Лавр. 968 г.).

... *возми* дань на насъ... и *повлжьте* ны, колько васъ... (Лавр. 971 г.).

Формы повелит. въ старомъ русс.:

Со 2-мъ лицомъ ед.: буди, поиди, дажь, вижь.

Съ 3-мъ лиц. ед.: буди, поиди.

Съ 1-мъ лиц. мн. ведѣмъ, дадимъ, ѣдимъ.

Со 2-мъ лиц. мн. несѣте, дадите, ѣдите, повѣжьте;

Съ частицею „*да*“ и изъявит.: да идеть...

Въ соврем. языкѣ есть слова вводнаго и междометнаго характера, возникшія изъ повелительнаго наклоненія; таковы: *глядь, небось* (изъ „не бойся“), *хвать*.

Форма повел. „*пошелъ!*“ возникла, вѣроятно, изъ сложной формы повелительнаго, въ родѣ: „пошелъ буди (будь)“.

Въ смыслѣ повелительнаго (именно съ оттѣнкомъ строгаго приказанія или окрика) употребляется инфинитивъ: Молчать! Не смѣть! Сидѣть смирно! и т. п.

Сослагательное наклоненіе въ современномъ русскомъ выражаетъ: а) *волевое движеніе* или *хотѣніе*, часто съ оттѣнкомъ нерѣшительности, осторожности, неувѣренности и т. п.: „*я бы просилъ* васъ...“, — „я охотно *пошелъ бы* гулять...“, — „признайся: ты *былъ бы* не прочь получить это мѣсто“; б) *дѣйствіе—условіе*, въ зависимость отъ котораго поставлено другое дѣйствіе: „*еслибы* я это *зналъ*, я бы васъ предупредилъ заранѣе“; в) *зависимость дѣйствія обусловленнаго отъ дѣйствія — условія:* „знай я это (еслибы я зналъ это), *я бы* васъ *предупредилъ* заранѣе“; г) *дѣйствіе, представленное какъ цѣль, намѣреніе, слѣдствіе:* „это нужно для того, *чтобы мы могли...*“, — „я хочу, *чтобы* ты *зналъ* это“; д) *сожалѣніе:* „о, *еслибы я могъ* предвидѣть это!“

Приблизительно тѣ же значенія имѣло сослагат. наклоненіе и въ старомъ русскомъ.

Форма сослагательнаго наклоненія образуется присоединеніемъ частицы *бы (бъ)* къ прошедшему времени на—*лъ*.

Нерѣдко вмѣсто прошедшаго врем. употребляется инфинитивъ: „Эхъ, голова, голова! Не будь ты такъ умна, *не сидѣть бы* тебѣ на плечахъ!“; „это нужно намъ для того, *чтобы успѣть* (= чтобы мы успѣли) распорядиться вовремя“.

Частица *бы*, выражающая сослагательность, представляетъ собою остатокъ отъ аориста *быхъ, бы, быхомъ, бысте, бяша*, который въ старомъ русскомъ служилъ для образованія сослагательнаго накл. Можно смотрѣть на наше *бы*, какъ на форму 2-го и 3-го лица ед. ч., ставшую на мѣсто остальныхъ и потомъ превратившуюся въ неизмѣняемую частицу.

Вотъ нѣсколько образчиковъ сослагат. накл. въ старомъ русск.

Поищемъ себѣ князя, иже *бы володѣлъ* нами... (Лавр. п. 862).—Аще *бы* лихъ (подразумѣвается: *былъ*) законъ Гречьскый, то не *бы* баба твоя *приняла*, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ (Лавр. п. 988).— ...Ярополкъ собра вои многы, с братьею своею *могль бы* ся бити съ ними, но того не створи... (Лавр. п. 1136 г.). — ... еда *быхъ ся постриль*... (Лав. п. 1146 г.)—... тобѣ бы, брате, любо ли, *а быхомъ* мы брата твоего *держали?* (Ипат. п. 1147 г., т.-е. пріятно ли было бы тебѣ, если бы мы держали [въ заточеніи] твоего брата).—Митрополитъ же възбраняше имъ... како *бяша не убили* Игоря (тамъ же, т.-е. митрополитъ возбранялъ имъ, какъ бы они [чтобы они] не убили Игоря). — ... аже, брате, на мнѣ честь покладываешь, то язъ *быхъ*, брате, тако *реклъ*... (Ип. п. 1148 г.) — ... аже *бы* ты *былъ*, то *была бы* чага по ногатѣ, а кощей по рѣзанѣ... (Сл. о п. Игор.),—. .а *хотѣлъ быхъ* послати к нему... (Ипат. п. 1151 г.).

Съ инфинитивомъ; се убихъ Бориса; како *бы убити* Глѣба? [1]) (Лавр. п. 1015 г.).

Въ современномъ русскомъ частица *бы (бъ)* сливается съ

---

[1]) Нельзя думать, что здѣсь „*бы*“ — уже частица. это — 3-е лицо аориста, при чемъ опущено (и подразумѣвается) безъсубъектное „*было*“, вмѣстѣ съ которымъ „*бы*“ образуетъ форму сослаг.: „како *бы было убити*..

союзами *если, что* въ одно слово — *еслибы, еслибъ, чтобы, чтобъ*, такъ что, въ этихъ случаяхъ, форма сослагательнаго въ живой рѣчи ощущается—какъ еслибы она состояла *изъ этихъ послѣднихъ* (а не только *бы, бъ*) и прошедшаго на —*лъ* (или инфинитива): „еслибъ онъ зналъ“, „чтобы знать“ не могутъ быть раздѣлены такъ: „если онъ зналъ бы“, „что знать бы“, и сослагательное здѣсь—*еслибъ зналъ, чтобы знать*, а не „бы зналъ“, „бы знать“. Соотвѣтственно этому, слѣдуетъ такъ же точно понимать и писать слитно: *когдабы, когдабъ*.—Таковы же въ просторѣчіи формы: *абы, кабы, колибъ*.— Въ старомъ русскомъ, гдѣ не было частицы *бы*, а былъ глаголъ *быхъ, бы, быхомъ*..., не могло быть и сліянія съ союзомъ: *„аще быхъ“, „а быша“* и т. д.

Въ современномъ русскомъ частица *бы* (въ соединеніи съ *ни*, а также съ *„ни-было“*) служитъ также для образованія неопредѣленныхъ мѣстоименій и нарѣчій: *кто-бы-ни, что-бы-то-ни-было, гдѣ-бы-ни, куда бы то ни было;* здѣсь форма сослагательнаго наклоненія *„бы—было“*, утративъ предикативность, перестала быть глаголомъ и превратилась въ родъ частицы.

Примѣры изъ писателей.

Въ поддёвкѣ или въ армякѣ меня *бы* сейчасъ *узнали*. *(Тург.*, „Новь“). — Онъ говорилъ „ты“ одному Павлу—и то потому только, что тотъ *былъ бы* слишкомъ несчастливъ, *еслибъ* Соломинъ *вздумалъ* говорить ему „вы“ (тамъ же).—А ужь они ждутъ-съ, прибавила она, увидѣвъ... фигуру Рудина...; только напрасно они этакъ на юру стоятъ—*сошли бы* въ лощину. *(Тург.*, „Рудинъ“).—Увы! *еслибъ* я *могъ*, дѣйствительно, предаться этимъ занятіямъ, побѣдить наконецъ свою лѣнь... (тамъ-же). — *Какой бы* ударъ *ни поразилъ* человѣка, онъ въ тотъ же день, много на другой—извините за грубость выраженія — поѣстъ, и вотъ вамъ уже первое утѣшеніе... (тамъ-же). — Вѣдь *еслибъ* всѣ люди *были* на него похожи, *надо бы* большія деньги брать, *чтобы согласиться* жить... (тамъ же).

Когдабы жизнь домашнимъ кругомъ

Я ограничить *захотѣлъ*,
Когдабъ мнѣ быть отцомъ, супругомъ
Пріятный жребій *повелѣлъ*,—
Когдабъ семейственной картиной
Плѣнился я хоть мигъ единый—
То вѣрно *бъ* кромѣ васъ одной
Невѣсты не *искалъ* другой...

. . . . . .

. . . . . .

Я вѣрно *бъ* васъ одну *избралъ*
Въ подруги дней моихъ печальныхъ

. . . . . .

Я *былъ бы* счастливъ... сколько могъ!

Пушк. („Евг Он.").

Въ смыслѣ сослагательнаго употребляется нерѣдко *форма будущаго времени соверш. вида* (и также несоверш. в. — съ *буду, стану)* съ присоединеніемъ частицы *ли (ль)*:

Закрадется-ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ-ли страсть съ грозой и вьюгой.—
Не выходи тогда на шумный пиръ людей...

(*Лерм.*, „Не вѣрь себѣ").

Какъ показываетъ вопросит. частица *ли*, этотъ оборотъ возникъ изъ оборота вопросительнаго.

Прим. Такъ называемое „изъявительное" не есть наклоненіе, потому что не выражаетъ ничего, что̀ должно выражаться наклоненіями. Его можно опредѣлить — какъ *мнимое наклоненіе*. — Что касается *инфинитива*, то, послѣ всего сказаннаго о наклоненіяхъ, должно быть достаточно ясно, что оно отнюдь не можетъ быть понимаемо, какъ особое наклоненіе. Но оно, какъ мы видѣли, можетъ выступать въ роли то повелительнаго, то сослагательнаго, и *тогда* оно—наклоненіе, только не особое, а именно либо повелительное, либо сослагательное.

4) Залоги. Залогами называются тѣ глагольныя

формы, въ которыхъ воспроизведено отношеніе подлежащаго, какъ лица дѣйствующаго, къ сказуемому, какъ къ дѣйствію, съ точки зрѣнія подлинности, фиктивности и мнимости роли подлежащаго, какъ производителя признака, даннаго въ лексическомъ значеніи глагола-сказуемаго. Пояснимъ это примѣрами: *„Я гуляю“*, *„онъ поетъ“*, *„дѣти плачутъ“* и т. д. Здѣсь въ лексическихъ значеніяхъ глаголовъ-сказуемыхъ даны признаки *гулять, пѣть, плакать;* подлежащія „я“, „онъ“, „дѣти“ представлены какъ производители этихъ признаковъ, въ данномъ случаѣ — *подлинные*, т.-е. они въ самомъ дѣлѣ могутъ ихъ производить. „Камень лежитъ“: здѣсь также подлежащее (камень) представлено производящимъ признакъ „лежать“, данный въ лексическомъ значеніи сказуемаго; но это — производитель *фиктивный*. „Онъ заболѣлъ“, „онъ выздоровѣлъ“, „крѣпость была взята“, „мы боимся“ и т. д.—все это выраженія, въ которыхъ роль подлежащаго, какъ производителя признака, должна быть понимаема то какъ *фиктивная*, то какъ *мнимая*. *Вотъ именно свойство глагола — представлять эту роль подлежащаго такъ или иначе, изображать его дѣятельность либо какъ подлинную, либо какъ фиктивную, либо какъ мнимую,—и называется его „залоговымъ значеніемъ“*

Мы принимаемъ *два главныхъ (основныхъ) залога* съ ихъ *разновидностями:* I. Дѣйствительный залогъ и II. Страдательный.

Дѣйствительный залогъ есть форма глагола, заставляющая насъ мыслить подлежащее какъ лицо дѣйствующее, причемъ самая дѣятельность его можетъ быть либо подлинною, либо фиктивною. Напр. „я говорю“, „онъ хорошо плаваетъ“, „собака убѣжала“, „онъ заболѣлъ“, „она поетъ“, „мы уже одѣлись“, „они боятся“ и т. д.—все это формы глаголовъ, заставляющія смотрѣть на подлежащія, какъ на дѣйствующія лица, какъ на производителей данныхъ признаковъ, причемъ все равно,—принимаемъ ли мы самую дѣятельность подлежащихъ за подлинную, или только—за фикцію.

Страдательный залогъ есть форма глагола, заставляющая насъ мыслить подлежащее какъ недѣйствующее или, лучше, мнимо-дѣйствующее и только отвѣчающее на вопросъ: кто? что?—Роль дѣйствующаго лица (предмета) приписана не подлежащему, а дополненію (объекту). Такъ, въ предложеніи „онъ *былъ избранъ* огромнымъ большинствомъ въ городскіе головы“ мѣстоименіе „онъ“, по формѣ (имен. пад.) и по отношенію къ сказуемому, есть несомнѣнное подлежащее; но форма глагола „былъ избранъ“ говоритъ намъ, что это подлежащее не должно быть понимаемо какъ дѣйствующее, какъ производитель даннаго признака; роль этого производителя отдана дополненію („большинствомъ“). Здѣсь подлежащее, если можно такъ выразиться, пошло на убыль: оно потеряло одно изъ своихъ важныхъ свойствъ—являться производителемъ (подлиннымъ или фиктивнымъ) признака, даннаго въ сказуемомъ. Его можно назвать *мнимымъ производителемъ этого признака.* Иначе говоря, можно назвать *мнимою* его *дѣятельность.* Тѣмъ не менѣе оно остается *грамматическимъ подлежащимъ,* со всѣми „правами“ и формальными признаками такового.

I. Дѣйствительный залогъ имѣетъ слѣдующія разновидности:

1) Переходный: *дѣятельность подлежащаго представлена въ ея отношеніяхъ къ постороннимъ предметамъ, къ объектамъ, которые выражаются* дополненіями.—*Дополненія, при этихъ глаголахъ,* указываютъ, — на что̀ именно обращена дѣятельность подлежащаго, *и такое указаніе необходимо для того, чтобы дать точное и полное представленіе о самомъ этомъ дѣйствіи;* иначе послѣднее останется недосказаннымъ, невыясненнымъ, напр. „Я читаю *книгу* (а не письмо и т. д.), „онъ ищетъ *знанія* (а не денегъ и т. п.), „мы хлопочемъ *о дѣлѣ*“ и пр.

Переходные глаголы слѣдуетъ подраздѣлить на *два разряда:* а) *переходные въ тѣсномъ смыслѣ, требующіе прямого дополненія,* т.-е. *дополненія въ винител. пад.,* который, какъ извѣстно, при отрицаніи часто замѣняется родительнымъ. Напр., „я

пишу письмо", „онъ *читаетъ газету*", „она *поетъ романсъ*", „мы *любимъ родителей*",—„я *не читалъ этой книги*" и т. д.; б) *переходные въ обширномъ смыслѣ, не могущіе имѣть прямого дополненія;* значеніе глагола поясняется дополненіями въ род., дат., твор. и предлож. падежахъ; напр., „я *вѣрю тебѣ*",— „всѣ *ищутъ счастья*, но часто *забываютъ о долгѣ*, — „нищій *проситъ милостыни*" и т. д.

2) Непереходный, рисующій дѣйствіе, такъ сказать, съ оглядкою на дѣйствующее лицо, или же дѣйствіе, обращенное на дѣйствующее лицо въ большей мѣрѣ, чѣмъ на объекты, или наконецъ—не нуждающееся въ дополненіи для полнаго выясненія (но оно можетъ нуждаться въ обстоятельственномъ словѣ). Напр.: „я всю ночь *читалъ*" (все равно—что), „онъ красно *говоритъ*, „она *поетъ* недурно", мы *шли* молча".

Слѣдуетъ различать *слѣдующіе разряды непереходныхъ глаголовъ:*

а) *Непереходные, которые также могутъ быть и переходными*, какъ вышеприведенные *говорить, читать, пить* и т. д., напр., „*красно говорить*"—непереходный, но „*говорить рѣчь*„—переходный.

б) *Непереходные, характеризующіеся частицею* — ся, *которую нельзя отдѣлить*, каковы: *скитаться, бояться, надѣяться, отчаиваться, выспаться, сниться, смѣяться, улыбаться.* Они могутъ имѣть при себѣ дополненія *(скитаться въ пустынѣ, бояться враговъ, надѣяться на Бога* и т. д.), служащія для полнаго выясненія ихъ смысла; но частица— *ся* придаетъ имъ особый оттѣнокъ, въ силу котораго дѣйствіе (состояніе), выражаемое лексическимъ значеніемъ глагола, представлено и какъ бы освѣщено съ точки зрѣнія дѣйствующаго лица,—въ особливомъ отношеніи къ этому послѣднему, вслѣдствіе чего объектъ (дополненіе), при всей его важности во фразѣ, остается на второмъ планѣ, а на первый планъ—въ чисто-грамматической сферѣ мысли—выдвигается само дѣйствіе (состояніе), съ оглядкою на лицо, которому оно принадлежитъ.

в) *Характеризующіеся частицею* — ся, *которую можно*

отдѣлить, послѣ чего получается глаголъ переходный: молиться, рыться, возиться, носиться, копаться, томиться, водиться и пр.; напр., „онъ *молится* Богу“—непереходный, но „онъ *молитъ* Бога о...“ — переходный; „*рыться* въ книгахъ“, „*копаться* въ землѣ“ (но: *рыть, копать* землю); „я долго *возился* съ этимъ дѣломъ и *носился* съ этой мыслью“; здѣсь глаголы, несмотря на присутствіе дополненій, должны быть признаны непереходными, потому что въ нихъ дѣйствія представлены въ преимущественномъ отношеніи къ подлежащему, и самыя формы *возиться, носиться* внушаютъ намъ представленіе, что дѣйствующее лицо какъ бы поглощено своею дѣятельностью, ушло въ нее цѣликомъ. Это и выражается частицею—*ся*.

г) *Возвратные*, также снабженные частицею *ся*, которая здѣсь указываетъ на то, что дѣйствіе подлежащаго направлено на него же самого. Эти глаголы могутъ имѣть при себѣ косвенныя дополненія, но не могутъ имѣть прямого. По удаленіи частицы *ся*, получается глаголъ переходный въ тѣсномъ смыслѣ. — Сюда принадлежатъ: *мыться, чесаться, купаться, обуваться, одѣваться* и проч. (но *мыть кого, что, чесать, купать*, и т. д.—переходные).—Что возвратные глаголы должны быть отнесены къ числу непереходныхъ, видно изъ слѣдующаго.—Говоря „*купаться, умываться*“ и т. д., мы не соединяемъ съ частицею *ся* представленія о томъ, что она выражаетъ винительный падежъ возвратнаго мѣстоименія (=себя): „я только-что отлично выкупался“ вовсе не значитъ, что я самъ себя выкупалъ; „она одѣвается со вкусомъ“ не значитъ, что она сама одѣваетъ себя. Мы не раскалываемъ мысленно дѣйствующаго лица на двѣ части: на подлежащее и на дополненіе. Иначе фраза „я иду въ цирульню *стричься*“ означала бы, что я буду самъ себя стричь. Если же „повѣсился“, „застрѣлился“ и т. п. въ самомъ дѣлѣ выражаютъ мысль, что данное лицо само себя повѣсило, само себя застрѣлило, то даже и здѣсь мы не производимъ мысленно операціи раздвоенія субъекта на субъектъ и объектъ, и частица *ся* отнюдь не сознается нами какъ дополненіе, какъ винит.

падежъ мѣстоименія (= себя). И если вмѣсто „онъ застрѣлился“ мы скажемъ „онъ застрѣлилъ себя“, то это будетъ уже другое выраженіе, другой оборотъ; оба выраженія могутъ имѣть одинъ и тотъ же смыслъ, одно и то же матеріальное содержаніе, но они различны грамматически, синтактически, и поэтому ихъ нельзя отожествлять. Разумѣется, иногда представляется возможнымъ взять одно выраженіе вмѣсто другого; но въ большинствѣ случаевъ этого сдѣлать нельзя, или, по крайней мѣрѣ, это неудобно. Такъ напр., мы скажемъ: „отъ стыда и горя онъ рѣшилъ разстаться съ жизнью и повѣсился“; но не скажемъ: „отъ стыда и горя онъ рѣшилъ разстаться съ жизнью и — повѣсилъ себя“; можно сказать: „играя пистолетомъ, который онъ считалъ незаряженнымъ, онъ застрѣлилъ себя“; но уже неловко было бы сказать: „потерявъ все, онъ впалъ въ отчаяніе и застрѣлилъ себя“, здѣсь напрашивается возвратный глаголъ „застрѣлился“. — Замѣна возвратнымъ переходнаго съ дополненіемъ „себя“ возможно въ сравнительно немногихъ случаяхъ.

д) *Взаимные — драться, бороться, цѣловаться* и т. д.; въ нихъ представленіе непереходности также находится въ связи съ тѣмъ, что̀ вноситъ частица *ся;* въ данномъ случаѣ, эта частица намекаетъ на то, что объекты дѣйствія это—тѣ же дѣйствующія лица. Перифразъ большею частью невозможенъ (нельзя, вмѣсто *драться, бороться, сражаться*, сказать „драть другъ друга“, „бороть другъ друга“, „сражать другъ друга“, иногда неудобенъ („цѣловаться“ — не совсѣмъ то же, что̀ „цѣловать одинъ другого“).

е) *Тѣже же глаголы* (ругаться, драться, сражаться и пр.), но *только безъ указанія на взаимность:* „чего ты *дерешься?*“— „нельзя *ругаться*“; „онъ храбро *сражался*“.

ж) *Непереходные, имѣющіе этотъ характеръ въ зависимости отъ самого лексическаго значенія глагола* (это такъ называемые *средніе*): *спать, лежать, жить, умирать, страдать, болѣть, прозябать, расти, цвѣсти, молодѣть, дряхлѣть, бѣлѣть, зеленѣть, краснѣть, ходить, ныть, плакать, рыдать, висѣть, сидѣть* и т. д. и т. д.—Нѣкоторые изъ этихъ глаго-

ловъ могутъ быть поняты и какъ переходные: все дѣло зависитъ отъ того, *какъ именно* представляемъ мы себѣ, въ томъ или иномъ случаѣ, отношеніе дѣйствія къ подлежащему (дѣйствующему лицу) съ одной стороны и—къ объекту (дополненію) съ другой. Если дополненія совсѣмъ нѣтъ („мы *живемъ* скромно", „онъ *ходитъ* гордо", „онъ все *сидитъ* дома"), или же оно поставлено такъ, что не мѣшаетъ вниманію сосредоточиваться на отношеніи дѣйствія къ подлежащему, то мы будемъ называть эти глаголы непереходными. Въ противномъ случаѣ (т.-е. при важности дополненія) мы отнесемъ ихъ къ числу переходныхъ. Такъ напр., *плакать* и *рыдать* въ стихахъ:

Гдѣ-жь онъ?—Онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?—Не знаемъ!
Мы только *плачемъ* и *рыдаемъ:*
О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

(*Державин.*)

имѣютъ характеръ *непереходныхъ*. Но *рыдать* въ стихахъ

Не рыдай такъ безумно *надъ нимъ:*
Хорошо умереть молодымъ...

(*Некрас*)

уже отличается характеромъ *переходности*.

Понятіе переходности и *непереходности*, какъ залоговаго значенія глагола, можетъ быть кратко выражено такъ: употребляя какой-либо глаголъ (въ предложеніи), мы представляемъ себѣ его спеціальныя отношенія къ дѣйствующему лицу съ одной стороны и къ внѣшнимъ предметамъ (объектамъ) съ другой; если въ нашемъ грамматическомъ ощущеніи, перевѣшиваютъ первыя (отношенія къ дѣйствующему лицу), то это глаголъ *непереходный;* если перевѣшиваютъ вторыя (отношенія къ объектамъ), то это глаголъ *переходный*. — Излишне пояснять, что *степень переходности* можетъ быть различна, что глаголы, требующіе прямого дополненія, *болѣе переходны*, чѣмъ тѣ, которые требуютъ косвенныхъ дополненій; равнымъ образомъ и *непереходность* различныхъ глаголовъ неодинакова; многіе изъ нихъ стоятъ на границѣ между

переходностью и непереходностью, въ то время какъ другіе могутъ быть понимаемы только какъ непереходные.—Такъ какъ отношеніе глагола-сказуемаго къ подлежащему выражается въ согласованіи, а его отношеніе къ дополненію—въ управленіи, то непереходность есть перевѣсъ согласованія (и сопутствующихъ ему ощущеній) надъ управленіемъ. Переходность—наоборотъ.

Частица ся, служащая для образованія нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ формъ, произошла отъ стараго русскаго винит. падежа возвратнаго мѣстоименія—*ся* (церк. слов. ⷭ),—нынѣ замѣненнаго формою родительн. пад. *себя*. Прибавка этого мѣстоименія *ся* служила, въ старомъ языкѣ, для выраженія различныхъ оттѣнковъ непереходности, т.-е.—того, что дѣйствіе имѣетъ особое, ближайшее отношеніе къ дѣйствующему лицу. Кромѣ винительнаго *ся*, употреблялся въ этомъ же смыслѣ и дательный *си* (до сихъ поръ сохранившійся въ нѣкоторыхъ народныхъ великорусскихъ діалектахъ). Обѣ формы, *ся* и *си*, долго оставались—въ этомъ употребленіи — мѣстоименіями и не сливались съ глаголами, какъ теперь, могли ставиться передъ ними, а также между глаголомъ и мѣстоименіемъ могли помѣщаться и другія слова. Напр.: „отче! *умножило ся* братьѣ, а не можемъ *ся вмьстити* въ печеру“ (Лавр. п. 1051 г.), — „ничего же *ся боять* бѣси, токмо креста“ (Лавр. п. 1068 г.),—„не оружьемъ *ся бьсвть*, но борьбою“ (Лавр. п. 1022 г.), — „можеши *ся* съ нимъ *бороти*“ (Лавр. п. 992), „...створимъ миръ съ царемъ, се бо ны *ся* по дань *яли*...“ (Лавр. п. 971),—„... оже *ся* с ними начнемъ бити... (Лавр. п. 1169),—„*отступи ся* Волока... того *ся* не *отступаю*...“ (Суздал. лѣт. по Академіи сп. п. 1229 г.), — „... *суть ся свѣщали*...“ (Суздал. л. по Ак. сп. п. 1209 г.), „... а что *ся* на дьскахъ *остало* в писмѣ... (Тамъ-жѐ),—„*сжалися* отславъ...“ (Ипат. п. 1254 г.).—

Очевидно, глаголы этого рода въ старомъ русскомъ имѣли залоговое значеніе не совсѣмъ такое, какое имѣютъ соотвѣтственныя формы въ современномъ русскомъ; такъ напр, старое *бояти ся*, которое могло звучать *ся бояти*, не вполнѣ

совпадало съ современнымъ *бояться,* отъ котораго уже нельзя отдѣлить *ся;* да и это *ся* въ старомъ языкѣ было не то, что̀—теперь; тамъ оно было мѣстоименіемъ, у насъ оно—суффиксъ. Залоговый оттѣнокъ этихъ формъ въ старомъ русскомъ приблизительно былъ тотъ, какой теперь выражается оборотами съ *„себѣ“: сижу себѣ,* бывало, да *думаю себѣ...*, *иду себѣ* сторонкою... и т. п., гдѣ *„себѣ“*, оставаясь мѣстоименіемъ, присоединяется къ глаголу не въ томъ смыслѣ, какъ напр. въ выраженіяхъ: „онъ *забралъ себѣ* въ голову, что...“, „подумай объ этомъ и *признайся самому себѣ,* что ты былъ неправъ“ и т. п., а—въ иномъ, какъ бы ослабленномъ значеніи. безъ ударенія; цѣль и смыслъ этой прибавки („себѣ“) — въ томъ только, чтобы оттѣнить залоговое непереходное значеніе глагола, — особливое отношеніе дѣйствія къ дѣйствующему лицу.—

Старыя русскія формы съ мѣстоименіями *ся, си* и новыя—съ мѣстоим. *себѣ* (а также и такія современныя, какъ *играться, драться* (не въ знач. взаимнаго, а въ томъ, которое выше показано подъ рубрикою *е)* отчасти напоминаютъ, по своему залоговому значенію, тотъ архаическій залогъ, который существовалъ въ древнихъ индоевроп. языкахъ и въ особенности хорошо сохранился въ древнегреческомъ и въ санскритѣ, такъ-называемый *medium* („средній“), санскр. *âtmanêpadam.* Формы этого залога означали, что дѣйствіе совершается для дѣйствующаго лица, въ его интересахъ, въ угоду ему и т. п., что подлежащее дѣйствуетъ, такъ сказать, съ оглядкою на самого себя; такъ напр. глаголъ въ знач. „взять“ (что-либо) въ медіальной формѣ выражалъ оттѣнокъ „взять себѣ, для себя“ и т. д.

II. Страдательный залогъ имѣетъ двѣ разновидности, ясно различаемыя по формѣ, а также отмѣченныя и особыми оттѣнками залоговаго значенія.

1) Первая разновидность характеризуется формою составного сказуемаго изъ вспомогат. глагола *(быть)* и причастій страдательныхъ на — мъ — нъ и — тъ. Напр.: „онъ — всѣми *любимъ*“ (съ пропускомъ *есть*), „онъ *былъ, бу-*

детъ любимъ", „N *былъ убитъ* въ сраженіи", „подсудимый *былъ оправданъ*", „порученіе *будетъ исполнено*", „крѣпость— *взята*" (съ пропускомъ *есть*) [1]). Залоговый оттѣнокъ, свойственный этой разновидности страдательнаго, состоитъ въ *полной мнимости* подлежащаго — *какъ производителя признака, даннаго въ лексическомъ значеніи сказуемаго*, и въ сохраненіи за нимъ (подлежащимъ) только формальной роли—какъ отвѣта на вопросъ „кто, что?"

2) Вторая разновидность является простымъ сказуемымъ и выражается извѣстными глагольными формами на — ся, напр. „эта книга *читается* легко", „эта дверь *не запирается*", „награды *раздаются* по заслугамъ", „товаръ *продается*...", „мостъ *строится*...", „квартира *отдается*...", „книга *печатается*..." и т. д. — Залоговый оттѣнокъ этой разновидности страдательнаго состоитъ въ *неполной мнимости подлежащаго—какъ производителя признака, даннаго въ лексическомъ значеніи сказуемаго*. Дѣятельность подлежащаго и здѣсь, конечно, *мнимая*, но только степень этой мнимости уже не та, что—въ первой разновидности страдательнаго. Смотря по лексическому значенію глагола, эта мнимость колеблется то въ ту, то въ другую сторону, увеличиваясь и уменьшаясь. Такъ напр. въ выраженіи „эта дверь плохо *запирается*" довольно ясно сквозитъ представленіе о двери, какъ о дѣйствующемъ лицѣ, — какъ будто бы дверь сама такъ дѣлаетъ, что ее трудно запереть. Въ другихъ случаяхъ, соотвѣтственно лексическому значенію глагола, мнимость уже больше, какъ напр. въ выраженіяхъ: „книга *печатается*", „обѣдъ *варится*", „засѣданіе *открывается*", „публика сюда *не допускается*" и т. д., т.-е. въ этихъ и подобныхъ случаяхъ уже гораздо труднѣе или совсѣмъ невозможно представить себѣ подлежащее дѣйствующимъ, производящимъ тотъ признакъ, который данъ въ лексическомъ значеніи сказуемаго. Но, при всемъ томъ, *отсутствіе страдательнаго причастья* и *дѣйст-*

[1]) Прич на—*нъ*,—*тъ* съ опущ. *есть*, *суть* (для всѣхъ лицъ) образуютъ родъ perfectum praesens, т.-е. выражаютъ настоящее какъ результатъ прошлаго.

вительная форма глагола въ этомъ оборотѣ обусловливаютъ собою то, что подлежащее здѣсь не имѣетъ столь яркаго характера мнимости (въ смыслѣ производителя признака), какимъ оно отмѣчено въ оборотѣ съ причастьемъ страдательнымъ.—

Примѣры употребленія залоговъ въ соврем. литературномъ яз. [1]*), въ народномъ и въ старомъ русскомъ.*

Но чай несутъ: дѣвицы чинно
Едва за блюдечки *взялись*,
Вдругъ изъ-за двери въ залѣ длинной
Фаготъ и флейта *раздались*. (*Пушк.*, „Евг. Он.“)
И въ залу *высыпали* всѣ... (тамъ-же.)
Замѣтивъ, что Владиміръ *скрылся*,
Онѣгинъ, скукой вновь гонимъ,
Близъ Ольги въ думу *погрузился*... (тамъ-же.)
Съ пріятелемъ *стрѣляюсь* я (тамъ-же.)
Но поздно; время ѣхать. *Сжалось*
Въ немъ сердце, полное тоской;
Прощаясь съ дѣвой молодой,
Оно какъ будто *разрывалось* (тамъ-же.)
Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да *умирится* же съ тобой
И побѣжденная стихія... (*Пушк.*, „Мѣдн. Всадн.“)
...Нева *металась*, какъ больной
Въ своей постели безпокойной...
. . . . . .
Сердито *бился* дождь въ окно... (тамъ-же)
Нашъ герой
Живетъ въ Коломнѣ, гдѣ-то *служитъ*,
Дичится знатныхъ... (тамъ-же)

---

[1]) Здѣсь приведены образчики различныхъ разновидностей непереходнаго залога, а также и формъ страдательнаго; при этомъ выбраны преимущественно такіе случаи, которые даютъ поводъ поразмыслить надъ оттѣнкомъ залоговаго значенія.

. . . . . .

Всѣ рыцари сидѣли тутъ въ атласѣ
Да бархатѣ; я въ латахъ былъ одинъ
За герцогскимъ столомъ. *Отговорился*
Я тѣмъ, что на турниръ *попалъ* случайно...
(*Пушк.*, „Скупой рыц.“).

Онъ отъ меня на шагъ не *отлучался*...
(*Пушк.*, „Русалка“).

Ребенкомъ будучи, когда высоко
Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей
Я *слушалъ* и *заслушивался*...
(*Пушк.*, „Моцартъ и Сальери“).

Почтенный черепъ сей не разъ
Парами Вакха *нагрѣвался;*
Литовскій мечъ, въ недобрый часъ,
По немъ со звономъ *ударялся*...
(*Пушк.*, „Черепъ“).

Положили бросить жребій: нумеръ первый *достался* ему... Онъ *прицѣлился* и прострѣлилъ мнѣ фуражку. (*Пушк.*, „Выстрѣлъ“).

Всѣ сказки, которыя только могла запомнить ключница Кириловна, *были* мнѣ *пересказаны*. (Тамъ-же).

Принялся я было за неподслащенную наливку, но отъ нея *болѣла* у меня голова; да, *признаюсь, побоялся* я *сдѣлаться* пьяницею съ горя... (Тамъ-же).

Марія Гавриловна долго *колебалась;* множество плановъ побѣга *было отвергнуто*. (*Пушк.*, „Метель“).

Кто не проклиналъ станціонныхъ смотрителей, кто съ ними не *бранился?* (*Пушк.*, „Станц. смотритель“).

... смотрители со мною не *церемонились* (Тамъ-же)

И вздрогнувъ, юноша *проснулся,*
Взглянулъ вокругъ и *улыбнулся*...

. . . . . .

Но, *покраснѣвши,* сновидѣнье
Пересказать *стыдился* онъ...
(*Лерм.*, „Измаилъ-бей“).

Вотъ молча оба *расходятся*,
Богатырскій бой *начинается*.
Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ въ первой купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди—
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ...
. . . . . .
И *погнулся* крестъ, и *вдавился* въ грудь.
(*Лерм.*, „Пѣсня про купца Калашн.“).

. . . . . Я *любилъ*...
Она лишь мной *живетъ* и *дышетъ*...
(*Лерм.*, „Бѣглецъ“).

Два дня окно не *отворялось*.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Межъ нихъ *завелся* очень скоро
Нѣмой, но внятный разговоръ.
. . . . . .
. . . . . .
Отъ удивленія и злости
Чуть не *задохся* нашъ герой. (*Лерм.*, „Казначейша“).

И точно, дорога опасная: направо висѣли надъ нашими головами груды снѣга, готовыя, при первомъ порывѣ вѣтра, *оборваться* въ ущелье; узкая дорога частью *была покрыта* снѣгомъ, который въ иныхъ мѣстахъ *проваливался* подъ ногами, въ другихъ *превращался* въ ледъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и ночныхъ морозовъ, такъ что съ трудомъ мы *пробирались*... налѣво *зіяла* глубокая разсѣлина, гдѣ *катился* потокъ, то *скрываясь* подъ ледяной корою, то съ пѣною прыгая по чернымъ камнямъ...

... на крестѣ *было написано* крупными буквами, что *онъ поставленъ* по приказанію генерала Ермолова... Но преданіе,

несмотря на подпись, такъ *укоренилось*, что... (*Лерм.*, „Герой нашего времени“).

Казбичъ *остановился*... и сталъ *вслушиваться*... (Тамъ-же).

Оборачиваюсь: Грушницкій! Мы *обнялись*. Я *познакомился* съ нимъ въ дѣйствующемъ отрядѣ. Онъ *былъ раненъ* пулей въ ногу... (Тамъ-же, II, „Княжна Мери“).

Оно (имѣніе) *было* давно *запущено*... (*Тург.*, „Дымъ“, II).

Все тамъ (въ сочиненіи) *будетъ разрѣшено* и *приведено* въ ясность. (Тамъ-же, III).

Одѣтъ былъ Воротиловъ очень щегольски... (Тамъ-же).

Вездѣ, поперекъ какимъ бы то ни было печалямъ, изъ которыхъ *плетется* жизнь наша, весело *прочится* блистающая радость... (*Гоголь*, „Мертв. Души“, V).

Хорошо то, что она сейчасъ только, какъ видно, *выпущена* изъ какого-нибудь пансіона или института... (Тамъ-же).

У него былъ тотъ умъ, который *дается* одинаково, какъ тонко развитому, такъ и мужику, умъ, который, не *тратясь* на роскошь, прямо *обращается* въ житейскую потребность. (*Гончар.*, „Обрывъ“, III, XIV).

Послѣ... послѣ... я самъ *притащусь, попрошусь* посмотрѣть за твоей библіотекой... (Тамъ-же, IV, VI).

Пожалуйста, напомните мнѣ сами, чуть я *заговорюсь*... (*Достоев.*, „Братья Карам.“, кн. IV, ч. XI, гл. II).

Видите, я уже совсѣмъ теперь *сбилась*. Я *тороплюсь*... Для меня все *смѣшалось* въ какой-то камокъ... (Тамъ-же)... я вовсе на него не *сердилась*, но мнѣ вдругъ... *показалось*, что это будетъ такъ хорошо, эта сцена... Только, вѣрите ли, эта сцена все-таки была натуральна, потому что я даже *расплакалась*... (Тамъ-же).

Митя нахмуренно *прошелся* по комнатѣ. Въ комнатѣ *становилось* почти темно. (Тамъ-же, ч. IV, кн. XI, гл. IV).

По дорогѣ... *пришлось* ему проходить мимо дома, въ которомъ... Онъ вдругъ *остановился*... Войдите, Алеша, и вы, Иванъ Ѳедоровичъ, непремѣнно, непремѣнно *воротитесь*... (Тамъ-же,—гл. V).

... капиталу большого, значительнаго онъ все-таки ей не

отдѣлилъ... Но отдѣлилъ капиталъ малый, и когда *узналось* это, и это стало всѣмъ на удивленіе. (Тамъ-же, ч. III, кн. VII, гл. III).

... Особенно *побеpегитесь* заходить ко мнѣ сегодня!.. Онъ *повернулся* и, твердо *шагая*, пошелъ прямо, *не оборачиваясь*.— Братъ, крикнулъ ему вслѣдъ Алеша, — если что-нибудь сегодня съ тобой *случится*, подумай прежде всего обо мнѣ!.. (Тамъ-же, ч. IV, кн. XI, гл. V).

ИЗЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

Когда *возсіяло* солнце красное

. . . . . .

Тогда *зарождался* молодой Вольга...

(Былина о Вольгѣ Святосл.).

Не *кручинься*, Владиміръ, не *печалуйся*

. . . . . .

Идетъ-то дорожкой—*пораздумался*

И *пристранился* Илья Муромецъ въ сторонушку...

. . . . . .

. . . . . .

(Былина объ Ильѣ Муром. и Идолищѣ).

Ни отколь *взялся* тутъ лютой звѣрь...

(Былина о Добрынѣ и Змѣѣ-Горын.).

Бились витязи три дня...

. . . . . .

Намахалися ихъ плечи могутныя,

Уходилися кони ихъ добрые,

Притупились мечи ихъ булатные...

. . . . . .

Съ тѣхъ-то поръ и *перевелись* витязи на святой Руси.

(Был. о томъ, какъ перевел. витязи на Св. Русп).

Разрыдаюсь я, раба (такая-то),... Не *взмилилось* мнѣ *крушить себя*, а *придумалось* заговорить тоску лютую... *обернись* на родину славную, *ударь* ей челомъ..., *распростись* съ родными... (Изъ заговоровъ).

Какъ *вознесся* Христосъ на небеса,
Расплакалась нищая братья...
(Стихъ о Вознесеніи и Иванѣ Богословѣ).

Никто ко книгѣ не *приступится*,
Никто ко Божьей не *пришатнется*...
. . . . . .
Мнѣ ночесь, сударь, мало *спалось*,
Мнѣ во снѣ много *видѣлось*
. . . . . .
Кабы два звѣря *собиралися*,
Кабы два лютые *собиялися*,
Промежду собой *дрались-билися*...
. . . . . .
(Стихъ о Голуб. кн).

Ино зло-то Горе *излукавилось*...
. . . . . .
Кабакомъ-то Горе *избудется*...
(Пов. о Горѣ-Злосч)

Тамъ лежитъ-то убитъ добрый молодецъ
. . . . . .
Какъ никто къ тѣлу не *приступится*,
Никто къ бѣлому не *привернется*.
Привернулися къ нему три ластушки...
(*Собол.*, „Велпкор. нар. пѣс.“, I, № 369).

Мнѣ малымъ мало *спалось*, много *видѣлось* во снѣ...
(Тамъ же, № 412).

Закручинился молодецъ, *запечалился*...
(Тамъ же, № 438).

Поди *задайся* ко купцу ко богатому на 12 лѣтъ...
(Тамъ же).

Отъ чего ты, горе, *зародилося?*
(Тамъ же, № 441).

Напряди мнѣ шелку изъ бѣлаго снѣгу,
Чтобъ шелкъ не *рвался*, шлафоръ не *поролся*...
(Тамъ же, № 450).

ИЗЪ СТАРАГО РУССКАГО.

Дѣйствительные.

Переходные въ тѣсн. см. Бѣ бо *искытрилъ* Изяславъ *лодьи* дивно... („*искытрилъ* — искусно приспособилъ", Ипат. л. п. 1151 г.)—... *честь вашю нальземъ*... (*нальзти* — найти, добыть, Ипат. п. 1151 г.) — Аже *убиетъ* кто *мужа*... (Рус. Прав., ст. 1)—... начнеть *платити* дикую *виру*... (Р. Прав., по Карам. сп, ст. 4).—Съ родит. при отрицаніи: ... *не платити виры*, оже *имени не вѣдаютъ, ни знаютъ его.* (Р. Прав., по Карам. сп., ст. 15).

Переходные въ обшир. см. Деревьляне же... *вънидоша в городъ* и *повѣдаша людемъ*... Ольга же *раздая всемъ комуждо по голуби*, а *другимъ по воробьеви*, и *повель* къемуждо голубеви и воробьеви привязати чѣрь... (Ип. п. 946 г.).—Кровь брата моего *вопиетъ къ тобѣ*, Владыко, *мьсти отъ крови* праведнаго сего... (Ипат. п. 1019 г.).—Аще кто *въсядетъ* на чюжь конь не прошавъ... (Рус. Прав. по Карам. сп., ст. 28).

Непереходные съ мьстоим. ся, си. Володиславъ *княжится*... (Ип. п. 1209 г.).—... *домолися* пославъ къ Изяславу... (выпросилъ себѣ у Изяслава — позволеніе постричься въ монахи, Лавр. п. 1146 г.)—... а вѣ *ся* (съ) братомъ своимъ и сыномъ Изяславомъ сами *вѣдаимы* (т.-е. „мы сами между собою поладимъ", какъ выше: абы Богъ далъ вы быста *уладилася* съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ) [оба глагола — *ся вѣдаимы* и *быста уладилася—взаимные*].—И то слыша Изяславъ и Болеславъ, Индрихъ и Угре *разъпяхашася*. И тако *ся* начаша *ладити* (Ипат. п. 1149 г.).—Святославъ передъ вами *не творится* правъ („не считаетъ себя правымъ"), но *кланяется*... (тамъ же)—... земля Русская *расплодилася* и размогла въ братолюбьи князий (тамъ же)—отце! *кланяютися*, нѣлзѣ ми *ся* с тобою *рядити* („договариваться", „заключить договоръ [*рядъ* — договоръ]... (Ипат. п. 1150 г.) — Всеволодъ *послася* по Половцѣ (Лавр. п. 1127 г.).—Оже кто который купець, шедъ гдѣ любо съ чюжими кунами, *истопится*... (по-

терпитъ кораблекрушеніе)... оже ли *пропнется* или *пробьется* (т.-е. объ закладъ)... (Рус. Прав., по Карам. сп., ст. 68).— *Преставися* (умеръ)... князь Володимеръ... (Лавр. п. 1170 г.),— *Родися* у Мстислава сынъ... (Лав. п. 1171).—И нача глаголати Святополкъ: „*останися* (останься) на святокъ“. [Но дальше: „И рече Василко: не могу *остати*“ безъ *ся*]. (Лавр. п. 1097 г.). — Угри же *исполчишася*... Бонякъ же *раздьлися* на 3 полкы... а Мстиславъ *затворися* в градѣ... (Лавр. п. 1097 г.).—Оже есте мой Городець пожгли и божницю, то я *ся* тому *отъожгу* противу... (Ип. п. 1152 г.).

Непереходные въ зависимости отъ лексич. значенія (и безъ *ся, си*).—Земля Русская... *розмогла*... (см. выше)—Изяславъ же *ускори* днемъ передъ братьею (поспѣлъ днемъ раньше, предварилъ, Лавр. п. 1127).—... а вы хочете *изъмерети* гладомъ... (Лавр. п. 946 г.) —,... бѣша бо многи *погибли* на полку... (Лавр. п. 971 г.)—.., *не здоровить* („боленъ“) бо велми. (Ипат. п. 1015 г.).—

Страдательные.

... *бяхуть* бо лодьи *покрыти* досками... (Ипат. п. 1151 г.)—... книгами бо *кажеми* („наставляемы“) и *учими есмы* пути покаянью... сими бо в печали *утѣшаеми есмы*... (Лавр. п. 1037 г.).—*Почата бысть* церкы ... *и кончана бысть* на третьее лѣто... (Лавр. п. 1075 г.).—*Священа бысть* церкы... митрополитомъ... (Лавр. п. 1088 г.), *погребенъ бысть*... *положенъ бысть* в гробѣ... (Лавр. п. 1093 г.).—*Убіенъ бысть*... (Лавр. п. 1123 г.).—И *увѣданъ бысть* всѣми великій Антоній и *чтимъ*... (Лавр. п. 1051 г.)—не *будетъ* отъ Бога *повелѣно*... (Лавр. п. 1096 г., „Поученіе“ Влад. Моном.).—Съ дат. пад. ...*бъ* бо *любимъ отцю своему* повелику... (Ипат. п. 1097 г.).

5) Виды. Видами называются глагольныя формы, изображающія дѣйствія (состоянія) съ ихъ качественной стороны, по признакамъ длительности, медленности, скорости, мгновенности, повторяемости и т. д. Если *времена* отвѣчаютъ на вопросъ „когда?“,—то *виды* отвѣчаютъ на вопросъ „*какъ?*“—Въ видахъ, стало быть, воспроизводятся раз-

личные способы дѣйствій, напр. *ходить*—это одинъ способъ хожденія, а *хаживать*—уже другой.

Современный русскій языкъ весьма богатъ видами, выражающими разнообразные, часто очень тонкіе оттѣнки качественности дѣйствій. Для удобства обозрѣнія этихъ формъ, мы будемъ различать *два главныхъ, основныхъ вида* и укажемъ важнѣйшія *разновидности* ихъ.

Основные виды это—1) несовершенный, *изображающій дѣйствіе неоконченнымъ, длящимся, протекающимъ*, напр. *читать, пить, разговаривать, плыть, ловить* и т. д., и 2) совершенный, *изображающій дѣйствіе оконченнымъ, протекшимъ*, напр. *прочитать, пропить, разговориться, наловить* и пр.

Важнѣйшія разновидности *несовершеннаго* вида суть:

а) длительный первой степени: *нести, везти, вести, течь, итти, писать, говорить* и т. д., напр. „рѣка *течетъ*“, „время *идетъ*“, „онъ *пишетъ*“, „она *поетъ*“;

б) длительный второй степени: *носить, возить, водить, протекать, ходить* и т. д., напр. „время *проходитъ*“, „сторожъ *ходитъ*“; „тучи *носятъ* воду,—вода *поитъ* землю,—земля плодъ *приноситъ*...“ *(Кольцовъ)*;

в) длительный третьей степени, съ различными оттѣнками, какъ-то *многократности (повторяемости), слабости* или, напротивъ, *силы (энергичности)* дѣйствія, *небрежности, усердія* и др.: *прохаживаться, похаживать, напивать, почитывать, пописывать, побаливать, раздумывать, разспрашивать, приговаривать* и т. д.

Важнѣйшія разновидности *совершеннаго* суть:

а) окончательный, указывающій на окончаніе дѣйствія: *прочесть, прочитать, написать, наговорить, отворить, сказать, убрать* (комнату), *убрать* (прочь что-нибудь), *пропить, отнести;*

б) начинательный, обозначающій, что дѣйствіе началось, т.-е. представленіе *совершенности* относится здѣсь къ *началу* дѣйствія (между тѣмъ какъ въ окончательномъ оно относиться къ его концу): *запить, заговорить* (т.-е. начать говорить, но *заговорить* болѣзнь (заговоромъ) принадлежитъ къ окончательному), *застучать, закричать;*

в) мгновенный; *вздохнуть, чихнуть, мигнуть, щепнуть, стукнуть.*

Виды, какъ извѣстно, являются характерною принадлежностью современнаго русскаго языка, служа восполненіемъ недостатка временъ, а также выражая разнообразные, часто весьма тонкіе оттѣнки глагольныхъ значеній.—Поэтому приведемъ здѣсь побольше образчиковъ употребленія видовъ, какъ изъ народнаго, такъ и изъ литературнаго языка.

Изъ „Русск. Былинъ“ (изд. Тихонравова и Миллера).

Начали они его *подергивать,*
Начали они его *поторкивать*... (стр. 15)
И началъ онъ замочки *подергивать,*
И началъ онъ щиты *разламывать*... (стр. 16)
Ѣхалъ (Илья Муромецъ) лугами зелеными,
Наѣзжалъ на камешекъ сѣрые...

. . . . . .

Подъ камешкомъ много злата, много серебра,—
Кто этотъ камешекъ съ мѣста *сдвинетъ.*
И *припалъ* старый казакъ Илья Муромецъ,
Своей старой силой *потряхивалъ,*
Камешекъ съ мѣста *содвигивалъ*
И *набралъ* онъ злата, сколько надобно (стр. 17)
Призжаетъ ко полю, ко чистому,
Увидалъ онъ богатыря, *ѣзжучись* по полю, по великому,
Старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
И коня-то богатырскаго богатырь *понуживаетъ,*
Палицей булатной *поигрываетъ,*
Выкидываетъ палицу подъ облако. (стр. 20)
Махнулъ онъ тутъ коня да богатырскаго
Плеточкой шелковой... (стр. 21)
Скоро старый на коня *вскочилъ,*
И *затрубилъ* старый во турій рогъ,
И *сомутился* у стараго очи ясныя,
И *разгорѣлось* у стараго ретиво сердце;
Не *увидѣлъ* старый свѣту бѣлаго,

Не *узналъ* старый ночи темныя,
И *расходились* у его плечи могучія
И *размахнулись* руки бѣлыя,
И *засвистѣла* у его палица боевая,
И *зачивкала* его сабелька острая. (стр. 28—29).
Я въ подкопъ *скочу, повыскочу,*
Я тебя Илью *повынесу*... (стр. 45)
Мнѣ ноцесь въ шатерушку не *заспалось,*
Выходилъ я на улицу, *поглянулъ* во всѣ 4 стороны,
Поглянулъ въ подвостоцную сторону;
И не туча *идетъ* передъ дождицкомъ,
Не громъ *загремѣлъ* передъ молоньей,
И *идетъ* удалый добрый молодецъ. (стр. 57)
Самъ *сидитъ*-то Добрыня *приразумался.* (стр. 62)
Засвисталъ-то онъ, *загаркалъ* по звѣриному,
Зашипѣлъ-то онъ, собака, по змѣиному,
Оттого-то наша Нѣпречка *вскольхалася,*
Оттого-то съ дубьевъ вершины *посломалися*...
(стр. 67).
Еще три года *водовозничалъ,*
Еще три года *приворотничалъ,*
Еще три года *ложкомойничалъ*... (стр. 81).
Не ясенъ соколъ *пролетывалъ,*
Не ясной-то онъ *пропарживалъ*... (стр. 90).
Всѣ-то князья-бояры *принакушалися,*
Принакушалися, порасхвастались... (стр. 101)
Правой рукой она (паляница) ее (палицу) *выкидывала*
выше лѣсу стоячаго,
Да пониже-то облака ходячаго,
Да другой рукой *подхватываетъ,*
А до земли палицу *не допускиваетъ*
. . . . . .
И долго старый *позамѣшкался*... (стр. 109)
Още *крыкнулъ*-то король да громкимъ голосомъ,
. . . . . .
Още *свиснулъ*-то вѣдь онъ по змѣиному...

. . . . . .

Ай *нахлынуло* татаровей да полонъ дворъ... (стр. 123)
И эти рѣчи королю не *слюбилися*,
Какъ *спроговоритъ* король таково слово:
Ай же ты, Дунай, да сынъ Ивановичъ,
Что же ты меньшую дочь *посватываешь*...
(стр. 128—9).
Первый разъ *стрѣлилъ*—*не дострѣлилъ*,
Второй разъ *стрѣлилъ*—*перестрѣлилъ*... (стр. 140)
Закручинился князь, *запечалился*... (стр. 144)
Всѣ мо̀лодцы у насъ да *испоженены*,
Красныя дѣвушки замужъ *повыданы*.
Я такой борьбы, собака, *не знавывалъ*... (стр. 141)
Не вострая да сабелька *просвиснула*,
Не черная-то кровка *пробрызнула*... (стр. 166)
Какимъ путемъ ты *проѣзживалъ*?.. (стр. 177)
Львы—звѣрье да *запокракивали*,
Лютыи змѣи да *запосвистывали*... (179)
Было у Дюка *испостроено*,
Все было у Дюка *исподъѣлано*... (стр. 179)
Поѣдешь ко Владимиру, еще *прирасхвастаешься*.
(стр. 180)
Въ каждый день тебя
Дюкъ Степановичъ *перещеголивалъ*. (стр. 187)
Въ трупахъ конь не можетъ *поскакивати*,
Горячей крови *прорыскивати*.
Тутъ Суханьшу *пріобраними*,
Дали Суханьшѣ 30 ранъ. (стр. 189)
Провѣщился конь мудрымъ языкомъ... (стр. 192).
Она по двору идетъ словно уточка,
А по горенкѣ частенько *переступываетъ*... (стр. 200).
Недосугъ *сидѣть* послу, *разсиживать*. (стр. 206).
Какъ мы съ тобою въ зеленомъ саду *погуливали*...
И въ сваечку съ тобою *поигрывали*... (стр. 213)
Да сегоднешній день удалой доброй молодецъ *не обѣдывалъ*. (стр. 215)

Да вина-то горькаго тутъ *не пивывалъ*,
Бѣлымъ сахаромъ-то вѣдь я да *не закусывалъ*...
(стр. 216)
И *зачалъ* Васильюшко по Нову-городу *похаживать*,
И *зачалъ* Васильюшко шуточки *пошучивать*... (стр. 221)
И *началъ* молодой Василей да сынъ Буслаевичъ
Мужиковъ онъ *потиныватъ*,
И *началъ* мужиковъ онъ *поталкивать*... (стр. 224)
Хочетъ эту пташечку *подстрѣлити*.
Подстрѣлити и *подшибити*,
Натягаетъ онъ свой тугой лукъ,
Накладываетъ каленую стрѣлу.
И тутъ эта пташечка *провѣщилася*.
Провѣщилася, *проязычилася*... (стр. 237)
Всѣ на пиру *пренакормлены*,
Всѣ на пиру *пренапоены*... (стр. 240)
Высокія горы *пошаталися*,
Во рѣкахъ вода *пригусожнула*,
Во озерахъ вода *пригудрогнула*,
Во моряхъ вода *всколебалася*,
Пошолъ около синя моря шумъ великъ. (стр. 245)
Кто изъ насъ, братцы, *зоворуетъ*,
Кто изъ насъ, братцы, *заплутуетъ*... (ст. 255)
Призакоптьло платье цвѣтное,
И *призаржавѣла* тамъ золота казна... (стр. 262)
Какъ была на небо лѣсница,—
Мы бы *выстали* на небо... (стр 265)

Изъ „Причитаній Сѣверн. Края“ (Собр. Е. В. Барсовымъ М. 1872 г.).

Вдругъ, знать, счастье-то сусѣды *обзавидали*,
Добры людушки меня да *пріоббаяли*,
Чорны вороны таланъ, знать, *пріограяли*,
Видно, участь ту собаки *пріоблаяли*. (I, 7)
Загрузить-ли мнѣ обиду во озерышкѣ?
. . . . . .

Заболотьетъ вода да въ быстрой рѣченькѣ,
Заволочится травой мало озерышко... (I, 17)
Станутъ по избы вѣдь дядюшки *похаживать*,
И не весело на дѣтушекъ *поглядывать*,
Оны грубо-то на ихъ да *поговаривать*... (I, 18)
Призарыли тамъ надежу съ горъ желтымъ пескомъ,
Накатили тутъ катучи бѣлы камешки.
Прозабыла я кручинная головушка—
Доспроситься у надежной у державушки... (I, 19)
Прозабудешь всю великую кручинушку,
Поостависшь всю злодійную обидушку... (I, 22)
Худой славы на тебя бы не *наздынули*,
Въ чистомъ полѣ бы вороны не *наряялись*... (I, 24)
Соловей сталъ потихошеньку *посвистывать*,
Какъ орелъ да жалобненько *выговаривать*... (I, 26)
Я отъ бережка горюша *откачнулася*,
Я ко другому побѣдна не *прикачнулась*... (I, 31)
Всѣ *пригакались* сердечны твои дѣтушки:
Уже гдѣ-то родитель [1]) наша матушка,
Да куды она родитель [1]) *подъвалася* (I, 34)
Ой, *развыйся* буря-падара!
Разнеси ты пески желтыи!
Разступись-ко мать-сыра-земля!
Расколись-ко гробова доска!
Разпахнитесь бѣлы саваны! (I, 35)
Ты на што да *прирозгнъвался*... (I, 53)
Приди думушки *подумати*
И словечушко *перемолвити*... (I, 59)
Зацвѣпутъ въ рощахъ деревьица,
Запогуркиваютъ голуби,
Запосвистываютъ соловьюшко...

. . . . . .

Не *согрѣетъ* (солнышко) сиротинушки,
Лишь *притеплитъ* меня бѣднушку... (I, 69)

---

[1]) Родитель—въ жен. р

Не могу, бѣдна горюшица,
Порасклыкать, поразóворить
Я родитель свою матушку... [1]) (I, 72)
Перестаньте, люди добрые,
Хоть на часъ да *призатихните*,
Што минѣ-то, бѣдной сúротѣ,
Причюдилось да *прислышалось*... (I, 76)
Сѣрой заюшка туды не *проскакивать*,
Малая птичка не *залетывать*,
Извощички къ намъ не *заизживалоть*,
Перехожіи калѣки не *прохаживалоть*,
Отъ васъ грамотки къ намъ не *принашивали*—
(I, 91)
Отъ желаньица мы Господу *намолимся*,
Отъ сердечушка Николу *принапросимся*... (I, 92).
Знать, дубовы полы да *притоптала*?
Скамѣечки кленовы *присидѣла*?
Хрустальны она стекла *приглядѣла*?
Знать, добрыхъ она коней *притомила*?
Вашихъ дѣтушекъ она ли *притрудила*?.. (I, 120)
Намъ нельзя вдругъ обѣимъ *удалитися*,
Поостáвить такъ хоромное строеньицо,
Воспокинуть вся крестьянска наша жирушка [2])
(I. 147)
Какъ *обсиротится* побѣдна эта жирушка,
Сиротать пойдутъ безчастны малы дѣтушки,..
(I, 154)
Оны горькима слезами *порасплачутся:*
Бѣдна матушка глядитъ—да *растоскуетъ*... (I, 156)
Напринимаюсь всякой всячины,
И холоду и голоду... (I, 163)

Изъ „Великорусс. пѣсенъ“, изд. акад. А. И. Соболевскимъ.

---

[1]) Сирота причитаетъ на могилѣ матери

[2]) Жиръ—имущество, достояніе, богатство.

Я отъ батюшки *отолгуся*,
Я скажу; была за рѣкою... (II, 24)
Знать-то мнѣ по травушкѣ не *хаживати*,
Травы-муравки не *таптывати*
На свою любезную не *сматривати!* (II, 46)
Я по бережку *похаживала*.
Чернобыль траву *заламывала*,
Гусей-лебедей *заганивала*.., (II, № 50)
А я, млада, *приналакалася*,
Наплакалась, *нарыдалась*, молода... (II, № 56)
Ахъ, знать, мнѣ по васъ, сѣни, не *хаживати*,
Мнѣ мила дружка за рученьку не *важивати!!*
(II, 73)
Я на это не *гляживала*—
Я на улицу *хаживала*... (II. 81).
Думала она, *удумливала*
Хулила его, *охуливала*... (I, № 172)

Въ древнемъ періодѣ русскаго языка развитіе и употребленіе видовъ тормозилось формами временъ. Съ паденіемъ послѣднихъ (именно простыхъ — аористовъ и преходящихъ) видовыя образованія получили дальнѣйшее развитіе, и въ языкѣ XV—XVII вв. мы находимъ видовыя формы въ родѣ слѣдующихъ: ...а сами есмя... озеро Волгонь неводомъ *волачивали* и бобры *бивали*... А прежъ того есмя... ту (то) ватагою *стаивали*... рыбу въ немъ *лавливалъ* и бобры *бивалъ*... („Сборн. Актовъ", Лихачева, грам. 1530 г.) — Озеро... *давывали* въ откупъ... (тамъ же, грам. 1529 г.)— ...его пожни не *отнимывалъ* и Ѳедору... *не отдавывалъ*... онъ въ томъ селѣ мало *бывывалъ*... (Грам. 1551 г.)

Приведемъ теперь изъ эпохи, когда еще употреблялись аористы и преходящія, образчики временъ *съ видовыми оттѣнками:*

Несовершенные: изнемогаху, мняхуть, праздноваше, бесѣдоваше, отхожю, призываху, плакашася, присядаху, приносяшеть, — *примерзняшета* нозѣ его къ камени и не *движаше* нога... (Лавр. п. 1074), — *идяше, дѣяху, глаголаху, не хо-*

тяше, — и монастыреве *починаху* быти... (Лавр. п. 1037).— и съ того *умираху* и *не смѣху излазити* ис хоромъ... по семь же начаша в дне *являтися* на конихъ... (Лавр. п. 1092 г.), ...нача *поостривати* (=подстрекать) на ослѣпленіе... (Ипат. п. 1097 г.). — Половцы же начаша *напѣяти* и *отъимаху* воду, и *изнемагати* начаша людье въ градѣ... (Лавр. п. 1093 г.), ...*докучиваху* ему поити... (Ип. п. 1142).—...*бьяхутся* из города крѣпко, а си *приступаху* къ граду и язвени *бываху* мнози отъ обоихъ... (Лавр. п. 1096 г.),—*выискъывати*. (Тамъ же, въ „Поученіи" Влад. Моном.). — Створи же Рюрикъ Ростиславу велми силну свадбу, ака же несть *бывала* в Руси.

Совершенные: придоша, затворися (аор.), *вълъсти, напоити* (коня),—...свергъ порты *сунуся* въ Днѣпръ и *побреде*... (Лавр. п. 968 г.), *приключися, преставися, разорѣся* вещь (Лавр. п. 1074), *скончася, похвали* (аор.), ...не *выгнаша* ли мене... (Лавр. п. 1078 г.), *побѣже, постигоша,* ...аще *поидемъ* к Торжку, *попустошимъ* Новгородскую волость... (Суздл. п. 1216 г.),—*побѣгнути* (Суздл. п. 1216), — *прысну* море... *стукну* земля, *въсшумѣ* трава... (Сл. о пол. Иг.).

Изъ писателей:

У меня дядя былъ псовый охотникъ, продолжала она. Я съ нимъ *пожживала* — весною. *(Тург.* „Вешн. Воды", XLII). Лицо ея мгновенно *вспыхнуло* и потомъ такъ же быстро *побѣднѣло*... *(Тург.* „Дымъ", IV).

У Губарева была привычка постоянно *расхаживать* взадъ и впередъ, то-и-дѣло *подергивая* и *почесывая* бороду... *(Тург.* „Дымъ", IV).

Губаревъ крутб *повернулъ* на каблукахъ и опять *заковылялъ* по комнатѣ. (Тамъ же, IV).

Воротиловъ... толковалъ Бамбаеву о различныхъ „фазисахъ" готической архитектуры, а Бамбаевъ только *подмычивалъ* одобрительно... (Тамъ же, X).

Еще бы немного побольше свободы, безпорядка, свѣта и шуму,—тогда это былъ бы свѣжій, веселый и розовый пріютъ, гдѣ бы можно *замечтаться, зачитаться, заиграться* и пожалуй *замюбиться*. *(Гончар.* „Обрывъ", I, II).

Онъ *повелъ*-было жизнь холостяка, *пересиливалъ* годы и природу, но не *пересилилъ*... (Тамъ же, I, II).

Бабушка такъ и *всплеснула* руками, такъ и *прыгнула;* чуть не *попадали* тарелки со стола. (Тамъ же, I, VIII).

Бабушка что-то *заполковалась* съ мужиками... (Тамъ же, I, X). ...начала *высчитывать* сотни и тысячи. (Тамъ же).

Кучеръ держалъ кнутъ въ кулакѣ, вожжи лежали у него на колѣняхъ, и онъ изрѣдка *подергивалъ* ими, съ лѣнивымъ любопытствомъ и зѣвотой *поглядывая* на знакомые предметы по сторонамъ. (Тамъ же).

Отъ роду не *видывала* такого человѣка! (Тамъ-же, II, II).

— Зачѣмъ пріѣхалъ сюда: говори толкомъ!—Видѣть васъ, *пожить, отдохнуть, посмотрѣть* на Волгу, *попасать, порисовать*... (Тамъ-же).

...смотрители со мною не церемонились, и часто *бралъ* я съ бою то, что, во мнѣніи моемъ, слѣдовало мнѣ по праву. *(Пушкинъ,* „Станц. смотритель“).

Пускай она *попачетъ! (Лерм.).*

Онъ наскоро *выхлебнулъ* чашку... *(Лерм.* „Герой наш. врем.“). ...мнѣ хотѣлось его *побѣсить*. (Тамъ же).

Онъ, казалось, съ трудомъ или неохотно *вникалъ* въ смыслъ чтенія, пытливо *поглядывая* то на автора, то на того или другого изъ слушателей. *(Гончар.* „Литерат. вечеръ“).

Надо думать, что въ этотъ-то періодъ своей жизни онъ и *развилъ* въ себѣ умѣнье *сколачивать* и *выколачивать* деньгу. *(Достоев.,* „Братья Карам.“, ч, I, кн. I, гл. IV).

Старецъ молча *разглядывалъ* того и другого. (Тамъ-же, ч. I, кн. II, гл, II).

Хотѣлось бы очень ему *повидать* ...брата Дмитрія и *забѣжать* къ нему. Не *показывая* письма, онъ бы могъ съ нимъ что-нибудь *перемолвить*. (Тамъ-же, ч. I, кн. III, гл. III).

Объ этомъ вотъ и *заговорилъ* за столомъ Григорій. Ѳедоръ Павловичъ любилъ и прежде, каждый разъ послѣ стола, за десертомъ, *посмѣяться* и *поговорить* хотя-бы даже съ Григоріемъ. (Тамъ же, ч. I. кн. III, гл. VII).

— Да ты ужъ это *говорилъ*, ты *не расписывай*, а *докажи!* кричалъ Ѳедоръ Павловичъ. (Тамъ же).

...ну вотъ тутъ-то денежки мнѣ и *понадобятся*. Такъ вотъ я теперь и *подкапливаю* все побольше да побольше... (Тамъ же, ч. II, кн. IV, гл. II).

А тутъ вѣтеръ вдругъ *загудѣлъ*, *понесло* пескомъ... *Бросился* онъ вдругъ ко мнѣ весь, *обнялъ* мнѣ обѣими рученками шею, *стиснулъ* меня. Знаете, дѣтки коли молчаливыя да гордыя, да слезы долго *перемогаютъ* въ себѣ, да вдругъ какъ *прорвутся*, если горе большое *придетъ*, такъ вѣдь не то что слезы *потекутъ*-съ, а *брызнутъ* словно ручьи-съ... *Зарыдалъ*, какъ въ судорогѣ, *затрясся*... (Тамъ же, ч. II, кн. IV, гл. VII).

Припоминая потомъ, долго спустя, эту ночь, Иванъ Ѳедоровичъ съ особеннымъ отвращеніемъ *вспоминалъ*, какъ онъ вдругъ *бывало вставалъ* съ дивана и тихонько, какъ-бы страшно боясь, чтобы *не подглядѣли* за нимъ, *отворялъ* двери, *выходилъ* на лѣстницу и *слушалъ* внизъ, въ нижнія комнаты, какъ *шевелился* и *похаживалъ* тамъ внизу Ѳедоръ Павловичъ, *слушалъ*—подолгу, минутъ по пяти, со страннымъ какимъ-то любопытствомъ, *затаивъ* духъ, съ біеніемъ сердца, а для чего онъ все это *подглядывалъ*, для чего *слушалъ*—конечно, онъ и самъ не *зналъ*. (Тамъ же, ч. II, кн. V, гл. VII).

Г-жа Хохлакова уже три недѣли какъ *прихварывала:* у ней отчего-то *вспухла* нога... (Тамъ же, ч. IV, кн. XI, гл. II).

Когда Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ... кончилъ совсѣмъ для себя неожиданно тѣмъ, что влюбился въ нее (Грушеньку) безъ памяти, и какъ-бы даже умъ потерялъ, то старикъ Самсоновъ, уже дышавшій въ то время на ладонъ, сильно *подсмѣивался*. (Тамъ-же, ч. III, кн. VII, гл. III).

На замокъ запремся: онъ на счетахъ *постукиваетъ*, а я сижу—въ книги вписываю... (Тамъ же).

— Батюшки, ничего не знаю, голубчикъ Дмитрій Ѳедоровичъ, ничего не знаю, хоть убейте ничего не знаю, —*заклялась*—*забожилась* Ѳеня... (Тамъ же. ч. III, кн. VIII,гл. III).

По широкой... дорогѣ, слегка *погромыхивая* рессорами,

шибкою рысью ѣхала... коляска... (*Л. Н. Толстой*, „Война и Миръ“, т. I, ч. I, гл. XXX).

Князь Багратіонъ *пріостановилъ* свою лошадь и, узнавъ князя Андрея, *кивнулъ* ему головой. (Тамъ же, т. I, ч. II, гл. XVII).

Круши, ребята! *приговаривалъ* онъ, и самъ *подхватывалъ* орудія за колеса и *вывинчивалъ* винты. (Тамъ же, т. I, ч. II, гл. XX).

...онъ *испыталъ* чувство нѣжности и восторга, подобнаго которому онъ еще не *испытывалъ*. (Тамъ же, т. I, ч. III. гл. VIII).

Онъ *похаживалъ* передъ фронтомъ, и, *похаживая*, *подрагивалъ* на каждомъ шагу, слегка изгибаясь спиною. (Тамъ же, т. I, ч. II, гл. I).

Лошади заложены и выражаютъ свое нетерпѣніе, изрѣдка *побряхивая* бубенчиками. (*Л. Н. Толстой*, „Отрочество“, гл. I).

ГЛАВА IV.

Существительное и прилагательное въ сказуемомъ и ихъ замѣна несогласуемыми частями предложенія.

§ 12. „Творительный предикативный“. — Мы уже знаемъ, что существительныя и прилагательныя въ современномъ русскомъ, какъ и въ старину, выступаютъ въ качествѣ предикативнаго аттрибута, образуя, вмѣстѣ съ глаголомъ-связкою, составное сказуемое. Въ этой роли они, согласуясь съ подлежащимъ, по необходимости принимаютъ форму *именительнаго падежа*. Поэтому, они и называются обыкновенно *„вторыми именительными“* (первый именительный—подлежащее), и весь оборотъ извѣстенъ подъ именемъ „оборота со вторымъ именительнымъ“. Таковы напр.: „онъ (есть) писатель“,—„онъ былъ счастливъ“,—„она—пѣвица“,—„я—боленъ“,—„онъ все это время былъ здоровъ“ и т. п., гдѣ *пи-*

сатель, счастливъ, пѣвица, боленъ, здоровъ являются вторыми именительными, а *(есть) былъ*—связки.—

Но употребленіе этихъ формъ, унаслѣдованныхъ отъ глубокой старины, значительно ограничено въ современномъ русскомъ тѣмъ, что во многихъ случаяхъ вмѣсто второго именительнаго ставится *творительный*. Напр., „онъ былъ *купцомъ*“. Этимъ нарушается согласованіе предикативнаго аттрибута съ подлежащимъ, вслѣдствіе чего уже нельзя смотрѣть на эту форму (творит. п.), какъ на часть, входящую въ составъ сказуемаго. Становясь частью предложенія, несогласуемою съ подлежащимъ, предикативный аттрибутъ тѣмъ самымъ перестаетъ быть аттрибутомъ и превращается въ родъ *дополненія* и, какъ всѣ дополненія (относящіяся къ сказуемому), уже не входитъ въ составъ сказуемаго, а только состоитъ при немъ. Другимъ слѣдствіемъ этой перемѣны является превращеніе связки въ самостоятельное, простое глагольное сказуемое: разъ нѣтъ второй части сказуемаго (т.-е. нѣтъ второго именительнаго), то первая часть сказуемаго—связка—по необходимости перестаетъ быть связкою и становится настоящимъ глагольнымъ сказуемымъ.—

Творительный („онъ былъ *купцомъ*“), ставшій на мѣсто второго именительнаго („онъ былъ *купецъ*“), обыкновенно называется „творительнымъ *предикативнымъ*“. Это названіе не вполнѣ точно въ томъ смыслѣ, что данная форма (творительный) не входитъ въ предикатъ (въ сказуемое); но оно отчасти оправдывается тѣмъ, что, замѣнивъ собою вторую часть сказуемаго, творительный взялъ на себя предикативную обязанность второго именительнаго [1]).

Итакъ, синтактическое различіе между двумя оборотами 1) „онъ былъ *купецъ*“ и 2) „онъ былъ *купцомъ*“ сводится къ слѣдующему: въ первомъ—сказуемое составное изъ глагола-связки „былъ“ и предикат. аттрибута (второго именительнаго) „купецъ“,—во второмъ же—сказуемое простое „былъ“ (какъ въ „былъ дома“), а творительный „купцомъ“ образуетъ родъ дополненія.

[2]) Ср. у Потебни („Изъ зап. по р. гр“, т. I, стр. 499).

Прежде чѣмъ выяснимъ происхожденіе, смыслъ и синтактическое значеніе оборота съ творительнымъ, познакомимся сперва съ его употребленіемъ, т.-е. сдѣлаемъ общій обзоръ различныхъ формъ этого оборота. При этомъ будемъ имѣть въ виду и соотвѣтственныя формы со вторымъ именительнымъ, какъ тѣ, которыя существуютъ въ современномъ русскомъ, такъ и тѣ, которыя уже вышли изъ употребленія.

Различаются слѣдующія разновидности оборота.

1) Съ отвлеченнымъ „быть“; въ оборотѣ со вторымъ именительнымъ этотъ глаголъ образуетъ отвлеченную связку; съ переходомъ въ оборотъ съ творительнымъ, отвлеченная связка превращается въ отвлеченный глаголъ „существительный“.

Здѣсь мы имѣемъ слѣдующія формы.

Со вторымъ именительнымъ.	Съ творительн. предикативнымъ.
а) Съ *существительнымъ*.	а) *съ существительнымъ*.
Утвердительные.	*Утвердительные.*
Онъ (есть) купецъ.	Нѣтъ (но есть въ польскомъ).
Онъ былъ купецъ.	Онъ былъ купцомъ.
Онъ будетъ чиновникъ.	Онъ будетъ чиновникомъ.
	Уже въ стар.-русс.: бяше была черницею (Лавр. п. 977 г).
Отрицательные.	*Отрицательные.*
Онъ не (есть) купецъ.	Нѣтъ (но есть въ польскомъ).
Онъ не былъ купецъ.	Онъ не былъ купцомъ.
	„Она не была музыкантшей“ (*Тург.* „Дымъ“, VII).
Онъ не будетъ чиновникъ.	Онъ не будетъ чиновникомъ.
б) *Съ прилагательнымъ.*	б) *Съ прилагательнымъ.*
Утвердительные.	*Утвердительные.*
Онъ (есть) теперь боленъ.	Нѣтъ.
„Поразительны, истинно поразительны *были ея глаза* (*Тург.* „Дымъ“, VII).	Возможно, но не такъ употребительно, какъ при существ:
Онъ былъ (будетъ) боленъ.	Дастъ Богъ, ты будешь здоровымъ, сильнымъ.
„*Состояніе Литвинова было* порядочное“ (*Тург.*, „Дымъ“)	Напротивъ, творит. обязателенъ въ соединеніи *съ инфинитивомъ*.

Желаю тебѣ быть здоровымъ, —ему суждено быть счастливымъ [1]).

„Какъ же мнѣ дѣвицѣ веселою-*то быть*?“ [1]).

(„Великор. пѣсни“ *Собол.*, II, № 27).

Отрицательные.

Онъ уже не (*есть*) боленъ
Онъ не будетъ красивъ.
Онъ не былъ боленъ.

Отрицательные.

Нѣтъ.

Употребительнѣе, чѣмъ въ утвердительныхъ:

Онъ не будетъ здоровымъ.

Обязательно въ соединеніи съ *инфинитивомъ*:

Не бывать мнѣ здоровымъ, веселымъ.

Итакъ, въ современномъ русскомъ оборотъ съ отвлеченною связкою и вторымъ именительнымъ не переходитъ въ оборотъ съ творительнымъ предикативнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда глаголъ-связка (большею частью опускающійся) представляетъ собою настоящее время *(есть, суть)*. Это относится одинаково какъ къ обороту съ существительнымъ, такъ и съ прилагательнымъ,—какъ—къ утвердительнымъ, такъ и отрицательнымъ. При глаголѣ—связкѣ въ прошедш. и будущ. вр. переходъ второго именительнаго въ творительный вполнѣ возможенъ (и часто обязателенъ) въ оборотахъ съ существительнымъ и возможенъ, хотя и не столь распространенъ, въ оборотахъ съ прилагательнымъ.

2) Съ полуотвлеченною связкою, которая сохраняетъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, свое конкретное значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ является замѣною отвлеченной, иногда же сохраняетъ полную конкретность. Глаголы, выступающіе въ этой роли, суть: *сидѣть, лежать, стоять, итти, являться, стать, сдѣлаться, оказаться, очутиться* и нѣк.

---

[1]) Надо оговориться, что въ этихъ случаяхъ (съ инфинитивомъ) творительный явился замѣною не именительнаго, а дательнаго.

друг.—Съ появленіемъ творительнаго связка превращается въ самостоятельное сказуемое.

Со вторымъ именительнымъ.	*Съ творительн. предикат.*
Глаголъ *сидѣть съ существ.*	Глаг. *сидѣть* съ существ.
Нѣтъ; но было въ старомъ русскомъ и въ церк-слав, напр. КѢНѦГЫНИ *сѣде* вѣдова	*Она уже 10 лѣтъ сидитъ* вдовою.
	„*Хошь замужъ иди, хошь* вдовой *сиди*“ (Русс. был., изд. Тихонр. и Милл., 78).
	Онъ 20 лѣтъ просидѣлъ столоначальникомъ.
	Уже въ стар. русс: преставися княгыни... *сѣдѣвши* по князи *вдовою* лѣтъ 40 (Ип. л.) [1]).
Глаг. *сидѣть съ прилагат.*	*Глаг. сидѣть съ прилагат.*
Онъ весь вечеръ просидѣлъ грустный, молчаливый...	Встрѣчается сравнительно рѣдко.
„*Что же ты, дѣвушка,* не весела *сидишь*?“ (Великор. пѣсни, Соболев II, № 37).	„*Онъ сидѣлъ* такимъ сердитымъ, что...“; но за то весьма употребительна замѣна прилагательнаго нарѣчьемъ, о чемъ будетъ рѣчь ниже [2]).
„Да чего ты *грустенъ сидишь*..?“ (*Дост.*, „Бр. Карам.“, ч. III, кн. VII, гл. III) —	
Глаг. лежать и стоять съ прилаг.	*Глаг. лежать и стоять съ прилаг.*
Онъ лежитъ пьяный.	
„Строгость на тебѣ не велика лежитъ“ (Изъ письма Н. А. Добролюбова къ сестрѣ. „Матеріалы для біографіи Н. А. Д-ва, стр. 365).	
Въ ст.-р.: *Угри же лежахуть* пьяни, *яко мертви* (Лавр. п. 1151).	
Онъ лежитъ больной.	
Она стояла блѣдная...	
Стоитъ Машенька заплакана (Великор. пѣсни, Соб. II, № 67).	Нѣтъ.
Что же ты, ивушка, незелена *стоишь*?	(Или, если и встрѣчается, то рѣдко и не хорошо звучитъ).
(Тамъ же, II, № 37).	

[1]) Примѣръ взятъ у *Потебни*, Изъ зап. по русс. гр., т. I, стр. 504.

[2]) Съ инфинитивомъ обязателенъ творительный: „для того и разрядилась, чтобъ *готовой* сидѣть“ (Дост., „Бр. Карам.“, ч. III, кн. VII, гл. III).—

Морозы стояли жестокіе.
„*Погода стояла* прелестная“.
(*Тург.*, „Дымъ“, I) [1]).

Гл являться *съ сущ. и прилаг.*
Нѣтъ.
Но въ стар.-русск.: (епископъ Лука)... побѣдникъ *явися противнымъ его* (діавола) *стрѣлами* . (Лавр. л. п 1185 г)

Гл являться *съ сущ. и прилаг.*
Это событіе *является знаменіемъ* времени.
Это извѣстіе *является* для меня *неожиданнымъ, страннымъ*...

Гл. стать, становиться *съ сущ.*
(Стар. русск. *быхъ, бы, бысть* ..)
Уже выходитъ изъ употребленія, т-е. воспринимается какъ оборотъ неловкій, неудобный.
„*Шаховской сталъ посредственный* стихотворецъ“ (*Пушк.*) [2]).
„*Ужъ я стала у него* и свинья, и дура... (*Фонвиз.*) [2]).
Но въ старомъ языкѣ обычно: *Бысть мнихъ* (1-ая Новгор. л. п. 1204 г.)—сталъ монахомъ.

Гл стать, становиться *съ сущ.*
Онъ *сталъ* баріномъ .. *чиновникомъ* .. *купцомъ*...
Шаховской *сталъ посредственнымъ стихотворцемъ*.
Онъ *становится повѣсою*.

Тѣ же съ прилагательнымъ.
Еще въ ходу·
Онъ сталъ богатъ.
Но разговоръ въ другой комнатѣ *становился* горячъ (Пушкинъ, „Арапъ П. В.“, VI.)
Но какъ несказанно великолѣпенъ и ясенъ *становится* день, когда... (Тург., „Лѣсъ и степь“).
„.. *увѣряла его, что она теперь совсѣмъ* другая стала...“ (*Тург.*, „Дымъ“, VII).

Тѣ же съ прилагательнымъ.
Онъ *сталъ богатымъ*.

... *стала другою*..
Ты *становишься злымъ*.

---

[1]) „Стоять“, какъ замѣна „быть“, но съ удержаніемъ и конкретнаго значенія:... стоялъ вороный конь, трои сутки *не кормленный былъ*. Недѣлюшку *не поенъ стоялъ* (*Собол.* Великор нар. пѣсни I, № 130).

[2]) Примѣръ взятъ у *Потебни*, „Изъ зап. по р. гр.“, I, стр. 511.

Ирина стала *вдругъ* повадлива, *какъ овечка*, мягка, *какъ шелкъ*, *и безконечно* добра" (Тамъ же).

Гл сдѣлаться *съ сущ. и прилаг.*

Съ сущ. еще возможно, но малоупотребительно:

„*Сдѣлалась моя Матрена ни* пава, *ни* ворона" (*Крыл.*) [1]).

„*Такой* (я) дуракъ *теперь сдѣлался, какимъ еще никогда не бывалъ*" (*Гог.*) [1]).

Съ прилаг. еще въ ходу:

Онъ сдѣлался богатъ...

Гл остаться, оставаться *съ сущ. и прилаг.*

Съ сущ. выходитъ изъ употребленія, съ прилаг. еще обычно:

Онъ остался голъ, *какъ соколъ*.

Онъ остался такой же смѣлый *и* бойкій, *какъ и былъ*.

Глаголы оказаться и очутиться.

Еще возможно при первомъ:

Онъ оказался нахалъ.

Онъ оказался смѣлъ.

При второмъ—нѣтъ.

Гл. сдѣлаться *съ сущ. и прилаг.*

Онъ *сдѣлался купцомъ*.

Онъ *сдѣлался богатымъ*.

Онъ сдѣлался *такимъ добрымъ*..

Гл. остаться, оставаться *съ сущ. и прилаг.*

Съ сущ.: „... расположеніе ея къ Литвинову *оставалось тайной* не долго" (*Тург.*, „Дымъ", VII).

Онъ *остался* такимъ же *смѣлымъ*, какъ и былъ.

Глаголы оказаться и очутиться.

Онъ *оказался нахаломъ... смѣлымъ*...

„Наконецъ послѣдняя дочь, остававшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ *очутился* одинъ *сторожемъ*, *хранителемъ* и *владѣтелемъ* своихъ богатствъ" (*Гоголь*, „Мертвыя Души", VI).

Въ старомъ русскомъ, а также и теперь—въ народномъ языкѣ мы встрѣчаемъ, въ той же роли полуотвлеченной связки, глаголъ *жить* (со вторымъ именительнымъ); „деньга *покатна живетъ*", „старъ да малъ дважды *глупъ живетъ*".

Изъ сдѣланнаго нами обзора видно, что при глаголахъ этого рода (полуотвлеченныхъ) *второй именительный существительнаго въ современномъ русскомъ уже почти совсѣмъ не употребляется, и творительный предикативный здѣсь обяза-*

[1]) Примѣръ взятъ у *Потебни*, „Изъ зап. по р. гр.", I, стр. 511.

теснъ; но второй именительный прилагательнаго еще удерживается, именно при глаголахъ *сидѣть, лежать, стоять, итти, такъ что его замѣна творительнымъ здѣсь частью невозможна, частью неудобна; при другихъ глаголахъ, какъ стать, сдѣлаться, въ ходу объ формы* (со вторымъ именительнымъ и съ творительнымъ); наконецъ при глаголѣ *являться* возможенъ только творительный предикативный.

3) Съ знаменательною связкою, въ роли которой выступаютъ глаголы со значеніями: *слыть, казаться, представляться, именоваться, называться;* съ появленіемъ творительнаго, эти глаголы становятся простыми сказуемыми.

Со вторымъ именительнымъ.	*Съ творительнымъ предикат.*
Гл. слыть *съ сущ. и прилаг.*	*Гл.* слыть *съ сущ. и прилаг.*
Нѣтъ; но было въ старомъ русск.;... *еже море словеть* Руское (Лавр. л.).	*Онъ слыветъ* чудакомъ. *Онъ слыветъ* богатымъ.
Гл. казаться *съ сущ.*	*Гл.* казаться *съ сущ.*
Малоупотребительно, нехорошо звучитъ: „*она казалась хладный* идеалъ *тщеславія*“. (*Пушк.*)[1]).	*Онъ кажется великаномъ. Она казалась холоднымъ* идеаломъ *тщеславія.*
Гл. казаться *съ прилаг.*	*Гл.* казаться *съ прилаг.*
Еще употребляется: „*Деревня показалась ему довольно* велика...“ (*Гог.*, „Мертвыя Души“, V). *Онъ казался* уменъ.	*Это мнѣ кажется* страннымъ „... *Онъ ему... показался* похожимъ *на средней величины медвѣдя...*“. (*Гог.*, „Мертвыя Души“, V). *Онъ казался* умнымъ.
Гл. представляться.	*Гл.* представляться.
Съ сущ. нѣтъ.	*Это дѣло представляется мнѣ* загадкою.
Съ прилаг. еще возможно, но малоупотребительно: *Его отвѣтъ представился мнѣ такъ* дикъ и нелогиченъ, *что...*	*Этотъ вопросъ представляется* спорнымъ, труднымъ.. *Его отвѣтъ представляется мнѣ* такимъ дикимъ...
Гл. называться.	*Гл.* называться.
Съ сущ. Столица Франціи называется Парижъ.	*Столица Франціи называется* Парижемъ.

[1]) Примѣръ взятъ у *Потебни*, „Изъ зап. по р. гр.“, т. I, стр. 511.

Въ стар.-русск.: *друзии... съдоша...* и *нарѣкошася* Сѣверъ. (Лавр. л.).	Уже въ стар.-русск.: ... *прозвашася* Русью. (Лавр. п. 898 г.).
Съ прилаг. нѣтъ.	*Это выраженіе называется* дерзкимъ. *Такой оборотъ рѣчи называется* архаическимъ.

Мы видимъ, стало быть, что, при указанныхъ глаголахъ, второй именительный существительныхъ почти совсѣмъ вышелъ изъ употребленія, кромѣ оборота съ глаголомъ *называться;* второй именительный прилагательныхъ (всегда въ именной формѣ), изрѣдка еще встрѣчается при глаголахъ *„казаться“* и *„представляться“*, но оборотъ съ творительнымъ гораздо популярнѣе. Творительный предикативный получилъ здѣсь почти полное господство.

4) Вторые именительные существительныхъ употреблялись въ стар.-русскомъ при глаголахъ вполнѣ знаменательныхъ, игравшихъ лишь формальную роль связки (такъ-называемая „мнимая связка“), каковы страдательные *„есть наречень“*, *„есть избранъ“*, *„есть поставленъ“* (на должность) и т. д. *Въ этихъ и подобныхъ случаяхъ въ современномъ языкѣ требуется оборотъ съ творительнымъ предикативнымъ* (или же съ другимъ дополненіемъ),—*а второй именительный уже невозможенъ.* Замѣна именительнаго творительнымъ весьма нерѣдко встрѣчается уже въ старомъ языкѣ.

Старый оборотъ со вторымъ именительнымъ.	*Современный оборотъ съ творительнымъ предикативнымъ.*
... *наречень бысть* въ святомъ крещеніи *Гаврило.* (Лавр. п. 1196 г.) ... и *наречень бысть* въ святомъ крещеніи *Іоанъ.* (Лавр. п. 1198 г.).	*Названъ былъ Іоанномъ.*
	Онъ *избранъ городскимъ головою* (или: избранъ *въ городскіе головы*).
	Онъ *поставленъ надзирателемъ.*
	N *назначенъ директоромъ...*
	Такъ же въ стар.-русск.: *поставленъ бысть митрополитомъ...* Кирилъ... (Лавр. 1224 г.).
	Поставленъ бысть епископомъ... черноризецъ... Кирилъ. (Лавр. 1216 г.).

5) Такъ же точно, *въ современномъ общерусскомъ, вторые именительные существительныхъ невозможны и замѣняются творительнымъ предикативнымъ* при глаголахъ *сидѣть* (въ конкретномъ значеніи), *служить* (*состоять на службѣ*, а также и въ переносномъ значеніи, напр. „служить средствомъ, цѣлью“), *состоять* (на службѣ), *жить* (при вопросѣ: какъ?), *итти* (въ конкретномъ смыслѣ), *отправиться, умереть* и др. Изрѣдка встрѣчаются при нѣкоторыхъ изъ этихъ глаголовъ вторые именительные *прилагательныхъ*, а въ народномъ языкѣ — и существительныхъ, при чемъ и то, и другое звучитъ архаизмомъ, кромѣ случаевъ, указанныхъ ниже.

Со вторымъ именительнымъ сущ. въ народномъ языкѣ и со втор. им. прилаг. въ общерусскомъ.

Не *огонь иду*—не бо́жгу.

Не *змѣя плыву* — не бо́клюю... (*Барс. Причит. Съв. Кр.*, I, 53).

У *Достоевскаго*, какъ архаизмъ: Иванъ Карамазовъ говоритъ Смердякову: „я боюсь, что ты *сонъ*, что ты *призракъ* предо мной *сидишь*.. („Бр. Карам.“), ч. IV, кн. XI, гл. VIII).

Хорошъ возвращаюсь я на родину... (*Тург.*, „Двор. Гнѣздо“, XVIII).

„... досада его изливалась въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, которыя, благодаря усердію тамошнихъ дворянъ, *доходили* до Дубровскаго *исправленныя* и *дополненныя*“. (*Пушк.*, „Дубровскій“, гл. II).

Онъ идетъ *пѣшій* [1]).

Онъ ушелъ *послѣдній*.

Онъ упалъ *мертвый*.

Съ творительнымъ предикат.

Онъ *служитъ писцомъ*.

Онъ *состоитъ помощникомъ* управляющаго.

Онъ *живетъ бариномъ* (= какъ баринъ).

Я *пришелъ* къ вамъ *вѣстникомъ*...

Онъ *отправился посланникомъ*..

Онъ *умеръ бѣднякомъ* [1]).

Онъ ушелъ *послѣднимъ*.

Онъ упалъ *мертвымъ* [1]).

---

[1]) Въ стар.-русск. со вторымъ именит: преставися *унъ* (= юнъ) (Ип. л. п. 1178 г.), ...и паде *мертвъ*. (Лавр. п. 1071 г.). Новгородци же ссѣдше с конь и сапозѣ сметавше *боси поскочиша*, а Смолняне

Второй именительный обязателенъ въ современномъ общерусскомъ при этихъ глаголахъ для числит. сущ. *одинъ* и мѣстоим. *самъ: я живу одинъ*,—онъ *шелъ одинъ, служилъ одинъ*, я сдѣлаю это *самъ*, она *сама* напишетъ и т. д. При глаголѣ *расти* также удерживается второй именительный прилагательныхъ: онъ *выросъ большой*, „оттого ты и *выросла такая диконькая*...“ (Добролюб., „Матеріалы“, письмо къ сестрѣ, 365); такъ-же и въ народномъ: „*Выросла больша*“ (*Собол.*, „Великор. пѣсни“, II, № 83). При глаголѣ *родиться* ставится *творительный предикативный:* онъ *родился уродомъ*, — *слѣпымъ*... Но вполнѣ возможенъ и *второй именительный прилагательнаго:* онъ *родился слѣпой;* такъ же и въ народномъ:

Охъ, ты, Дуня, Дуняша,
Зародилась несчастна!
(*Соб.*, „Великор. пѣсн.“, II, № 105).

Числительное-порядковое *первый* при глаголѣ съ вполнѣ конкретнымъ лексич. значеніемъ удерживаетъ форму второго именительнаго: „онъ сѣлъ *первый*“, „она заговорила *первая*“, „мы ушли *первые*“, но возможенъ и творительный.

Изъ обзора всѣхъ 5-ти рубрикъ можно заключить, что *творительный предикативный*, сравнительно со вторымъ именительнымъ, есть *синтактическая форма неархаическаго типа.* Чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ больше формъ со вторымъ именительнымъ, изъ которыхъ многія въ современномъ русскомъ исчезли; вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что творительный предикативный все болѣе распространяется. Этому выводу нисколько не противорѣчитъ то, что обороты съ творительнымъ предикативнымъ встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ. Они стали появляться въ отдѣленной древности, но развивались постепенно; вторые именительные употреблялись рядомъ съ творительными предикативными, но послѣдніе, съ теченіемъ времени, получили преобладаніе и стали вытѣснять или ограничивать форму составного ска-

---

также *поскочиша пѣши*.. (Сузд. л. п. 1216 г)... *я живъ не иду* изъ своеѣ волости. (Лавр. п. 1139 г.).

зуемаго со вторымъ именительнымъ. Въ церковно-славянскомъ оборотъ со вторымъ именительнымъ составляетъ правило, но изрѣдка уже попадается и форма съ творительнымъ предикативнымъ. Такъ напр. въ *Зографскомъ Евангеліи* читаемъ:... да камение се *хлѣби* бѫдѫтъ, и также въ *Маргинскомъ*. рьци камению сему да бѫдетъ *хлѣбъ*, — не о хлѣбѣ единомъ *живъ* бѫдетъ чѣкъ. Но уже встрѣчаются и выраженія въ родѣ: и *сиротоѭ* дѣтишть не бѫдетъ (Супрасльск. рукоп.), т.-е. съ творительнымъ предикативнымъ. — Въ старомъ русскомъ творительный предикативный, на ряду со вторымъ именительнымъ, есть явленіе нерѣдкое. Нѣсколько примѣровъ было приведено выше. Присоединимъ еще слѣдующіе:... и бысть *черницемь* (Лавр. п. 1059 г.), — поставленъ же бысть *попомъ*..., *архепископомъ*... (1-ая Новгор. л. п. 1250 г.), — и самъ *царемъ* ста... (1-ая Новгор. л. п. 1204 г.). А которому княжому человѣку ѣхать на пригородъ *намѣстникомъ*... (безсубъектный оборотъ, предполагающій субъектную форму: и который княжой человѣкъ ѣдетъ на пригородъ *намѣстникомъ*; Псков. Судн. Грам. 1397—1467 г.).

У *Котошихина:* учинился *царемъ*... былъ *царемъ*... и иные такіе жъ воры пролыгався назывался *царевичемъ Димитріемъ*.

Съ теченіемъ времени, когда оборотъ съ творительнымъ предикативнымъ распространился настолько, что сдѣлался одною изъ обычныхъ и излюбленныхъ синтактическихъ формъ,—въ распоряженіи языка оказалось двѣ формы (1, со втор. имен. и 2, съ твор. предик.), которыя отличались одна отъ другой сперва только формально-синтактически (одна — состав. сказуемое, другая простое), по смыслу же, по матеріальному содержанію фразы, были равнозначны: „онъ былъ купецъ“ значило (говорило) то же, что и „онъ былъ купцомъ“. Тогда-то и случилось здѣсь то, что всегда случается, когда въ языкѣ оказываются двѣ равнозначныя формы: одна изъ нихъ была примѣнена къ выраженію одного оттѣнка, другая— къ выраженію другого. А именно оборотъ со вторымъ именительнымъ сталъ выражать по преимуществу тѣ признаки (под-

лежащаго), которыя представляются (правильно или не правильно, это уже другое дѣло) постоянною, характерною, необходимою, обычною и т. д. принадлежностью подлежащаго: напротивъ оборотъ съ творит. предикативнымъ былъ приспособленъ къ обозначенію того, что представляется непостояннымъ, нехарактернымъ, измѣнчивымъ, временнымъ, случайнымъ признакомъ подлежащаго. Такое именно различіе по смыслу и по синтактическому приспособленію и наблюдается въ настоящее время между формами 1) онъ былъ *купецъ* и 2) онъ былъ *купцомъ*. Въ первомъ случаѣ, если даже и не имѣется въ виду утвержденіе, что „онъ не переставалъ быть купцомъ", то, по крайней мѣрѣ, на дальнѣйшее не обращено вниманія,—вопросъ о томъ, „пересталъ ли онъ быть купцомъ, или нѣтъ", остается открытымъ. Во второмъ случаѣ, напротивъ, данъ довольно-ясный намекъ либо на то, что тотъ, о комъ сказано: „онъ былъ *купцомъ*", теперь уже—не купецъ, либо—на то, что это обстоятельство было нехарактернымъ, случайнымъ признакомъ даннаго лица. — Уже неудобно сказать напр.: „Лиръ былъ *королемъ* съ головы до ногъ", — гораздо лучше звучитъ оборотъ: „Лиръ былъ *король* съ головы до ногъ", ибо это—его характеристика, это—черта типичная, вытекающая изъ самой натуры его (хотя фактически онъ и пересталъ быть королемъ).—Равнымъ образомъ, неудобно сказать: „онъ всегда неизмѣнно былъ *добрымъ* ко мнѣ",—гораздо лучше звучитъ: „онъ всегда неизмѣнно былъ *добръ* ко мнѣ", потому что съ творит. предик. (*„добрымъ"*) уже связываются оттѣнки непостоянства, измѣнчивости, случайности и т. д., а эти оттѣнки противорѣчатъ обстоятельствамъ „всегда" и „неизмѣнно". — Съ другой стороны не хорошо звучало бы выраженіе: „онъ казался *добръ*", потому что лексическое значеніе глагола „казаться" таково, что вызываетъ представленіе чего-то неподлиннаго, ложнаго, внѣшняго, не соотвѣтствующаго дѣйствительности, а это не ладитъ со вторымъ именительнымъ (*„добръ"*) и, напротивъ, прекрасно оттѣняется творительнымъ предикат. Поэтому, слѣдуетъ сказать: „онъ казался *добрымъ*".—Мы видѣли выше, что глаголы, вы-

ражающіе понятіе *перемѣны, превращенія, возникновенія* требуютъ именно творительнаго предикативнаго, каковы *стать* (кѣмъ, чѣмъ), *явиться, сдѣлаться*, а также и такіе, какъ *слыть, казаться, представляться*, заключающіе въ себѣ оттѣнокъ неподлинности, представленіе *кажущагося, воображаемаго* и т. п.—

Исторически дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ. Первоначально творит. предикативный сталъ появляться преимущественно при такихъ глаголахъ, какъ *стать, сдѣлаться, казаться, быть поставленнымъ* (на должность), *быть избраннымъ, прозываться* или *называться* (получить названіе). Вспомнимъ: бысть *чернцемъ*, — поставленъ бысть *попомъ*, — прозвашася *Русью*. Долго однако при этихъ глаголахъ удерживался и второй именительный; такъ въ старину говорили: *N* бысть *князь* (= сталъ княземъ), а также: онъ *творится правъ* (= считаетъ себя правымъ). Но когда наконецъ творительный предикат. упрочился въ этихъ и подобныхъ выраженіяхъ (съ глаголами *стать, казаться, быть избраннымъ, слыть* и т. д.), вытѣснивъ отсюда второй именительный, *тогда и въ другихъ выраженіяхъ, гдѣ остались обѣ формы (былъ купецъ* и *былъ купцомъ), естественно творительный предикативный получилъ оттѣнки, съ какими онъ по необходимости являлся при глаголахъ „стать“, „сдѣлаться“, „казаться“* и т. д. *А вслѣдствіе этого второму именительному поневолѣ пришлось взять на себя выраженіе противоположныхъ оттѣнковъ — постоянства, необходимости, характерности, существенности признака.* Слѣдов., первоисточникомъ развитія оттѣнковъ, закрѣпленныхъ за обѣими формами, было не что иное, какъ лексическое значеніе тѣхъ глаголовъ („стать“, „казаться“, „сдѣлаться“, „быть избраннымъ“ и пр.), при которыхъ творительный предикативный появился раньше и употреблялся чаще, а потомъ сталъ употребляться почти исключительно.

Итакъ, раздѣленіе синтактическихъ значеній здѣсь—явленіе вторичное, позднѣйшее. Оно *слѣдствіе* того факта, что въ языкѣ оказалось двѣ формы—со втор. имен. и съ творит.

предикат. Новыя значенія и оттѣнки развились въ формахъ, раньше существовавшихъ. Это—обычное, вполнѣ законосообразное явленіе въ языкѣ, состоящее въ томъ, что уже готовыя формы приспособляются къ новымъ потребностямъ мысли.

Изъ двухъ наличныхъ формъ одна (со вторымъ именит.) существовала издревле, другая (съ творит. предик.) появилась позже. Фактъ ея появленія, а еще болѣе—ея развитія и распространенія насчетъ первой, по праву, долженъ быть разсматриваемъ какъ одинъ изъ важныхъ процессовъ въ исторіи языка. Намъ не трудно будетъ уяснить себѣ значеніе и смыслъ этого процесса послѣ того, что мы знаемъ уже, т.-е. послѣ всего, что выше было сказано о развитіи предложенія въ сторону наибольшей глагольности сказуемаго, объ устраненіи именныхъ частей послѣдняго и о превращеніи связки въ настоящій, цѣльный предикатъ. Переходъ отъ второго именительнаго къ творительному предикативному есть одно изъ многихъ проявленій этого общаго движенія синтактическихъ формъ. Смыслъ появленія формъ „былъ купцомъ“, „сталъ княземъ“, рядомъ съ „былъ купецъ“ и вмѣсто „бысть князь“,—тотъ же, что и смыслъ появленія оборота „училъ“ вмѣсто „бѣ уча“, или „сѣлъ княжить“ вмѣсто „сѣде княжа“: вторые именительные (причастій *уча, княжа,* существительныхъ *купецъ, князь*) *устраняются* тѣмъ или инымъ способомъ,—они либо совсѣмъ исчезаютъ изъ фразы безъ замѣны *(„училъ“)*, либо замѣняются несогласуемыми частями предложенія („княжить“, дѣепричастьями, творительнымъ пад.). Въ результатѣ связка превращается въ самостоятельное сказуемое, и съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивается *глагольность* предложенія. *Итакъ, здѣсь мы имѣемъ предъ собою картину эволюціи (развитія) предложенія въ направленіи убыли именныхъ частей сказуемаго, прибыли его глагольности и умноженія несогласуемыхъ частей (дополненій, обстоятельствъ) насчетъ согласуемыхъ (вторыхъ именительныхъ).*

Первый (и старшій) оборотъ „N былъ *купецъ*“ отвѣчаетъ

на вопросъ „*кто* онъ былъ?“ — Второй (и младшій) оборотъ „N былъ *купцомъ*“ отвѣчаетъ на вопросъ „кѣмъ, чѣмъ?“— т.-е. почти на вопросы „какъ?“—„какимъ образомъ?“—„въ качествѣ чего?“ и т. п.

Это вопросы, на которые нужно отвѣчать *дополненіями* и *обстоятельствами*, но отнюдь не именительнымъ падежомъ. Стало быть, перемѣна вопроса означаетъ здѣсь устраненіе именной части сказуемаго и замѣну ея второстепенными частями предложенія—дополненіями и обстоятельствами.

Теперь спросимъ: почему именно появился здѣсь *творительный* падежъ, а не какой-нибудь другой? Прежде всего замѣтимъ, что творительный является здѣсь вовсе не исключительно, а только гораздо чаще другихъ падежей. Такъ, старинное „N иде *солъ*“ [N пошелъ (отправился) посломъ] превратилось сперва въ „N иде *ломъ*“, а теперь является въ двухъ видахъ: 1) отправился *посломъ* и 2) отправился *въ качествѣ посла*. Рядомъ съ „избранъ чѣмъ“ въ-ходу форма „избранъ во что“ (въ городскіе головы). Далѣе, мы имѣемъ оборотъ: „произведенъ въ *офицеры*“ (гдѣ творительный предикативный не употребляется). Такіе случаи показываютъ намъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ общимъ движеніемъ языка въ сторону замѣны второго именительнаго косвенными падежами, въ ряду которыхъ наибольшее распространеніе получилъ творительный. Нашъ вопросъ, стало быть, долженъ гласить такъ: нельзя ли опредѣлить ту причину, которая обусловила это предпочтеніе творительнаго падежа другимъ?

Эту причину приходится видѣть во вліяніи (въ аналогіи) другихъ оборотовъ съ творительнымъ, именно съ творительнымъ образа дѣйствія и сравненія. Нѣкоторые изъ такихъ оборотовъ, по смыслу, весьма близко подходятъ къ обороту съ творительнымъ предикативнымъ. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ: „Игорь *соколомъ* полетѣ“ („Сл. о полку Игор.“): „у дороги *бѣлымъ камнемъ* осталась Марья царевна [1]), — конь

[1]) Эти два примѣра взяты у *Потебни*, „Изъ зап. по русск. граммат.“ т. I, 500.

мчится *вихремъ*“,—„горе легло на душу *тяжелымъ камнемъ*“ (это *творительные сравненія*,—кромѣ „бѣлымъ камнемъ“: послѣднее есть *творительный превращенія*),—„онъ держалъ себя *молодцомъ*“, „ходитъ *франтомъ*“, „смотритъ *букой*“ и т. д. (*творительные образа дѣйствія*). Одни изъ такихъ выраженій приближаются въ большей или меньшей мѣрѣ къ значенію оборота съ творительнымъ предикативнымъ, другія же незамѣтно переходятъ въ него (какъ напр. „ходитъ франтомъ“, гдѣ творительный „франтомъ“ можетъ быть понятъ также—какъ творительный предикативный). Приведемъ еще:

Нонь-ко крадци пришла скорая смеретушка,
Пробралась въ наше хоромное строеньице,
По пути она летѣла *черным* *вороном*,
Ко крылечку прилетѣла *малой* *пташечкой*,
Въ окошечко влетѣла *сизым* *голубком*...
(*Барс.*, „Причит. Сѣв. Кр.“ I, 167).

Каждой день да такъ кручинушка скопилася,
Словно *камышком* въ сердечушко садилася...
(Тамъ же, I, 185).

Хоть чистымъ полюшкомъ лети ты да *черным* *вороном*,
Ко селу лети вѣдь ты да *ясным* *соколом*,
Ко крылечушку скачи ты да *сѣрым* *заюшком*,
По крылечику бѣги ты да *горностаюшком*...
(Тамъ же, I, 218).

Казанка-рѣчка *медом* протекла,
А малы ручьи *зеленым* *вином*.
(*Соб.*, „Великорусск. пѣсни“, I, 307).

„Подведите мнѣ лошадь... Подставьте мнѣ руку. Вотъ такъ. Я не тяжела“. Она *птицей* взвилась на сѣдло. (*Тург.* „Вешн. воды“, XLII).

Словно вспыхнула *пожаром*, словно *грозовою тучею* налетѣла любовь. (*Тург.* „Дымъ“, VII).

И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться—памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей...

(*Лерм.*, „Первое Янв.“).

Смыслъ оборота опредѣляется вопросами: „какъ? какимъ образомъ? въ видѣ чего? въ какой формѣ? въ какомъ состояніи? подобно чему?“ Такъ „летѣть соколомъ“ значитъ либо „летѣть въ видѣ сокола“ (превратившись въ него), либо „летѣть такъ, какъ летитъ соколъ“. Въ первомъ случаѣ это—творительный превращенія, во второмъ это — творительный сравненія,—и оба должны быть отличаемы отъ творительнаго предикативнаго. Различіе это весьма явственно ощущается въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло съ творительнымъ предикативнымъ *при отвлеченномъ или полуотвлеченномъ глаголѣ*, напр. въ „былъ *купцомъ*“, „будетъ *офицеромъ*“, „сталъ *княземъ*“, „сидѣла *вдовою*“; но оно болѣе или менѣе стушевывается въ оборотахъ съ глаголомъ знаменательнымъ, какъ напр. „умеръ бѣднякомъ“, „жилъ бариномъ“. Надо думать, что древнѣйшіе случаи, первые всходы оборота съ творительнымъ предикативнымъ были сперва оборотами съ творительными образа дѣйствія, превращенія и сравненія. Такъ напр. творительный „*сокомъ*“ во фразѣ „плъти твоѩ *сокомъ* сѧ сътворѧтъ“ [твоя плоть (поставлено во множественномъ, какъ мы говоримъ „тѣлеса“) сдѣлается сокомъ — caro tua fiet succus] [1]) (Супр. р.) *сперва могъ быть понимаемъ просто какъ творительный превращенія.* Новый оттѣнокъ, — тотъ, который мы связываемъ съ творительнымъ предикативнымъ, проникъ въ обороты этого типа въ силу того, что они становились на мѣсто оборота со вторымъ именительнымъ, гдѣ глаголъ есть связка и *ощущеніе предицирующаго движенія мысли распространяется на вторую, именную часть сказуемаго.* Этотъ процессъ—преобразованія творительныхъ превращенія, сравненія и образа дѣйствія въ творительные предикативные пошелъ

[1]) Примѣръ взятъ у *Миклошича.* Vergl. Syntax der Slav. Spr. 730.

быстро впередъ тогда, когда первые стали проникать въ обороты съ глаголами полуотвлеченными и отвлеченными, гдѣ ощущеніе предикативности, связанное со вторымъ именительнымъ, проявляется сильнѣе, ярче, отчетливѣе, чѣмъ при глаголахъ знаменательныхъ.

Развитію творительнаго предикативнаго много содѣйствовало параллельное развитіе другого оборота, именно съ *творительнымъ, замѣнившимъ второй винительный* при глаголахъ *звать, называть, именовать, сдѣлать (чѣмъ), поставить (чѣмъ), избрать* и т. п. Болѣе древняя форма, несомнѣнно, та, въ которой находимъ второй винительный (какъ это наблюдается въ другихъ родственныхъ языкахъ, греческомъ, латинскомъ, санскритскомъ и др.), напр. „поставиша Ѳеоктиста *епископа* Чернигову“ (1-я Новг. л.); вы есте нарекли мя во своемъ племени... *старѣйшаго* (Ип. п. 1195 г.). Творительный, ставшій на мѣсто этого „второго винительнаго“, встрѣчается весьма нерѣдко въ старыхъ памятникахъ, напр., поставиша Дионисья *игуменомъ* (1-я Новг. л.), постави Ярославъ Ларіона *митрополитомъ*... (Лавр. п. 1051 г.), и *отцемъ* мя назвалъ, и язъ его *сыномъ* (Ип. л.) [1]). Можно предположить, что первоначально это были разновидности *творительнаго превращенія* (при „поставить“, „избрать“, „сдѣлать“—чѣмъ) и *творительнаго орудія* (при „называть“, „именовать“). Это видно, между прочимъ, изъ того, что въ старомъ русскомъ мы находимъ такой творительный только взамѣнъ второго винительнаго *существительныхъ, а не прилагательныхъ*.

Итакъ, мы находимъ уже въ старину съ одной стороны 1) обороты со вторымъ винительнымъ („постави такого-то *епископа*“) и съ творительнымъ („постави *епископомъ*“), а съ другой обороты 2) со вторымъ именительнымъ („N поставленъ есть *епископъ*“) и—съ творительнымъ предикативнымъ („N поставленъ есть *епископомъ*“). Между этими двумя разрядами съ самаго начала должны были установиться тѣсныя

[1]) Эти три примѣра взяты у *Потебни*, „Изъ зап. по русск. грамм.“, I, стр. 508. Вотъ еще: ... *отцемъ* мя имѣти почнеть... язъ и (его) *сыномъ* имѣю себѣ... (Ипат. п. 1195 г.).

связи и взаимоотношенія. Ихъ связывало единство лексическихъ значеній глаголовъ (*называть* и *называться, сдѣлать* и *сдѣлаться, избрать* и *быть избраннымъ, поставить* и *быть поставленнымъ*), а также и вторженіе творительнаго. Въ языкѣ аналогичные или параллельные процессы всегда помогаютъ другъ другу. Распространеніе формъ съ творительнымъ предикативнымъ, въ особенности при глаголахъ *слыть, называться, быть поставленнымъ (избраннымъ), сдѣлаться, стать* и т. п., пошло тѣмъ быстрѣе, что одновременно развивались и аналогичныя формы съ творительнымъ, заступившимъ мѣсто второго винительнаго при переходныхъ глаголахъ тѣхъ же лексическихъ значеній (называть, сдѣлать, поставить, избрать и пр.).

Въ заключеніе постараемся уяснить себѣ, какъ слѣдуетъ понимать *прилагательное* въ формѣ творительнаго предикативнаго.

Если творительный предик. *существительнаго* („онъ былъ *купцомъ*“), безъ всякихъ затрудненій, можетъ быть понятъ, *какъ дополненіе*, то о прилагательномъ этого сказать нельзя: здѣсь возникаетъ затрудненіе, состоящее въ томъ, что, вѣдь, прилагательное, пока оно остается прилагательнымъ, пока оно не перешло въ родъ существительнаго, дополненіемъ быть не можетъ. Приходится, стало быть, предположить, что прилагательное въ оборотѣ съ творит. предик. („этотъ поступокъ кажется мнѣ *неправильнымъ*“, „люди часто оказываются *неблагодарными*“, „нужно быть *вѣжливымъ*“, „ваши слова представляются мнѣ *странными*“) въ извѣстной мѣрѣ приближается къ существительному. Необходимо опредѣлить степень этого приближенія.

Разумѣется, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ тѣмъ типомъ— *настоящихъ существительныхъ, возникшихъ изъ прилагательныхъ*, образчиками котораго служатъ напр. слова „портной“, „городовой“, „столовая“, „гостинная“, „вечерня“ и др. (см. ниже, § 14). Но есть и другой типъ, представляющій собою продолженіе или преобразованіе архаическихъ прилагательныхъ, которыя, не совпадая съ существительными, были очень

близки къ нимъ. Сюда принадлежатъ выраженія: „не *по́-хорошу* милъ, а *по́-милу* хорошъ“, „безъ *малаго*“ (напр. „*безъ малаго* сто“) „*лишнее*“, „*съ лишнимъ*“ (напр. „это—*лишнее*“, гдѣ „лишнее“ сбивается на представленіе: „нѣчто лишнее“; „сто *съ лишнимъ*“), *по-моему, по-твоему, по-нашему, по-вашему, по-вчерашнему, по-умному, по-глупому, всякое, всяко* („всяко бываетъ“, гдѣ, впрочемъ, „всяко“ колеблется между существительнымъ этого типа и нарѣчьемъ), *такое* (напр. „*такое* и въ голову мнѣ не прійдетъ“), *разное* („говорятъ о васъ *разное* ..“), *многое*, и т. п.

Всѣ эти существительныя изъ прилагательныхъ—*средняго рода*. Но есть формы мужескаго и женскаго рода, хотя бы, напр., *мѣстоименія — прилагат. въ роли существительныхъ: всякій, всякая, каждый, такой* — въ выраженіяхъ: „*всякій* знаетъ...“, „*каждая* изъ нихъ...“, „*такой* не пропадетъ!“; далѣе: *сытый, голодный, бѣдный, богатый* въ предложеніяхъ: „*сытый голоднаго* не разумѣетъ“, „*богатый* не думаетъ о *бѣдномъ*“ и т. п.

Такъ вотъ, я полагаю, что къ этому-то типу и примыкаютъ въ большей или меньшей мѣрѣ и наши прилагательныя въ роли творительнаго предикативнаго.

Ближе подходитъ къ существительному (типа „лишнее“, „безъ малаго“, „такое“, „разное“ и др.) творительный предик. прилагательнаго въ оборотахъ, гдѣ подлежащее выражено мѣстоименіемъ или прилагательнымъ (въ роли существ.) *въ среднемъ родѣ*“, напр. *это* кажется *страннымъ*“, „все, *что́* оказывается *ошибочнымъ*...“, „*многое* осталось *невыясненнымъ*“, „*невѣроятное* часто оказывается *возможнымъ*“ и т. п.

Дальше отстоятъ отъ существительнаго творительные предикат. прилагательныхъ въ другихъ случаяхъ, гдѣ подлежащее выражено настоящими существительными, въ томъ числѣ и мѣстоименіями—сущ., напр. „дѣло становится *запутаннымъ*“, „вопросъ представляется *неумѣстнымъ*“, онъ казался *грустнымъ*“, „она стала *задумчивою*“, ты сталъ *раздражительнымъ*“ и т. д.

Но и здѣсь замѣчается уклонъ въ сторону „субстантиви-

рованія“ прилагательнаго, т.-е. приближеніе его къ существительному. Въ приведенныхъ примѣрахъ творительные „запутаннымъ“, „неумѣстнымъ“, „задумчивою“ и др. — не аттрибуты въ томъ смыслѣ, какъ являются аттрибутами тѣ же прилагательныя, напр., въ выраженіяхъ: „запутанное дѣло“, „неумѣстный вопросъ“ и т. п.; они также не служатъ и *предикативными* аттрибутами, т.-е. частью сказуемаго, какъ въ выраженіяхъ „вопросъ былъ неумѣстенъ“, „она была задумчива“ и т. д. На ряду съ существительными, они выступаютъ здѣсь въ качествѣ *дополненій*, а это оказалось возможнымъ только потому, что эти прилагательныя *уподобляются существительнымъ* [1]).

§ 13. Замѣна прилагательнаго (въ сказуемомъ) нарѣчьемъ (обстоятельственнымъ словомъ).

Выше были указаны нѣкоторые случаи, когда творительный предикативный *прилагательнаго* неупотребителенъ или неудобенъ; въ этихъ случаяхъ зачастую прилагательное можетъ быть замѣнено *нарѣчьемъ* или инымъ обстоятельственнымъ выраженіемъ. Таковы напр.:

Со вторымъ именит.	*Съ нарѣчьемъ.*
Онъ весь вечеръ просидѣлъ *грустный, молчаливый*...	Онъ весь вечеръ *просидѣлъ грустно, молчаливо*...
Онъ живетъ (жилъ) *одинокій, угрюмый*...	Онъ живетъ (жилъ) *одиноко, угрюмо*...
Тамъ табуны его коней Пасутся *вольны, нехранимы*... (*Пушк.* „Полтава“).	Тамъ табуны... пасутся *вольно, безъ охраны*
Упалъ *мертвый*.	Упалъ *замертво*.
Онъ шелъ *пѣшій*.	Онъ шелъ *пѣшкомъ*.
Что идешь ты съ пиру *невеселой*?	Что же ты, дѣвица, *не весело* сидишь...

[1]) О „субстантивированныхъ“ прилагательныхъ см. у *Потебни* „Изъ зап. по р. грамм..., т. II (=ч. III), стр, 59 и сл.—Во французскомъ и нѣмецкомъ прилагательныя превращаются въ существительныя (того же типа) черезъ присоединеніе члена: le bon, le beau, le vrai (не столько — доброта, красота, истина, сколько — „доброе“, „красивое“, „истинное“), der Gute (добрый человѣкъ, добрякъ), der Alte, die Alte (старикъ, старуха, ближе къ малорусск. „стары́й“, „стара́“) и т. п.

И *не веселъ* идешь ты, *не радошенъ*...
(*Барс.* Прич. Сѣв. Края I, 136).

(*Соб.* „Великор., п. II, № 38).

Такіе маневры устраивала она пока только дома, ибо случаи къ этому дома *представлялись частые.*
(*Гл. Успенскій*, „Нравы Растер. улицы", „Балканиха").

. . . . . представлялись *часто.*

Такіе обороты, какъ „онъ выступаетъ *гордо*", „она держится *прямо*", „они сидятъ *смирно*", „онъ трудится *усердно*", „она молилась *благоговѣйно*", „мы шли *скоро*", „вы жили *весело*", „покупка обошлась *дорого*" и т. д., т.-е. формы съ нарѣчьемъ при сказуемомъ, идутъ изстари и встрѣчаются въ старомъ языкѣ довольно часто. Но въ прежнее время сфера ихъ распространенія замѣтно урѣзывалась оборотами со вторымъ именительнымъ, представляющимъ собою явленіе болѣе архаическаго типа (послѣдніе еще сохраняются въ современномъ народномъ языкѣ и частью—въ общерусскомъ литературномъ, какъ вышеприведенные „просидѣлъ *грустный*" и др.).—Такъ, современному „упали *ницъ*", гдѣ „*ницъ*"—нарѣчье, отвѣчаетъ старинное: ... а клиросъ весь съ людьми падоша *ници* (гдѣ „ници"—прилагат.) (1-я Новг. л.). Формѣ „идемъ охотно (съ радостью)" отвѣчаетъ старинная: „ради идемъ", гдѣ „ради"—прилагат., напр., по князи своемъ *ради идемъ* (Ип. Лѣт. п. 1147 г.), *ради* съ тобою идемъ своихъ дѣля обидъ (Ипат. л. п. 1148 г.),—охотно (съ радостью) идемъ съ тобою, по причинѣ своихъ обидъ (т.-е, обидъ, нанесенныхъ намъ). Эта архаическая форма встрѣчается до сихъ поръ въ народной поэзіи:

Ходи, Стеша, по полу, топни, Стеша, ногою!
— Ужъ *я рада* бы топнула,—боюсь батюшка...
(*Собол.* „Великор. п." II, № 82).

Другая замѣна стараго „ради идемъ" это—оборотъ съ инфинитивомъ, гдѣ удерживается прилагательное, но личная форма глагола замѣняется инфинитивомъ: *рады пойти*,—я *радъ видѣть* васъ и т. д.

Выраженіе „*здорово* живешь!“ восходитъ къ формѣ со вторымъ именительнымъ „здоровъ (здорова, здоровы) живешь (живете)“, какъ въ малорусскомъ (съ отвлеченной связкою) „здоровы булы!“

Рѣшительную замѣну прилагательнаго нарѣчьемъ находимъ въ формахъ сравнительной степени: „Онъ *лучше* тебя“, „эта книга *интереснѣе* той“, „онъ уменъ, но она—*умнѣе* его“, „онъ—красивъ, но она гораздо *красивѣе*“, „онъ былъ тогда *богаче*“, „со временемъ вы будете *опытнѣе*“, гдѣ *лучше, интереснѣе, умнѣе* и т. д. суть *нарѣчья* (несогласуемыя части предложенія) и отвѣчаютъ на вопросъ „какъ?“ [1]).

Синтактическій смыслъ замѣны прилагательнаго въ сказуемомъ *нарѣчьемъ*—тотъ же, что и—замѣны второго именительнаго творительнымъ предикативнымъ. Это—*переходъ согласуемой части сказуемаго въ несогласуемую часть предложенія, превращеніе связки въ самостоятельный предикатъ, слѣдовательно убыль именного характера предложенія и съ тѣмъ вмѣстѣ усиленіе его глагольности.* Нарѣчье есть выраженіе обстоятельства и, какъ таковое, тянетъ къ сказуемому, между тѣмъ какъ прилагательное, составляя часть сказуемаго, въ то же время тянетъ и къ подлежащему, съ которымъ согласуется; это усиливаетъ роль подлежащаго,—увеличиваетъ, такъ сказать, его „удѣльный вѣсъ“ въ предложеніи. Поэтому замѣна прилагательнаго нарѣчьемъ, какъ и замѣна второго именительнаго—творительнымъ, содѣйствуетъ умаленію роли подлежащаго въ предложеніи,—ведетъ къ ослабленію вниманія, на него обращеннаго. Все это—процессы, влекущіе къ перевѣсу сказуемаго надъ подлежащимъ; а такъ какъ сказуемое есть глаголъ, а подлежащее—имя, то это приводитъ къ перевѣсу глагольныхъ элементовъ предложенія надъ именными.

---

[1]) Замѣна прилагательнаго въ сравнит. ст. нарѣчьемъ въ сравн. ст.—это процессъ, идущій изстари; уже въ лѣтописяхъ встрѣчаются выраженія въ родѣ: „брань славна *луче* есть мира студна“ (Лавр. п. 1239 г.) ... се азъ *старѣе* Ярослава, а ты, Игорю, *старѣе* Всеволода... (Ип. п. 1180 г.).

Къ числу обстоятельствъ—нарѣчій нужно отнести и тѣ дѣепричастья, которыя не имѣютъ при себѣ особыхъ дополненій. Таковы напр.: „онъ лжетъ *не краснѣя*“, „онъ шелъ *спотыкаясь*“, „я слушалъ *молча*“ и т. п. (см. § 7), гдѣ дѣепричастье стало на мѣсто причастья („лжетъ *не краснѣющій*“, „шелъ *спотыкающійся*“ и т. д.), подобно тому какъ нарѣчье, напр. въ предлож. „онъ выступаетъ *гордо*“, стало на мѣсто прилагательнаго („онъ выступаетъ *гордый*“).

ГЛАВА V.

Подлежащее, его выраженіе и его устраненіе.

§ 14. Понятіе грамматическаго подлежащаго установлено въ § 4 и дополнено въ § 11, 4. Но въ виду важности этой части предложенія и для разумѣнія послѣдующаго, мы дадимъ здѣсь еще нѣкоторыя разъясненія этого понятія, которое мы выразимъ здѣсь въ слѣдующей формулѣ:

Подлежащее есть часть предложенія, воспроизводящая, въ формѣ имени существительнаго (или его замѣнъ), мѣстоименія и числительнаго (разумѣется, принадлежащихъ къ разряду существительныхъ), то грамматическое лицо, которое выражено личной формою глагола-сказуемаго.

Такъ напр. въ предложеніи „лѣсъ шумитъ“ существительное „*лѣсъ*“ пріурочиваетъ третье лицо, данное въ глаголѣ „шумитъ“, къ опредѣленному именному представленію съ извѣстнымъ лексическимъ значеніемъ („лѣсъ“). Въ предложеніи „онъ спитъ“ воспроизведено, въ формѣ мѣстоименія „онъ“, то самое лицо, которое дано въ глаголѣ „спитъ“.

Если такое воспроизведеніе лица глагола-сказуемаго существительнымъ, мѣстоименіемъ, числительнымъ сдѣлано, то предложеніе имѣетъ подлежащее, и мы будемъ называть такія предложенія *субъектными* („*субъектъ*“ — подлежащее). Если же это воспроизведеніе не сдѣлано, то въ предложеніи

подлежащаго нѣтъ, и мы будемъ называть такія предложенія *безсубъектными*. Такъ, слыша шумъ вдали и не умѣя опредѣлить — что̀ это шумитъ, я говорю: „шумитъ“. Это предложеніе—безсубъектно, потому что лицо глагола не пріурочено ни къ существительному, ни къ мѣстоименію. Но если я скажу: „что-то шумитъ“, то это уже будетъ предложеніе субъектное, потому что здѣсь третье лицо глагола пріурочено къ мѣстоименію „что-то“, которое здѣсь и играетъ роль подлежащаго. Но есть безсубъектныя предложенія, которыя не могутъ быть превращены въ субъектныя; это—тѣ, въ которыхъ лицо глагола—*мнимое* (§ 11,[4]); какъ мнимое, оно и не можетъ быть пріурочено ни къ существительному, ни къ мѣстоименію, ни къ числительно́му. Таковы: „морозитъ“, „свѣтаетъ“ и др.

Не трудно видѣть, что это понятіе о подлежащемъ, основанное на соотвѣтствіи лица существительнаго (мѣстоим., числит.) лицу глагола сказуемаго, въ существѣ дѣла, есть то самое, которое мы установили выше (§ 4 и § 11,[4]), исходя изъ представленія о подлежащемъ, какъ и *дѣятель* (подлинномъ, фиктивномъ и мнимомъ), и о сказуемомъ, какъ о выраженіи *дѣятельности* подлежащаго (подлинной, фиктивной и мнимой). Обѣ точки зрѣнія на подлежащее (какъ на „дѣятеля“ и какъ на грамматическое лицо), совпадая по существу, могутъ быть объединены и во внѣшнемъ выраженіи, именно въ терминѣ „дѣйствующее лицо“. *Подлежащее есть именное* или *мѣстоименное выраженіе дѣйствующаго лица въ предложеніи, предполагающее вопросъ „кто, что?“*—Такъ, въ предложеніи „волкъ былъ затравленъ собаками“ грамматически — дѣйствующее лицо, это — существительное „волкъ“, предполагающее вопросъ „кто?“; оно и есть подлежащее, чему не мѣшаетъ то обстоятельство, что „быть затравленнымъ“ есть дѣятельность мнимая. — Вмѣсто термина „дѣятельность“ можно пользоваться и другимъ—„матеріальное содержаніе (лексическое значеніе) сказуемаго“. Взявъ этотъ послѣдній, мы опредѣлимъ подлежащее такъ: *подлежащее есть та точка въ грамматическомъ мышленіи, къ которой*

формально, по вопросу „кто? что?“, отнесено матеріальное содержаніе (т.-е. лексическое значеніе) сказуемаго.—Напр., дано лексическое значеніе „быть прочитаннымъ“. Взятый въ качествѣ сказуемаго, этотъ глаголъ (не принадлежа къ числу безсубъектныхъ) долженъ быть отнесенъ къ чему-нибудь,—онъ какъ бы ищетъ въ мысли той точки, гдѣ бы проявилось представленіе того предмета, которому могло бы быть приписано данное лексическое значеніе. Положимъ, въ умственной точкѣ, куда тянетъ сказуемое, проявились имена *книга, письмо, газета.* Тогда возникаютъ предложенія „книга была прочитана“, „письмо уже прочитано мною“, „газета будетъ скоро прочитана нами“ и т. п., въ которыхъ слова *книга, письмо, газета* выступили въ роли подлежащихъ. Они суть подлежащія потому, что: 1) *помощью своихъ лексическихъ значеній они даютъ именное выраженіе грамматическому лицу глагола, они какъ-бы наполняютъ это лицо, какъ форму, вещественнымъ содержаніемъ;* 2) *указываютъ на дѣятелей* (въ данномъ случаѣ *мнимыхъ*), *которымъ приписана (мнимая) дѣятельность, обозначенная лексическимъ значеніемъ глагола;* 3) *они наполняютъ содержаніемъ ту точку въ мысли, къ которой тяготѣетъ сказуемое,—и даютъ отвѣтъ на вопросъ „кто, что?“.*—

Выраженіемъ грамматическаго подлежащаго можетъ быть только *существительное* (въ обширномъ смыслѣ, т.-е. включая сюда мѣстоименія—существительныя и соотвѣтственныя числительныя), *потому что только существительныя могутъ отвѣчать на вопросъ: кто? что?*“.—Другія части рѣчи допускаются къ выраженію подлежащаго только подъ условіемъ, чтобы они были *замѣною существительнаго*, т.-е. чтобы онѣ были взяты *не въ своемъ* формально-грамматическомъ значеніи, а въ значеніи существительнаго.

Такъ какъ подлежащее есть выраженіе грамматическаго лица сказуемаго, а это лицо всегда предполагаетъ только вопросъ „кто? что?“ и никакого другого вопроса не допускаетъ *(читаетъ—кто? лежитъ—кто? что? прочитано—что?* и т. д.), то падежомъ существительнаго (мѣстоим.,

числит.) — подлежащаго можетъ быть только *именительный* (обоихъ чиселъ).

Лишь кажущееся исключеніе изъ этого синтактическаго закона составляютъ тѣ (довольно рѣдкіе) случаи, когда въ роли подлежащаго является существительное въ *звательномъ падежѣ*. Это встрѣчается въ народной поэзіи болгаръ и сербовъ, а у насъ — въ малорусской (чаще) и великорусской (рѣже). Напр., въ малорусс.: „ой, плаче, плаче молодый *козаче*“, гдѣ звательный *козаче* стоитъ вмѣсто именительнаго *козакъ* и образуетъ подлежащее. Изъ великорусскаго приведу: „штобы *Господи* далъ намъ добраго здоровьица“ (*Барсовъ*, „Причит. Сѣв. Кр.“ I, 13), гдѣ звательный *Господи* стоитъ вмѣсто именительнаго *Господь*, что повторено и въ слѣдующемъ стихѣ, а дальше взята уже правильная форма именительнаго: „укороталъ *Господь* долгой-то имъ вѣкушко“. *По формѣ козаче* и *Господи* суть, конечно, звательные падежи, но *по значенію* въ данныхъ предложеніяхъ *они должны быть понимаемы какъ именительные*. Когда поютъ: „ой, плаче, плаче молодый козаче“, то формѣ „козаче“ вовсе не приписываютъ оттѣнка обращенія къ козаку, и она отражается въ грамматической мысли совершенно такъ, какъ отражается именительный „козакъ“. Надо думать, въ старину такіе звательные—въ роли именительныхъ—появлялись, въ нѣкоторыхъ словахъ, весьма часто, вслѣдствіе чего въ этихъ словахъ форма звательнаго получала смыслъ именительнаго. Однимъ изъ такихъ случаевъ является форма (собств. зват.) *владыко* вмѣсто *владыка* („преосвященный владыко“—въ именительномъ падежѣ). Сюда же: *Михайло, Данило* и др., первоначально звательные отъ формъ на—*а* (Михайла, Данила).— Изъ стараго русскаго приведу: Охъ, тотъ мя *враже* улови (Лавр. л. п. 1086 г.).

Можно предположить, что одною изъ причинъ употребленія звательнаго вмѣсто именительнаго было первоначально желаніе или невольное стремленіе соединить съ подлежащимъ выраженіе извѣстнаго чувства, которое говорящій питалъ къ данному лицу. Это, слѣдовательно, не былъ „зва-

тельный обращенія", это былъ—*именительный* съ „окраскою" чувствомъ („окрашенный именительный"), для чего бралась *лишь форма* звательнаго [1]).

Мѣстоименія—существительныя и таковыя же числительныя, въ роли подлежащаго, въ однихъ случаяхъ являются *замѣстителями именъ существительныхъ*, въ другихъ же выступаютъ *самостоятельно*. Напр., „*я* прочиталъ эту книгу, и *она* мнѣ очень понравилась" или „*я* прочиталъ книгу, *которая* мнѣ очень понравилась": здѣсь „*она*" и „*которая*", замѣняя слово „книга", вызываютъ въ мысли представленіе этой послѣдней и, стало быть, служатъ замѣстителями существительнаго „*книга*", между тѣмъ какъ мѣстоименіе „я" стоитъ вполнѣ самостоятельно, ибо, говоря „я", мы вовсе не держимъ въ сознаніи ни представленія о своей личности, ни своего имени, отчества и фамиліи.

Разсмотримъ различные случаи употребленія мѣстоименій и числительныхъ въ качествѣ подлежащаго.

1) *Мѣстоименія личныя*. Подлежащее, выраженное такою чисто-формальною частью рѣчи, какъ мѣстоименіе, не можетъ, конечно, отличаться тою яркостью или отчетливостью, какою характеризуется подлежащее, выраженное именемъ существительнымъ. Не всѣ мѣстоименія одинаково формальны; къ числу *наиболѣе формальныхъ* принадлежатъ *личныя*, выражающія только формальное понятіе лица (*я, ты, онъ, она, мы, вы, они, они*). Подлежащее, выраженное этимъ мѣстоименіемъ, можетъ быть болѣе или менѣе энергичнымъ. Оно отличается наибольшею энергичностью (т.-е. силою проявленія въ грамматической мысли) тогда, когда одно лицо противупоставляется другому, когда на подлежащее падаетъ такъ называемое „логическое" удареніе [2]) и т. д. Напр.:

[1]) О франц *fils, soeur, sire, prêtre* и нѣк. др. *Ars. Darmestéter* говоритъ, что хотя это именительные падежи, но что „dans tous ces substantifs c'est la forme du *vocatif*, qui, en somme, s'est maintenue; la valeur du vocatif est encore visible dans *sire*". (Cours de Gramm. histor. II, 41. Ср. тамъ-же II, 37 и слѣд.).

[2]) Удареніе по смыслу (терминъ „логическое", строго говоря, сюда не подходитъ).

„пока *вы* гуляли, *я* работалъ", — „это *я* говорю вамъ...". Разные обороты съ личнымъ мѣстоименіемъ въ роли подлежащаго могутъ быть расположены въ порядкѣ убывающей энергичности подлежащаго, начиная вышеприведенными и кончая такими, какъ „я сказалъ", „ты взялъ", „онъ ушелъ" и пр., гдѣ мѣстоименія являются не столько подлежащими, сколько замѣною отсутствующихъ личныхъ окончаній глаголовъ. Въ зависимости отъ контекста или отъ намѣренія говорящаго (или пишущаго), роль личнаго мѣстоименія, какъ подлежащаго, въ этихъ случаяхъ можетъ выступать то ярче, то слабѣе.

2) *Мѣстоименія указательныя.* „*Этотъ* далеко пойдетъ!" — „*Тотъ* умнѣе этого". — „Это поймутъ лишь *тотъ*, кто самъ испыталъ нѣчто подобное". — „*Эти* ужъ пришли, а *тѣ* замѣшкались". — Самостоятельность этихъ мѣстоименій лишь относительна. За ними, такъ сказать, виднѣется имя существительное съ опредѣленнымъ лексическимъ значеніемъ. Поэтому и энергичность ихъ, какъ подлежащихъ, довольно велика.

Къ этому типу — *указательныхъ* отчасти приближается и мѣстоименіе 3-го лица *(онъ, она, оно, они, онѣ)*, не столь формальное, какъ мѣстоименія 1-го и 2-го лица, и, по своему происхожденію, родственное указательному. Во многихъ случаяхъ мѣстоименіе 3-го лица, по синтактическому смыслу, сбивается на тотъ разрядъ указательныхъ, который извѣстенъ подъ именемъ мѣстоименій „*анафорическихъ*". Это — указательное мѣстоименіе, относящееся къ предмету, о которомъ рѣчь шла раньше. Такъ, мѣстоименіе „онъ" имѣетъ несомнѣнно анафорическій оттѣнокъ въ стихахъ:

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ [1])
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался;
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ *онъ*,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!

[1]) Императоръ Александръ I.

Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ *онъ* славный свой досугъ!
(*Пушк.*, „19 Окт. 1836 г.“)

Членная форма анафорическаго „онъ“ — „*оный*“ нынѣ рѣдко употребляется [1]).

3) *Неопредѣленныя и опредѣлительныя мѣстоименія.* „*Нѣкто* сказалъ, что...“ „*Никто* этого не знаетъ“. „*Всѣ* такъ поступаютъ...“ „*Всякій* скажетъ вамъ, что...“ „*Все* затихло...“ „Жду, не прійдетъ ли *кто-нибудь*“. „*Ничто* не ново подъ луною“. Эти подлежащія отличаются значительной энергичностью, т.-е. эти мѣстоименія довольно ярко проявляются въ сознаніи своею ролью подлежащихъ.

4) *Вопросительныя* и *относительныя*. „*Кто* пришелъ?“ „Я не знаю, *кто* пришелъ“. „Это пойметъ лишь человѣкъ, *который* много думалъ на эту тему“. Мѣстоименіе „который“, въ его *относительномъ* употребленіи, нельзя считать непремѣнно прилагательнымъ. Какъ подлежащее, оно—замѣна существительнаго (а также и въ роли дополненія). Въ выраженіяхъ „человѣкъ, *который*...“, „я не читалъ книги, *которую* вы такъ хвалите“, и т. п., оно — существительное; прилагательнымъ оно является въ такихъ выраженіяхъ, какъ „я не знаю, *который* теперь часъ“, гдѣ оно служитъ *опредѣленіемъ* (подлежащаго „часъ“). Относительное *который* можетъ выражать всѣ три лица—въ зависимости отъ того слова, къ коему оно примыкаетъ, напр. „удивляюсь, что ты ничего не дѣлаешь,—*ты, который* такъ *ненавидишь* праздность“, „*мы, которые знаемъ...*„ „*я, который знаю...*“, *онъ, который* знаетъ...“ и т. д.

---

[1]) Анафорическое *онъ, она, оно* часто встрѣчается при подлежащемъ—существительномъ (плеонастически) въ народномъ языкѣ:

Свѣтила звѣзда, *она* передъ мѣсяцемъ...
Стояла дѣвица, *она* передъ молодцомъ...
..Мать старая-то земля, *она* загоралася,
А лютая-то змѣя, *она* возвивалася...
(*Собол*, „Великор. нар. п.“, I, № 148).

5) *Числительныя количественныя.* „*Пять* и *три* составляютъ восемь“.—„*Семеро* одного не ждутъ“.— Существительное при числительномъ должно быть понимаемо какъ его дополненіе: „въ недѣлѣ — *семь дней*“ (подлежащее „семь“, а „дней“—дополненіе числительнаго—подлежащаго).

Всѣ прочія части рѣчи, выступая въ роли подлежащаго, являются *замѣною* существительнаго, т.-е. либо усваиваютъ его формально-грамматическое значеніе, либо въ извѣстной мѣрѣ приближаются къ послѣднему,—или же наконецъ при нихъ подразумѣвается существительное.

Чаще другихъ въ роли подлежащаго выступаютъ *прилагательныя* и *причастія*, какъ части рѣчи, наиболѣе близкія къ существительному. При этомъ находимъ:

1) Прилагательное или причастье стоитъ *вмѣсто* имени существительнаго, принимая его синтактическій характеръ въ данной фразѣ, въ другихъ же случаяхъ оставаясь самимъ собою. Таковы напр. „бѣдный“ вмѣсто „бѣднякъ“, „богатый“ вмѣсто „богачъ“, „предсѣдательствующій“ вмѣсто „предсѣдатель“, „управляющій“ и т. д.—Такія формы встрѣчаемъ нерѣдко въ пословицахъ и поговоркахъ, идущихъ изстари, при чемъ здѣсь еще сквозитъ, какъ остатокъ старины (архаизмъ), былая близость прилагательнаго и причастья къ существительному. Извѣстно, что въ древности различія, какъ формальныя, такъ и синтактическія, между существительнымъ съ одной стороны и прилагательнымъ — съ другой были выражены далеко не такъ ярко, какъ теперь. Такъ, существительныя и прилагательныя (въ именной формѣ) имѣли одинаковыя окончанія и склонялись по однимъ образцамъ *(добръ, добра, добро*—совершенно такъ, какъ *Богъ, жена, село),*—нѣкоторыя существительныя могли измѣняться по степенямъ сравненія (въ церк.-слав. мѫжаи—отъ мѫжь, *скотьи*—отъ *скотъ*), другія часто являлись въ роли опредѣленій (о чемъ будетъ рѣчь въ слѣд. главѣ); все это дѣлало старинное существительное болѣе близкимъ къ прилагательному, чѣмъ теперь. Прилагательное, склонявшееся (въ именной формѣ) какъ существительное, могло нерѣдко выступать въ тѣхъ роляхъ, кото-

рыя нынѣ принадлежатъ исключительно существительному. Остаткомъ этого и являются тѣ формы, о которыхъ мы теперь ведемъ рѣчь. Таковы напр.: „*сытый* голоднаго не разумѣетъ“, — „*убогъ* брелъ въ міръ, а *богатъ* шелъ на пиръ“, „*старъ* да *малъ* дважды глупъ живетъ“, „*битъ* небитаго везетъ“ и т. п. [1])—Именная форма прилаг. и прич. *убогъ, старъ, малъ, богатъ, битъ* еще болѣе приближаетъ ихъ къ типу существительныхъ. Но даже оставляя въ сторонѣ эти явно-архаическія выраженія и имѣя въ виду только тѣ, которыя въ ходу въ настоящее время, напр. „*сытый* голоднаго не разумѣетъ“, „*богатые* не всегда щедры“, „*предсѣдательствующій* открылъ засѣданіе“ и т. п., мы скажемъ, что здѣсь прилагательныя и причастья берутъ на себя обязанности существительнаго, и было бы ошибкою утверждать, будто при нихъ подразумѣваются пропущенныя существительныя. Такъ, въ только-что приведенныхъ примѣрахъ, мы, говоря „сытый“, вовсе не держимъ въ мысли существ. „человѣкъ“; говоря „богатые“, не держимъ въ мысли слова „люди“; а для причастья „предсѣдательствующій“ даже трудно подобрать якобы опущенное существительное.

2) Прилагательное становится на мѣсто существительнаго потому, что послѣднее дѣйствительно *опущено*, напр. „я познакомился съ братьями *N: старшій* — очень серьезный человѣкъ, а *младшій* производитъ впечатлѣніе повѣсы“. Здѣсь въ самомъ дѣлѣ, при „старшій“ и „младшій“, опущено существ. „братъ“. Но разъ оно опущено, прилагательное отчасти становится на его мѣсто, при чемъ нужно различать *разныя степени подразумѣваемости* опущеннаго слова, зависящія отъ различныхъ причинъ, — между прочимъ, отъ быстроты рѣчи. Весьма часто, говоря „старшій“, „младшій“, „другой“, „мои“, „твои“, „наши“, „ваши“ (въ выраженіяхъ: „мои пріѣхали“, „наши ѣдутъ“, „ваши дома?“ и пр.), мы едва-едва держимъ въ мысли опущенное (или раньше употребленное) существи-

---

[1]) Примѣры, кромѣ перваго, взяты у Потебни. „Изъ Зап. по русс. гр.“ т. I,[2] 97—98 и т. II, 58.

тельное, и эти прилагательныя и мѣстоименія (прилаг.) принимаютъ въ нашемъ грамматическомъ сознаніи характеръ и постановку существительныхъ. Различіе этого случая отъ перваго („сытый", „богатые", „управляющій" и т. д.)—въ томъ только, что здѣсь не трудно обратиться мыслью къ опущенному существительному, которое весьма легко подразумѣвается, между тѣмъ какъ тамъ оно *вовсе не подразумѣвается* (и даже характерный оттѣнокъ или „соль" выраженія часто въ томъ и состоитъ, чтобы не подразумѣвать существительнаго [1]).

Само собой разумѣется, нельзя смотрѣть, какъ на замѣну существительнаго, на тѣ слова, которыя нѣкогда были прилагательными, но давно уже перестали быть ими и превратились въ настоящія существительныя, каковы напр. *городовой, портной, поличное, „ночное"* („гнать стадо въ ночное"), *мостовая, столовая, жаркóе, обѣдня, вечерня, отступное* и т. п. и, разумѣется, всѣ фамильныя имена какъ—*ій,-ой,-ая: Ивановскій, Петровскій,* г-жа *Петровская, Толстой, Толстая, Полевой* и т. д.

Другія части рѣчи гораздо рѣже прилагательныхъ выступаютъ въ роли подлежащаго. Когда это случается,—онѣ, такъ сказать, поддѣлываются подъ характеръ существительнаго; иногда же послѣднее подразумѣвается. Напр.: *„иду"*—глаголъ, *„отъ* есть предлогъ",—*„ахъ, охъ, эй*—междометія", *„раз*-служитъ префиксомъ во многихъ глаголахъ, какъ раз-бить, разрыть и пр."—Въ такихъ случаяхъ мы иногда подразумѣваемъ существительныя, напр. *„(слово) отъ", „(частица) раз"*; но при быстротѣ рѣчи подразумѣванія можетъ и не быть, и тогда, такъ сказать, „существительность" слова, которое должно было бы подразумѣваться, переносится на эти *„иду", „отъ", „охъ", „раз—"* и т. д.

Иную синтактическую картину представляетъ *инфинитивъ* въ кажущейся роли подлежащаго. Мы знаемъ (§ 9), что ин-

[1]) Всякій, обладающій чутьемъ русс. языка, пойметъ, что сказать „сытый *человѣкъ* не разумѣетъ голоднаго человѣка" значитъ испортить выраженіе.

финитивъ есть глагольная форма, происшедшая отъ именной,—отъ косвеннаго падежа (въ славянскихъ яз.—дательнаго или мѣстнаго) имени существительнаго, произведеннаго отъ глагольной темы.

Пока этотъ косвенный падежъ сознавался, какъ таковой,—инфинитивъ, конечно, не могъ выступать въ роли подлежащаго, хотя тогда онъ былъ еще имя существ., а не глаголъ. Но уже въ отдаленной древности падежное (и съ тѣмъ вмѣстѣ и вообще именное) значеніе инфинитива было почти забыто, и эта форма стала оглаголиваться. Тогда-то, несмотря на потерю именного характера, инфинитивъ получилъ возможность казаться выступающимъ въ роли подлежащаго, ибо главное къ тому препятствіе, косвенный падежъ, было устранено.

Въ языкахъ, гдѣ есть такъ-назыв. членъ (греч. ὁ, ἡ, τό, франц. *le*, *la*, нѣм. *der*, *die*, *das*, англ. *the*), присоединеніе этой формы къ инфинитиву превращаетъ его въ родъ отглагольнаго существительнаго. Въ этомъ видѣ инфинитивъ уже не можетъ быть разсматриваемъ какъ настоящій глаголъ (присоединеніе члена отнимаетъ у него отношеніе къ лицу), и, выступая въ качествѣ подлежащаго (или дополненія), онъ дѣлаетъ это на правахъ существительнаго. Такъ напр., инфинитивы: греч. ἀναστῆναι (возстать, воскреснуть), франц. *parler* (говорить), нѣм. *werden* (дѣлаться, становиться), съ присоединеніемъ члена, превращаются въ родъ отглагольныхъ существительныхъ τὸ ἀναστῆναι, *le parler*, *das Werden*, которыя могутъ выступать въ предложеніи то въ качествѣ подлежащаго, то въ качествѣ дополненія [1]). Но отъ настоящихъ существительныхъ они отличаются тѣмъ, что ихъ глагольное происхожденіе не забыто, и что, въ сознаніи говорящихъ, они являются существительными, такъ сказать, „на часъ“: это—не постоянныя, не установившіяся существительныя, это только—временныя образованія, производимыя въ тѣхъ слу-

[1]) Въ церк.-слав. подобную же роль при инфинитивѣ играло мѣстоименіе средн. р. ѥѥже; такъ напр., греч. τὸ ἀναστῆναι передается по церк.-славянски черезъ ѥѥже воскрѣснѧти.

чаяхъ, когда они нужны.—Но изъ нихъ, въ силу частаго употребленія, возникали и настоящія, постоянныя существительныя. Такъ, во франц. отъ инфинитивовъ *dîner* (обѣдать), *déjeuner* (завтракать), *pouvoir* (мочь) такимъ путемъ возникли уже настоящія, постоянныя существительныя, не сохраняющія характера отглагольныхъ,—*le dîner*—обѣдъ, *le déjeuner*—завтракъ, *le pouvoir*—власть.

Совсѣмъ другое дѣло—*инфинитивъ безъ члена*, выступающій во фразѣ такъ, что мы его принимаемъ за подлежащее. Это явленіе весьма распространенное, это одна изъ излюбленныхъ синтактическихъ формъ, какъ въ тѣхъ языкахъ, гдѣ есть членъ, такъ и въ тѣхъ, гдѣ его нѣтъ. Мы говоримъ: „жизнь *прожить*—не поле перейти“,—„*выучиться* хорошо говорить на иностранномъ языкѣ—дѣло не легкое“,—„*запомнить* событія, имена, хронологію не значитъ еще изучить исторію“ и т. д.—Здѣсь инфинитивы *прожить, выучиться, запомнить* поставлены такъ, что наше грамматическое чутье принимаетъ ихъ за подлежащія. Но то же самое грамматическое чутье отказывается принимать ихъ за существительныя. Они чувствуются какъ глаголы—совершенно такъ, какъ чувствуется инфинитивъ въ сказуемомъ. *Будучи глаголами, предицируя и относясь къ лицу* (неопредѣленному), эти инфинитивы „*прожить*“, „*выучиться*“, „*запомнить*“ *не могутъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ сказуемыми*. И такъ, выраженія „жизнь прожить“, „выучиться хорошо говорить“, „запомнить событія“ и пр.—это—*предложенія*, именно безсубъектныя. Къ нимъ присоединены другія предложенія: „не поле перейти“, „(есть) дѣло не легкое“, „не значитъ изучить...“,—и такимъ образомъ въ каждой изъ приведенныхъ фразъ мы имѣемъ *два предложенія*, т.-е. *два акта предицированія*, изъ которыхъ одинъ (именно второй: „не поле перейти“ и пр.) предицируетъ не только то, что дано въ немъ, но и то, что̀ дано въ первомъ, между тѣмъ какъ первое предложеніе придицируетъ *только свое содержаніе*. Иначе говоря, вторыя предложенія являются сказуемыми для первыхъ, а вслѣдствіе этого первыя и приравниваются къ подлежащимъ, т.-е. наше

грамматическое чутье склонно видѣть въ нихъ подлежащія вторыхъ предложеній.

Въ такихъ оборотахъ (какъ и въ другихъ) нерѣдко вставляется мѣстоим. ср. р. *это:* „выучиться хорошо говорить на чужомъ языкѣ *это*—дѣло не легкое". Мы опредѣлимъ эту форму (мѣстоим. „это") какъ родъ *частицы* предложенія, колеблющейся между *приложеніемъ* къ предыдущему и *связкою* сказуемаго. Объ этой частицѣ мы скажемъ въ гл. X-й.

§ 15. Устраненіе подлежащаго. Безсубъектныя предложенія.

Мы опредѣлили выше подлежащее, какъ воспроизведеніе, въ формѣ существительнаго (или его замѣнъ), *того лица*, которое дано въ глаголѣ—сказуемомъ. Въ § 11,1 было установлено существованіе *пяти лицъ* въ глаголѣ. Такъ вотъ, если глаголъ-сказуемое имѣетъ одно изъ первыхъ трехъ лицъ (1-е—пишу, 2-ое — читаешь, 3-е — поетъ; то-же и во мн. ч.), то воспроизведеніе ихъ всегда возможно въ формѣ имени существительнаго, мѣстоименія сущ., числительнаго—сущ. (и ихъ замѣнъ) и является *субъектомъ (подлежащимъ)* предложенія. Такія предложенія и называются *субъектными*. — Если лицо глагола-сказуемаго есть *4-ое, неопредѣленное*, то воспроизведеніе его существительными (или ихъ замѣнами) невозможно: *для сказуемыхъ съ неопредѣленнымъ лицомъ нѣтъ опредѣленнаго подлежащаго;* таковы напр. „говорятъ", „пишутъ" („часто *говорятъ*, что люди неблагодарны", „въ газетахъ *пишутъ*, что..."; при этомъ *нельзя* сказать: „*люди* говорятъ", „*они* пишутъ" и т. п.), которымъ отвѣчаютъ французскіе обороты съ *on* (on dit) и нѣмецкіе съ man (man sagt) [1]).—Эти предложенія, какъ не имѣющія подлежащихъ, называются *безсубъектными*. Но нельзя сказать, чтобы они были *совсѣмъ* безъ подлежа-

[1]) Извѣсто, что *on* произошло отъ существ. *homme* (человѣкъ), какъ *man* — отъ существ. *Mann*. Путемъ обобщенія понятія „человѣкъ" возникло чисто — формальное слово, неопредѣленно — личное мѣстоименіе. Начатокъ такого процесса обобщенія, кажется, можно видѣть у насъ выраженіяхъ „у людей", „какъ люди", напр. „у нихъ все дѣлается не такъ какъ у людей", „жить не какъ люди".

щаго; оно въ сущности есть, но только остается неопредѣленнымъ, невыраженнымъ, непроявленнымъ въ сознаніи, гдѣ сохраняется только *мѣсто* для него. Вопросъ, на который отвѣчаетъ подлежащее (кто? что?), здѣсь, собственно говоря, *возможенъ* („говорятъ"—кто?), *но не нуженъ* и даже является дѣломъ неподходящимъ. Ибо спрашивать (при „говорятъ", „пишутъ" и т. д.) „кто?" равносильно требованію превратить *четвертое* (неопредѣленное) лицо глагола—сказуемаго въ одно изъ первыхъ трехъ, т.-е. замѣнить данный оборотъ другимъ, субъектнымъ. Вотъ именно въ этомъ-то смыслѣ мы и называемъ вопросъ „кто?" въ разсматриваемыхъ формахъ, хотя и возможнымъ, но не подходящимъ. Въ виду, однако, возможности этого, хотя и ненужнаго, вопроса, мы не признаемъ такіе обороты („говорятъ" и пр.) вполнѣ безсубъектными, ибо эта возможность есть признакъ того, что въ мысли, при этихъ оборотахъ, все-таки сохраняется *мѣсто* отсутствующаго подлежащаго,—та *точка* въ сознаніи, гдѣ это подлежащее проявилось бы, еслибы только оно было на лицо.—И поэтому-то мы будемъ называть такія предложенія *относительно-безсубъектными*.

Далѣе, если въ глаголѣ-сказуемомъ дано *пятое* лицо, *мнимое*, то вопросъ „кто? что?" становится уже *невозможнымъ*; такъ, при „морозитъ" нельзя спросить: *кто* или *что* морозитъ?" Слѣдов. здѣсь не только нѣтъ опредѣленнаго подлежащаго, но *нѣтъ и мѣста для него, нѣтъ самой возможности его*. Та точка въ сознаніи, въ которой оно могло бы проявиться, здѣсь уже не существуетъ. Поэтому, такія предложенія мы будемъ называть *абсолютно-безсубъектными*.

Сравнительно-историческое изслѣдованіе безсубъектныхъ предложеній разныхъ родовъ и оттѣнковъ приводитъ къ выводу, что всѣ они возникли, въ разное время, изъ *субъектныхъ*, и что въ современныхъ языкахъ этотъ процессъ идетъ дальше въ томъ же направленіи. Безсубъектные обороты стали появляться уже въ отдаленной древности, но сперва ихъ было немного, и едвали всѣ они тогда были абсолютно-безсубъектными. Съ теченіемъ времени ихъ число все ра-

стетъ,—и чѣмъ ближе подвигаемся къ современному состоянію языковъ, тѣмъ ихъ все больше и больше; наконецъ, въ настоящее время новые языки, можно сказать, переполнены безсубъектными формами всевозможныхъ оттѣнковъ и ступеней безсубъектности.

Безсубъектные обороты въ современномъ русскомъ подводятся подъ слѣдующіе разряды.

I. Относительно-безсубъектные.

1) Вопросъ „кто? что?“ возможенъ, но ненуженъ, неумѣстенъ.

а) „Въ городѣ *говорятъ*, что вы получаете новое назначеніе“.—„*Просятъ* здѣсь *не курить*“.—„Обыкновенно *думаютъ*, что...“. „Въ каютахъ *не курятъ*“.—„Объ этомъ происшествіи много *толкуютъ*“.—„*Распустили* слухъ, будто...“:—„Ты не хорошо сдѣлалъ, что не предупредилъ о своемъ отъѣздѣ: дома *будутъ безпокоиться*“.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, для выраженія неопредѣленнаго (4-го) лица употребляются формы *3-го лица множ. ч.*, наст., буд. и прош. вр.).

б) „Тише *пдешь*—дальше *будешь*“.—„По одежкѣ *протягивай* ножки“.—„На всѣхъ *не угодишь*“. „*Любишь кататься*—*люби* и саночки *возить*“. „Ничего не *подълаешь*, хоть *разорвись!*“ и т. п.

Отсюда видно, что для выраженія того же *неопредѣленнаго* (4-го) лица употребляются формы *2-го лица един. ч. наст. и буд. врем.* и *2-го лица един. ч. повелит. накл.*

Инфинитивъ въ относительно-безсубъектныхъ оборотахъ нерѣдко также относится къ 4-му (неопредѣленному) лицу, которое въ однихъ случаяхъ совпадаетъ съ таковымъ же личной формы глагола (какъ напр. въ „любишь кататься“), въ другихъ—не совпадаетъ съ нимъ (напр. въ „просятъ не курить“), и тогда въ предложеніи имѣется два четвертыхъ лица, изъ которыхъ одно („просятъ“) намекаетъ на отсутствующее подлежащее, другое (*которыхъ* просятъ, чтобы *они* не курили) намекаетъ на отсутствующее дополненіе.

Вторая форма (б) употребляется преимущественно въ по-

словицахъ, поговоркахъ и также при болѣе оживленной рѣчи, когда мы, такъ сказать, представляемъ себѣ неопредѣленное лицо какъ бы стоящимъ передъ нами въ образѣ второго лица и обращаемся къ нему.

в) Сказуемое выражено *инфинитивомъ*, который, какъ мы знаемъ, указываетъ именно на четвертое, т.-е. неопредѣленное, лицо. Такъ вотъ, если контекстъ фразы таковъ, что это четвертое лицо не можетъ быть превращено въ лицо опредѣленное (т.-е. первое, второе, третье), то предложеніе по необходимости остается неопредѣленно-личнымъ, иначе говоря, относительно-безсубъектнымъ. Сюда относятся обороты типа: „Жизнь *прожить* — не поле *перейти*“, „*любить* ближнихъ—обязанность христіанина“.

Примѣры.

Желать и *добиваться* чего-нибудь—понимаю... (Лерм. „Герой наш. вр.“). Пять лѣтъ *ходить*, *сидѣть* и *вздыхать* въ пріемной—вотъ идеалъ и цѣль жизни! (Гонч. „Облом.“ II, IV).

О, какое непостижимое искусство—*обрисовывать* характеры со всѣми оттѣнками ихъ индивидуальности! (Бѣлин. „Литер. мечт.“).

Сюда же относятся и обороты, гдѣ при инфинитивѣ стоятъ союзы „*если*“ и „*чтобы*“, а контекстъ не позволяетъ понимать лицо инфинитива какъ одно изъ первыхъ трехъ. Напр.:

Если *принять* во вниманіе всѣ обстоятельства дѣла, то вопросъ выяснится.

Нужно только немножко подумать, чтобы *понять* это...

О, еслибы *знать!*

2) Вопросъ „кто? что?“ не только возможенъ, но и самъ собою напрашивается, служа признакомъ того, что въ мысли есть потребность найти подлежащее и превратить неопредѣленное (4-ое) или мнимое (5-ое) лицо глагола въ опредѣленное. Напр.:

„И представьте вы себѣ, господа: только-что я задулъ свѣчу, *завозилось* у меня подъ кроватью? Думаю: крыса?

Нѣтъ, не крыса: *скребетъ, возится, чешется*... Наконецъ, ушами *зашлопало!*“ (*Тург.* „Собака“).

Здѣсь ясно сказывается *исканіе неизвѣстнаго подлежащаго*. Для выраженія же его неизвѣстности взяты безсубъектныя формы—*завозилось* (какъ *разсвѣло, затопило*), *скребетъ, возится* и пр. (какъ *морозитъ, свѣтаетъ*). Но, въ противуположность оборотамъ, приведеннымъ въ скобкахъ (*разсвѣло... морозитъ...*), нельзя признать эти формы абсолютно-безсубъектными, ибо при таковыхъ вопросъ „кто? что?“ невозможенъ, между тѣмъ какъ здѣсь онъ не только возможенъ, но даже прямо поставленъ—выраженіемъ „думаю: крыса? Нѣтъ, не крыса“. Слѣдовательно, здѣсь ищутъ отсутствующее подлежащее. Его нѣтъ налицо, но оно нужно и можетъ быть найдено. Если оно будетъ найдено, то данные глаголы изъ неопредѣленно-личныхъ превратятся въ опредѣленно-личныя. Нужно замѣтить, что здѣсь неопредѣленность лица—не такая, какъ въ вышеразсмотрѣнныхъ оборотахъ съ 3-мъ лиц. множ., со 2-мъ ед. наст. и буд., со 2-мъ повелит. накл. и съ инфинитивомъ. Въ нихъ это—*неопредѣленность обобщенія* („говорятъ“—кто?—многіе, всѣ... „тише ѣдешь—дальше будешь“—не *ты*, а и я, и ты, и онъ, и мы... и всѣ вообще), неопредѣленность, основанная на нежеланіи, на ненужности, на невозможности—указать опредѣленное лицо, выяснить подлежащее помощью существительнаго, мѣстоименія и т. д.—Напротивъ, въ приведенномъ отрывкѣ изъ разсказа „Собака“ глаголы *завозилось, скребетъ* и пр. направляютъ нашу мысль не въ сторону обобщенія, а именно въ сторону конкретнаго предмета: предполагается *нѣчто*, что скребетъ и т. д., и желательно его выяснить, т.-е. найти подлежащее. И если *тамъ* вопросъ „кто? что?“ неумѣстенъ, то *здѣсь*, напротивъ, онъ вполнѣ у мѣста. Его даже прямо ставятъ.—Итакъ, это неопредѣленность не обобщенія, а невѣдѣнія. Въ силу этого различія здѣсь не примѣнимы формы 3-го лица множ. и еще болѣе—2-го един. наст. и буд., уже приспособленныя для другого оттѣнка. Здѣсь скорѣе пригодна форма 5-го (мни-

маго) лица, выражаемая 3-мъ лицомъ ед. ч. (и средн. родомъ въ прошедш. вр.). Иначе говоря, формы *скребетъ, чешется, завозилось* и пр. построены по образцу (по аналогіи) формъ *морозитъ, отморозило, свѣтаетъ, разсвѣло.* Но только степень безсубъектности первыхъ совсѣмъ не та, что̀—вторыхъ. Первыя лишь относительно безсубъектны (идея подлежащаго уже присутствуетъ въ мысли въ формѣ вопроса „кто? что?“) и готовы превратиться въ субъектныя, какъ только подлежащее будетъ найдено, а вторыя—абсолютно-безсубъектны и исключаютъ самую возможность вопроса „кто? что?“.

Въ предѣлахъ этихъ двухъ основныхъ типовъ (1, „говорятъ“ и 2, „завозилось...“) найдутся различныя ступени и оттѣнки относительной безсубъектности. Такъ, между прочимъ, выраженія типа „говорятъ“ нерѣдко относятся къ лицу совершенно опредѣленному, даже въ един. ч. Напр. „васъ *просятъ* пожаловать...“ можетъ означать, что такой-то, имя рекъ, просить пожаловать, и тотъ, къ кому обращена рѣчь, вполнѣ понимаетъ это. Здѣсь оборотъ, употребляющійся для обозначенія *неопредѣленности* лица, для обобщенія лицъ, примѣненъ, какъ манера выражаться (façon de parler), въ другомъ смыслѣ. Въ нѣмецкомъ форма съ *man,* въ разговорномъ языкѣ, нерѣдко относится къ первому, второму и третьему лицамъ. Такъ же и во французскомъ: одинъ говоритъ другому—„on va lire“—„будемъ читать“ и т. п.

Все это служитъ доказательствомъ большой и все растущей популярности безсубъектныхъ оборотовъ, распространяющихся за предѣлы безсубъектности въ собственномъ смыслѣ и становящихся на мѣсто субъектныхъ. Иначе говоря, синтактическая форма 4-го лица (а также, какъ сейчасъ увидимъ, и 5-го) явно стремится ограничивать употребленіе формъ первыхъ трехъ лицъ и становится на ихъ мѣсто. Выраженія по существу субъектныя какъ бы надѣваютъ личину безсубъектности.

II. Абсолютно-безсубъектные.

Ихъ главный признакъ указанъ выше: это именно—невозможность вопроса „кто? что?“, т.-е. полное устра-

неніе самой возможности (а не только наличности) подлежащаго.

Мы ихъ раздѣлимъ на слѣдующіе виды, различаемые *формою сказуемаго*.

1) *Глаголъ-сказуемое имѣетъ форму 5-го (мнимаго) лица*, для которой примѣняется форма 3-го лица един. ч. наст. и буд. врем. и 3-го лица един. *сред. р.* въ прошедш. врем.

Древнѣйшіе образцы этого вида, по лексическому значенію глаголовъ, относятся къ явленіямъ природы и процессамъ въ организмѣ и въ душѣ человѣка. Таковы: *морозитъ, свѣтаетъ, смеркается, тошнитъ, ломитъ, болитъ, хочется* и др. Но въ настоящее время эти обороты уже не ограничиваются указанными лексическими значеніями и относятся также и къ другимъ понятіямъ и представленіямъ. Мы имѣемъ: *рябитъ* (въ глазахъ), *чешется* [1]), *неспится*, „громомъ *убило* человѣка", „вѣтромъ *унесло*...", „*смыло* волною", „экъ его *упораздило!*" „сколько пыли *нанесло!*" „*Помутилось* въ глазахъ", „мнѣ сегодня не *работается*", „ему *не сидится*", „мнѣ *не вѣрится*, что...", „хорошо *живется*...", „мнѣ смутно *помнится*, будто...", „... какъ *говорится*...", „нашего полку *прибыло*" и мн. др.

Изъ приводимыхъ ниже примѣровъ (изъ литерат. и нар. языка) видно, какъ распространены и популярны безсубъектные обороты въ современномъ языкѣ. Большею частью, они, такъ сказать, на нашихъ глазахъ являются замѣною субъектныхъ, внося во фразу свойственный имъ оттѣнокъ устраненія дѣятеля, производителя признака. Когда нужно отвлечь вниманіе отъ дѣятеля, представить дѣйствіе совершающимся само собою, фатально, или—очертить силу, стихійность дѣйствія и т. д., тогда такіе обороты всегда къ нашимъ услугамъ. Съ этой точки зрѣнія, фраза „его *убило* громомъ" со-

[1]) Замѣтимъ разницу между этимъ „*чешется*" (напр. „по всему тѣлу *чешется*") и тѣмъ, которое стоитъ въ вышеприведенномъ [отрывкѣ изъ „Собаки" Тург.: тамъ оно относительно-безсубъектно и сопровождается вопросомъ „кто?" Кромѣ того, оно тамъ имѣетъ другое залоговое значеніе (возвратное).

всѣмъ не то, что „громъ его убилъ“; а напр. „мнѣ *не сидится, не работается*“ прекрасно оттѣняетъ непроизвольность этихъ состояній, возникшихъ во мнѣ помимо моей воли, чего другимъ способомъ и не передашь, по крайней мѣрѣ такъ кратко и выразительно.

2) *Сказуемое выражается отвлеченнымъ или полуотвлеченнымъ глаголомъ вмѣстѣ съ нарѣчіемъ, обладающимъ извѣстною предикативностью и происшедшимъ отъ прежняго существительнаго; чаще всего въ оборотѣ* имѣется *инфинитивъ*. Формула этого оборота такая: *нельзя (жаль...)* [есть] *было, будетъ... сдѣлать*.

Первоначально эти формы были субъектными, когда „*нельзя*“ („*льзя*“), „*жаль*“ и пр. были существительными: они и являлись подлежащими. Съ превращеніемъ ихъ въ нарѣчья, по необходимости исчезло и подлежащее.

Сюда принадлежитъ:

а) *Оборотъ съ предикативнымъ обстоятельственнымъ словомъ „нельзя“*. Это было первоначально существительное *льзя* [1]) (другая форма его была—*лга* [1]), которое и служило подлежащимъ, какъ это мы видимъ напр. въ выраженіи: „кая льзя естъ“, встрѣчающемся въ одномъ церк.-слав. памятникѣ XI-го вѣка (Пандекты Антіоха); здѣсь *льзя*—существительное женск. р.; при немъ стоитъ, согласуясь съ нимъ, мѣстоименіе вопросит. *кая*, а глаголъ *естъ* образуетъ сказуемое. Въ старомъ русскомъ оно уже является въ видѣ нарѣчья, всего чаще съ отрицаніемъ *не* (которое могло отдѣляться отъ *льзя*). Напр.: ... *нелзѣ* бѣше дойти до тьргу сквозѣ городъ... (1-ая Новг. лѣт. п. 1158 г.), *нелзѣ* бо бяше инако изити из града... (тамъ же, п. 1204 г.). ... *нѣ* сѣна людьмъ бяше *лзѣ* добыти... (тамъ же, п. 1228 г.). ... а смородьмь (т.-е. отъ смрада) *нема* вылести... (тамъ же, 1128 г.). А сего пути вборзѣ *нелзи* ходить... („Хожденіе игумена Даніила“, 1113—1115 г.). Изъ писемъ царя Алексѣя Михайловича: „... безъ пѣшихъ обережатыхъ никоими мѣрами ѣхать *нельзя*...“ Всѣ эти формы—

[1]) Оттуда и слова *по-льза, лы-ота*.

нелзѣ, нема, нелзи, нельзя должны быть понимаемы какъ нарѣчья, и приведенныя фразы были уже безсубъектными.

Разсмотримъ ближе характеръ такихъ формъ въ современномъ русскомъ. Возьмемъ примѣры въ родѣ: „этого *нельзя было сдѣлать*“, „*нельзя пропхать*“, „мнѣ *нельзя уйти*“ „*нельзя* ли *получить* эту книгу?“, „*нельзя будетъ жить* спокойно“ и т. п. Здѣсь нѣтъ подлежащаго, и самый вопросъ „кто? что?“—невозможенъ. Точка подлежащаго въ мысли сведена къ нулю,—напротивъ, сказуемое обогатилось, разрослось и занимаетъ много мѣста въ мысли. Мы находимъ въ немъ: α) Глаголъ *есть* (опускающійся), *было, будетъ* въ значеніи не связки въ собственномъ смыслѣ, а того, что можно бы назвать *ложною связкою:* онъ выражаетъ *существованіе, но однако не можетъ быть замѣненъ другимъ глаголомъ аналогичнаго лексическаго значенія* (какъ это возможно въ другихъ случаяхъ, напр. „у меня *есть* деньги“ = „у меня *имѣются (находятся, водятся...) деньги*“; „онъ *былъ* директоромъ...“ = „онъ *состоялъ* директоромъ“); поэтому, онъ и не можетъ быть понимаемъ, какъ глаголъ „существительный“ въ собственномъ смыслѣ, и мы назовемъ его глаголомъ „мнимо-существительнымъ“; но, съ другой стороны, *онъ и не связка,* какъ въ формахъ „онъ *былъ* добръ“, „онъ (есть) боленъ“, „онъ *былъ* купецъ“, „онъ *будетъ* славенъ“ и т. д., ибо глаголъ-связка предполагаетъ наличность второго именительнаго, котораго въ оборотѣ съ „нельзя“ нѣтъ. Вникая въ значеніе глагола „быть“ въ этомъ оборотѣ, мы усматриваемъ, что онъ служитъ здѣсь какъ бы *источникомъ предикативности* нарѣчья „нельзя“ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимъ для того, чтобы можно было относить это нарѣчье къ разнымъ временамъ *(нельзя [есть], нельзя было, нельзя будетъ)* и также выразить сослагательное накл. *(нельзя было бы).* Вотъ именно на основаніи всѣхъ этихъ наблюденій и соображеній мы и опредѣляемъ синтактическій характеръ глагола *быть* въ разсматриваемомъ оборотѣ понятіемъ „*ложной связки*“. β) Далѣе, въ сказуемомъ находится предикативное нарѣчье *нельзя,* которое именно своею предикативностью и разнится отъ другихъ нарѣчій, какъ *хорошо, дурно, весело, высоко, пріятно,*

грустно и т. д. и т. д., не входящихъ въ составъ сказуемаго, а только состоящихъ *при сказуемомъ;* γ) наконецъ, *инфинитивъ* можетъ быть понимаемъ *какъ второе дополнительное* сказуемое, причемъ *лицо* этого инфинитива опредѣляется лицомъ дополненія (при „нельзя"—въ дат. п.). Такъ, въ *„мнѣ нельзя прійти"* лицо инфинитива *„прійти"*—первое, въ *„тебѣ нельзя уѣхать"* лицо инф. *„уѣхать"*—второе, въ *„ему нельзя уѣхать"* оно—третье; наконецъ, при отсутствіи дополненія, оно—четвертое (неопредѣленное): „здѣсь *нельзя курить*".— Такъ какъ глаг. „быть" въ нашемъ оборотѣ имѣетъ свое лицо, именно — *пятое* (мнимое), то слѣдов. этотъ оборотъ характеризуется наличностью двухъ лицъ: 5-го (мнимаго) въ главномъ сказуемомъ и одного изъ остальныхъ четырехъ во второмъ, дополнительномъ сказуемомъ (инфинитивѣ).

б) *Оборотъ съ предикативнымъ обстоятельственнымъ словомъ „жаль"*, которое также нѣкогда было существительнымъ ж. р.; но уже въ старыхъ памятникахъ мы находимъ его въ видѣ нарѣчья въ безсубъектныхъ предложеніяхъ, какъ напр., въ извѣстной рѣчи Владиміра Мономаха на съѣздѣ князей (Лавр. л. п. 1103 г.): „...то лошади *жаль*, а самого не *жаль ли*..." [1])—...*жаль* бо ему мила брата Вьсеволода (Слово о п. Иг.).

Оборотъ съ *„жаль"* въ соврем. русскомъ долженъ быть понимаемъ такъ же, какъ и оборотъ съ *„нельзя"*: подлежащаго нѣтъ, сказуемое состоитъ изъ ложной связки „быть" и предикативнаго нарѣчья *„жаль"*, вторымъ дополнительнымъ сказуемымъ является инфинитивъ, дополненіе при „жаль" стоитъ въ дат. п. и къ нему относится лицо инфинитива. Напр. *„мнѣ жаль было покинуть* родныя мѣста".

Но есть нѣкоторое различіе между оборотомъ съ „жаль" и оборотомъ съ „нельзя": послѣдній всегда сопровождается инфинитивомъ, первый употребляется и безъ инфинитива. Въ случаяхъ, когда при „нельзя" нѣтъ инфинитива, онъ всегда

[1]) Субъектную форму съ глаголомъ „жаловати" (=жалѣть) находимъ въ соотвѣт. мѣстѣ Ипат. лѣт.: то лошади его жалуешь, а самого чему не жалуешь? (п. 1103 г.).

подразумѣвается; онъ либо данъ въ предыдущей фразѣ, либо явствуетъ изъ всего положенія, при которомъ было произнесено „нельзя“. Напр., стучатъ въ дверь и спрашиваютъ: „можно?“ Отвѣтъ: „нельзя!“ (изъ положенія явствуетъ инфинитивъ *„войти“*).—Отрывочно сказанное, въ заключеніе рѣчи, *„такъ нельзя“* дополняется инфинитивами (напр. *дѣлать, поступать, думать, разсуждать,* и пр.), которые явствуютъ изъ предшествующаго, изъ смысла и тона рѣчи.—Въ противуположность этому, оборотъ съ „жаль“ весьма часто употребляется безъ инфинитива: „мнѣ *жаль тебя*“, „ему *жаль денегъ*“,—„*жаль!*“

в) *Оборотъ съ обстоятельственнымъ словомъ „пора“.* — То, что̀ случилось въ отдаленной старинѣ съ существительными *„лзя, лга“* и *„жаль“*, превратившимися въ нарѣчья, повторилось, такъ сказать, на нашихъ глазахъ съ существительнымъ *пора,* которое, внѣ разсматриваемаго оборота, остается въ языкѣ какъ существительное (напр. *„пора* была ранняя“). Но въ выраженіяхъ *„пора обѣдать“*, *„мнѣ пора уходить“*, *„пора тебѣ спать“*, *„пора было ѣхать“*, „скоро *пора итти* на службу“ и т. д. слово „пора“ несомнѣнно уже родъ нарѣчья [1]).

3) *Оборотъ съ отвлеченнымъ или полуотвлеченнымъ глаголомъ (ложною связкою) и непредикативными нарѣчьями, часто съ прибавленіемъ инфинитива.* Таковы: „мнѣ *было весело*“, „ей *сдѣлалось дурно*“, „мнѣ — *хорошо*“, „намъ *пріятно было узнать,* что...“, „здѣсь *жарко*“, „въ залѣ *было холодно*“, „въ комнатѣ *душно*“, „если запереть окно, то *будетъ душно*“, „мнѣ *нужно знать* это“, „уже *поздно!*“, „вамъ еще *рано*

---

[1]) По тому же образцу возникаютъ безсубъектные обороты и съ другими существительными, переходящими въ обстоятельственныя слова; таковы *„страхъ было* видѣть...“, *„грѣхъ было* думать такъ...“— Такіе случаи встрѣчаются уже въ старомъ языкѣ, напр., *„неволя ми было* пристати въ съвѣтъ, ходяче въ руку“ (Лавр. л.). Но эти формы скорѣе должны быть понимаемы какъ *зачатки* безсубъектныхъ оборотовъ, и мы упомянемъ о нихъ ниже. (См. *Потебня,* Изъ зап. т. II стр. 463 и сл., откуда и взяты эти примѣры).

ѣхать“, „ей *стало страшно*“, „ему *стало весело*“, „*было свѣтло*“, „*будетъ трудно* сдѣлать это...“, „*можно войти?*“, „тебѣ *вредно ходить*“, „*было скучно* въ театрѣ“, „по этой дорогѣ *опасно ѣхать*“, „намъ *будетъ удобно* здѣсь“, „мнѣ *стало грустно* при мысли о.....“ и т. д., и т. д.

Такія выраженія попадаются, какъ въ разговорной рѣчи, такъ и въ литературномъ языкѣ на каждомъ шагу.

Въ ихъ ряду отмѣтимъ форму съ нарѣчьями *надобно, надо, нужно: „надобно пойти“, „надо взять“, „надобно думать*, что...“, *„нужно сказать...“*. Эта форма представляетъ тотъ интересъ, что на ней, т.-е. на ея исторіи, можно наглядно прослѣдить одинъ изъ случаевъ превращенія субъектнаго оборота въ безсубъектный. „Надо“, очевидно, есть искаженіе (сокращеніе) формы „надобно“, возникшее въ силу скороговорки (какъ—*съ* изъ „сударь“ и т. п.); форма же *„надобно“* возводится къ прилагательному „надобенъ,—а,—о“, въ свою очередь произведенному отъ стариннаго *„на-добь“* (отъ *доба* — время, часъ съ предл. *на*). „Надобѣ“ было нарѣчьемъ въ знач. „нужно“,— и мы встрѣчаемъ его въ *субъектныхъ* оборотахъ, въ родѣ такихъ: „и тѣм его людемъ *не надобь* ни которая *моя дань*... Ино имъ *не надобь тотъ оброк*... (*Лихачевъ*, Сборн. Актовъ, Грам. 1451 г.), гдѣ *дань* и *оброкъ* суть подлежащія. Эти фразы значатъ: „тѣмъ людямъ его не надобно платить мнѣ никакой дани... имъ не надо платить того оброка“. Съ образованіемъ прилагательнаго „надобенъ,—а,—о“ явилась возможность субъектныхъ формъ со вторымъ именительнымъ, какъ напр., „дань—*не надобна*“. Далѣе, съ обособленіемъ нарѣчья „надобно“ (форма ср. р. ед. ч.) становится возможнымъ безсубъектный оборотъ „не надобно дани“ (или съ инфин.: „не надобно платить дани“), образовавшійся все по тому же типу или шаблону, какой уже въ старину представляли собою формы съ *нельзя* и *жаль*. Безсуб. обороту съ „нужно“ предшествовалъ субъектный съ существ. *нужда:* хронографу же *нужа* есть писати все...“ (Ипат. л. п. 1254 г.).

4) *Оборотъ съ глаголомъ „нѣтъ“* [1]) (изъ не+е (= есть)+ту (= тутъ, сокр. тъ), болѣе древняя форма *нѣсть = не+есть), при которомъ ставится родительный падежъ дополненія, замѣнившаго прежнее подлежащее: „его здѣсь нѣтъ“*, „у меня *нѣтъ времени“*, „у насъ *нѣтъ денегъ“*, „здѣсь *никого нѣтъ“* и т. д. Переходъ отъ субъектности къ безсубъектности ближайшимъ образомъ обусловленъ былъ здѣсь дѣйствіемъ извѣстнаго правила, въ силу котораго именительный падежъ при *„быть“* и его замѣнахъ (находиться, имѣться и др.), подобно винительному прямого дополненія, замѣняется при отрицаніи родительнымъ. Такимъ образомъ на вопросъ въ субъектной формѣ *„есть у васъ время?“* дается отрицательный отвѣтъ въ безсубъектной формѣ: *„у меня нѣтъ времени“*. Замѣняя глаголъ „есть“ другими, получаемъ отрицательныя безсубъектныя выраженія: *„денегъ не имѣется“*, *„этого сочиненія* въ продажѣ *не имѣется“*, *„этой книги* въ библіотекѣ *не оказалось“*, *„такихъ случаевъ не бываетъ“* и т. д.

5) *Оборотъ съ глаголомъ въ страдательномъ залогѣ.* Въ общерусскомъ эта форма ограничена извѣстными, сравнительно немногочисленными выраженіями, къ числу которыхъ принадлежатъ напр.: „славно *сказано!“* „Много *было выстрадано!“*. *„Сказано—сдѣлано“ „Шито—крыто“*.

Какъ мало *прожито*, какъ много *пережито!*
(*Надсонъ*).

Также—съ инфинитивомъ: „разъ *сказано—не дѣлать* этого, такъ и не дѣлайте!“ *„Приказано принимать...“*, *„ не велѣно пускать...“*.

Но въ народномъ языкѣ этотъ оборотъ получилъ дальнѣйшее распространеніе. Напр.

---

[1]) Слѣдуетъ различать глаголъ *„нѣтъ“* отъ возникшаго изъ него же отрицательнаго *нарѣчья „нѣтъ“*, противуполагаемаго утвердительному нарѣчью *„да“*. Во фразѣ: „у меня *нѣтъ* времени“ слово „нѣтъ“—глаголъ (= не есть). Но напр. если на вопросъ: „извѣстно ли вамъ это“ я отвѣчаю: „*нѣтъ*, не извѣстно“, то въ этомъ отвѣтѣ „нѣтъ“ уже не значитъ „не есть“ и является нарѣчьемъ.

У дороднаго добра молодца
Много *было* на службѣ *послужено:*
На печи *было* въ волю *полежано;*
Много цвѣтного платья *поношено:*
По подоконью онучей *попрошено;*
И саха́рнаго куска *поѣдено:*
У ребятъ корокъ *поотымано;*
На добрыхъ коняхъ *попзжено...* [1]).

Примѣчаніе. Этотъ оборотъ весьма обыченъ въ малорусскомъ: за мое жито ще мене *бито*; извѣстенъ и въ другихъ языкахъ, напр. въ польскомъ *(spano*, т.-е. „спали", *siedzono*, т.-е. сидѣли, już dawno na obiad *dzwoniono*, т.-е. „давно уже прозвонили къ обѣду"), во французскомъ (il *a été dansé;* il *fut* bien *ri* de l'aventure), въ латинскомъ *(turbatum est* domi; *actum est* ad me; *curritur; itur* [2]).

Нѣкоторыя изъ этихъ выраженій, именно приведенныя польскія, французскія и латинскія, а также и такія наши какъ *„не велѣно* принимать", *„сказано—сдѣлано"*, могутъ показаться, по своему смыслу, равносильными относительно безсубъектнымъ — каковы „здѣсь уже *спятъ"*, „за обѣдомъ много *пли, пили, болтали, смѣялись"* и т. п. Но это не отнимаетъ у нихъ синтактическаго характера абсолютной безсубъектности (вопросъ „что?" (именит. падежъ) невозможенъ: нельзя спросить: czo spano? или „qu'est ce qu'il a été dansé?"—въ смыслѣ *„кто* спалъ, *кто* танцовалъ?") И если они употребляются *вмѣсто* относительно-безсубъектныхъ, то это такъ же точно не нарушаетъ ихъ синтактическаго характера, какъ напр. употребленіе безсубъектнаго оборота вмѣсто субъектнаго ничуть не мѣшаетъ первому оставаться самимъ собою.

6) *Утвердительные и отрицательные обороты съ инфинитивомъ и дательнымъ дополненія.* Таковы утвердительные (и вопросит.) *„Кому начинать?" „Вамъ сдавать"* (карты). *„Мнѣ*

---

[1]) Примѣръ взятъ у *Потебни*, „Изъ зап. по русск. грамм.", т. I, 143.
[2]) Всѣ эти примѣры взяты у *Миклосича* „Subjectlose Sätze".

ходить“ (въ карточной игрѣ). Отрицательные—чаще: „не *жить ему* на бѣломъ свѣтѣ!“ „Не *видать тебѣ* этихъ подарковъ!“ „Не *гулять ему* на волѣ!“ „*Мнѣ нечего дѣлать*“, „*ему нечего пить*“, „*намъ нечего читать*“, „вамъ у меня *нечему учиться*“, „мнѣ *некуда обратиться* за помощью“, „имъ *негдѣ жить*“, „вамъ *незачѣмъ безпокоиться*“, „мнѣ *никогда* ждать“ и т. д., и т. д.

Примѣчаніе. Такъ какъ въ формахъ *нечего, нечему, некуда* и т. д. скрывается глаголъ *есть (нечего* возникло изъ *не+е(сть)+чего, некуда*—изъ *не+е(сть)+куда* и т. д.), то слѣдовало бы писать: *ничего, ничему, никуда,* гдѣ *и* изъ *е+е,* какъ въ *нисть, нитъ* изъ *не—есть, не—е—тъ;* такъ мы и пишемъ *никогда* (=*не есть когда,* при чемъ не слѣдуетъ дѣлать *орѳографическаго* различія между двумя „нѣкогда“: 1) когда-то и 2) нѣтъ времени).

Въ старину существовалъ (и до сихъ поръ еще сохраняется въ народной рѣчи) соотвѣтственный оборотъ (утвердительный и отрицательный), имѣвшій ту особенность, что въ немъ остались слѣды его былой субъектности. Это именно формы съ инфинитивомъ и дополненіемъ къ нему, имѣющимъ смыслъ винительнаго (прямого дополненія), *а форму—именительнаго.* Вотъ именно этотъ *(ложный)* именительный нѣкогда и былъ подлежащимъ. Конструкція здѣсь была первоначально такая: *правда* (именит. падежъ, подлежащ.) *ему* (для него) *есть* гдѣ (ее) *достати,—правда ему* (для него) *не есть* гдѣ (ее) *достати,* т.-е. здѣсь было подлежащее *(правда),* сказуемое же было выражено отвлеченнымъ глаголомъ *есть* („существовать“), къ которому примыкалъ въ качествѣ дополнительнаго сказуемаго инфинитивъ *достати.* Въ такомъ видѣ оборотъ этотъ походилъ на нѣмецкій и французскій обороты въ глаголами *être, sein* и инфинитивами съ предлогомъ, положимъ—à faire, zu machen, напр., „*какъ намъ* будетъ *стѣна* пройти“ Миклосичъ передаетъ по-нѣмецки: wie wird die Mauer von uns *zu passiren* sein [1]).

---

[1]) Miklosič, Vergl. Gramm. der slav. Sprach. IV. Syntax, стр. 346.

Но въ томъ видѣ, какъ этотъ оборотъ дошелъ до насъ, именительный („стѣна“) уже не имѣетъ значенія подлежащаго, а сбивается на винительный, примыкая къ инфинитиву (пройти) въ качествѣ прямого дополненія. Такимъ образомъ, оборотъ изъ субъектнаго превратился въ безсубъектный.

Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ такъ называемыхъ „пѣсняхъ Джемса“ (1619—1620 г.):

... а ему (Михаилу Ѳедоровичу) *здержати* Царство Московское и *вся земля Святорусская*... А *кому* у насъ *держать Рязань старая*... а *боярину конюшему держать Рязань старая*... *Отворити будетъ темна келья*...

Въ „Уложеніи“ Царя Алексѣя Михайловича:

... *росправа дати*... и *діаку* за то *учинити торговая казнь*... *отсѣчи рука правая*...

У Котошихина: ежели за раба *выдать госпожа*...

Изъ „Сборника Актовъ“, Лихачева:

... *взяти ми* у Ивашка... *полтина* по кабалѣ... (Духовная 1500 г. (?),... ино ся *кабала ему выдати* безденежно (Духовн. 1551—1552 г.)... А *поминати моя душа архимандриту Сергию*... (Духовн. 1585—1586 г.) и т. д.

... Ино *снять рубашка*... (Домострой).

Изъ болѣе старыхъ текстовъ:

А мнѣ, рече, дай Богъ *исправити правда Новгородская* (1-ая Новгор. л. п. 1229 г.) ... ино *дать* на него *грамота судная*... (Новгор. судная грам. 1471 г.). А *черна куна имати* по старымъ грамотамъ... (Договоръ Новгорода съ польскимъ королемъ Казиміромъ IV, 1470 (1) г.)... ино государю *правда давши* взять свое... (Пск. судн. грам. 1397—1467 г.).

Изъ народной поэзіи:

Нашему-то гостю... *истопить*-то *теплая парная баенка*... (Рус. Был., изд. Тихонр. и Милл., 211).

Воспокинуть вся крестьянска наша жирушка... (Прич. Сѣв. Кр., Барс., I, 147).

Потерять тебѣ будетъ *буйна голова* (Рус. Был., изд. Тихонр. и Милл., стр. 70).

Не подобаетъ мнѣ ка *взять дѣвка невѣрная*... (Тамъ же, стр. 84).

Потерять-то намъ будетъ *слава добрая*... (Тамъ же, стр. 93).

III. Переходныя формы. — Кромѣ различныхъ видовъ относительной и абсолютной безсубъектности встрѣчаются весьма нерѣдко формы, находящіяся, такъ сказать, на полпути отъ субъектности къ безсубъектности. Въ нихъ первой уже нанесенъ большой ущербъ черезъ нарушеніе согласованія сказуемаго съ подлежащимъ. Это—переходныя формы, зачатки новыхъ безсубъектныхъ оборотовъ.

Сюда принадлежатъ:

1) *Случаи нарушенія согласованія глагола — сказуемаго съ подлежащимъ, въ которомъ находится числительное: „прошло три года“, „пять лѣтъ минуло“,* „скоро *исполнится 40 лѣтъ* со времени...“, „тому *будетъ мѣтъ 30...*“ и т. д. Здѣсь нѣтъ согласованія сказуемыхъ съ подлежащими въ числѣ, въ силу чего выраженія „три года“, „пять лѣтъ“ и т. д. уже не могутъ разсматриваться какъ истинныя подлежащія. Они являются здѣсь дополненіями въ винит. пад. на вопросъ „сколько?“. Глаголы — сказуемыя этихъ оборотовъ подверглись вліянію безсубъектныхъ типа „морозитъ“, „разсвѣло“, а прежнія подлежащія „три года“ и пр. стали чувствоваться какъ дополненія по аналогіи съ такими случаями, какъ, напр., „онъ высидѣлъ въ комнатѣ *цѣлыхъ три мѣсяца*“, „онъ былъ въ отлучкѣ *пять лѣтъ*“, „мы прожили въ Москвѣ *15 лѣтъ*“ и т. п., гдѣ „три мѣсяца“, „пять лѣтъ“ и пр. суть дополненія (въ вин. п.), на вопросъ „сколько?“—Что въ предложеніи „прошло три года“ сочетаніе „три года“ не можетъ быть разсматриваемо какъ истинное подлежащее, на это указываетъ также оборотъ „прошло много лѣтъ“, очевидно, совершенно параллельный первому; нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь форма „три года“ *синтактически равносильна* выраженію „много лѣтъ“. А послѣднее никоимъ образомъ не можетъ быть сочтено за подлежащее (ибо гдѣ же тутъ именительный падежъ?). Предложеніе „прошло много лѣтъ“—безсубъектно, и въ немъ „много лѣтъ“—обстоятельство времени.

Но при всемъ томъ, есть какое-то различіе между *этими* оборотами и вышеразсмотрѣнными безсубъектными. Различіе проявляется въ томъ, что безсубъектность формъ „морозитъ“, „тошнитъ“, „разсвѣло“ и прочихъ не требуетъ доказательствъ (это — безсубъектность „самоочевидная“), между тѣмъ какъ безсубъектность формъ „прошло пять лѣтъ“ и т. п. еще нуждается въ обоснованіи, въ обнаруженіи. Иначе говоря, мы, употребляя эти обороты, не чувствуемъ ихъ безсубъектнаго характера съ полной отчетливостью. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ я и называю ихъ *переходными*. Они *уже* безсубъектны, но въ нихъ дополненія „три года“, „пять лѣтъ“ и т. д. *еще* являютъ, въ нашей грамматической рефлексіи, *ложный видъ подлежащаго*. Ихъ можно называть *ложными* или *мнимыми подлежащими*.

Все сказанное здѣсь относится и къ формамъ съ глаголомъ въ страдат. зал., каковы, напр.: *„было куплено 5 фунтовъ* чаю“,—*„было уплачено 10 рублей“*, *„взято два аршина* сукна“ и т. д. — Здѣсь также числительное съ существ. отвѣчаетъ на вопросъ „сколько?“ (а не—„что?“) и образуетъ дополненіе въ вин. пад.; такъ же, какъ и въ „прошло три года“, эти числительныя (*пять* фунтовъ и пр.) стоятъ въ винит. пад. Но съ тѣмъ вмѣстѣ и здѣсь они являютъ *ложный видъ* именит. падежа и сбиваются, въ нашемъ грамматическомъ ощущеніи, на подлежащее.—Это, слѣдов., также *ложное (мнимое) подлежащее,* и данныя формы должны быть понимаемы — какъ *переходныя,* какъ формы съ уже готовою, но еще не вполнѣ выяснившеюся безсубъектностью.

Любопытно отмѣтить, что перестройка этихъ формъ въ духѣ безсубъектности (т.-е. нарушеніе согласованія сказуемаго съ подлежащимъ) началось уже въ старину. Такъ въ церк.-слав. (именно въ древнѣйшихъ памятникахъ) встрѣчаемъ формы, въ родѣ: пѧть же *бѣ* отъ нихъ боуй и пѧть мѫдръ (Маріин. ев.); въ старомъ русскомъ также: *есть* у насъ *20 тысячъ* (Лавр. п. 971 г.) [1]). При этомъ нужно имѣть въ

[1]) Еще примѣры:... *бѣ* же ихъ числомъ *300*... (Лавр. п. 1169 г.).—... дний бо *есть* отъ года до года *300* и *60* и *5*... (Лавр. п. 1074).—...и

виду слѣдующее. На первый взглядъ можетъ показаться, что здѣсь нѣтъ нарушенія согласованія, такъ какъ эти числительныя *пѧть* (ц. сл.) и *двадесять* (русс.), какъ и другія той же формаціи (шесть, седмь, восемь... десять...), были существительными женскаго рода (какъ *честь, Русь* и т. д.) и *единств. числа;* слѣдов. глаголы *бы, есть,* повидимому, вполнѣ согласуются—первый—съ *пѧть,* второй — съ *20.* Но припомнимъ (см. „Введеніе“), что въ старину имена *собирательныя* разсматривались почти какъ форма *множеств. числа,* и глаголы, къ нимъ относящіеся, ставились во *множ. числѣ: идуть* Русь... *дружина* смѣятися *начнуть*... Числительныя же *пять, шесть... десять* и т. д., несомнѣнно, были *такими же собирательными,* а потому мы ожидали бы согласованія глагола во множ. числѣ (пѧть... *бѣшѧ*....., *суть* 20 тысящь...), чего, въ приведенныхъ примѣрахъ, однако, не находимъ. Это, стало быть, уже нарушеніе согласованія и симптомъ начавшагося преобразованія оборота въ направленіи къ безсубъектности.— Рядомъ съ этимъ находимъ и субъектныя формы съ правильнымъ согласованіемъ, напр. „и слышавъше десѧть *начаша* негодовати“ (Остром. ев., Марк. X, 41) [1]).

2) Другую разновидность того же оборота представляютъ формы съ нарѣчіями количества, какъ приведенное выше „прошло *много* лѣтъ“. Безсубъектный характеръ этихъ формъ гораздо яснѣе выраженъ, и мы имѣли бы право причислить ихъ къ абсолютно-безсубъектнымъ; но обычное пониманіе ихъ какъ субъектныхъ, причемъ сочетаніе „много лѣтъ“ признается подлежащимъ, заставляетъ насъ смотрѣть на нихъ какъ на переходныя, не окончательно опредѣлившіяся *въ грамматическомъ сознаніи:* вѣдь ошибочное опредѣленіе оборота, въ извѣстной мѣрѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что истинный характеръ его не схваченъ еще грамматической ре-

---

собрася братьи къ нему числомъ *12*... (Лавр. п. 1051 г.)—...церквии *згорѣ 16*... (Лавр. п. 199 г.).—

[1]) Примѣръ взятъ у *Буслаева,* Историч. Грамм. р. я., Синтакс., стр. 221.

флексіей.—Сюда принадлежатъ столь распространенныя выраженія съ нарѣчіями: *много, мало, сколько, столько, немного, довольно, достаточно* и др. Напр.: *„много воды уплыло...“*, „у меня *много книгъ*“, „у насъ *мало* времени“, *„осталось немного мяса“*, *„товару закуплено столько, сколько было нужно“*, *„сколько вещей* у васъ?“ и т. д.

3) Различные обороты, въ которыхъ мы наблюдаемъ какъ бы колебаніе между субъектностью и безсубъектностью; таковы вышеупомянутые: *страхъ было, стыдъ было,* а также *„охота* тебѣ *было* впутываться въ это дѣло“ и т. п. выраженія.—У *Достоевскаго:* „Вотъ и *вышло* тогда *первая моя штука:* встрѣчаю я Агафью Ивановну...“ и т. д. („Братья Карам.“ ч. I, кн. III, гл. IV.). Также съ *„оно“* (начатокъ мнимаго мѣстоим.): Только все-таки *хорошо оно,* что такъ произошло. И дурно *оно* было, и *хорошо оно было. (Дост.*, тамъ же, ч. III, кн. VII, гл. III). *Оно,* впрочемъ, такъ и *было,* тутъ и угадывать было нечего. (Тамъ же, ч. IV, кн. XI, гл. VI.).—*Оно,* правда, *совѣстно* немного обыгрывать старухъ (*Гонч.*, „Обрывъ“, ч. I, гл. I.).

4) Сюда же можно отнести и *инфинитивы* въ придаточныхъ предложеніяхъ съ *если, еслибы, когдабы, чтобы, при субъектности главнаго предложенія,* напр. *„еслибы знать* это заранѣе, мы поступили бы иначе“,—„я позвалъ васъ, *чтобы сказать* вамъ...“.—Лицо инфинитива явствуетъ изъ главнаго предложенія, но оно не выступаетъ въ придаточномъ какъ полноправное и несомнѣнное подлежащее,—и оборотъ отражается въ нашемъ сознаніи не то какъ субъектный, не то какъ безсубъектный.

5) Выраженія въ родѣ: „не *подумалось*-ли тебѣ тогда и *то, что* я именно желаю, чтобъ...“ (*Дост.* „Бр. Кар.“ ч. IV, кн. XI, гл. VI.), гдѣ *что*—союзъ (а не мѣстоим.), а потому *„то“* утрачиваетъ долю своего мѣстоименнаго значенія и готово стать частицею („то, что“ вмѣсто одного „что“).

Развитіе безсубъектныхъ формъ въ современномъ языкѣ должно быть понимаемо какъ одно изъ важнѣйшихъ проявленій все той же эволюціи предложенія въ сторону перевѣса

сказуемаго надъ подлежащимъ, устраненія именныхъ элементовъ предложенія и усиленія его глагольности.—

Образчики безсубъектныхъ оборотовъ въ старомъ русскомъ.

И вниде Игорь в Кыевъ, и *не годно* бысть людемъ... (Лавр. л. п. 1146 г.)—... *Жаль* бо ны *есть*... (Ипат. л. п. 1147 г.)—... *Жаль* бо ны *есть* брата своего Игоря... аже уже братъ нашъ убитъ, а пошелъ к Богови, а тамо *намъ всимъ быти*, а то *Богови правити*...—(Ипат. л. п. 1148 г.)—Пакы ли *имъ* про Игоря ворожду *имѣти*... (т.-е. „если же они опять будутъ враждовать изъ-за Игоря, то... (Ипат. л. п. 1148 г.)—... и ту имъ отъ Гюргя *взяти не бысть*. (Ипат. л. п. 1148 г.)—... а друзии (идоша) *кому* куды *годно*. (Ипат. л. п. 1148 г.)—... И *тобѣ было* въѣхавши (дѣеприч.) въ Кыевъ брата моего *яти* и *жена моя* [*ложный именительный*, но есть варіантъ: жену мою], и домъ мой *взяти*. (Ипат. л. п. 1149 г.; это значитъ: у тебя было на умѣ (ты замыслилъ) схватить брата моего и т. д.)—Тако ми *вошло* во уши, оже мя ведете льстью... (Ип. л. п. 1147 г.)—Пріимите славу свѣта сего, аще *ся вамъ* его *хощеть*... (1-ая Новг. л. п. 1245 г.)—И повелѣ Ольга, яко *смерчеся*, пустити голуби и воробьи (Ипат. л. п. 946 г.)—Уже *намъ* нѣкамо *ся дѣти*, и волею и неволею *стати* противу (Ипат. л. п. 971 г.).—По грѣхомъ нашимъ *загорѣся* на Кузмодемьяни улици... (1-ая Новг. л. п. 1267 г.)—Уже *есть* велми къ ночи... (Тамъ же).—И *ключися ему убудитися*... (Лавр. л. п. 1128 г.)—... а тому два года *(ложное подлежащее) минуло*... („Сборн. Акт.“ *Лихач.*, Прав. Грам. 1453 г.)—*Неволя [ложное подлежащ.]* ми *было* пристати въ совѣтъ, ходяче (дѣеприч.) въ руку... (Лавр. л. п. 1097 г.)—... бысть знамение на солнчи, и *толико оста его*, якоже бываетъ мѣсяць 4 дний... (1-ая Новг. л. п. 1140.)—... *почя убывати солнця*... и пакы *начя прибывати* (1-ая Новг. л. п. 1124 г.)—Съ гл. *жить* вм. быть, бывать:... А какъ вода сольетъ [отливъ—въ Венеціи], и (=то) кругъ (нар.=вокругъ) города *живетъ* сухо (нар.) саженъ за 5 и за 6 (Отчетъ посла Як.

Молвянинова 1582 г.).—А зимы у нихъ всего 3 мѣсяца, а лѣтомъ у нихъ *живетъ* жарко... (Вѣдом. о Китайской землѣ 1669 г.).—Шесть часовъ *воды убываетъ*, а шесть часовъ *прибываетъ* („Отчетъ Якова Молвянинова 1582 г. Буслаевъ, Христом., стр. 887).—А какъ *ся* у нихъ *дѣлалось* въ Римѣ... (тамъ же, стр. 885; но тутъ же и субъектно: какъ *ся* у нихъ *государево дѣло дѣлалось.)*—... а брата своего (Димитрія) приказалъ (царь Ѳедоръ Ив.) погребсти [не ожидая пріѣзда государя:] понеже его пріѣздомъ *оживленія* ему *не будетъ*. (Котошихинъ, стр. 3). — Мало *государству не опустѣти*. (тамъ же, 4)—... И отъ того *пришлобъ* самому царю въ стыдъ (тамъ же, 63).—Не *мьпо* ли ны *бяшетъ*... *начяти* старыми словесы... (Сл. о Полку Игор.)—...и пророка въ нашѣ дни *нѣтутъ*, ни апостола (Ипат. л. п. 1149 г.)—... бысть буря велика, и *много* пакости *бысть*, по селомъ дубье *подрало*. (Лавр. п. 1302). И *нѣсть* вамъ *части* в Русской земли. (Суздальск. лѣт. по Акад. сп. п. 1214 г.).

ИЗЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.

... Какъ вдругъ *подхватило* ихъ буйнымъ вѣтромъ и *унесло* высоко-далеко... (Сказки Аѳан., I, № 80).—Вдругъ *застучало, загремьло... Стало* его въ сонъ *бросать*... (тамъ же).—Только полночь *ударило* (тамъ же II, стр. 544).—Полны палаты чертей *набѣжало* (тамъ же).—Немного погодя, *осіяло* и небо и землю—летитъ по воздуху золотая колесница.., (тамъ же, II, 419). —

... И *написано* на розстани:
Во праву руку *ѣхать—женатому быть;*
Во лѣву руку *ѣхать—богатому быть;*
Прямо *ѣхать—убитому быть*.
Раздумался старой казакъ Илья Муромецъ:
Ненадобно старому женатому быть
И *мнѣ не надо*, старому, богатому быть, —
Я поѣду, *гдѣ убитому быть*.
(Русск. был., изд. Тихонр. и Милл., 18).

Будто *не стало* Илья Муромца... (Тамъ же, 23).

И тутъ старому за бѣду *стало*... (Тамъ же, 31).

У всѣхъ [у Калина-царя съ 40 царями] *было силы набрано*,
У всѣхъ *было силы заправлено*,
У всѣхъ *было силы* по сороку тысячей,
У самого собаки царя Калина
Силы было и смѣты нѣтъ. (Тамъ же, 39).

Да еще *было* на Соколѣ на кораблѣ:
Еще вмѣсто очей *было вставлено*
Два камня, два яхонта [ложн. подлежащ.]
(Тамъ же, 63).

Ей давнымъ-давно, Настасьѣ, *было сказано*,
За недѣлюшку, Микулишнѣ, *приказано*,
Что *сидѣть* бы ей вдовою ровно девять лѣтъ...
(Тамъ же, 79).

Во Кіевѣ городѣ *было бывано*,
Много пива-вина *было пивано*... (Тамъ же, 94).

Да кого же *намъ послать* за Алешенькой,
Да *попросить* его на почестенъ пиръ?
(Тамъ же, 106).

Не спится Ивану, *не дремлется*;
Ему вдвое, втрое *грезится*. (Тамъ же, 154).

Тутъ за бѣду *стало*,
За великую обиду *показалося*... (Тамъ же, 157).

Сошли же намъ, Боже,
Да сильнаго дождю,
Чтобъ росы *не сушило*,
Косы *не тупило!*
Собол., Великор. п. II, № 7.

Или те, Ивашку, солнышкомъ *печетъ*,
Солнышкомъ *печетъ*, частымъ дождичкомъ *сѣчетъ*..?
(Тамъ же, II, № 37).

Неравно замужъ *пойдется*... Тамъ же, II, № 112.

Что ночесь мнѣ мало *спалось*,
Мало *спалось*, много *видѣлось*... Тамъ же, I, стр. 245.

Набѣжало тутъ *девять* разбойничковъ...
Тамъ же, I, стр. 258.

А намъ *встрѣтилося девять* разбойничковъ...
Тамъ же, I, стр. 260.

Ты какого роду, какой земли,
И какъ тебя именемъ *зовутъ?* Тамъ же, I, стр. 263.

Мнѣ *стоснулось*, мнѣ *сгруснулося*,
Захотѣлося къ родной матушкѣ...
Тамъ же, I, стр. 266.

Ужъ не я ли, дѣвка, знала,
Сама вѣдала,
Что *не быть мнѣ* за княземъ,
Ни за княземъ, ни за бояриномъ,
А *быть мнѣ* за воромъ,
За разбойничкомъ. Тамъ же, I, стр. 282.

У насъ на Дону
Не ткутъ, не прядутъ,
. . . . . .
Все вино *пьютъ*... Тамъ же, I, 305.

У насъ на Дону весело *живутъ:*
Не ткутъ, не прядутъ, не сѣютъ, не жнутъ...
(Тамъ же, I, 306).

Изъ писателей.

Что̀ ты думаешь: доѣдетъ то колесо, *еслибъ случилось*, въ Москву, или не доѣдетъ?.. *(Гоголь*, „Мерт. Души“, гл. I).

Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, *мнѣ было весело подъѣзжать* въ первый разъ къ незнакомому мѣсту... *(Гог.*, „Мер. Души“, гл. VI).

Батюшки мои, *сколько* васъ здѣсь *напичкано!*.. (Тамъ же, гл. VII).

Мастеръ ли ты былъ, или просто мужикъ, и какою смертью тебя *прибрало?* (Тамъ же).

Абакумъ Ѳыровъ! Ты, братъ, что? Гдѣ, въ какихъ мѣстахъ шатаешься? *Занесло* ли тебя на Волгу... (Тамъ же).

„А что *вамъ нужно?*“ сказали оба чиновника, оборотившись.—„А *мнѣ нужно подать* просьбу“. (Тамъ же).

И точно, не на что *было жаловаться*... (Тамъ же).

Чтобъ это сколько-нибудь *изъяснить*, *слѣдовало бы сказать* многое о самихъ дамахъ, объ ихъ обществѣ, *описать*, *какъ говорится*, живыми красками ихъ душевныя качества... (Тамъ же, гл. VIII).

... И *поминай*, какъ *звали*... Ну *попробуй*, напримѣръ, разсказать... (Тамъ же).

Непріятно, *смутно было* у него на сердцѣ... (Тамъ же).

Даже *не происходило* въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ ничего такого, что *называютъ* въ столицахъ комеражами (Тамъ же, гл. IX).

Инспекторъ врачебной управы вдругъ поблѣднѣлъ: ему *представилось*, Богъ знаетъ что: что подъ словомъ „мертвыя души“ не разумѣются ли больные, умершіе въ значительномъ количествѣ въ лазаретахъ и другихъ мѣстахъ отъ повальной горячки, противъ которой *не было взято* надлежащихъ мѣръ... (Тамъ же).

Случилось же такъ, что... (Тамъ же).

Если его *спросить* прямо о чемъ-нибудь, онъ никогда не вспомнитъ..., а *если спросить* о чемъ другомъ, тутъ-то онъ и приплететъ его, и разскажетъ съ такими подробностями, которыхъ и знать *не захочешь*. (Тамъ же).

Для всего этого *предположено было собраться* нарочно у полицмейстера... (Тамъ же).

Работы *оставалось* еще, по крайней мѣрѣ, на двѣ недѣли... (Тамъ же).

Ему (Тентетникову) *не гулялось*, *не ходилось*, *не хотѣлось* даже подняться вверхъ... („Мерт. Д.“, часть II, гл. I).

То онъ велъ рѣчь о роли кельтійскаго племени въ исторіи; то его *уносило* въ древній міръ, и онъ разсуждалъ объ эгинскихъ мраморахъ... *(Тург.*, „Дымъ“, III).

Ворошилова вдругъ *прорвало:* единымъ духомъ, чуть не захлебываясь, онъ назвалъ Дрэпера, Вирхова... Гельмгольца... Стара, Стура... (Тамъ же, IV).

Прошло дня три. *Меня подмывало* пойти къ Ратчамъ; *мнѣ сдавалось*, что въ ихъ домѣ я долженъ былъ найти разгадку

всего... Но *мнѣ пришлось бы* опять встрѣтиться съ ветераномъ... *(Тург.*, „Несчастная“, гл. XVI).

Такъ *прошло*, не знаю, *сколько времени... (Тург.*, „Странная исторія“). [Но тамъ же субъектный оборотъ *„первыя десять минутъ прошли* довольно скоро“].

... и *неловко мнѣ становилось* подъ ихъ (глазъ) упорнымъ, тяжелымъ, грознымъ взоромъ... (Тамъ же).

Насъ *было человѣкъ шесть... (Тург.*, „Степной король Лиръ“), ... онъ не дышалъ. „Духъ *отшибло*“—пробормотали подошедшіе мужики... (Тамъ же, гл. XXVIII).

Ему брусомъ затылокъ *проломило*, и грудь онъ себѣ раздробилъ, какъ *оказалось* при вскрытіи. (Тамъ же).

Уже совсѣмъ *вызвѣздило*, когда онъ вышелъ на крыльцо. И *сколько-жъ их высыпало*, этихъ звѣздъ... Луны *не было* на небѣ... *(Тург.* „Вешнія воды“, XX).

О, какъ глубоко и радостно *вздохнулось* Санину, какъ только онъ очутился у себя въ комнатѣ... *ему слѣдовало* отдохнуть... (Тамъ же, XXXVIII).

У меня духъ *захватило. (Тург.*, „Стукъ... стукъ... стукъ“).

Но отъ всего ея существа *вѣяло* чѣмъ-то сильнымъ и смѣлымъ, чѣмъ-то стремительнымъ и страстнымъ. *(Тург.*, „Новь“, VI).

... его *судили... осудили, лишили* чиновъ, дворянства, *сослали* въ Сибирь. Потомъ *простили... вернули.* (Тамъ же).

И ему словно *легче становилось.* (Тамъ же, VII).

Залежалымъ запахомъ, запахомъ камфоры и мускуса *несло* отъ всей особы старика... *(Тург.*, „Вешнія воды“, XVIII).

Вамъ такъ *весело* верхомъ ѣздить? (Тамъ же, XLI).

„Какъ тамъ, должно быть, *свѣжо* подъ деревьями!“ *подумалось ему*... Съ каждымъ шагомъ *ему становилось все привольнѣе, все веселѣй... (Тург.*, „Дымъ“, X).

Его такъ и *покоробило*... (Тамъ же).

Съ каждымъ мгновеніемъ... *Литвинову становилось все болѣе и болѣе неловко.* Какъ онъ радовался тому, что *ей не вздумалось разспрашивать* его о его намѣреніяхъ! *Ему бы пришлось высказаться*... (Тамъ же)... Литвиновъ взялся за

книгу, но *ему не читалось*. (Тамъ же, XI).—„Тутъ... маленькое недоразумѣніе...“ началъ онъ (Потугинъ) не безъ запинки.—„Конечно, я всегда съ удовольствіемъ..... ..... но меня собственно... меня къ вамъ *прислали*. (Тамъ же).

... въ комнатѣ *было прохладно;* только очень сильно *разило* тѣмъ лѣснымъ запахомъ, который всюду сопровождалъ Мартына Петровича. (*Тург.*, „Степной король Лиръ“, VI).

Покамѣстъ барину теперь
Покой особенный *отводятъ*
И настежъ *отворяютъ* дверь...
. . . . . .
. . . . . .
Сказать-ли вамъ, кто онъ таковъ?
(*Пушк*, „Графъ Нулинъ“)

... *Не взросло*
Тамъ ни *былинки*... (*Пушк.*, „Мѣдн. Всадн.“).

Шуйскій.—Вѣсть важная! и если до народа
Она дойдетъ, то *быть грозѣ великой!*
Пушкинъ.—Такой грозѣ, что врядъ *царю Борису*
Сдержать вѣнецъ на умной головѣ.
(*Пушк.*, „Бор. Годун“).

Я подданнымъ рожденъ, и *умереть*
Мнѣ подданнымъ во мракѣ-бъ *надлежало.*
(Тамъ же).

Всѣ говорятъ, *нѣтъ правды* на землѣ.
(*Пушк.*, „Моц. и Сальери“).

. . . . . а *мнѣ хотѣлось*
Тебя нежданной шуткой угостить. (Тамъ же).

Довольно съ васъ...
Вамъ все равно, *съ чего бы ни начать*...
(*Пушк.*, „Кам. Гость“).

Однако ужъ и *смерклось.* (Тамъ же).

. . . . Да *долго-ль будетъ*
Мнѣ съ нимъ *возиться?* Право, *нѣтъ* ужъ *силъ!*
(Тамъ же).

Женился—и заботы настаютъ:
То *надобно* сосѣдей *навьстить*,
То на охоту *ѣхать* съ соколами
. . . . . .
Туда, сюда—а дома *не сидится*. (*Пушк*., „Русалка“).
Что, сестрицы: въ полѣ чистомъ
Не догнать ли ихъ скорѣй?
Плескомъ, хохотомъ и свистомъ
Не *пугнуть* ли ихъ коней?
Поздно... (Тамъ же).
Всегда такъ *будетъ* и *бывало*,
Таковъ издревле бѣлый свѣтъ,
Ученыхъ *много*, умныхъ *мало*,
Знакомыхъ *тьма*, а друга *нѣтъ*. (*Пушк*.).
Ведутъ ко мнѣ коня... (*Пушк*., „Осенью“).
Ему *было около 35 лѣтъ*... (*Пушк*., „Выстрѣлъ“).

Однажды *играли* въ карты у конногвардейца Нарумова. (*Пушк*., „Пиков. дама“).

— Однако, *пора спать*. — Въ самомъ дѣлѣ, ужъ *разсвѣтало*.—Въ гостиной *пробило* двѣнадцать... (Тамъ же).

Въ эпоху, нами описываемую, ей (дочери Кирилла Петровича) *было* семнадцать лѣтъ... (*Пушк*., „Дубров.“, гл. VIII).

... Къ счастью, *недалеко было* отъ деревни; пока до нея *дотащились*, да *отыскали* кузнеца, да все кое-какъ *уладили*, *прошло* ровно *три часа* — *дѣлать было нечего*. (*Пушк*., „Дубровскій“, гл. IX).

... *нельзя ли*, мусье, *переночевать мнѣ* въ вашей комнатѣ... (Тамъ же, X).

— Насъ *могутъ* застать, сказалъ онъ мнѣ: *надобно поспѣшить*. (*Пушк*., „Кап. дочка“, гл. IV). — Я зналъ, что съ Савельичемъ *спорить было нечего*... *Начинало смеркаться*. (Тамъ же, XI).

Счастливъ ребенокъ! и въ люлькѣ *просторно ему*;
но *дай* время
Сдѣлаться мужемъ—и тѣсенъ покажется міръ.
(*Лерм*.).

Всѣмъ жалко васъ: вы такъ устали!
Вы не хотѣли танцовать —
И цѣлый вечеръ танцовали!
Какъ наконецъ *не перестать!* (*Лерм.*).
И *вьется*, и *плачется*,
И такъ *легко*, *легко*... (*Лерм.*).
О, какъ *мнѣ хочется смутить* веселость ихъ,
И дерзко *бросить* имъ въ глаза желѣзный стихъ...
(*Лерм.*).
И *скучно*, и *грустно*, и *некому руку подать*...
. . . . . .
Въ себя-ли *заглянешь?* Тамъ прошлаго *нѣтъ* и слѣда...
(*Лерм.*).
Въ глазахъ, какъ на небѣ, *свѣтло;*
Въ душѣ ея *темно*, какъ въ морѣ.
. . . . . .
Понять *невозможно* ее,
Зато *не любить невозможно*. (*Лерм.*).
На свѣтѣ *мало*, *говорятъ*,
Мнѣ остается жить...
. . . . . .
. . . . . .
Пускай она поплачетъ...
Ей ничего *не значитъ!* (*Лерм.*).

Я остановился въ гостинницѣ, гдѣ останавливаются всѣ проѣзжающіе, и гдѣ между тѣмъ *некому велѣть* зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которымъ она поручена, такъ глупы или такъ пьяны, что отъ нихъ никакого толка *нельзя добиться*. (*Лерм.* „Герой наш. врем.“, П. Макс. Макс.“).

... и къ свисту пули *можно привыкнуть*... (Тамъ же, „Бэла“).

И точно, такую панораму врядъ ли гдѣ еще *удастся мнѣ* видѣть... (Тамъ же).

Нынче поутру у колодца только и *было* толковъ, что о ночномъ нападеніи черкесовъ. (Тамъ же, „Кн. Мэри“).

Два часа ночи... *не спится*... А *надо* бы *заснуть*, чтобъ

завтра рука не дрожала. Впрочемъ, на шести шагахъ *промахнуться трудно*. (Тамъ же).

Мнѣ какъ-то разъ *случилось прожить* двѣ недѣли въ казачьей станицѣ... (Тамъ же, III. „Фаталистъ“).

Завтра новолуніе: *ожидаютъ* перемѣнъ, крѣпкихъ вѣтровъ. *(Гончаровъ.* „Фрегатъ Паллада“, т. II, гл. V).

... часовъ съ шести вечера вдругъ *заштилило*... Намъ *остается миль триста*...

Насъ *нѣсколько человѣкъ сѣло* въ катеръ... и поѣхали, прикрывшись холстиннымъ тентомъ; но и то *жарко: выставишь* нечаянно руку, ногу, плечо — *жжетъ*... суда, мимо которыхъ мы ѣхали, будто спятъ: *ни малѣйшаго движенія* на нихъ; на палубѣ *ни души*... Куда-жъ *пристать?*.. *Стали* спорить; большинство рѣшило пристать немедленно; но тутъ теченіемъ *потащило* насъ на мель... (Тамъ же)... зелени нигдѣ *не видать*... Ахъ, какъ не хорошо *пахнетъ*... *Пахло* въ самомъ дѣлѣ не хорошо... Изъ лавокъ на насъ *несло* попеременно мыломъ, сапожнымъ товаромъ, пряностями, чаемъ... (Тамъ же).

Мы бросимъ жребій, *кому первому стрѣлять*. *(Лерм.* „Герой наш. врем.“, Кн. Мэри). —

— „Когда я носилъ вотъ такой какъ у васъ мѣшочекъ, такъ у насъ *носили* на лѣвомъ боку... а у васъ мѣшокъ на правомъ боку, *вамъ неловко* доставать“.—Алеша безо всякой предумышленной хитрости началъ прямо съ этого дѣлового замѣчанія, а между тѣмъ взрослому и *нельзя* начинать иначе, если *надо войти* прямо въ довѣренность ребенка... *Надо* именно *начинать* серьезно и дѣловито, чтобы *было* совсѣмъ на равной ногѣ... *(Дост.*, „Бр. Карам.“, ч. II, кн. IV, гл. III).

Служанокъ у нея *было* двѣ... *Было* у ней во флигелѣ всего три комнаты... (Тамъ же, ч. III, кн. VII, гл. III).

— Да *полно* вздоръ-то *вамъ болтать*... (Тамъ же).

— Не здѣшній онъ, этотъ человѣкъ, да и здѣсь его теперь *не находится*. (Тамъ же, ч. III, кн. VIII, гл. I).

О томъ (Екатерина Ив.) молить будетъ (Божью Матерь), чтобъ *озарило* ея душу... (Тамъ же, ч. IV, кн. XI, гл. V).

Четверть вѣка *прошло* съ той поры и *окружило* многихъ легендарнымъ обаяніемъ... (Бобор. „Перевалъ“ I, II).

Прим. Здѣсь „окружило“ (вм. „окружила“)—по аналогіи съ „прошло“ (такъ наз. аттракція), и вмѣстѣ съ тѣмъ безсубъектность формы „прошло“ отразилась и на „окружило“.

Въ моей повѣсти *было бездна* натянутаго... (Герценъ, предисловіе ко 2-му изд. „Кто виноватъ“).

Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому *похвально*... только знаете въ такомъ мѣстѣ *оно неприлично*. (*Гог.* „Ревиз.“).—Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то *оно* еще ничего, можетъ быть *оно* тамъ и нужно такъ. (Тамъ же [1]).

... У княжны *мутилось* въ глазахъ... (она)... только думала о томъ, какъ бы *уйти* поскорѣе... (*Л. Толстой*, „Война и Миръ“, т. I, ч. I, гл. XXV).—

... *вѣрно* остановиться, мостъ зажечь. (Тамъ же, ч. II, гл. VIII).—

Живо! живо! *проговорило* около него нѣсколько голосовъ. (Тамъ же).—

Про батарею Тушина *было забыто*... (Тамъ же, т. I, ч. II, гл. XX).

... Онъ ли везъ, или его *гнало*, онъ не зналъ... (Тамъ же, т. I, ч. III, гл. XII).

Ночевало насъ въ ту ночь на полѣ со скотиной человѣкъ 15... (Гл. Успенскій, „Изъ дерев. дневн.“, VI, II).

Догадало меня попросить Тимоѳея сходить въ книжную лавку. (Гл. Усп. „На стар. пепелищѣ“, II).

---

[1]) Эти два примѣра изъ Гоголя взяты у *Потебни*, изъ зап., т. II, стр. 405.—Потебня приписываетъ этотъ оборотъ у Гоголя вліянію малорусскаго. Это возможно, но мы встрѣчаемъ тотъ же оборотъ у чисто-великорусскихъ писателей: выше были приведены примѣры съ „оно“ изъ Достоевскаго и Гончарова.

ГЛАВА VI.

Опредѣленіе (аттрибутъ) и приложеніе и ихъ выраженіе прилагательнымъ, существительнымъ, числительнымъ и мѣстоименіемъ.

§ 16. *Опредѣленіе* или *аттрибутъ есть второстепенная часть предложенія, служащая для обозначенія признака, принадлежащаго другимъ частямъ предложенія, выраженнымъ существительными (подлежащему, дополненію, приложенію, именной части сказуемаго).* См. § 3.

Нормальнымъ выраженіемъ опредѣленія служатъ *прилагательныя* (въ обширн. см., т.-е. имена прилаг., мѣстоименія-прилаг. и таковыя же числительныя).

Имена прилагательныя въ роли опредѣленія почти всегда имѣютъ въ современномъ обще-русскомъ *мѣстоименную* форму: *добрый* человѣкъ, *хорошая* книга, *красивое* лицо и т. д. (а не: *добръ* человѣкъ и т. д.).

Но въ старомъ русскомъ, какъ и въ церк.-слав., прилагательныя-опредѣленія могли имѣть и ту, и другую форму (мѣстоименную и именную). Вотъ примѣры прилагательныхъ-опредѣленій въ именной формѣ: бѣ презвутеръ именемъ Лорионъ, мужъ *благъ, книженъ* и постникъ (Лавр. п. 1051 г.), —бѣ же Ростиславъ мужь *добль, ратенъ*... (Лавр. п. 1066 г.), —... не бѣ бо въ немъ лсти, но *простъ* мужь умомъ... (Лавр. п. 1078 г.)—Бысть же Іоаннъ мужъ *хытръ* книгамъ... (Лавр. п. 1089 г.; *хытръ* значило „искусный“, „знающій“, „опытный“)—... въ *теплѣ* избѣ (Лавр. п. 1095)... и бысть брань *люта* (Лавр. п. 1096 г.).—... Повелѣ Гюрги устроити обѣдъ *силенъ* и створи честь *велику* имъ и да Святославу дары *многы*... (Ипат. п. 1147 г.).

Такъ еще и теперь въ *народной рѣчи:*

Спустился *младъ* Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
Съ этого дуба со *широка*,
Проговоритъ *стару* козаку Ильѣ Муромцу...

Но тутъ-же и: сѣрому волку,—*черному* ворону,—*старой* козакъ... (Русс. был., изд. Тихонр. и Милл., 37).

... на *добра* коня... (Тамъ же, 39).

Не *ясенъ* соколъ перелетывалъ,

[но:] не *бѣлый* кречетъ перепорхивалъ. (Тамъ же, 49).

(Здѣсь *ясенъ* въ имен. формѣ и *бѣлый* въ мѣстоименной стоятъ параллельно).

На *сыру* землю... на *бѣлы* груди... на *рѣзвы* ноги... *ретива* сердца (род. п. ед.)... (Тамъ же, 62).

Зеленъ садъ [*но также: зеленой* садъ]. (Тамъ же, 64).

бѣлъ шатеръ (64)... *могучи* плечи расходилися... (70).

И выводитъ она ему *добра* коня. (70)... во *чисто* поле... (70)... Добрыня Никитичъ *младъ* (72)... Со *бѣла* камня ступала на *люта* змѣя... (73).

Въ общерусскомъ литературномъ такіе случаи крайне рѣдки. Встрѣчаются они преимущественно въ стихахъ, какъ поэтическая вольность (да и то теперь это уже почти вышло изъ моды)—напр.

Застольны чаши не гремятъ... (*Пуш.* „Вадимъ“).

Любили круглыя качели,

Подблюдны пѣсни, хороводъ... (*Пуш* „Евг. Онѣг.“)

Архивны юноши толпою

На Таню чопорно глядятъ... (Тамъ же).

Твоимъ стыдомъ, бѣглецъ свободы,

Не омрачу я *стары* годы. (*Лерм.* „Бѣглецъ“).

Не только въ стихахъ, но и въ прозѣ и въ разговорной рѣчи еще встрѣчается именная форма *„полонъ“*—какъ опредѣленіе: *полонъ* домъ гостей. Такъ и у Пушкина:

Нашелъ онъ *полонъ* дворъ услуги... („Евг Он.“)

Надо отмѣтить, что это опредѣленіе *„полонъ“* сопряжено съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ предикативности.—Въ выраженіи *„полонъ* ротъ хлопотъ“—*полонъ*—часть сказуемаго.

Чаще встрѣчается прилагательное въ именной формѣ *въ роли приложенія.* Напр.: „Въ бричкѣ сидѣлъ господинъ, не красавецъ, но и не дурной наружности, ни слишкомъ *толстъ*, ни слишкомъ *тонокъ;* нельзя сказать, чтобы *старъ*, однакожъ и не такъ, чтобы слишкомъ *молодъ*.“ (Гог. „Мерт. Д.“, гл. I).

Не видишь ты, когда въ толпѣ ихъ страстной,
Бесѣды *чуждъ*, одинъ и *молчаливъ*,
Терзаюсь я досадой одинокой. (*Пуш.* „Г-жѣ Ризничъ“).

Эта форма—*прилагательное-приложеніе*—образовалась изъ распаденія составныхъ сказуемыхъ съ прилагательнымъ (гдѣ послѣднее, какъ извѣстно, является въ именной формѣ). Въ стихахъ:

Грустенъ и веселъ вхожу, ваятель, въ твою мастерскую...
. . . . . .
. . . . . .
... Но межъ тѣмъ, въ толпѣ молчаливыхъ кумировъ
Грустенъ гуляю... (*Пушк.*)

прилагательныя „грустенъ“, „веселъ“ входятъ еще въ составъ сказуемаго, образуя вторыя именительныя. Но оттуда къ распаденію составного сказуемаго и къ превращенію второго именительнаго въ *приложеніе*—всего одинъ шагъ, напр., „*Грустенъ* (или: *грустный*) и вмѣстѣ съ тѣмъ *веселъ* (или: *веселый*), я вхожу въ мастерскую...“

Приложеніе-прилагательное отличается отъ обыкновеннаго опредѣленія тѣмъ, что оно не такъ тѣсно примыкаетъ къ своему опредѣляемому, какъ обыкновенное опредѣленіе, и нерѣдко сопряжено съ нѣкоторою предикативностью. Въ старину эта предикативность усиливалась присоединеніемъ къ прилагательному причастья отвлеченной связки (*сый = сущій, сущая...*), напр. „Переяславци же, *дерзи суще*, поѣхаша напередъ с Михалкомъ„ (Лавр. п. 1169 г.), „видиши мя *болну сущю*“ (Лавр. п. 969 г.).

Опредѣленіе выражается также *именемъ существительнымъ*. Въ старину *опредѣленія-существительныя* употреблялись гораздо чаще, чѣмъ нынѣ, потому что разница между существительнымъ и прилагательнымъ была прежде не такъ велика, какъ теперь. Въ такомъ употребленіи существительныя называются *аттрибутивными*.—Имъ-то по преимуществу и присвоено названіе *„приложеній“*.

Наиболѣе обычными являются въ настоящее время слѣдующія сочетанія этого рода:

а) Съ именами собственными или съ прозвищами: *городъ Москва, царь Петръ, рѣка Днѣпръ, Владиміръ-Красное Солнышко* и т. д., при чемъ часто только контекстъ фразы или намѣреніе говорящаго рѣшаютъ, какое изъ двухъ существительныхъ въ данномъ случаѣ служитъ опредѣленіемъ, а какое опредѣляемымъ.

б) Съ существительными, обозначающими званія, состоянія, должности, чины: „*коллежскій совѣтникъ* Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, *помѣщикъ*...“ („Мерт. Души“, I).

в) Сочетанія поговорочнаго характера, чаще всего—архаическаго типа, какъ-то: *чудо*-богатырь, *бой*-баба, *огонь*-дѣвка и т. п., гдѣ первые термины служатъ опредѣленіями (приложеніями), а второе — опредѣляемыми.—Эхъ, тройка, *птица*-тройка!...“ („Мертв. Д.“, XI).—*Царь*-пушка, *царь*-колоколъ, шапка-*невидимка*, *пѣвунья*-пташка.

г) Сочетанія двухъ нарицательныхъ, въ родѣ: *друзья-товарищи*, „*братья-разбойники*“, *поэтъ-сатирикъ*, *скрипачъ-виртуозъ*, *поэтъ-партизанъ* Денисъ Давыдовъ, *ангелъ-хранитель*, *Царь-освободитель* Александръ II, *техникъ-самоучка*, *князья-собиратели Руси*, „*художникъ-варваръ*“ (у Пушк.), *поэтъ-гражданинъ*, *ученый-мыслитель* (гдѣ *ученый* — существительное), *артистъ-любитель*, *женщина-врачъ* и т. д.

Большинство этихъ сочетаній (подъ *а, б, в, г*) характеризуется тѣмъ, что въ нихъ одно изъ существительныхъ дѣйствительно имѣетъ или можетъ имѣть аттрибутивное значеніе, что̀, помимо прочаго, ясно видно изъ возможности замѣны его другимъ словомъ, напр. „поэтъ-*сатирикъ*“ и „поэтъ-*лирикъ*“ (=*сатирическій* поэтъ, *лирическій* поэтъ), „ученый-*диллетантъ*“ и „ученый-*спеціалистъ*“ и т. п.—Другая черта многихъ (но не всѣхъ) сочетаній этого рода—та, что они не могутъ быть замѣнены другими выраженіями; такъ, если и возможно вмѣсто „поэтъ-драматургъ“ сказать „драматическій поэтъ“, вмѣсто „поэтъ-лирикъ“—„лирическій поэтъ“, вмѣсто „художникъ-геній“ — геніальный художникъ и т. д., то съ

другой стороны выраженія „ангелъ-*хранитель*“, „царь-*батюшка*“, „*отецъ*-командиръ“, „*тьвунья*-пташка“, „*чудакъ*-человѣкъ“, „женщина-*врачъ*“ и мн. др. или совсѣмъ не могутъ быть замѣнены другими равносильными выраженіями, или же такая замѣна неудобна, неспособна передать оттѣнка и звучала бы нескладно.

По своему *типу*, эти сочетанія должны быть отнесены къ числу *архаическихъ формъ*, ибо аттрибутивность существительнаго есть черта архаическая,—остатокъ былой близости существительныхъ съ прилагательными. Но это не мѣшаетъ даннымъ сочетаніямъ приспособляться къ новымъ потребностямъ мысли и служить весьма удобнымъ выраженіемъ ихъ. И сравнительно немногія изъ нихъ идутъ изстари; это преимущественно народныя выраженія, въ которыхъ аттрибутивнымъ существительнымъ служитъ издревле установившійся въ языкѣ или поэзіи *эпитетъ*, какъ напр. „*чудо*-богатырь“, „*тьвунья*-пташка“, „шапка-*невидимка*“ и т. п.—Большинство же представляетъ собою *новообразованія*, возникшія въ разное время и продолжающія возникать *по образчику старыхъ сочетаній этого типа*.

д) Наиболѣе древними или архаическими должны быть признаны *другія сочетанія*, весьма часто встрѣчающіяся въ народномъ языкѣ, а также и въ старыхъ памятникахъ. Здѣсь мы различаемъ три вида: 1) Одинъ, гдѣ аттрибутивное существительное служитъ характеристикою, эпитетомъ, прозвищемъ; сюда принадлежатъ вышеприведенныя „*бой*-баба“, „шапка-*невидимка*“, также—„*молодцы*-ребята“ и др., выдѣленныя нами потому, что они вошли въ общерусскую рѣчь; въ народномъ же языкѣ мы находимъ еще много другихъ выраженій этого рода, напр.: „сова-*веселая голова*“, „плотичка-*сиротичка*“, „ершишко-*клутишко*“, „муха-*горюха*“, „блоха-*попрядуха*“, „муха-*шумиха*“, „комаръ-*пискунъ*“, „лягушка-*квакушка*“, „мышка-*норышка*“, „*жаръ*-птица“, „дѣвка-*чернавка*“, „Олень-*Золотые-Рога*“ и мн. др. (см. напр. въ „Сказкахъ“ Аѳанасьева).—Особый разрядъ составляютъ тѣ формы, въ которыхъ одно существительное есть названіе вида (животнаго

или растенія), а другое—названіе разновидности, напр. *рыба-сомъ, птица-орелъ, ковыль-трава* и др., встрѣчающіяся весьма часто въ народной поэзіи, а также извѣстныя и въ старыхъ памятникахъ. Отмѣтимъ также сочетанія, гдѣ одно существительное обозначаетъ вещь, а другое—матеріалъ, изъ котораго она сдѣлана, напр. *серьги-яхонты* (Лихачевъ, Сборн. актовъ, духовная 1610 г.), *шуба-соболій мѣхъ, дубъ-столъ* („Выходилъ Иванъ изъ-за *дуба-стола*...“ Пѣсн. Кир. [1]), затѣмъ тѣ, въ которыхъ одно существительное означаетъ сосудъ (чанъ, чашу, бочку, блюдо и пр.), а другое—его содержимое, напр. „Пошли ко Васькѣ на широкой дворъ,—Ко тому *чану зеленувину*“, Кир. Пѣс. [1]), „облить *ведромъ водою* [2]), далѣе сочетанія въ родѣ „*церковь-Спасъ*“, „*икона Пресвятая Богородица*“, „*людимужескъ полъ*“, „*къ берегу надъ рѣку*“ [3]). Старый языкъ, какъ и современный народный, чрезвычайно богатъ различными сочетаніями этого рода, отличающимися рѣзко выраженнымъ характеромъ архаичности, который сводится къ слѣдующему. Управленіе одного слова другимъ, подчиненіе одного другому (*ведро воды, чанъ вина, шуба изъ собольяго мѣха, церковь Спаса, икона Пресвятой Богородицы* и т. д.) вноситъ въ рѣчь извѣстный распорядокъ и создаетъ то, что̀ можно назвать „перспективою“ въ языкѣ. Напротивъ, отсутствіе подчиненія и господство согласованія существительныхъ, поставленныхъ параллельно (*ведромъ водою, чану-зелену-вину, шуба-соболій мѣхъ, церковь-Спасъ* и т. д.), указываетъ на недостатокъ распорядка и перспективы въ языкѣ. Такой строй рѣчи справедливо уподобляютъ рисунку безъ перспективы, на одномъ планѣ. Это и есть признакъ неразвитости грамматическаго мышленія и, стало быть, черта архаическая. 2) Другой видъ, это — тотъ, гдѣ существительныя суть *синонимы*, такъ что иногда трудно или даже невозможно указать, какое изъ нихъ— опредѣленіе, а какое — опредѣляемое. Таковы *путь-дорога, міръ-народъ, родъ-племя, житье-бытье, свѣтъ-заря, тоска-кру-*

[1]) Примѣръ взятъ у *Потебни, Изъ зап. по русск. гр.*, т. II, стр. 236.

[2]) Тамъ же, стр. 246.

[3]) См. тамъ же, стр. 206 и сл.

чина и т. п. Здѣсь *два* слова служатъ для выраженія *одного* понятія, при чемъ каждое изъ этихъ двухъ словъ (по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ) могло бы и само по себѣ выразить то же понятіе; но ихъ соединеніе, образуя то, что̀ называется „плеоназмомъ“, служитъ для болѣе сильнаго или болѣе живописнаго и яркаго выраженія даннаго понятія [3]). 3) Сочетанія, въ которыхъ существительныя — *не синонимы*, но, сочетаясь, они образуютъ новое цѣлое, съ новымъ значеніемъ, какъ бы выведеннымъ изъ значенія составныхъ частей или, лучше, на нихъ построеннымъ. Таковы: *хлѣбъ-соль* (= пища, ѣда, угощеніе), *отецъ-мать* (= родители и даже ед. ч.—родитель, родительница), *медъ-вино*. Относящіяся къ этимъ сложнымъ словамъ глаголы, прилагательныя, мѣстоименія стоятъ обыкновенно въ единственномъ числѣ; это указываетъ на цѣльность этихъ выраженій, на то, что они выражаютъ не два представленія, а одно. Напр.: „*отецъ-мать* молодца у себя во любви *держалъ*“ (Др. Р. стих.), „что какъ я живу молодешенька у *чужева отца-матери*“ (Пѣсни Чулк.),— „или *хлѣбъ-соль моя* вамъ надоѣла“ (Крыл.) [1]). Приведу еще: „прилетѣли *гуси-лебеди*“ (Ск. Аѳ., I, 115).

Хорошо тому жить на семъ свѣтѣ,
У кого какъ есть отецъ и мать,

[1]) Это явленіе, очень архаическое по своему характеру, наблюдается и въ другихъ частяхъ рѣчи. Мы имѣемъ: 1) *соединеніе двухъ равнозначащихъ прилагательныхъ*, напр. „*холостъ-неженатъ*“ (Сказки Аѳан. II, 257),—„у Аленушки братецъ „*холостъ-неженатъ*“ (Собол, Великор. п. I, стр. 239),—„Онъ—*сутулъ-горбатъ*“ (тамъ же),—„*цѣлъ-невредимъ*“ (Сказ. Аѳ. I, 369). Съ союзомъ: „Отпущу *здрава* и *невредима*“ (Ск. Аѳ. II, 13). — „*Одинъ-одинешенекъ*“, 2) *соединеніе двухъ равнозначныхъ глаголовъ*: „*жилъ-былъ*“, „*живите седъ поживайте*“ (Ск. Аѳ. II, 123)—„*А смотрѣть-глядѣть* за царевичемъ приставленъ былъ Катома-дядька“ (тамъ же, II, 165),—[два великана дерутся:] „*избились-исколотились* до-крови“ (тамъ же, II, 104), „*закручинился-запечалился*“ (тамъ же, I, 509); съ союзомъ: „чтобъ *зналъ* онъ да *вѣдалъ*“ (тамъ же, II, 545). Такъ и въ старомъ русскомъ: что бо *рещи* или что *глаголати* о бывшей на насъ отъ Бога казни?

(1-я Новгор. л. п. 1230).

[2]) Эти три примѣра взяты у *Буслаева*, Истор. грам., § 240.

И отецъ, и мать, и *братъ-сестра,*
Ахъ, *братъ-сестра,* что и родъ-племя!
(Собол. Великор. п. II, стр. 1)

Отецъ-мати—не родные,
Братъ съ сестрою—не складные!
Отецъ-мати будутъ бити...
(Тамъ же, II, стр. 10).

Здѣсь *отецъ-мати* = родители, а *братъ-сестра* образуетъ собирательное понятіе, въ родѣ нѣмецкихъ Gebrüder и Geschwister.—„*Кожа да кости*“ (= худой, тощій).

§ 17. Изъ предыдущаго мы видимъ, между прочимъ, что нужно различать два рода приложеній: 1) *одинъ*—это тѣ, которыя, будучи выражены существительнымъ, болѣе или менѣе тѣсно примыкаютъ къ опредѣляемому, не рѣдко образуя вмѣстѣ съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое, одно выраженіе („хлѣбъ-соль“), 2) *другой* родъ это — тѣ, которыя, напротивъ, согласуясь съ опредѣляемымъ въ падежѣ, отходятъ (если можно такъ выразиться) на извѣстное разстояніе отъ него; эти приложенія выражаются, какъ существительными, такъ и прилагательными и причастьями. Нѣсколько примѣровъ было приведено выше, при чемъ мы указали на тотъ слѣдъ предикативности, который замѣтенъ въ этихъ формахъ; мы упомянули также о томъ, что эти приложенія возникли изъ распаденія составныхъ сказуемыхъ или изъ оборота съ причастьемъ отвлеченной связки. Присмотримся здѣсь нѣсколько ближе къ этимъ формамъ.

Возьмемъ такой примѣръ: „*больной, худой, блѣдный, кожа да кости,* онъ казался выходцемъ съ того свѣта“. Здѣсь опредѣленія (приложенія) *больной, худой, блѣдный,* выраженныя прилагательными, и „*кожа да кости*“ (сочетаніе двухъ существительныхъ типа „хлѣбъ-соль“) имѣютъ свою самостоятельность, свою, хотя и слабую, предикативность и далеко не такъ тѣсно примыкаютъ къ своему опредѣляемому, какъ тѣ же слова напр., во фразѣ: „я увидѣлъ *больного, худого, блѣднаго* человѣка...“—Самостоятельность приложенія становится еще замѣтнѣе, когда оно имѣетъ при себѣ свои второстепенныя

части (дополненія, опредѣленія, обстоятельства), а также (и въ особенности) когда оно выражено причастьями, обладающими, какъ мы знаемъ, своей собственною предикативностью. Напр.: „*величественная* въ своемъ однообразіи, зеленая степь предстала нашимъ взорамъ", гдѣ прилагательное „величественная" становится приложеніемъ только потому, что имѣетъ при себѣ свое дополненіе; иначе, подобно другому прилагательному „*зеленая*", оно было бы простымъ опредѣленіемъ слова „степь". Присутствіе второстепенныхъ частей, относящихся къ опредѣленію, удаляетъ его отъ опредѣляемаго и этимъ сообщаетъ ему какъ бы тѣнь особой предикативности. Или: „*изумленный*, братъ молча смотрѣлъ..."; здѣсь причастье *изумленный*, силою собственной предикативности, легко превращается въ приложеніе, когда это нужно. Причастья и также обыкновенныя прилагательныя всегда превращаются въ приложенія, когда опредѣляемымъ словомъ является *мѣстоимѣніе личное*, какъ извѣстно, не могущее имѣть простыхъ опредѣленій: *добрый*, онъ не помнитъ обидъ; *грустный*, я сидѣлъ; *огорченный*, я ушелъ [1]).

Возьмемъ теперь изъ стараго языка примѣръ приложенія, выраженнаго прилагательнымъ съ причастьемъ отвлеченной связки, и переведемъ на современный языкъ такъ, чтобы соотвѣтственное выраженіе также явилось приложеніемъ. „Переяславци же, *дерзи суще*, поѣхаше напередъ съ Михалкомъ" (Лавр. л. п. 1169 г.). Чтобы передать приложеніе „дерзи суще" также приложеніемъ, а не простымъ опредѣленіемъ („храбрые Переяславцы"), мы, за неимѣніемъ причастья отвлеченной связки („сущій"—*какъ связка*—уже не употребляется въ современномъ языкѣ"), должны прибѣгнуть къ другимъ способамъ. Можно перевести напр. такъ: „Переяславцы, *эти храбрецы*, поѣхали впередъ...", или такъ: „Переяславцы, *какъ наиболѣе храбрые*, поѣхали впередъ". Отсюда мы видимъ,

---

[1]) Нельзя сказать: *добрый* онъ, *грустный я*, *изумленный* онъ и т д, т.-е. употребляя прилагательныя и причастья въ качествѣ простыхъ опредѣленій.

что средствами оттѣненія приложеній служатъ въ современномъ языкѣ мѣстоименія указательныя и нарѣчье „какъ“.

Приведемъ примѣры приложеній изъ литературнаго языка.

Даже старуха Ожогина,—*это тупорожденное существо*— начинала дичиться меня... (*Тург.* „Дневникъ лишняго челов.“).

Убитый, — нравственно-убитый,—возвратился я... домой. (Тамъ же).

Въ тотъ-же вечеръ забѣжалъ ко мнѣ Пандопипопуло, *проѣзжій грекъ*, случайнымъ образомъ застрявшій въ городѣ О..., *сплетникъ первой величины*... (Тамъ-же).

Изъ числа всей ея челяди самымъ замѣчательнымъ лицомъ былъ дворникъ Герасимъ, *мужчина 12-ти вершковъ роста*... (*Тург.* „Муму“).

Одаренный необычайной силой, онъ работалъ за четверыхъ... (Тамъ же).

...Капитонъ окончательно спился съ кругу и, *какъ человѣкъ рѣшительно никуда негодный,* былъ отправленъ съ обозомъ въ дальнюю деревню... (Тамъ-же).

Съ этимъ разносчикомъ, *человѣкомъ уже пожилымъ,* ѣхало двое товарищей... (*Тург.* „Постоялый дворъ“).

Бывшій богатый дворникъ, *уважаемый въ околодкѣ человѣкъ*, сидѣлъ съ связанными руками на скамьѣ, *какъ преступникъ*... (Тамъ-же).

Сперва онъ хотѣлъ виномъ заглушить въ себѣ нестерпимую боль обиды, тоску досады, *бѣшеной* и *безсильной*... (Тамъ-же).

Къ вечеру жажда мести разгорѣлась въ немъ до изступленія, и онъ, *добродушный и слабый человѣкъ*, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ дождался ночи... (Тамъ-же).

Это было неуклюжее строеніе, *просторное и пространное, какая-то масса темнаго тесу*... (*Тург.* „Два пріятеля“).

Чуть не сошедъ съ ума отъ тоски и скуки, *весь исхудалый, больной,* вернулся онъ къ Осининымъ... (*Тург.* „Дымъ“, VII).

Относительная независимость приложенія проявляется, между прочимъ, въ томъ, что, выраженное существительнымъ, оно весьма часто не согласуется съ опредѣляемымъ въ родѣ и въ числѣ, какъ напр. „женщина-врачъ“, „Олень-

Золотые Рога", „Дмитрій-Грозныя очи", „Владиміръ-Солнышко" и т. подобныхъ сочетаніяхъ, въ которыхъ приложеніе весьма тѣсно примыкаетъ къ опредѣляемому. Обязательно только согласованіе въ падежѣ, за немногими впрочемъ исключеніями, когда приложеніе разсматривается какъ неизмѣняемое слово. Такъ мы склоняемъ: *женщина-врачъ, женщины-врача, женщинѣ-врачу, — Владиміръ-Солнышко, у Владиміра-Солнышка, къ Владиміру-Солнышку* и т. д.; но съ другой стороны,—*Олень-Золотые Рога*, у *Оленя-Золотые Рога*, къ *Оленю-Золотые Рога*, *объ Оленѣ-Золотые Рога* и т. д.— Согласованіе приложеній разныхъ родовъ, какъ—тѣхъ, которыя болѣе тѣсно примыкаютъ къ опредѣляемому и образуютъ вмѣстѣ съ нимъ одно выраженіе, такъ и тѣхъ, которыя отстоятъ дальше отъ опредѣляемаго, въ сущности различается отъ согласованія обыкновенныхъ опредѣленій: наше умственное грамматическое ощущеніе отъ согласованія приложеній („ангелъ-хранитель", „надежа-государь", „онъ, *какъ человѣкъ опытный въ этомъ дѣлѣ*, можетъ быть полезенъ вамъ" и т. п.)—не совсѣмъ совпадаетъ съ тѣмъ, какое мы получаемъ, говоря: „умный человѣкъ", „высокій домъ" и т. д. Ощущеніе, получаемое отъ согласованія приложеній, подсказываетъ намъ, что это—*особый* видъ согласованія, которому скорѣе приличествуетъ названіе *параллелизма*. Можно уловить одну черту, содѣйствующую этой разности грамматическаго ощущенія: именно, при обыкновенномъ согласованіи („добрый человѣкъ", „добрая женщина", „рѣзвое дитя"), мы чувствуемъ *зависимость* прилагательнаго отъ существительнаго,—первое, если можно такъ выразиться, во всемъ повинуется второму, покорно слѣдуя за нимъ, какъ бы подражая ему; напротивъ того, согласованіе приложеній не сопровождается этимъ ощущеніемъ полной зависимости или подчиненности, и приложеніе отражается въ нашемъ сознаніи какъ моментъ почти равноправный моменту опредѣляемаго. Эти моменты параллельны.—Яркимъ выраженіемъ этой относительной независимости приложенія должны быть признаны тѣ случаи, когда приложеніемъ служатъ слова неизмѣняемыя

(несклоняемыя). Чаще всего это—употребленіе нарѣчій въ сравнительной степени—какъ приложеній; напр.: „Ужели это Манилла?“ говорилъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ, *помоложе*, привыкшій съ именемъ Маниллы соединять что-то цвѣтущее...“ *(Гончар.*, „Фрег. Палл.“, т. II, гл. V).—„Онъ купилъ два дома: одинъ, *побольше*, стоитъ 10,000 руб., другой, *поменьше*,—всего 6,000 р.“.—„Одинъ изъ присутствующихъ, *постарше* другихъ, съ испуганнымъ и сердитымъ лицомъ вдругъ продвинулся впередъ...“ *(Л. Н. Толстой*, „Война и миръ“, т. I, ч. I, гл. VII).

Другой признакъ относительной независимости приложеній это—возможность ихъ „вольнаго“ употребленія, т.-е. безъ наличности во фразѣ того опредѣляемаго, къ которому они должны относиться. Напр.

Вѣчно-холодныя, вѣчно-свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія. *(Лерм.* „Тучи“).

Приложенія относятся здѣсь къ именительному „тучки небесныя“, котораго однако во фразѣ нѣтъ.—„Нѣсколько раненыхъ офицеровъ сидѣло на лавкѣ, подобравъ костыли,—*блѣдные, грустные*“ *(Лерм.* „Герой н. вр.“. II, кн. Мери) [1]).

§ 18. *Опредѣленія* въ собственномъ смыслѣ, выражаемыя именами прилагательными, мѣстоименіями—прилагательными и числительными—прилагательными, служатъ для воспроизведенія слѣдующихъ *признаковъ:*

1) *Качествъ предметовъ*, напр. *хорошій* человѣкъ, *злая* собака, *полезная* книга, *высокій* домъ и т. д.; эту роль исполняютъ *прилагательныя качественныя.*

2) *Принадлежности предмета къ мѣсту, времени, націи* и т. д.: *городской* житель, *прошлогоднее* событіе, *сегодняшнее* извѣстіе, *средневѣковый* феодализмъ, *восточные* народы, *западная* цивилизація, *древнегреческое* искусство, *римское* право, *русская* исторія, *нѣмецкая* литература, *крымскіе* виды, *вечерній* чай,

---

[1]) Вслѣдствіе безсубъектности оборота (сидѣло), прилаг. *блѣдные, грустные*, не могутъ быть частью сказуемаго (вторыми именит.); они превратились въ „вольное“ приложеніе.

утренній визитъ и т. д. Это выражается прилагательными, произведенными отъ существительныхъ *(городской, деревенскій* и пр.), отъ нарѣчій мѣста и времени *(здѣшній, вчерашній).*

3) *Принадлежности одного предмета другому: женино* приданое, *купцовъ* домъ, *мои* книги, *ваши* вещи и т. д. Эти опредѣленія выражаются прилагательными, произведенными отъ существительныхъ и обыкновенно называемыми „притяжательными", и мѣстоименіями того же наименованія.

4) *Характерныхъ чертъ предмета, обозначенныхъ на основаніи дѣйствительной или мнимой принадлежности этого предмета къ мѣсту, времени, націи и пр., а также и—другому предмету;* таковы: *материнская* любовь (т.-е. такая, какая свойственна матерямъ, но въ данномъ случаѣ можетъ принадлежать и другому лицу: „эта няня любила своихъ питомцевъ *чисто-материнскою* любовью"), *„братское* чувство", *дѣтская* наивность, *школьническая* выходка, *холопское* поведеніе и т. д. Выраженіемъ этихъ опредѣленій служатъ прилагательныя, произведенныя отъ существительныхъ и часто совпадающія по формѣ съ тѣми, которыя были приведены подъ второю рубрикою (напр. *„русскій", „европейскій", „китайскій"* въ выраженіяхъ „русская исторія", „европейскія государства", „китайскій богдыханъ" и пр. принадлежатъ ко второй рубрикѣ, но тѣ же прилагательныя въ выраженіяхъ „широкая русская натура", „у него чисто-русское лицо", „европейскія понятія" (они могутъ быть и у другихъ—не европейцевъ), „китайскія церемоніи" и пр. уже относятся къ 4-ой рубрикѣ).

5) *Матеріала вещи, ея цвѣта и другихъ свойствъ, выражаемыхъ прилагательными, произведенными отъ существительныхъ, обозначающихъ этотъ матеріалъ, и прилагательными, означающими цвѣтъ: золотое* кольцо, *каменный* домъ, *деревянная* постройка, *голубое небо.* Весьма употребительны такія выраженія въ *переносномъ* смыслѣ: *золотое* сердце, *желѣзный* характеръ, *стальной* взглядъ.

6) *Количественныхъ и специально-числовыхъ признаковъ* предмета: *первый, второй... сотый;* часто съ перенесеніемъ ихъ на представленіе относительнаго достоинства предмета, напр.

„онъ—*первый* человѣкъ въ городѣ“; *многочисленный*, *единственный*, *многіе* и др. Выраженіемъ этихъ опредѣленій служатъ числительныя порядковыя, нѣкоторыя прилагательныя (какъ только—что приведенныя) и мѣстоименія *всякій*, *каждый*.

7) *Признака, качественно не обозначеннаго въ данномъ опредѣленіи, а только намѣченнаго указательнымъ мѣстоименіемъ: такой, этакій.*

8) *Отношенія одного предмета къ другому* (напр. производителя или мастера къ произведенію, къ сдѣланной вещи, или торговца—къ товару), представленное фиктивно такимъ образомъ, какъ будто оно есть свойство перваго (производителя, торговца и т. д.), напр. „*ковровый* мастеръ“, „*лошадиный* барышникъ“ и т. п., а также „*фруктовая* лавка“, „*голодный* годъ“, „страхъ *Божій*“ и нѣкоторыя другія. Въ современномъ общерусскомъ выраженія этого рода немногочисленны, и нѣкоторыя изъ нихъ, повидимому, выходятъ изъ употребленія. Отмѣтимъ у *Л. Н. Толстого*: „Помѣщикъ, къ которому пріѣхалъ Николай, былъ старый кавалеристъ-холостякъ, *лошадиный* знатокъ...“ (*Л. Н. Толстой*. „Война и Миръ“, т. IV, ч. I, гл. IV). Зато въ старину эти формы были весьма употребительны и служили однимъ изъ характерныхъ признаковъ строя стараго языка. Такъ, вмѣсто „чтеніе книгъ“ говорили „книжное чтеніе“, вмѣсто „взятіе Пскова“—„псковское взятіе“. Вотъ нѣсколько обращиковъ:

Почитанье книжьное (т.-е. чтеніе книгъ) [Изборн. Святосл. 1076 г.].

Изнемогаху *жажею водною* (= жаждою воды) (Ипат. л. п. 1219).

Половци же видѣвше *устремленіе Руское* (=устремленіе, атаку русскихъ) на ся... (Лавр. п. 1103).

И переняша псковичи *полоняную свою* вѣсть (т.-е. вѣсть о своемъ плѣненіи) отъ Филипа отъ поповича... („Псковское взятіе“, *Бусл.* Христом., стр. 957).

По Исаковѣ же смерти людие на сына его всташа про *зажьженіе градное* и за *ограбленіе монастырское* (т.-е. за под-

жогъ города и ограбленіе монастырей) (1-ая Новгор. л. п. 1204 г.).

О *пріѣздѣ* ихъ *боярскомъ* к царю. (*Котош.*; т.-е. о пріѣздѣ ихъ, бояръ, къ царю).

Въ церк.-слав. находимъ выраженія въ родѣ „слоухъ Христовъ“ въ смыслѣ „слухъ о Христѣ“ (Зограф. ев., Матѳ. XIV, 1). Таково же наше „страхъ Божій“ (т.-е.—передъ Богомъ), сохраняющееся какъ архаизмъ.

Сюда же нужно отнести столь извѣстныя народныя выраженія: *живая* вода, *мертвая* вода, *сильная* вода („даетъ ему пузырекъ съ *сильною* водою: испей-ка этой водицы, у тебя *силы прибавится*“, Аѳ. Сказ. II, 13), *сонное* зелье... („Первая (дорога) для коня *сытна*, а самому *голодна*...) Поѣхалъ по *сытной* для себя дорогѣ...“ (Аѳ. Сказ. II, 24).

Укажемъ еще на общеупотребительныя въ общерусскомъ выраженія этого рода—„*счастливый* день“, „*тяжелое* время“, „наступили *печальные* дни“ и т. п. Такія опредѣленія еще остаются въ языкѣ (наряду съ вышеприведенными, какъ *фруктовая лавка*, *книжный магазинъ*, *мясной складъ*, *сапожный мастеръ*), между тѣмъ какъ огромное большинство уже исчезло изъ обихода; такъ, мы не скажемъ „воловья пара“, и слѣдующее мѣсто въ Зограф. ев. (Лука, XIV, 19): „сѫпрѧгъ воловѣныхъ коупихъ пѧть“ переведемъ: я купилъ пять паръ *воловъ* [1]).

Различные случаи замѣны прежнихъ прилагательныхъ-опредѣленій дополненіями должны быть разсматриваемы какъ проявленіе общаго движенія въ сторону перевѣса управляемыхъ частей надъ частями согласуемыми. Сюда относятся многія пріименныя дополненія, какъ напр. „домъ *купца*“, „чтеніе *книгъ*“, „знатокъ *лошадей*“, „пара *воловъ*“, „взятіе *Пскова*“, „слухъ *о Христѣ*“ и др., вмѣсто *опредѣленій*: „*купцовъ* домъ“ (въ литературной рѣчи мало употребительно),

[1]) Къ этому разряду—архаическихъ опредѣленій можно отнести и такое: ... въ то же лѣто (пишетъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ „Поученіи“) и дѣтя ся роди старѣйшее *Новгородьское* (—старшій сынъ Вл. Мономаха, родившійся въ Новгородѣ).

„*книжное* чтеніе“ (совсѣмъ исчезло изъ языка), „*лошадинный* знатокъ“ (повидимому, выходитъ изъ употребленія), „*воловья* пара“ (невозможно, но еще возможны, хотя и не хорошо звучатъ: *овечье* стадо, *разбойничья* шайка и т. п.), *полонянная* вѣсть (невозможно, какъ невозможно напр. „*моя* дань“ вмѣсто „дань мнѣ“), *псковское* взятіе (невозможно, какъ невозможно напр. „петербургское построеніе“ вмѣсто „построеніе Петербурга“,—но однако еще говорится „московскій пожаръ 1812 года“), слухъ *Христовъ* (невозможно, такъ же, какъ и „страхъ іудейскій“ вмѣсто „страхъ предъ іудеями“; „страхъ Божій“—архаизмъ). И такъ, опредѣленія извѣстнаго рода замѣняются дополненіями, извѣстныя прилагательныя—существительными, т.-е. яснѣе, рѣзче разграничиваются области и функціи этихъ частей рѣчи,—и языкъ выигрываетъ въ ясности и точности выраженія.

ГЛАВА VII.

Дополненіе и его выраженіе существительными (именами, мѣстоименіями и числительными).

§ 19. Дополненіе *есть второстепенная (зависимая) часть предложенія, выражаемая существительными (въ обширномъ смыслѣ) въ косвенныхъ падежахъ ы, смьдов., отвѣчающая на вопросы: кого, чего? кому, чему? кого, что? кѣмъ, чѣмъ? о комъ, о чемъ?*—

Дополненія дѣлятся на приглагольныя и пріименныя.

Приглагольныя относятся къ сказуемому-глаголу и къ другимъ глагольнымъ частямъ предложенія, къ которымъ въ этомъ случаѣ присоединяются также причастья и дѣепричастья. Не будучи глаголами, причастья и дѣепричастья, какъ извѣстно, обладаютъ нѣкоторыми глагольными свойствами, въ томъ числѣ и тѣмъ *управленіемъ*, какое присуще глаголу; такъ, разъ глаголъ *читать* управляетъ винительнымъ падежомъ—„читаю книгу“, то и соотвѣтственное при-

частье и дѣепричастье будутъ требовать того-же падежа: „читающій книгу“, „читая книгу“. — Итакъ, *прилагольныя дополненія это тѣ, которыя относятся къ глаголу, причастью и дѣепричастью.*

Эти дополненія въ свою очередь дѣлятся *на три разряда:*

1) *Къ первому разряду принадлежатъ тѣ, которыя находятся въ зависимости отъ лексическаго значенія глагола;* таковы напр. винительный падежъ „книгу“, служащій дополненіемъ глагола „читаю“, родительный „грозы“, являющійся дополненіемъ глагола „боюсь“, дательный „тебѣ“, управляемый глаголомъ „вѣрю“. Не трудно видѣть, что рѣшающимъ моментомъ въ выборѣ падежа въ этихъ и подобныхъ случаяхъ является не что иное, какъ *лексическое значеніе* глагола. Правда, винительный „книгу“ признается зависящимъ отъ *залоговаго* значенія глагола „читаю“, служа даже характернымъ признакомъ „переходнаго въ тѣсномъ смыслѣ“ залога (см. г. III, § 11, 4), который образуетъ одну изъ разновидностей дѣйствительнаго. Но вѣдь самое-то залоговое значеніе, въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, находится въ связи съ лексическимъ значеніемъ. Послѣднее въ глаголахъ *читать, писать, дѣлать, пить* и т. д. таково, что дозволяетъ имъ принадлежать къ дѣйствительному и къ страдательному залогу, а въ предѣлахъ дѣйствительнаго — къ переходному въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. управлять винительнымъ прямого дополненія. Съ другой стороны, *лексическое значеніе* глаголовъ *жить, умереть, спать* и пр. таково, что не дозволяетъ имъ принадлежать къ страдательному залогу и принуждаетъ ихъ быть дѣйствительными, а въ предѣлахъ дѣйствительнаго залога—быть только непереходными, слѣдов. не дозволяетъ имъ управлять прямымъ дополненіемъ или такимъ косвеннымъ, съ которымъ они имѣли бы ближайшее соотношеніе (см. гл. III, § 11, 4, ж.). Итакъ, лексическое значеніе глагола является тою почвою, на которой выростаютъ залоговыя значенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него-же зависитъ и выборъ падежа дополненія. Въ этомъ отношеніи

очень поучительно слѣдующее: при извѣстныхъ перемѣнахъ въ лексическихъ значеніяхъ глагола перемѣняется и падежъ дополненія, не смотря на то, что залогъ остается тотъ же. Такъ, напр., присоединяя къ глаголу *знаю,* въ предложеніи „я знаю это", отрицаніе *не,* мы, вѣдь, не измѣняемъ залога, а только превращаемъ лексическое значеніе глагола изъ утвердительнаго въ отрицательное, — результатомъ же этого измѣненія является замѣна винительнаго падежа дополненія родительнымъ: „я *не знаю этого*". Итакъ, винительный прямого дополненія („это") и замѣнившій его, при отрицаніи, родительный („этого") ближайшимъ образомъ зависятъ отъ лексическаго значенія глагола. Другой примѣръ: глаголъ *достичь* требуетъ родительнаго падежа (достичь *берега*), очевидно—подъ вліяніемъ предлога *„до"*, которой самъ по себѣ управляетъ родительнымъ падежомъ; но въ глаголѣ *достичь* этотъ предлогъ превратился въ префиксъ, который, прежде всего, произвелъ извѣстную перемѣну въ лексическомъ значеніи глагола, и слѣдов. родительный дополненія зависитъ не прямо отъ префикса „до", а отъ лексическаго значенія, опредѣлившагося при участьи этого префикса.

Итакъ, *къ первому разряду приглагольныхъ дополненій принадлежатъ тѣ, которыя находятся въ прямой зависимости отъ лексическаго значенія глагола, причемъ одни изъ нихъ могутъ въ то же время служить и характернымъ признакомъ залога, другія же не имѣютъ никакого отношенія къ залогу.* Какъ на примѣръ первыхъ (служащихъ признакомъ залога), укажемъ на винительный прямого дополненія *(читаю книгу);* какъ на примѣръ вторыхъ (не имѣющихъ никакого отношенія къ залогу), укажемъ на творительный орудія, остающійся при всевозможныхъ измѣненіяхъ залоговаго значенія глагола, напр. *„рисую карандашомъ"*,—„портретъ *былъ нарисованъ карандашомъ"*,—„эти линіи легко *вырисовываются карандашомъ"*,—*„рисующій карандашомъ"*, *„нарисованный карандашомъ"*.—

2) *Второй разрядъ приглагольныхъ дополненій образуютъ всѣ тѣ, которыя не зависятъ или, по крайней мѣрѣ, не на-*

ходятся въ прямой зависимости отъ лексическаго значенія глагола, а обусловливаются либо залогомъ, либо характеромъ цѣлаго оборота. Сюда принадлежатъ напр. *творительный дѣйствующаго лица* при страдательномъ залогѣ: „онъ всѣми любимъ“,—*дательный лица въ безсубъектныхъ предложеніяхъ съ инфинитивомъ: „быть бычку* на веревочкѣ“,—*творительный предикативный,—дательный лица* въ безсубъектныхъ предложеніяхъ типа *„мнѣ хочется“, „мнѣ не спится“* и т. д.

3) *Третій разрядъ приглагольныхъ дополненій это—тѣ, которыя, отличаясь характеромъ относительной независимости, только примыкаютъ къ глаголу, состоятъ при немъ, а не управляются имъ непосредственно, не обусловливаются ни лексическимъ значеніемъ глагола, ни его залоговой формой, ни характеромъ цѣлаго оборота.* Эти дополненія можно назвать *относительно—независимыми, и они образуютъ переходъ отъ дополненія къ обстоятельству.* Въ ихъ отношеніяхъ къ глаголу—сказуемому нѣтъ ясныхъ признаковъ *управленія,* а есть только внѣшній и какъ бы ложный видъ его. Это — мнимое управленіе. Сюда принадлежатъ: *творительный сравненія и превращенія, родительный даты* („это случилось *3-го* января...“), *творительный времени (зимою, лѣтомъ, днемъ, ночью)* и друг.— Мы будемъ называть эти дополненія *фиктивными* или *дополненіями—обстоятельствами.* Нѣкоторыя изъ нихъ превратились въ настоящія обстоятельства (напр. *сегодня,* первоначально родительной даты: „сего дня“, *дома, домой,—сиднемъ* (сидѣть), первоначально творительный сравненія и т. д.) —

Прим. Повидимому, такимъ путемъ и возникла (въ древности) категорія нарѣчья — обстоятельства: нарѣчья типа *много, мало, хорошо, дурно, высоко* и т. д. были нѣкогда формами винительнаго падежа сред. р. отъ архаическихъ „существительныхъ-прилагательныхъ“ и составляли въ предложеніи то, что мы называемъ „независимымъ дополненіемъ“.

Прiименныя дополненія относятся не къ дѣйствію, т.-е. не къ глаголу, а къ дѣятелю, къ объекту, къ опредѣленію, къ именнымъ частямъ сказуемаго. —

Обращаясь теперь къ обозрѣнію падежей, выражающихъ

дополненіе, мы распредѣлимъ подлежащій матеріалъ между двумя большими рубриками, согласно установленному дѣленію дополненій: 1) *дополненія приглагольныя* (всѣхъ трехъ разрядовъ) и 2) *дополненія пріименныя.*

Въ настоящей главѣ мы будемъ имѣть дѣло только съ формами *непосредственнаго управленія,* т.-е. — *безъ предлога. Управленіе посредственное,* т.-е. *при участіи предлоговъ,* будетъ разсмотрѣно въ главѣ IX-ой, посвященной предлогамъ.

I. Дополненія приглагольныя.

Винительный падежъ.

а) Прямое дополненіе. „Прямымъ дополненіемъ" принято называть дополненіе въ винит. падежѣ при „переходныхъ въ тѣсномъ смыслѣ" (см. § 11, 4) глаголахъ, выражающее тотъ объектъ, указаніе на который необходимо для болѣе точнаго опредѣленія лексич. значенія глагола. Такъ, въ предложеніи „я читалъ эту *книгу* всю ночь", гдѣ есть два винительныхъ (существ.—*книгу* и *ночь*), прямымъ дополненіемъ является только первый *(книгу),* — выраженіе-же „всю ночь" не означаетъ объекта дѣйствія „читать", а служитъ „дополненіемъ — обстоятельствомъ времени".—Прямое дополненіе, относясь къ лексическому значенію глагола, указываетъ, какими предѣлами оно ограничивается и какъ примѣняется въ данномъ случаѣ *(читалъ* именно *книгу,* а не что-либо другое, *писалъ письмо,* а не прошеніе, сочиненіе и т. д.)—Прямое дополненіе, какъ мы знаемъ уже, принадлежитъ къ *первому* разряду приглагольныхъ дополненій.

Винительный прямого дополненія *при отрицаніи* часто замѣняется въ русскомъ языкѣ *родительнымъ:* „я читалъ *эту книгу*", но: „я *не* читалъ *этой книги*". Эта замѣна возможна и тогда, когда отрицаніе находится не при томъ глаголѣ, который управляетъ винительнымъ прямого дополненія, а при другомъ, къ которому относится первый; напр.: предложеніе „я хочу читать эту книгу" съ отрицаніемъ можетъ

быть выражено двояко: 1) *я не* хочу читать *эту книгу*" (съ вин.) и 2) „*я не* хочу читать *этой книги*" (съ род.).—Форма съ родит. имѣетъ нѣкоторый оттѣнокъ большей энергіи отрицанія,—болѣе рѣшительнаго отказа.

Къ прямымъ дополненіямъ нужно отнести и винительныя при такихъ глаголахъ, какъ *проѣхать, пройти, пролетѣть, проспать, прожить, пережить* и др., которые получаютъ переходное въ тѣсн. смыслѣ значеніе отъ предлоговъ *про, пере:* „мы *проѣхали версту*",—„мы *не проѣхали* и *версты*, какъ вдругъ..."; „я *проспалъ пять* часовъ",—„я *не проспалъ* и *пяти* часовъ; *„всю эту дорогу* мы *прошли* пѣшкомъ"—*„этой дороги* мы *не могли пройти* пѣшкомъ; „онъ *пережилъ* страшныя *минуты*",—„онъ *не переживетъ этого*"; „онъ *прожилъ* свое *состояніе*" и т. д.—

Другіе винительные отличаются отъ винительныхъ прямого дополненія, между прочимъ, невозможностью перехода въ родительный при отрицаніи. Рѣдкія исключенія изъ этого правила, въ родѣ напр. „я сидѣлъ часъ"—„я *не* сидѣлъ и *часа*", объясняются дѣйствіемъ аналогіи оборотовъ съ родительнымъ вмѣсто винит. при глаголахъ переходныхъ въ тѣсн. см., какъ бы поддѣлкою одного оборота подъ другой, при чемъ самый глаголъ въ такихъ случаяхъ переводится изъ одной категоріи въ другую, т.-е. напр. „сидѣть часъ" понято такъ, *какъ будто бы „сидѣть"*—глаголъ переходн. въ тѣсн. смыслѣ. Слѣдов., этого рода „исключенія", собственно говоря, вовсе не исключенія, а только симптомъ возникающаго пониманія извѣстныхъ глаголовъ, не принадлежащихъ къ переходнымъ,—какъ таковыхъ (и при томъ—„въ тѣсн. см."), подъ вліяніемъ другихъ глаголовъ; такъ напр. гл. *сидѣть* подчиняется вліянію глагола *просидѣть; жить*—вліянію глаголовъ *прожить, пережить*. Мы можемъ сказать: „я *не жилъ* тамъ и *года*", потому что говоримъ „я *не прожилъ* тамъ и *года*".—Сюда отнесемъ и *стóить:* „эта вещь *стоитъ три рубля*", гдѣ „три рубля" собственно—не прямое дополненіе, а винительный количества (см. ниже); но при отрицаніи является родительный: „эта вещь *не стоитъ трехъ рублей*"—

по аналогіи съ родительными, замѣняющими винительн. прямого дополненія.

Замѣна винительнаго родительнымъ при отрицаніи есть явленіе старинное. Уже въ церк.-слав. находимъ: никтоже *не вливаетъ вина* нова въ мѣхы ветъхы (Маріин. ев. Лука, V, 37). — *Не придъ призъватъ праведъникъ* (род. множ.). нъ грѣшникы въ покаание (тамъ же, Лука V, 32).—Въ русскомъ: оже будуть у него дьщери дома, то *даяти часть* на ня; аже ли будуть за мужьями, то *не даяти части* (Русс. Прав. по Карамз. сп., ст. 103)... *сего* есмь *не молвилъ*... (Лавр. п. 1097 г.)... яко *не видѣти* бысть *креста*... (Лавр. п. 1110 г.)... *не убий ея*... (Лавр. п. 1128 г.)... Давыдъ же *не любяшеть мира*... (Ипат. п. 1196 г.)... *не хотя дати радости* дьяволу... (тамъ-же)... аще *не примьняши слова* своего... (Ип. п. 1250 г.)... глаголу его *не уя вѣры*... (тамъ же)... *не успѣвъ ничегоже* (Ип. п. 1286 г.; но тутъ-же:... и *не успѣвъше* у него *ничтоже*). По аналогіи съ этимъ родительнымъ употребленъ родительный въ выраженіи: „почто зло створивъ и *не каешися его?*“ (Лавр. л. п. 1097 г.).

О происхожденіи этого родительнаго будетъ сказано ниже.

б) Винительный времени. На вопросъ „какъ долго?“: „я *весь день* работалъ“; „больной спалъ *всю ночь* спокойно“; „мы ожидали на станціи *три* часа“. — На вопросъ „какъ скоро?“: „*сію минуту* прійду“. Этотъ винительный принадлежитъ къ *третьему разряду* (дополненіе — обстоятельство). „*Сейчасъ*“ совсѣмъ перешло въ категорію обстоятельства.

в) Винительный количества. На вопросъ „сколько?“: „повторилъ урокъ *одинъ разъ, два* раза, *три* раза...“; онъ приходилъ уже *пять* разъ“; „*тысячу* разъ просилъ я васъ объ этомъ...“; „жилъ въ Кіевѣ *пять* лѣтъ“; „онъ *цѣлый годъ* странствовалъ“. Этотъ винительный также принадлежитъ къ *третьему разряду*.

Примѣры. Я *не помню утра* болѣе голубого и свѣжаго (*Лерм.*, „Герой наш. врем.“, II, „кн. Мери“)... Развѣ вы *сто* разъ *не провожали людей* на тотъ свѣтъ съ величайшимъ

равнодушіемъ? (Тамъ же). Если *двѣ* минуты сряду ей будетъ возлѣ тебя скучно... (Тамъ же). Якуты *не имѣютъ ни полокъ, ни поставцовъ*, какъ русскіе, и *ставятъ* свои *чашки* и *блюда* подъ лавкой... Пока мы усаживались, собака *очистила чашки*". „И дѣльно: *не ставъ снѣдь [безъ замѣны родительнымъ]* подъ лавку!... замѣтилъ Иванъ Григорьевъ" (*Гончар.*, „Фрег. Палл., т. II, гл. VII). Мы *проскитались* опять цѣлый *день*... (Тамъ же, II, VI)... Гдѣ-жъ онъ? *Сію минуту* былъ... (Тамъ же)...

Родительный падежъ.

а) Родительный раздѣлительный, ставящійся вмѣсто винительнаго прямого дополненія для обозначенія части предмета (въ противуположность винительному, означающему цѣлый предметъ); такъ, „дайте мнѣ *хлѣбъ*" значитъ: „дайте весь хлѣбъ, что̀ на столѣ", но „дайте мнѣ *хлѣба*" имѣетъ смыслъ: дайте часть, немного хлѣба. Понятно употребленіе этого родительнаго при глаголахъ въ родѣ *купить*, *набрать*, *налить* и т. д. въ такихъ выраженіяхъ, какъ „я *купилъ чаю, сахару, мыла, свѣчей*", „*набери воды* въ это ведро", „налей мнѣ *вина*" и т. п. Этотъ родительный принадлежитъ къ *первому разряду*.

б) Къ родительному раздѣлительному возводится, представляя собою видоизмѣненіе или дальнѣйшее развитіе его основного значенія, тотъ родительный, который употребляется при глаголахъ *хотѣть* (чего), *искать* (чего), *желать* (чего), *просить* (чего), *требовать* (чего), *жаждать* (чего). Напр. *искать счастья, богатства, денегъ, почестей*, т.-е. какъ бы *не всего* счастья, богатства и т. д., а возможной ихъ части, въ противуположность напр. „искать на полу упавшій карандашъ", гдѣ имѣется въ виду цѣлая вещь; представленіе возможной и неопредѣленной части въ этихъ же выраженіяхъ переходитъ въ оттѣнокъ чего-то возможнаго (не достовѣрнаго), предположительнаго, гадательнаго, — въ оттѣнокъ неувѣренности въ успѣхѣ и т. п.; при этомъ уже можетъ имѣться въ виду и цѣлое, или нѣчто такое, въ чемъ не различается цѣлое и часть, напр., *искать славы*, даже—*искать*

карандаша на полу и т. д.; „нищій *проситъ милостыни* (можетъ быть, дадутъ)“; „*желаю* вамъ всякаго *благополучія*“, „*желаю* тебѣ *всего лучшаго*“; „*хочешь пирожка?*“; „всѣ мы *жаждемъ* мирнаго *счастья* и *спокойствія*“ и т. д. Такія выраженія заключаютъ въ себѣ оттѣнки, такъ или иначе возводящіеся къ представленію раздѣлительности. Также относится къ *первому разряду*.

Значеніе раздѣлительности (а, стало быть, и другихъ представленій, изъ него развившихся) легко выводится изъ основного значенія того древняго падежа (хорошо извѣстнаго въ санскритѣ), которому присвоено названіе *аблятива* („отложительнаго“); отъ него и идетъ самая форма родительнаго въ слав. языкахъ (въ склоненіи на—о: *Бога, человѣка, села);* основнымъ значеніемъ аблятива было указаніе на тотъ пунктъ, отъ котораго идетъ движеніе, т.-е. откуда кто-либо или что-либо удаляется. Раздѣлительность явилась какъ результатъ развитія этого основного значенія въ одномъ направленіи,— въ другомъ же направленіи развились и обособились другія значенія, выраженіемъ которыхъ являются слѣдующія два вида:

в) Родительные при глаголахъ: *лишить, лишиться, чуждаться, дичиться, бояться, страшиться, опасаться,* напр. лишиться *чести*, чуждаться *общества*, дичиться *людей*, бояться *опасностей*, страшиться *смерти* и т. д. Къ *первому разряду*.

г) Родительные при отрицаніи: α) вмѣсто *винительнаго* при глаголахъ переходн. въ тѣсномъ смыслѣ, о чемъ была рѣчь выше, и β) вмѣсто *именительнаго*, съ превращеніемъ субъектнаго оборота въ безсубъектный; это явленіе свойственно всѣмъ слав. языкамъ и встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, напр. церк.-слав.: и не бѣ има чⷣда.

Примѣры на β: „онъ былъ здѣсь“ — „*его не было* здѣсь“; „у нихъ есть деньги“ — „у нихъ *нѣтъ денегъ*“; найдется-ли у васъ время...?“—„у меня *не найдется времени...*“; „запасы имѣются въ наличности“ — „*запасовъ не имѣется* въ наличности“; „работы производятся“ — „*не производится работъ*“;

„отсюда видны горы“—„отсюда *не видно горъ*“; „слышенъ шопотъ“—„*не слышно шопота*“; „все это давно извѣстно“—„*ничего не извѣстно*“; письмо будетъ получено“—„*не будетъ получено письма*“; „это бываетъ“—„*этого не бываетъ*“.

Изъ этихъ и подобныхъ примѣровъ мы видимъ, что замѣна именительнаго родительнымъ при отрицаніи совершается тогда, когда сказуемымъ являются глаголы *быть, бывать, имѣться, находиться, производиться* и т. п., могущіе стать безсубъектными (т.-е. принять форму 3-го, мнимаго, лица), а также тогда, когда сказуемое заключаетъ въ себѣ связку „быть“ и извѣстныя прилагательныя или страдательныя причастья, какъ-то *извѣстенъ, виденъ, слышенъ, полученъ, взятъ* и т. д. При этомъ, въ однихъ случаяхъ замѣна обязательна (какъ напр. при „нѣтъ“), въ другихъ—необязательна (можно сказать: „*жалованіе не выдается*“ и „*не выдается жалованія*“), въ третьихъ она возможна, но не совсѣмъ удобна (напр. „крѣпость взята“ можетъ, при отрицаніи, перейти въ выраженіе „крѣпости не взято“, но это не такъ удобно, какъ напр. „денегъ не взято“, гдѣ родительному благопріятствуетъ представленіе раздѣлительности, обусловливающее собою наличность того же падежа и въ утвердительномъ оборотѣ: „взялъ денегъ“).

Въ основѣ значенія обѣихъ замѣнъ (винительнаго и именительнаго) надо видѣть идею „удаленія отъ даннаго пункта“ или, лучше, видоизмѣненіе этой идеи, связанное съ отрицаніемъ: отрицаніе первоначально заключало въ себѣ представленіе устраненія, удаленія, отнятія, — и такимъ образомъ родительный при отрицаніи нѣкогда долженъ былъ состоять въ ближайшемъ сродствѣ съ *родительнымъ лишенія и устраненія* (при *лишиться, чуждаться*, потомъ—*бояться* и т. д.), а также и съ родит. раздѣлительнымъ. Таково весьма вѣроятное происхожденіе этого оборота. — Родительный, какъ замѣна винительнаго, принадлежитъ къ *первому разряду*, но родительный вмѣсто именительнаго долженъ быть отнесенъ ко *второму*, такъ какъ связанъ съ кореннымъ измѣненіемъ оборота.

д) *Родительный при глаголахъ съ предлогами (префиксами),*

требующими родительнаго падежа, напр. „*избѣжать опасности*„, „*достичь извѣстности*“, „*избыть наказанія*“, „*доискаться правды*“, „*добиваться счастья*“, гдѣ родительные зависятъ не отъ основного значенія глагола (кромѣ *доискаться*, такъ какъ здѣсь родительнаго требуетъ и самъ основной глаголъ *искать*), а отъ ихъ значенія, видоизмѣненнаго префиксами *изъ, до.*—Къ *первому разряду.*

е) Родительный времени *(даты):* „это случилось *5-го января* 1760 г.“, гдѣ собственно родительный даты это—*5-го* (т.-е. числа, дня), а родительные „января“ и „1760 года“ зависятъ—первый—отъ „*пятаго*“ *(числа)*, второй—отъ „января“. Но, вѣроятно, первоначально это были падежи параллельные, на что указываютъ формы (нынѣ не очень употребительныя): „*такого-то года*“, „*такого-то мѣсяца*“, „*прошлаго года*“; такъ въ старомъ языкѣ: „того же лѣта“ [1]); сюда же первоначально и „*сегодня*“, уже перешедшее въ обстоятельство.—Къ *третьему разряду.*

ж) Родительный „предикативный“: „онъ *знатнаго рода*“, „онъ былъ *дворянскаго происхожденія*“ и т. п. Этотъ родительный стоитъ при сказуемомъ, которымъ является глаг. *есть, былъ, будетъ:* при этомъ доля предикативности падаетъ на дополненіе. Родительный пад. дополненія, очевидно, нѣкогда зависѣлъ отъ опущеннаго существительнаго (въ сказуемомъ): „онъ былъ *человѣкъ* (или *потомокъ* и пр.) знатнаго рода...“ Тогда это было состав. сказуемое; теперь оно—простое, а дополненіе стало „предикативнымъ“. Ко *второму разряду.*

Дательный падежъ.

а) Дательный лица (и вещи, иногда представляющей собою фикцію лица) при весьма различныхъ глаголахъ: „я *далъ ему* книгу“, „онъ *далъ мнѣ* полезный совѣтъ“,—„я сказалъ *тебѣ*, что...“, „*ей запретили* выходить“, „онъ *принесъ намъ* деньги...“, „мы *заплатимъ хозяину* за квартиру“, „*желаю вамъ* всякаго благополучія“, „*предсказываю этому пред-*

[1]) См. ниже, въ примѣрахъ изъ стар.-русск.

пріятію успѣхъ", „отдаю должное вашему *благоразумію*", „онъ *причинилъ мнѣ* зло", „эта книга *доставила мнѣ* удовольствіе", „обѣщать *кому* что-либо", „*отказать кому* въ чемъ" и т. д. и т. д.

Этотъ дательный обыкновенно называется „дательнымъ лица, въ пользу (въ угоду, къ выгодѣ, къ удовольствію и т. д) котораго или-же наоборотъ во вредъ (къ невыгодѣ, къ неудовольствію и т. д.) котораго что-либо дѣлается (такъ назыв. „dativus commodi et incommodi"). Какъ зависящій отъ лексич. значенія глагола, онъ долженъ быть отнесенъ къ *первому разряду*.

б) Дательный лица (и вещи, какъ фикціи лица) въ безсубъектныхъ оборотахъ: α) *мнѣ* хочется, *ему* хорошо живется, *ей* весело, *намъ* будетъ весело, *ребенку* хочется ѣсть, *шалуну* не сидится,—*мнѣ* кажется, что...,—*намъ* не повезло, этой *книгѣ* не посчастливилось на книжномъ рынкѣ и т. д.; β) *съ инфинитивомъ: вамъ* начинать, не видать *ему* счастья, *этому* не бывать.—Какъ связанный съ характеромъ оборота, этотъ дательный принадлежитъ ко *второму разряду*.

в) Дательный предмета и лица, *къ которымъ направлено душевное движеніе, выраженное или предполагаемое лексическимъ значеніемъ глагола: радоваться чему, вѣрить кому, чему, смѣяться чему, улыбаться кому (чему), удивляться кому (чему)* и др.—Сюда-же нужно отнести *повиноваться кому, подчиняться кому, чему*.—Къ *первому разряду*.

Творительный падежъ.

а) Творительный орудія въ собственномъ смыслѣ, при глаголахъ, означающихъ различныя дѣйствія, какъ напр. *бить палкою, ударить камнемъ, разрубить топоромъ, писать карандашомъ, рѣзать ножомъ, ѣсть вилкою, ухватиться руками* за... Къ *первому разряду*.

б) Творительный орудія (часто съ опредѣленіемъ—прилаг.), получающій болѣе или менѣе явственный характеръ обстоятельственнаго выраженія (на вопросъ: какъ?): пѣть *пріятнымъ голосомъ*, пѣть *теноромъ*,—*басомъ*, хо-

дить *быстрыми шагами*, вздохнуть *полною грудью*, кричать *благимъ матомъ*. Къ *третьему разряду*.

в) Творительный душевныхъ движеній (легко выводимый изъ творительнаго орудія): *пылать гнѣвомъ*,—*любовью*, *дышать злобою;* сюда-же — *скорбѣть душею*, *чуять сердцемъ*. Къ *третьему разряду*.

г) Творительный фиктивнаго орудія (объектъ дѣйствія, обычно—представляемый винительнымъ прямого дополненія, напр. „бросать—что“, понятъ какъ орудіе дѣйствія и выраженъ творительнымъ) при глаголахъ *ударить*, *бросать*, *кидать*, *швырять* и др.: *бросать камнями*, *кидать мячикомъ*, „онъ повалилъ противника и ударилъ *имъ* оземь“. Къ *первому разряду*.

д) Творительный орудія въ безсубъектныхъ оборотахъ: „убило *молніей*“, „оглушило *громомъ*“, „унесло *вѣтромъ*“. Къ *первому разряду*, если творительный понятъ какъ непосредственно зависящій отъ лексич. значенія глагола, и ко *второму*, если онъ разсматривается какъ принадлежность оборота.

е) Творительный дѣйствующаго лица при страдательномъ залогѣ: „онъ *всѣми* любимъ“, „подсудимый былъ оправданъ *присяжными*“, „рѣчь, *произнесенная прокуроромъ*, была убѣдительна“. Этотъ творительный также возводится къ творительному орудія. Ко *второму разряду*.

ж) Творительный образа дѣйствія: идти *войною*, служить *вѣрою* и *правдою*, жить *собственною головою*. Къ *третьему разряду*.

з) Творительный сравненія и превращенія: лежать *пластомъ*, *летѣть птицею*, накинуться на кого *лютымъ звѣремъ*, ходить *гоголемъ*, „положи, Господи, *камышикомъ*, подыми *калачикомъ*“ (поговорка Каратаева, Л. Толстой „Война и Миръ“), обернулся *соколомъ*. Къ *третьему разряду*.

и) Творительный усиленія: *ходномъ* ходить, *слухомъ* не слыхать. Къ *третьему разряду*.

і) Творительный предикативный (возникшій изъ творительнаго сравненія и превращенія, см. § 12): быть *куп-*

цомъ, сдѣлаться *писателемъ;* его назначили *директоромъ* и т. д. [замѣна второго именит. и второго винит.]. Ко *второму разряду.*

Творительные образа дѣйствія, сравненія, превращенія, усиленія нерѣдко колеблются между дополненіемъ въ собственномъ смыслѣ и обстоятельствомъ и въ такомъ случаѣ могутъ быть названы *дополненіями—обстоятельствами*".

к) Творительный времени: *лѣтомъ, зимою, весною, осенью, днемъ, ночью, утромъ, вечеромъ.* Къ *третьему разряду.*

Этотъ творительный также долженъ быть причисленъ къ „дополненіямъ-обстоятельствамъ", при чемъ нѣкоторые обращики его, какъ *утромъ, вечеромъ,* представляются скорѣе обстоятельствами, чѣмъ дополненіями. Въ сочетаніяхъ въ родѣ *„рано утромъ"*, *„поздно вечеромъ"*, въ выраженіяхъ *„утромъ"*— хорошо", „зимою *вечеромъ* скучно въ деревнѣ" и т. п. эти формы почти утрачиваютъ падежное значеніе и сбиваются на нарѣчье; но ихъ падежное значеніе и слѣдовательно ихъ характеръ дополненія освѣжаются и поддерживаются сочетаніями *„раннимъ утромъ"*, *„темною ночью"*, *„тихимъ вечеромъ"* и т. п.

л) Творительные, частью возводимые къ творительному орудія, частью же другого, не совсѣмъ яснаго, происхожденія, употребляются при различныхъ глаголахъ, напр. *дорожить честью, наполнить* графинъ *водою* (творит. оруд.); *итти дорогою, ѣхать лѣсомъ, „держать берегомъ"* (это—обороты, также возводящіеся къ творит. орудія; обыкновенно называютъ ихъ „творительными мѣста"). Одни изъ нихъ принадлежатъ къ *первому разряду (дорожить честью)*, другіе—къ *третьему (лѣсомъ, берегомъ* и пр.).

II. **Дополненія пріименныя.** Они стоятъ при существительныхъ, прилагательныхъ, нарѣчьяхъ.

Родительный пад. при существительныхъ.

а) *Родит. принадлежности:* домъ *отца,* приданое *жены,* комната *дѣтей,* кабинетъ *директора,* сочиненія *Пушкина,* геній *Пушкина,* дѣянія *Петра Великаго,* жизнь *Ломоносова,*

похожденія *Чичикова*, характеръ *Печорина*, смѣхъ *Гоголя*, стиль *Тургенева*, музыка *Глинки*, рѣчь *адвоката* и т. д. и т. д. Понятіе *принадлежности* берется здѣсь въ весьма обширномъ смыслѣ.

б) *Родительный обозначенія:* министерство *юстиціи*, исторія *Россіи*, война *1812-го года*, департаментъ *государственныхъ имуществъ*, понятіе *справедливости*, идея *красоты*, идеалъ *счастья*, „Пѣснь *торжествующей любви*“ *(Тург.)*, чувство *долга*, инстинктъ *самосохраненія* и т. п. Сюда-же „любовь *матери*“ (въ смыслѣ „материнская“),—„Я васъ люблю любовью *брата*“ *(Пушк.* „Евг. Он.“).

в) *Родительный мѣры, цѣны, количества, качества:* человѣкъ *огромнаго роста*, камень *10-ти пудовъ* вѣса, господинъ *среднихъ лѣтъ*, помѣщикъ *средней руки*, вещь *большой цѣнности*, дѣло *огромной важности*, на разстояніи *двадцати* верстъ.

г) *Родительный вещи при существительномъ, означающемъ часть, мѣру и пр., и при числительныхъ: кусокъ хлѣба, графинъ воды, бутылка пива, бочка меду, часть имѣнія, половина книги, пять аршинъ, десять верстъ, сто головъ* скота и т. д. Сюда же и *табунъ лошадей, стадо овецъ, стая птицъ, толпа людей* и пр.

Родительный при прилагательныхъ:

полный надеждъ;—стаканъ *полный воды;*—характеръ *чуждый лукавства.*

Родительный при нарѣчіяхъ:

а) *Род. сравненія при сравнит. степени:* ты *лучше его*, это дерево *выше* нашего *дома.*

б) *Род. при нарѣчіяхъ количества: много книгъ, мало времени,—сколько* у васъ *денегъ?*

Дательный пад. при существ.

а) Дательный вещи при существ. *счетъ, списокъ, итогъ* и т. д.: счетъ *деньгамъ*, списокъ *вещамъ*, итогъ *расходамъ.*

На ряду съ дательнымъ употребляется въ этихъ сочета-

ніяхъ и родительный *(списокъ вещей, каталогъ книгъ...)*, который мы опредѣлимъ какъ родительный обозначенія.

б) Дательный въ выраженіяхъ междометнаго характера, въ родѣ „слава Богу!“, „горе мнѣ!“

Эти выраженія могутъ быть разсматриваемы какъ особаго рода сокращенныя (или неполныя) предложенія съ ослабленной предикативностью, которая то ступенчивается до минимума (даже до нуля, напр. „*слава Богу,* пріѣхали наконецъ“), то выступаетъ яснѣе (напр. *О, горе намъ*, рожденнымъ въ свѣтъ!“, *Держ., честь и слава тебѣ* за то, что...“, „...но *горе холостяку!*“ *Гоголь*, „Мерт. Д.“). Эта доля предикативности, очевидно, сохраняется какъ наслѣдіе опущенныхъ и забытыхъ здѣсь глаголовъ (напр. „слава *подобаетъ* Богу“, „горе *угрожаетъ, предстоитъ* мнѣ“, „честь *подобаетъ* тебѣ“ и т. п.), отъ которыхъ и зависѣлъ дательный падежъ; съ устраненіемъ глаголовъ, дательный примкнулъ къ существительнымъ (им. пад.) *слава, горе, честь* и пр. и сталъ чувствоваться, какъ управляемый *ими*. Такимъ образомъ это дополненіе сперва не было пріименнымъ, а было приглагольнымъ; оно стало пріименнымъ съ утратою глаголовъ.

в) Аналогичнаго происхожденія и дательные при нѣкоторыхъ существительныхъ въ выраженіяхъ немеждометнаго характера, напр. *письмо тебѣ, отвѣтъ ему, посылка тебѣ, привѣтъ вамъ, поклонъ тебѣ, выговоръ ученикамъ*, на *страхъ врагамъ*, на *зло ему* и т. д., при отсутствіи глаголовъ, отъ которыхъ первоначально и зависѣлъ дательный. Такъ напр. во фразѣ „на столѣ лежитъ почта: *письмо мнѣ, посылка тебѣ, повѣстка брату*“ дательные управляются существительными *письмо, посылка, повѣстка*, и здѣсь нѣтъ глагола, отъ котораго могли бы зависѣть дательные; способность же управлять дательными эти существительныя пріобрѣли или заимствовали отъ многочисленныхъ оборотовъ въ родѣ: *пришло тебѣ* письмо, *доставлено тебѣ* письмо, *посылаю тебѣ* посылку, *принесли тебѣ* повѣстку и т. д., гдѣ дательный зависитъ отъ глагола.

Дательный при прилагательныхъ:

чуждый всему, полезный кому, чему, благопріятный кому, чему, пріятный кому.

Дат. при междом.: увы мнѣ!

При междометномъ словѣ „*спасибо*“ дательный, напр. „*спасибо вамъ*“, сталъ на мѣсто винительнаго, такъ какъ „*спасибо*“ возникло изъ „*спаси Богъ*“ (съ винит.: *тебя, васъ, ихъ...*); эта замѣна, вѣроятно, произошла подъ вліяніемъ выраженій „слава Богу“, „увы мнѣ“ и др.

Творительный пад.

При существительныхъ и прилагательныхъ.

а) *Творительный отношенія:* красавецъ *собою*, великанъ *ростомъ*, малъ *ростомъ*, смуглъ *лицомъ*, хороша *собою*, молодъ *душею*, самъ *собою*.

б) *Творительный, напоминающій творительный орудія: чьимъ богаты, тѣмъ* и рады, знатный *родомъ*, гордый *своими сокровищами*, сильный *характеромъ*, полный *водою* и т. д.

в) Въ оборотахъ съ числительнымъ: *длиною* два аршина, *вѣсомъ* пять пудовъ, *глубиною* три сажени, *счетомъ* десять и т. п. [1]).

При нарѣчіяхъ въ сравн. степ.

Верстою дальше; *чѣмъ* больше, *тѣмъ* лучше; *немногимъ* меньше; *аршиномъ* длиннѣе; *часомъ* раньше.

---

[1]) Здѣсь числительныя стоятъ въ именительномъ пад., который образуетъ родъ несогласующагося („независимаго“) приложенія къ творительному (длиною, глубиною и т. д.). Его охотно замѣняютъ, гдѣ можно, винительнымъ съ пред. *въ* или *съ*: „дорога *длиною верста*“ и „дорога *длиною въ версту*“; пред. *съ* (*съ версту*) вноситъ оттѣнокъ приблизительности. — „Яма *глубиною одна сажень*“ и „яма *глубиною въ одну сажень*“.

Образцы управленія падежами (безъ предлога) въ старомъ русскомъ.

Приглагольное дополненіе.

Винительный.

Прямое дополненіе. Да аще *мя* просите право, то пришлите *мужа нарочиты* (мужа=церк. сл. мѫжїѧ—вин. мн.). (Лавр. п. 945 г.). — Ольга же повелѣ ископати *яму велику*... зоветъ *вы* (вин. мн.) Ольга... (тамъ-же).—Аже убиетъ кто *мужа* (вин. ед.)... (Русс. Прав., ст. 1) — Аще кто *конь* погубитъ... (тамъ-же, ст. 29)—Пренесоша („перенесли“) братья вся *святою* (нужно: святую) *мученику* (форма род. дв. вм. вин. дв.— въ именахъ одушевл.) *Бориса* и *Глѣба* (Лавр. п. 1115 г.)—... посла Володимеръ *сынъ свой Романа*... (Лавр. п. 1119 г.; форма винит. на-ъ въ именахъ одушевл. употреблялась весьма нерѣдко и притомъ зачастую рядомъ съ винительнымъ, сходнымъ съ формою родит.) — Примѣры замѣны винительнаго родительнымъ при отрицаніи см. выше (стр. 243).

Винит. мѣры или количества. Живе же всѣхъ лѣтъ *70* и *6*. (Лавр. п. 1054 г.) — ...Сидѣ бо лѣтъ *20* и *4*... (Лавр. п. 1059 г.).—...Иде Волховъ вспять дний *5*. (Лавр. п. 1063 г.).— Си же блаженная княгыни лежа въ немощи *7* лѣтъ... (Лавр. п. 1206 г.).

Родительный.

Раздѣлительный... ни *хлѣба* вкуси ни *воды*... (Ипат. п. 1074 г.).

Почя убывати *солнця*... (1-ая Новг. лѣт. п. 1124 г.);

Умножилося *братьѣ*... (Лавр. 1051 г.).

Сюда-же: Ярославъ сѣде Кыевѣ *утеръ пота* съ дружиною своею... (Лавр. п. 1019 г.), — *послушайте мене*... (Лавр. п. 1096, „Поученіе“ Вл. Моном.).

При глаголахъ хотѣти, желати, искати, просити: искати меду (Лавр. 997 г.); да аще *хощете мира* (Лавр. п. 1101 г.); *просимъ мира* (Лавр. 1103 г.); *желая большиа имѣнія* (Лавр. п. 945 г.). *При глаголахъ боятися, мнити, мнитися* и под.: аще ты боишися *Руси*... (Лавр. п. 1103 г.).

При отрицаніи вм. именительнаго: нѣту Кулмья (Лавр. п. 1097); *нѣту их* здѣ (Лавр. п. 1097 г.); ...*якого же зла не было* отъ крещенія надъ Кыевомъ... (Лавр. 1203 г.).

При глаголахъ съ предлогами, требующими родит. п.: доискася злата и *сребра* (Лавр. п. 996 г.); *избуду суетнаго сего свѣта и мятежа*... (Лавр. 1086 г.).

При другихъ глаголахъ, нынѣ не управляющихъ родительнымъ: пожаловатися своея обиды (Лавр. п. 1100 г.); ...а приставимъ вы *хоромъ рубити нашихъ* (Ип. п. 1016 г.);

Родительный даты: Того-же лѣта родися у... князя Всеволода... сынъ, *мѣсяца октября* въ 25... [1]) (Лавр. п. 1194 г.); *тое же осени* преставися князь... (Лавр. 1201 г.); *тое же зимы* ходи Романъ... (Лавр. 1202). Съ причастьемъ: *сего же лѣта исходяща*, иде Давидъ... (Лавр. 1095 г.).

Дательный пад.

Дат. лица (и вещи) при различныхъ глаг.: дадите ми отъ двора по 2 голуби... (Лавр. п. 946 г.);... рекоша... волсви *матери* его... (Лавр. 1044 г.);... нарекъ имя *ему* Антоній... и рече *ему* ...и нача молитися *Богу...;* ...приносяще же *ему* (Лавр. 1051 г.); постави *намъ* игумена... (тамъ-же);... занеже *ему* благо дѣялъ... (Р. Прав., ст. 46); *кому* дань даете? *козаромъ* по щьлягу отъ рала *даемъ* (Лавр. п. 964 г.); *Игореви князю* Богъ путь кажетъ... (Сл. о п. Иг.);—Се ли *сътвористе* моей сребренѣй *съдинѣ?* (Сл. о п. Иг.).

Дат. предмета и лица, къ которымъ направлено душевное движеніе, выраженное или предполагаемое лексич. значеніемъ глагола: ...а дружина *сему смѣятися* начнуть (Лавр. п. 955 г.):... велить *послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ* и *Поморію,* и *Посулію, Сурожу,* и *Корсуню*... (Сл. о п. Иг.); сюда-же: ходити *роть*=давать клятву,—многажды бо ходивше *роть*... (Лавр. 1103 г.).

Въ безсубъектныхъ обор.: Жаль бо *ему* мила брата Вьсе-

---

[1]) „Мѣсяца октября“ не зависитъ отъ „въ 25 (день)“, а стоитъ самостоятельно, какъ „того-же лѣта“.

волода. (Сл. о п. Иг.); уже *намъ* своихъ милыхъ ладъ *ни* мыслію *смыслити, ни* думою *съдумати*... (Сл. о п. Иг.);—Аже убиеть кто мужа, то *мьстити брату* брата... (Р. Прав., ст. 1); ...а *не мьпо быти граду сему* безъ владыкы... (1-ая Новг. л. п. 1229 г.);... близъ шатра, въ немьже *бѣ имъ пити*... тамъ-же, п. 1218 г.); — И вниде Игорь в Кыевъ, и *не годно бысть людемъ* (Лавр. п. 1146 г.)... а то уже *Богови судити* (Ип. п. 1147 г.);... оже *быти вамъ* со мною... (Ип. п. 1149 г.).

Дат. лица, не управляемый непосредственно глаголомъ, но примыкающій къ нему:... отець *ти* умерлъ, а братъ *ти* убитъ отъ Святополка [соотвѣтствуетъ нынѣшнему: *у тебя*] (Ип. п. 1015); — Что *ми* шумить, что *ми* звенить...? (Сл. о п. Иг.); не лежи, княже: Глѣбъ *ти* пришелъ на тя вборзѣ (Ип. п. 1147 г.);

Дат. на вопросъ: куда? Сиже Ольга приде *Киеву* (Лавр. п. 955).—... Иде Володимеръ... *Новугороду* (Лавр. 970 г.).

Дательный самостоятельный. Онъ стоитъ при сказуемомъ или, лучше, при цѣломъ предложеніи, не находясь однако въ прямой зависимости отъ сказуемаго или иной части предложенія; отъ другихъ дательныхъ (также независимыхъ) онъ отличается тѣмъ, что при немъ находится согласующееся съ нимъ причастье. Этотъ оборотъ переводится на соврем. языкъ придаточными предложенія съ *когда, такъ какъ* и др. *Володимиру живущю* в законѣ крестьянствѣмъ, и помысли создати... церковь... (Ип. п. 991 г.). = „Когда (такъ какъ) Владимиръ (уже) жилъ въ христіанскомъ законѣ, тогда (то) онъ задумалъ построить... церковь...“.—*Гмьбу же убьену* и *повержену бывшю* на брезѣ... посемъ же вьземше и везоша ѝ, и положиша... (Ипат. п. 1015 г.) = „Послѣ того какъ Глѣбъ былъ убитъ и брошенъ на берегу,—его взяли и повезли...“—И *разболѣвшюся ему* велмі, посла (по) сына своего Володимера Чернѣгову (Ип. п. 1093 г.). *Съступившимъся полкомъ*, бысть сѣча крѣпка (Ип. п. 1151 г.).

Творительный.

Твор. орудія въ прямомъ и тѣсномъ, въ переносномъ и обширномъ смыслѣ: почерпоша *вѣдромъ*... (Ипат. п. 997 г.); отець

мой доискася *дружиною* злата и сребра (Ипат. п. 996 г.); да намъ ясти *древяными ложицами*... (тамъ-же); да не ущитятся *щиты своими*... (Лавр. п. 945); изодѣлися суть *оружьемъ* и *порты*... (Лавр. п. 945); отпусти слы одаривъ *скорою* и *челядью* и *воскомъ* (тамъ-же); *молитвою* помозѣта ми... (Лавр. п. 1019 г.); *извистью* бѣлити... (Лавр. п. 1194 г.); не *оружьемъ* ся бъевѣ, но *борьбою*... удари *имь* о землю... (Лавр. п. 1022 г.); Игорь *мыслію* поля мѣрить... (Сл. о п. Иг.); не двигняше *ногами* (Ип. п. 1074).

Творит. сравненія и превращенія: полечу... *зегзицею* по Дунаеви... ...Игорь князь поскочи *горностаемь* къ тростію и *бѣлымъ гоголемь* на воду, въврьжеся на бръзъ комонь и скочи съ него *босымь влъкомь*... и полетѣ *соколомь* подъ мьглами... Коли Игорь *соколомь* полетѣ, тогда Влуръ *влъкомь* потече... (Сл. о п. Иг.).

Творит. предик. (замѣна второго имен. и второго винит.)— примѣры см. въ гл. IV, § 12.

При страд. зал.: бѣ бо любимъ *отцемь*... (Лавр. п. 1054) [но встрѣчается и дат.: бѣ бо любимъ *отцю своему*... Ипат. 1097 г.; бѣ бо любимъ *ему*... Ип. п. 1195 г.].

Мѣстный п.

На вопросъ: гдѣ?—Святополкъ же сѣде *Кыевѣ*... (Лавр. п. 1015 г.). — Заложи Володимеръ святую Соѳью *Новѣгородѣ* (Лавр. п. 1045 г.).

Прiименное дополненіе.

Родит. Меду лукно (Лавр. 997 г.).—... бѣ бо *Руси* 10 тысящь толко (Лавр. 971 г.).—... убояшася зѣло множества *вой* (Лавр. 971 г.)—... на Успенье *святыя Богородица* (Лавр. 996; Богородица=цер. сл. Богородицѣ—род. ед.).—...землю *отець своихъ* и *дѣдъ* своихъ... (Лавр. 1054 г.),—... положиша тѣло *его*... (Лавр. 1078 г.). — Олегъ вниде въ градъ *отца своего* (Лавр. 1094 г.). — ... по приятьи *града* (Лавр. 1096 г.)—азъ есмъ мний *тебе*.. (Лавр. 1096 г.).

Дат. Игуменъ *Печерьскому монастырю* (Лавр. 1094 г.).—

...мужь хытръ *книгамъ* и *ученію*, милостивъ *убогымъ* и *вдовицямъ*... (Лавр. п. 1089)—... *очима* управленіе, *языку* удержанье, *уму* смѣренье... (Лавр. 1096, „Поуч.“ Вл. Мон.)—...хочю жити в Переяславци... яко то есть середа *земли моей*... (Лавр. 969 г.).

Творит... бѣ у него сынъ красенъ *лицемъ* и *душею*... (Лавр. п. 983 г.).—Есть же путь до горъ тыхъ не проходимъ *пропастьми*, *снѣгомъ* и *мьсомъ* (творит. причины; Ипат. п. 1096 г.)—... понеже бо во Олговицяхъ (Всеволодъ Святославичъ) всѣхъ удалѣе *рожаемъ*, и *воспитаемъ* и *возрастомъ*, и *всею добротою* и мужьственною *доблестью*... (Ипат. п. 1196 г.)—... князь Давыдъ *возрастомъ* бѣ середний, *образомъ* лѣпъ... (Ипат. п. 1197).

ГЛАВА VIII.

Обстоятельство и его выраженіе нарѣчьемъ, дѣепричастьемъ, косвенными падежами существительныхъ.

§ 20. Обстоятельство есть второстепенная часть предложенія, примыкающая чаще всего къ сказуемому и къ опредѣленію, но не управляемая ими. Этой послѣдней чертою обстоятельство отличается отъ дополненія, которое характеризуется именно тѣмъ, что *управляется* глаголомъ—сказуемымъ. Поэтому, обстоятельство является частью предложенія болѣе независимою, чѣмъ другія второстепенныя его части.—Состоя при сказуемомъ, оно усиливаетъ его значеніе, придаетъ ему больше вѣса въ предложеніи.

Обстоятельства слѣдуетъ раздѣлить на два класса: 1) *обстоятельства въ собственномъ смыслѣ* и 2) *обстоятельственныя слова и сочетанія словъ, колеблющіяся между дополненіемъ и обстоятельствомъ;* мы будемъ называть ихъ *фиктивными*.

1) Обстоятельства въ собственномъ смыслѣ выражаются *нарѣчьями* и *дѣепричастьями* и дѣлятся на слѣдующіе разряды:

а) *Обстоятельство образа дѣйствія* (на вопросы: *какъ?*

какимъ образомъ?): онъ идетъ *скоро*, она поетъ *хорошо*, онъ *громко* закричалъ, мы шли *пѣшкомъ*, ѣхали *верхомъ*, онъ шелъ *прихрамывая*, стоялъ *задумавшись*, спалъ *сидя*, я поступаю *такъ, какъ* нужно.

б) *Обстоятельства мѣста и направленія* (на вопросы: *гдѣ? куда? откуда?*): онъ устроился *здѣсь* хорошо, мы идемъ *туда*, они пришли *оттуда*, — *куда* и *откуда* ты идешь? — Я спустился *внизъ*,—мы сидѣли *наверху*,—они прошли *мимо* и т. д.

в) *Обстоятельства времени* (на вопросы: *когда? какъ давно? доколѣ?*): я былъ *вчера* боленъ,—*сегодня* я занятъ,—*однажды* случилось...,—я живу здѣсь *давно*... „*Давнешенько* не бралъ я въ руки шашекъ!“ (Гоголь, „Мерт. Д.“), — *впервые* слышу я объ этомъ, — *вскорѣ* извѣщу васъ..., — *до-сихъ-поръ* не могу прійти въ себя...; я жилъ *тогда* въ Петербургѣ; *когда* ты ѣдешь?

г) *Обстоятельства мѣры, количества* (на вопросы: *сколько? какъ много? какъ долго?*): онъ ѣстъ *мало*, мы ждали *долго*, пѣтухъ пропѣлъ *трижды*. Въ сочетаніяхъ существительныхъ съ нарѣчьями количеств. (*много разъ, сколько разъ, мало времени, немного чаю* и т. п., напр. „я испыталъ это чувство *много разъ*“, „осталось *мало времени*“, „истрачено *много денегъ*“, „мы купимъ *столько* (вещей, книгъ, чаю...) *сколько* нужно“ и т. д. [ср. § 15, III]) обстоятельствомъ является только нарѣчье.

д) *Обстоятельства причины и цѣли* (на вопросы: *почему? отчего? для чего? зачѣмъ?*): „*почему* ты такъ думаешь?“ — „*Впопыхахъ* я не успѣлъ сказать вамъ...“—„Онъ сказалъ это *всердцахъ*“,—„*зачѣмъ* ты пріѣхалъ?“.

Прим. Выраженія „впопыхахъ“ и „всердцахъ“ колеблются между обстоятельствомъ *причины* и обстоят. *образа дѣйствія*.

е) *Обстоятельства, имѣющія характеръ ложной части сказуемаго*,—это именно *нарѣчья въ сравнит. ст.* въ предложеніяхъ съ отвлеченнымъ глаголомъ-сказуемымъ, напр. „онъ *лучше* меня“, „ты былъ *счастливѣе* меня“, „впередъ онъ будетъ *умнѣе*“ и т. д.

ж) *Обстоятельства социативныя* (выражающія соединеніе, совмѣстность); „мы шли *вмѣстѣ*“, „они сидѣли *вдвоемъ*“, „отчетъ былъ составленъ секретаремъ *совмѣстно* съ его помощникомъ“.

з) *Обстоятельства опредѣлительныя и усилительныя: уже, еще, даже, едва, почти, такъ, столь, лишь, очень, весьма, только, чуть, именно, слишкомъ, донельзя.* Эти слова можно назвать *обстоятельствами — частицами.* Смотря по положенію во фразѣ, они то удерживаютъ, то теряютъ ясно выраженный характеръ обстоятельства. Относясь къ глаголу, причастью, дѣепричастью, прилагательному, а также и къ нарѣчью, они сохраняютъ явственный отпечатокъ обстоятельственнаго значенія, напр. „онъ *уже* знаетъ это“, „я *еще* не успѣлъ сдѣлать это...“, „онъ *даже* удивился...“, „*едва* не упалъ“, „*уже* прочитанная книга“, „*еще* не зная этого, я не могъ...“, „*очень* хорошій“, „*весьма* опасный“, „*слишкомъ* громко“, „*чуть* слышно“, „*такъ* рано“ и пр. Но нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть отнесены и къ другимъ частямъ продоженія, къ которымъ обстоятельства относятся гораздо рѣже, и тогда они утрачиваютъ характеръ обстоятельства и становятся *опредѣлительными и усилительными частицами.* Напр.—при подлежащемъ: „*даже онъ* не знаетъ этого“, „это сказалъ *именно онъ*“; при дополненіи: „ты не знаешь *даже этого*“; при второй части сказуемаго, выраженнаго существительнымъ: „она была тогда *еще* ребенокъ“.

2) Обстоятельства-дополненія или „фиктивныя“.

Важнѣйшія изъ нихъ были уже указаны въ предыдущей главѣ — какъ формы, колеблющіяся между дополненіемъ и обстоятельствомъ. Это именно: а) *родительный даты* („это случилось *перваго* мая“), б) *творительный образа дѣйствія* („итти *войною*“), в) *творит. сравненія и превращенія* („летѣть *птицею*“, „обернуться *соколомъ*“), г) *творит. усиленія* („*ходуномъ* ходить“, д) *творит. мѣста* („ѣхать *мѣсомъ*“), е) *творительный времени (утромъ, вечеромъ, зимою, мѣтомъ).*

Кромѣ того, фиктивными обстоятельствами должны быть

признаны *разные падежи съ предлогами*, о чемъ у насъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

Отличительная черта всѣхъ этихъ выраженій, заставляющая смотрѣть на нихъ, какъ на нѣчто среднее между дополненіемъ и обстоятельствомъ, состоитъ въ томъ, что ихъ падежная форма не находится въ столь тѣсной зависимости отъ глагола, какъ это наблюдается въ настоящихъ дополненіяхъ. Не трудно видѣть, что во всѣхъ указанныхъ случаяхъ зависимость *творительнаго* или *родительнаго* отъ глагола далеко не такъ велика, какъ напр. зависимость творительнаго „палкою“ отъ глагола „ударить“. Творительный „войною“ въ „итти войною“ не зависитъ отъ лексическаго значенія глагола „*итти*“ и только состоитъ при этомъ глаголѣ, въ противуположность напр. творительному того же слова въ выраженіи „угрожать войною“, гдѣ онъ явно зависитъ отъ лексическаго значенія глагола и является творительнымъ орудія.

Нѣкоторыя изъ дополненій-обстоятельствъ стоятъ почти „вольно“ и могутъ быть названы независимыми, напр. хотя бы родительный даты („*перваго іюня* меня уже не было въ городѣ“). Въ такихъ случаяхъ управленіе становится мнимымъ, и эти формы получаютъ оттѣнокъ мнимыхъ дополненій. Другія сбиваются на простыя нарѣчья, какъ напр. *утромъ*, *вечеромъ*, еще болѣе—*ходуномъ*, *сиднемъ*. Настоящее нарѣчье возникаетъ изъ такихъ падежей тогда, когда теряется сознаніе принадлежности данной формы къ извѣстной системѣ склоненія, какъ напр. въ *бѣгóмъ*, *верхóмъ* (въ противоположность *бѣгомъ*, *вéрхомъ*), *пѣшкомъ*, *босикомъ*; таковы также *ходуномъ* ходить, *сиднемъ* сидѣть, но здѣсь есть маленькій оттѣнокъ, чуть-чуть поддерживающій сознаніе падежнаго значенія; дѣло въ томъ, что, повидимому, эти выраженія сродни обороту съ творит. предик. и обороту съ творит. сравненія, и это сродство мѣшаетъ *полному* превращенію этихъ формъ въ нарѣчья.

Формы *утромъ*, *вечеромъ*, *днемъ*, *лѣтомъ*, *зимою*, а также *шагомъ* и др. еще не стали нарѣчьями въ собственномъ смыслѣ, а только болѣе или менѣе близко подходятъ къ нимъ.

Если онѣ ближе къ нарѣчью, то ихъ нужно отнести къ обстоятельствамъ, которыя, въ отличіе отъ настоящихъ обстоятельствъ-нарѣчій, мы и называемъ *фиктивными*. Если онѣ дальше отъ нарѣчья, и ихъ падежное значеніе живѣе чувствуется, то мы отнесемъ ихъ къ дополненіямъ. Такъ напр. въ предложеніи „поѣзжай *шагомъ!*“ мы имѣемъ нарѣчье-обстоятельство (которое, пожалуй, можно бы, въ этомъ случаѣ, и не называть фиктивнымъ); но въ предложеніи „лошади шли *мирнымъ, спокойнымъ шагомъ*“ уже чувствуется въ томъ же словѣ именной и падежный характеръ, оживленный прилагательными—опредѣленіями, и мы назовемъ это выраженіе либо *фиктивнымъ обстоятельствомъ* (обстоятельствомъ-дополненіемъ), либо настоящимъ *дополненіемъ*, смотря по степени ясности *падежнаго* значенія и по характеру управленія. То же самое относится и къ выраженіямъ въ родѣ „проснувшись сегодня *утромъ*...“, „это случилось *днемъ*...“ и т. п. съ одной стороны и такими, какъ „*раннимъ утромъ*“, „*поздним вечеромъ*“—съ другой [1]).

Образцы обстоятельственныхъ выраженій въ старомъ русскомъ.

Обстоятельства въ собст. см.

Обст. образа дѣйствія: Плакася *горко* по братѣ своемъ (Ипат. п. 1147).—*Како* азъ хощю инъ законъ одинъ пріяти? (Ипат. п. 955 г.)... и бишася *крѣпко*... (Ип. п. 1173)—...*легъко* идущи... („налегкѣ“, Ип. п. 945 г.).—Се бо не *погански* ли живемъ...? (Лавр. п. 1068 г.) — ...ти бо *мимоходячи* (дѣепр.) прославятъ... (Лавр. п. 1096, „Поуч.“ Вл. Мон.).—...на полѣ потъчеся конь въ рвѣ и наломи ему ногу *мало* [2])... (Ип. п.

---

[1]) Въ „*днемъ* раньше, *днемъ* позже“ творительный „днемъ“—не обстоятельство, а настоящій творительный, управляемый нарѣчьями (*раньше, позже*).

[2]) Здѣсь *мало*, очевидно, нарѣчье; но въ сочетаніи съ существ., напр., „мало дружины“ (Ип. п. 971 г.), оно, повидимому, еще не было нарѣчьемъ, а было именемъ существ. архаическаго типа („существительное-прилагательное“), ибо оно склонялось и служило дополне-

1015 г.)—...а онъ ти всяко *льниво* помогаетъ (Ип. п. 1161)—...заступи бо *очевисто* отъ поганыхъ святая Богородица... (Ип. п. 1173).

Обст. мѣста и *направленія: кде* суть словеса твоя...? (Ип. п. 1015 г.) — ...есмь пришелъ *сьмо* (= сюда)... (Ип. п. 1148 г.)—...*му* (= тамъ) бо бѣ Олегъ ждалъ его... (Ип. п. 1168 г.) ...*сдѣ* (= здѣсь) же удѣяся велико зло... (Ип. п. 1180 г.)—...сядеть и глядить *сьмо и овамо*... (Ип. п. 987 г.).— Оже будутъ у него дьщери *дома*... (Р. Пр. по Карамз. сп., ст. 103).

Обст. времени: нынѣ уже не слышю тихаго твоего наказания (т.-е. наставленія) (Ип. п. 1015 г.).—*Тогды* же погорѣ Подолье... (Ип. п. 1124 г.), — „и *оттолѣ* начаша ся Новгородци мясти... (Ип. п. 1160).—...смертны есмы, *днесь* живы, а *заутра* в гробѣ .. (Лавр. п. 1096 г., „Поуч.“ Вл. Мон.)—...*наутрья* же поча даяти... (Ип. п. 1174)—...азъ видѣхъ *вчера*... (Ип. п. 977).

Обст. мѣры, количества: ...повѣжьте ны *колько* васъ... (Ип. п. 971)—...вои же присыпаху *боле*... (Ип. п. 988) — *комико* отъ ваю прияхъ? (Лавр. п. 1078 г.).

Обст. причины и цѣли: почто зло створивъ и не каешися его? (Лавр. п. 1097 г.) — ...то *чему* не жалуешься...? (Лавр. п. 1100)—...а сего *чему* не промыслите, оже... (Лавр. п. 1103 г.).

Обст. опредѣлительныя и усилительныя: не здоровить бо *велми* (Ип. п. 1015 г.) —...разболѣся *велми* (Ип. п. 1054 г.) и *едва* умьчаша... (Ип. п. 1123) — ...и *одва* (= едва) принудиста (Ип. п. 988 г.)—*уже* мнѣ сихъ не крѣсити (Лавр. п. 1015 г.)—...иду *уже* Суждалю (Лавр. 1151 г.)—...иде Чернигову печаленъ *зѣло* (Лавр. п. 1093).

Обст. соціативныя употреблялись въ древнемъ періодѣ,

ніемъ, напр.: идетъ Святославъ .. с *маломъ* дружины (Ип. п. 971 г.),—...устремися изыти со *маломъ* ратникъ, и Мирославу пришедшю къ нему на помощь с *маломъ* отрокъ... (Ип. п. 1231 г)... сего прошю у васъ *мало* (вин. ед.), вы бо есте изнемогли въ осадѣ, да сего у васъ прошю *мала*... (род. ед.) (Ип. п. 946).

повидимому, крайне рѣдко. Можно предположить, что предлогъ *съ*, подкрѣпленный союзомъ *и*, имѣлъ значеніе соціативнаго обстоятельства въ выраженіяхъ въ родѣ „*и съ* дѣтьми“: поити же хочемъ битъся за своего князя *и с* дѣтьми (Лавр. п. 1147 г.).

Обстоятельства, являющія видъ ложной части сказуемаго: ты еси *старѣе* въ братьи своей... (Лавр. п. 1176). Другіе примѣры этого рода см. въ § 13, прим.

ГЛАВА IX.

Частицы предложенія — предлоги, служащіе связкою дополненій и обстоятельствъ.

§ 21. Предлоги суть частицы предложенія, служащія для связыванія дополненій и обстоятельствъ съ другими частями предложенія. Такъ напр. предлогъ *изъ* связываетъ дополненіе въ родит. пад. „*города*“ съ глаголомъ—сказуемымъ „*выѣхалъ*“ въ предложеніи „выѣхалъ изъ города“. Одинъ изъ падежей, именно *мѣстный* въ современномъ русскомъ иначе и не употребляется, какъ съ предлогами, почему и называется нынѣ *предложнымъ: въ городѣ, въ Кіевѣ* (въ старину безъ предлога: *Кыевѣ*), *при мнѣ, о дѣлѣ, на горѣ* и т. д.

Служа такими связками, устанавливая грамматическія отношенія между извѣстными частями предложенія, предлоги вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ и свои лексическія значенія, отчасти напоминающія значенія нарѣчій мѣста. Но существенная разница между предлогами и нарѣчьями въ томъ, что лексическое значеніе первыхъ гораздо блѣднѣе, чѣмъ значеніе вторыхъ, и какъ бы тонетъ въ формальной функціи предлоговъ. Такъ, есть сходство, *по смыслу*, между предлогомъ *съ* и нарѣчьемъ *вмѣстѣ*, между предлогомъ *у* и нарѣчьями *возлѣ, подлѣ*, но при этомъ они рѣзко отличаются другъ отъ друга *степенью яркости* этого значенія: *вмѣстѣ, возлѣ, подлѣ* выражаютъ приблизительно тѣ же представленія, что и пред-

логи *съ, у*, но только гораздо ярче и опредѣлительнѣе. Кромѣ того, нарѣчья *самобытные, самостоятельные* предлоговъ: такъ, *вмѣстѣ, возлѣ, подлѣ*, такъ сказать, *самозначущи* и могутъ употребляться и безъ дополненія („быть вмѣстѣ", „сидѣть возлѣ"). Они могутъ управлять падежомъ *(около дерева, возлѣ дома)*, но это не составляетъ ихъ назначенія; это, если можно такъ выразиться, ихъ право, а не обязанность,—они управляютъ падежами на тѣхъ же „правахъ", какъ дѣлаютъ это имена и глаголы. Другое дѣло—предлоги: управлять падежами это—ихъ прямая обязанность, въ этомъ ихъ синтактическое призваніе, и къ такой роли и *приспособляется ихъ лексическое значеніе*, служа какъ бы только способомъ выраженія извѣстныхъ отношеній. Такъ, значеніе „вмѣстѣ", потускнѣвшее, ставшее какъ бы намекомъ, служитъ въ предлогѣ *съ* способомъ выражать отношеніе связи, соединенія, совмѣстности, и при томъ—чисто формальное, напр., „я говорилъ *съ* нимъ", „мы *съ* нимъ долго спорили" и т. п.; формальность этого отношенія („соединенія", „совмѣстности") яснѣе обнаруживается въ выраженіяхъ въ родѣ „я *съ* нимъ разошелся": если бы предлогъ *съ* обладалъ, въ сочетаніи съ творительнымъ, тою полнотою и яркостью лексическаго значенія „соединенія", „совмѣстности", какою обладаетъ соотвѣтственное нарѣчье, то такой оборотъ заключалъ бы въ себѣ странное, бьющее въ глаза противорѣчіе; но противорѣчія мы не чувствуемъ, и это значитъ, что мы употребляемъ предлогъ *съ* (въ указанномъ значеніи) чисто-формально, условно, въ качествѣ связки объекта (дополненія); если такъ это въ выраженіи „я разошелся *съ* нимъ", то такъ должно быть и въ другихъ, какъ „я сошелся *съ* нимъ", „я встрѣтился *съ* нимъ", „говорилъ *съ* нимъ" и т. п.—Только здѣсь лексическое значеніе предлога совпало съ лексическимъ значеніемъ глагола.

Сдѣлаемъ обзоръ формальныхъ отношеній, выражаемыхъ предлогами, въ порядкѣ падежей. При этомъ мы будемъ различать два рода предлоговъ: 1) *предлоги въ собственномъ смыслѣ (истинные предлоги)* и 2) *предлоги—нарѣчья* или *фиктивныя;* послѣдніе это—*нарѣчья въ роли предлоговъ.*

Съ родительнымъ падежемъ.

Истинные предлоги.

Изъ. Основной смыслъ—движеніе, противуположное тому, которое выражается предлогомъ „*въ*“ *съ винит. п.*: „*изъ города*“ (противуположное движеніе—*въ городъ*); другія значенія производны и переносны: „выбрать одного *изъ числа* записавшихся“; „онъ *изъ нѣмцевъ*“; „домъ *изъ камня*“; „помочь *изъ жалости*“.

Отъ. Основной смыслъ—движеніе, противуположное тому, которое выражается предлогомъ *къ* съ дат. п.: „онъ ушелъ *отъ меня*“ (противуп.: „онъ пришелъ *ко* мнѣ“); другія значенія производны или переносны: *отъ города* А. до города Б. — 200 верстъ *(разстояніе)*; уйти *отъ грѣха*; спасти *отъ голода*; избавиться *отъ бѣды*; защищаться *отъ нападенія*; „эти черты у него *—отъ отца*“; „все это—*отъ невѣжества*“; „въ 1025 г. *отъ Рождества Христова*“.

До. Основное значеніе: предѣлъ движенія или разстоянія. „Я ѣду только до *Кіева* (не дальше), „*до города* осталось 5 верстъ“; производныя значенія: „въ 569 г. *до Рождества Христова*“ — „до *тѣхъ поръ*, пока“, „*до поры до времени*“; „охотникъ *до чтенія*“; „насъ было *до 20-ти* человѣкъ“.

Съ. Основ. значеніе — движеніе внизъ, противуположное тому, какое указывается предлогомъ *на* съ вин.: *съ горы* (на гору), потомъ и безъ оттѣнка „внизъ“: *съ бала* (на балъ), *съ хутора* (на хуторъ); переносныя: *со дня* рожденія, *съ утра* до вечера; *съ горя; со всего размаха.*

Прим. „Съ горя“ и т. п. это—дополненія—обстоятельства, которыя, смотря по контексту, могутъ быть истолкованы въ одномъ случаѣ какъ дополненія, въ другомъ какъ обстоятельства. Но *сгоряча, сдуру, неспроста—только обстоятельства*, ибо, употребляя эти формы, мы не смотримъ на нихъ, какъ на падежи съ предлогомъ; для нашего непосредственнаго сознанія это—не падежныя формы. Только грамматическій анализъ открываетъ ихъ происхожденіе отъ родит. падежа съ предлогомъ *съ*. — *Съ—вѣдома* отчасти удерживаетъ падежное

значеніе, благодаря наличности формы *безъ—вѣдома*, и у насъ поддерживается грамматическое сознаніе того, что эти формы заключаютъ въ себѣ предлоги *съ* и *безъ*.—*Съ—кругу* въ выраженіи „спился съ—кругу“ также почти уже перешло въ нарѣчье—обстоятельство.

У (нахожденіе вблизи чего,—во владѣніи у кого-нибудь): *у самаго берега, у порога, у окна,—у меня;* съ переходомъ въ противуположное значеніе („отнятіе“): *у меня* отняли все.

Кромѣ (устраненіе, исключеніе): „всѣ *кромѣ тебя*“; *кромѣ того..., кромѣ шутокъ.*

Безъ *(лишеніе, устраненіе, отнятіе): „безъ тебя* я бы пропалъ“, *безъ хлѣба, безъ средствъ, безъ имени,* оставить *безъ обѣда, „безъ малаго* сто“ и т. д.

Сложные: изъ-за (движеніе—откуда): *изъ-за кулисъ,* солнце выглянуло *изъ-за тучи; изъ-за васъ* я чуть не пострадалъ (причина); *изъ-подъ: изъ-подъ пола.*

Для (старинное *дѣля*) — цѣль, назначеніе: *для меня, для дѣла, для пользы, для удовольствія, кабинетъ для чтенія.*

Предлоги — нарѣчья (фиктивные): внѣ: внѣ городскихъ стѣнъ; внѣ себя отъ горя. *Близъ, вблизи; близъ рѣки, вблизи города; межъ, между: между двухъ огней,* — „обычай—деспотъ *межъ людей*“ (*Пуш.*, „Евг. Он...“), *мимо, помимо: мимо дома; помимо этого. Среди, средь, посреди: среди полей, среди людей, посреди площади. Около: около дома;* теперь—*около пяти* часовъ. *Послѣ: послѣ обѣда. Возлѣ, подлѣ: возлѣ дома, подлѣ дерева.*

Эти формы являются нарѣчьями тогда, когда не управляютъ падежомъ и имѣютъ ясное обстоятельственное значеніе, напр. „Но *мимо, мимо!*“ (*Гог.*, „Мерт. Д.“, гл. III),—„*вблизи* послышался крикъ...“; сдѣлаю это *послѣ*“; „ходить кругомъ да *около*“ (гдѣ „кругомъ“ также нарѣчье—обст.).

Съ винит. пад.

Въ (движеніе — куда?): *въ городъ, въ лѣсъ, въ поле;* съ перенесеніемъ на время и другія отношенія: *въ часъ, въ минуту, въ одну минуту,* „я вернусь ровно *въ шесть* часовъ“; *въ то*

время; „поступить *въ полкъ*“; „перейти *во второй классъ*“; разжаловать *въ рядовые, солдаты*“; „выйти *въ люди*“ (это старыя формы винит. мн. вмѣсто употребляемой нынѣ, въ смыслѣ винит., формы родит. мн.: вижу *рядовыхъ, солдатъ, людей*); вѣрить *въ Бога;* кричать *во все горло;* онъ весь — *въ отца;* бочка *въ 20* ведеръ; *во избѣжаніе* непріятностей...

Прим. Во-весь-опоръ слѣдуетъ считать нарѣчьемъ—обстоятельствомъ, такъ-же какъ и *вгости* (старая форма вин. мн.), а равно и *вд-время* („пришелъ какъ разъ *во-время*“).

На (движеніе-куда, во-1, вверхъ, а затѣмъ и безъ этого оттѣнка): *на-гору, на-небо, на землю, на югъ, на востокъ, на балъ, на хуторъ,* сѣсть *на диванъ;* упасть *на-полъ;* съ перенесеніемъ на время и другія отношенія: *на часъ, на минуту, на-годъ;* пригласить *на обѣдъ, на чай;* итти *на непріятеля;* дать *на чай, на водку; на вкусъ;* быть готовымъ *на все;* надѣяться *на себя.*

Прим. „*Наземь*“—нарѣчье—обстоятельство.

По *(предѣлъ, цѣль): по-уши, по колѣна, по поясъ; по гробъ;* итти *по грибы.*

О, объ: удариться *о край* стола - *объ уголъ;* рука-*объ руку, о сю пору.*

Прим. „*Рука-объ-руку*“ составляетъ одно обстоятельств. выраженіе. „*Одесную*“ (церк.=слав. о-десн҃ѣ, т.-е. р҃ка или стран҃ѣ) превратилось также въ нарѣчье — обст., а равно и *оземъ* (ударить *оземь*).

За (движеніе — куда?): *за море;* умъ *за разумъ* заходитъ; сѣсть *за столъ;* взять *за руку;* взяться *за дѣло; за деньги; за глаза* довольно...; Хлестаковъ былъ принятъ *за ревизора; за цѣлый годъ... За что* мнѣ такое наказаніе?—*за грѣхи.*

Прим. Замужъ (гдѣ *мужъ*—старая форма вин. ед.) стало нарѣчьемъ—обстоятельствомъ.

Про: говорить *про кого, про что. Про себя* (думать).

Съ (утрированное или приблизительное опредѣленіе величины): огурецъ *съ гору; съ версту.*

Подъ: упасть *подъ ноги; подъ руку; подъ надзоръ; подъ утро; подъ-вечеръ.*

Черезъ: *черезъ заборъ; черезъ годъ.*

„*Черезчуръ*“, конечно,—нарѣчье—обст.

Съ дательн. пад.

Къ (движеніе—куда?): *ко мнѣ* явились,—обратились...; *къ обѣду; къ вечеру* похолодѣло; любовь *къ дѣтямъ.*

По: *по-морю, по сушѣ; по-міру; по рукамъ; по закону; по пословицѣ; по* его *словамъ*, это случилось такъ... Не *по-хорошу* милъ, а *по-милу* хорошъ“ (поговорка); *по рублю;* смотря *по человѣку.—Повашему, понашему, помоему* (эти послѣднія сбиваются на обстоятельства).

Съ творит. пад.

Съ (*социативное*, — „совмѣстность, соединеніе“): *съ кѣмъ, съ чѣмъ, со мною;* жилъ старитъ *со старухою; съ болью* въ сердцѣ; Богъ *съ нимъ!* „*Съ печатью* тайны на челѣ“... *Съ легкимъ сердцемъ.*

Прим. „*Совсѣмъ*“ — нарѣчье. — „*Со-всѣмъ-тѣмъ*“ (=*несмотря на то..., однако*) употребляется какъ союзъ.

За: сидѣть *за обѣдомъ, за чаемъ, за столомъ;* послать *за деньгами; за ширмами; за рѣкою;* сидѣть *за дѣломъ; за давностью, за старостью* (причина); смотрѣть *за дѣтьми*, ухаживать *за больными.*

Прим. „*Замужемъ*“, „*зачѣмъ*“, „*затѣмъ*“—нарѣчья—обст. „*За-всѣмъ-тѣмъ*“—союзъ (=несмотря на...).

Надъ: *надъ головою; надъ землею;* смѣяться *надъ кѣмъ;* властвовать *надъ кѣмъ, надъ чѣмъ.*

Подъ: *подъ крышею, подъ зонтикомъ; подъ горою; подъ дождемъ;* быть *подъ вліяніемъ...*

Передъ, предъ: *передъ домомъ; передъ дѣломъ; передъ Богомъ.*

Между: *между деревьями; между небомъ и землей;* это — *между нами.*

Прим. „Между-тѣмъ“ и „между-тѣмъ-какъ“— обстоятельства, употребляющіяся и въ значеніи союзовъ.

Съ предложн. (мѣстнымъ) пад.

Въ (основ. смыслъ: нахожденіе *гдѣ, въ чемъ*); *въ городѣ, въ этомъ домѣ; въ саду; въ душѣ; въ умѣ; въ пятомъ часу; въ 1829-мъ году;* силенъ *въ математикѣ;* онъ не *въ своемъ умѣ.*

Прим. „*Вюстяхъ*“ (какъ выше — *вюсти*), „*впопыхахъ*“, „*владу*“, „*владахъ*“ — нарѣчья — обст.

На (осн. см. нахожденіе *гдѣ, на чемъ*): *на крышѣ, на полу, на берегу моря, на землѣ, на-небѣ, на востокѣ;* (во врем.) *на пасхѣ, на дняхъ.* — Стоять *на ногахъ. На русскомъ языкѣ...* Жениться *на комъ.*

Прим. „*На-весемь*“, „*на-умѣ*“ („онъ себѣ на умѣ“) — обстоятельства.

О, объ: „говорить, писать, думать, помнить и т. д. *о комъ, о чемъ*“. „Слухъ *обо мнѣ* пройдетъ по всей Руси великой...“ (Пушк.).—Квартира *о шести комнатахъ.*

По: плакать *по комъ (по покойникѣ).*

При: *при рѣкѣ; при домѣ* былъ садъ; *при Петрѣ I* былъ основанъ Петербургъ; состоять *при губернаторѣ;* быть *при деньгахъ;* остаться *не при чемъ.*

Предлоги въ старомъ русскомъ.

Съ родит... побѣгоша разно *отъ града* (Лавр. п. 968)... померети *отъ глада...* (Лавр. п. 997)... ты поставленъ еси *отъ Бога* на казнь злымъ... (Лавр. п. 996 г.)—бываше множество *отъ мясъ, отъ скота* и *отъ звѣрины...* (Лавр. п. 996).—А *исъ* (=изъ) *своего города...* (Р. Пр. по Карам. сп., ст. 36). — Оже убиють кого *у клѣти* или *у которые татьбы...* (Р. Пр. по Карам. сп. ст. 37)... не вѣдаю *у кого* есмь купилъ... (Р. Пр. по Карам. сп. ст. 34).—... *до сего дне...* (Лавр. п. 1031 г.)... ссѣде *с коня* (Ип. 1195 г.)—*безъ вины...* (Лавр. п. 1015 г.)... *бес числа* вой... (тамъ-же),—... своихъ *дѣля орудій* (по своимъ дѣламъ).—... *около шатра* (Лавр. п. 1015 г.)... *посредѣ* града... (Лавр. п. 988 г.).—

Съ вин... пришедшю ему *в* Корсунь... (Лавр.), поиди... с нами *в дань* (=за данью; Лавр. 945). *Въ лѣто* 6360... начася

прозывати Руская земля (Лавр. п. 852 г.).—Ярослава посла *в Угры* (Лавр. п. 1097) — Поиде Ярополкъ *на Олга*, брата своего, *на* Деревьску землю... (Лавр. п. 977 г.).—... удари имь *о землю*... (Лавр. 1022 г.). Зоветь вы Ольга *на честь* велику... азъ утро послю *по вы*... поиди *за князь* нашь *за Малъ*... (Лавр. п. 945 г.)—... *за обиду* 3 гривнѣ (Р. Пр. ст. 2). Побѣда ны есть *на Угры* заутра (Лавр. п. 1097 г.).—

Съ дат. Посли *к нему* дары... яко придохомъ *к нему*... и поиде Святославъ *ко граду*... (Лавр. п. 971 г.). — *по шьляху* отъ рала даемъ (Лавр. п. 964 г.). — *по городомъ* (Ип. п. 1018 г.).—... повелѣ копати *прекы* (поперекъ) *трубамъ*... (Лавр. п. 988).—

Съ творит.... Поиди, княже, *с нами*... (Лавр. п. 945).— Приде *с Угры*... (Лавр. п. 1097 г.)... Сдумавше *со княземъ своимъ Маломъ* (Лавр. п. 945). — Володимеръ же перебредъ рѣку *с малою дружиною*... (Лавр. п. 1093 г.). — .... нача утапати Ростиславъ *предъ очима Володимерима*... (Лавр. п. 1093 г.).—... *надъ печерою*... (Ларв. п. 1051),... *Межи двѣма озерома* (Ипат. п. 1016 г.)—...

Съ мѣстн. Аще убьють татя *на своемъ дворѣ*... (Р. Пр., по ак. сп. ст. 38). ...*на горѣ*... (Лавр. п. 988). — Аже будеть сестра *въ дому* (Рус. Пр. по Карам. сп., ст. 107). — Святополкъ же посади *в Володимери* Мстислава... (Лавр. п. 1097 г.).— *В томже мѣтѣ*... (Лавр. п. 1100 г.).—Игорь же нача княжити *въ Кыевѣ* (Лавр. п. 945 г.).— Плакася горко *по братѣ своемъ* (Ипат. п. 1147 г.).—

ГЛАВА X.

Частицы предложеній — союзы. Союзныя (относительныя) слова.

§ 22. Въ этой главѣ мы разсматриваемъ, кромѣ союзовъ, еще и тѣ слова, которыя, не будучи союзами, берутъ на себя однако, помимо другихъ функцій, обязанность выражать связь между предложеніями. Это именно — *относительныя мѣсто-*

именія (*который, что* и др.) и *относительныя нарѣчья* (*когда, куда, гдѣ* и пр.).

Союзы мы дѣлимъ на три разряда:

1) *Союзы—частицы* (большею частью *первообразные*, почти всегда служащіе для соединенія словъ или предложеній *равноправныхъ, параллельныхъ*): *и, но, а.*

2) *Союзы, возникшіе изъ другихъ частей рѣчи*, именно изъ мѣстоименій и глаголовъ, *и служащіе для соединенія предложеній зависимыхъ, подчиненныхъ съ тѣми, отъ которыхъ эти предложенія зависятъ;* они выражаютъ *подчиненіе;* таковы *что, потому-что, если, хотя...* [1]).

3) *Союзы-нарѣчья (обстоятельства)*, которые, употребляясь въ смыслѣ настоящихъ союзовъ, въ то же время существуютъ въ языкѣ и какъ нарѣчья — обстоятельства. Таковы: *когда, какъ.* Напр. въ предложеніи „*когда* я узнаю это, я сейчасъ-же сообщу вамъ“ слово „когда“ — союзъ; но въ предложеніи „*когда* вы ѣдете?“ оно — нарѣчье. Нерѣдко такіе *союзы-нарѣчья*, въ своей роли союзовъ, болѣе или менѣе сохраняютъ отпечатокъ нарѣчья, характеръ обстоятельства,—въ особенности въ сочетаніяхъ соотносительныхъ: *когда-тогда, какъ-такъ*, напр., „я уѣду только *тогда, когда* окончу свои дѣла“. Сохраненіе характера нарѣчья-обстоятельства въ этихъ союзахъ зависитъ отъ контекста, отъ намѣреній говорящаго или пишущаго, отъ точки зрѣнія слушателя или читателя.

Мы называемъ союзы *связками предложенія*, т.-е. словами, выражающими *связь* между частями предложенія (а равно и между отдѣльными предложеніями). Но и предлоги суть также *связки.* Въ чемъ же разница между *союзомъ* и *предлогомъ?*

Она въ слѣдующемъ. *Во-первыхъ*, предлогъ — спеціально *связка дополненія* (а не другихъ частей) и служитъ для выраженія связи между словомъ управляемымъ и словомъ управляющимъ; слѣдовательно предлогъ есть связка неравноправныхъ частей. Союзы-же, собственно тѣ, которые соединяютъ части предложенія, служатъ, напротивъ, связками равноправ-

[1]) *Если* изъ „есть-ли“; „*хотя*“ — изъ дѣепрпч. *хотя* (отъ гл. *хотѣть*).

ныхъ частей, и притомъ — всѣхъ безъ изъятія: подлежащаго съ подлежащимъ *(я и онъ)*, дополненія съ дополненіемъ (вижу отсюда *домъ* и *садъ*), сказуемаго со сказуемымъ (онъ *идетъ и поетъ;* онъ не *сидитъ, а лежитъ*) и т. д. Союзъ не можетъ соединять части неравноправныя, напр. подлежащее съ дополненіемъ, сказуемое съ подлежащимъ и т. д.

Во избѣжаніе недоразумѣнія, здѣсь необходимо разъяснить слѣдующее. Случаи въ родѣ „ты *и* этого не знаешь“ не противорѣчатъ сказанному. Въ этой фразѣ слово „*и*“ можетъ имѣть три значенія: 1) одно — *значеніе союза*, и тогда оно соединяетъ вовсе не подлежащее „*ты*“ съ дополненіемъ „этого“ или со сказуемымъ „не знаешь“, а — дополненіе „этого“ съ *другимъ дополненіемъ*, либо раньше выраженнымъ, либо подразумѣваемымъ; напр. было сказано раньше или выяснено, что „ты не знаешь того-то и того-то“, — а вотъ теперь оказывается, что „ты — *кромѣ того — и этого также* не знаешь“; слѣдовательно здѣсь „и“ соединяетъ два дополненія, двѣ равноправныя части предложенія; 2) другое значеніе — *не союза, а усилительной частицы*, возникшей изъ союза послѣ пропуска и забвенія одной изъ соединявшихся имъ частей. Это видно яснѣе на слѣдующемъ примѣрѣ: „И славно: втроемъ *и* покатимъ!“ (*Гог.*, Мертв. Души“, гл. IV). Здѣсь второе *и* (о первомъ рѣчь будетъ въ своемъ мѣстѣ) вовсе не соединяетъ „*втроемъ*“ съ „*покатимъ*“ и вообще не является союзомъ: оно — *усилительная частица, образовавшаяся такъ:* сперва говорили: *сядемъ* (въ экипажъ) *и* покатимъ, потомъ—ради краткости, въ скороговоркѣ, пропускали „сядемъ“, наконецъ забыли объ этомъ „сядемъ“; пока его не забывали, „и“ оставалось союзомъ; когда забыли—оно превратилось *въ усилительную частицу* и слѣд. перестало быть союзомъ; оно уже ничего не соединяетъ, а только усиливаетъ смыслъ того слова, къ которому оно приставлено, — придаетъ больше энергіи выраженію. Такія явленія (пропускъ слова, сперва съ подразумѣваніемъ его, съ памятью о немъ, потомъ забвеніе его) называются *эллипсомъ; эллипсъ* часто влечетъ за собою перемѣну въ характерѣ оборота, даже переходъ извѣстнаго

слова изъ одной части рѣчи и предложенія въ другую. По образцу подобныхъ фразъ съ эллипсомъ, стали возникать и другія выраженія съ частицею „*и*“, т.-е. эта усилительная частица стала появляться и въ другихъ фразахъ, гдѣ первоначально эллипса могло и не быть. Напр.: „Вотъ тебѣ постель! Не хочу *и* доброй ночи желать тебѣ!“ — говоритъ въ сердцахъ Ноздревъ, разсердившись на Чичикова („Мертв. Души“, гл. IV). — „Уѣздный чиновникъ пройдетъ мимо — я уже *и* задумался“ (Мертв. Души“, гл. VI).—3) Третье значеніе—не союза и не усилительной частицы, *а нарѣчья „даже“*: „ты *и* этого не знаешь“ равносильно выраженію „ты *даже* этого не знаешь“. Такъ-же можно понимать—какъ нарѣчье—слово „*и*“ въ вышеприведенной фразѣ „...не хочу *и* доброй ночи желать тебѣ“.

Во-вторыхъ, разница между предлогами и союзами въ томъ, что первые выражаютъ отношенія въ пространствѣ, во времени, указываютъ направленіе движенія, цѣль, причину, служатъ для обозначенія сходства, средства и т. д.,—союзы же ничего подобнаго не выражаютъ, а только, связывая части предложенія (и цѣлыя предложенія одно съ другимъ), вызываютъ представленія соединенія, совмѣстности („и“), противуположенія, противорѣчія („но“, „а“) и другія (о чемъ будетъ рѣчь ниже),—и все это служитъ для созданія *чисто формальной (синтактической) перспективы* внутри предложеній и въ сочетаніи ихъ, — *но не перспективы въ самомъ содержаніи фразы*, т.-е. не перспективы въ пространствѣ, во времени и въ другихъ отношеніяхъ, какъ это дѣлаютъ предлоги.

А) *Союзы сочинительные.*

Сюда прежде всего принадлежатъ первообразные союзы *и, но, а.*

И. „Это извѣстно только *мнѣ* **и** *ему*“. „Все, что я *перечиспталъ* **и** *перечувствовалъ*...“ (*Тург.* „Сонъ“). „Не успѣли мы войти **и** осмотрѣться...“ (*Тург.*, „Пунинъ и Бабур.“). „*Между окнами* **и** *по стѣнамъ* висѣло около дюжины... клѣтокъ...“ (Тамъ-же). „Здѣсь *Ноздревъ* **и** *Чичиковъ* поцѣловались“ (*Гог.*,

„Мертв. Души“, гл. IV). „Собакевичъ *сѣлъ* въ кресло и ужъ болѣе не ѣлъ, не пилъ, а только *жмурилъ* и *хлопалъ* глазами“. (Тамъ-же, гл. VII). „...даже опрятности не было замѣтно *нигдѣ* и *ни въ чемъ*“. (*Тург.*, „Новь“). „Разговоръ за столомъ вели *Калломыйцевъ* и *Сипягинъ*“. (Тамъ-же).

Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ союзъ *и* соединяетъ одинаковыя части предложенія: два подлежащихъ, два сказуемыхъ, два дополненія и т. д.

Въ слѣдующемъ примѣрѣ: „...не стыдно-ли, не позорно ли сидѣть и слушать подобныя мнѣнія, *и* не протестовать, *и* давать своимъ молчаніемъ поводъ думать, что самъ ихъ раздѣляешь“ (тамъ-же)—есть замѣтная разница между первымъ „*и*“ („сидѣть *и* слушать“) съ одной стороны и двумя послѣдующими—съ другой. Эти послѣднія („*и* не протестовать, *и* давать поводъ..“), кромѣ соединительнаго значенія, имѣютъ также оттѣнокъ *усиленія выразительности*, что отмѣчается также удареніемъ на нихъ (между тѣмъ какъ первое „*и*“—безъ ударенія).

Другой оттѣнокъ имѣетъ повторенное *и*, т. е. поставленное не только между соединяемыми словами, но и передъ первымъ изъ нихъ (*и* я, *и* онъ), въ слѣдующихъ примѣрахъ: „откуда возьмется *и* надутость, *и* чопорность“. (*Гог.*, „Мертв. Души“, гл. V).

И сердце бьется въ умиленьи,
И для него воскресли вновь
И божество, *и* вдохновенье,
И жизнь, *и* слезы, *и* любовь. (*Пушк.*).

Такое повтореніе союза *и* выражаетъ объединеніе перечисляемыхъ моментовъ (предметовъ, дѣйствій, качествъ, обстоятельствъ) въ одну группу, при чемъ они какъ-бы усиливаютъ или подкрѣпляютъ другъ друга. Такъ: „онъ — *и* хорошій, *и* добрый, *и* честный“; „онъ *и* кричалъ, *и* шумѣлъ, *и* суетился“;— „вы поступили *и* нехорошо, *и* несправедливо“ и т. д.

Союзъ *и* употребляется также и для соединенія предложеній. Таково напр. *и* въ началѣ вышеприведеннаго четверо-

стишья Пушкина („*И* сердце бьется...). Оно ставится въ началѣ новаго независимаго предложенія послѣ паузы (обозначаемой точкою, точкою съ запятою, двоеточіемъ) и выражаетъ представленіе о томъ, что данное предложеніе есть слѣдствіе предыдущаго, выводъ изъ него, или вообще примыкаетъ къ предыдущему. Второе *и* въ томъ же четверостишьи („*И* для него...) соединяетъ два независимыхъ предложенія безъ паузы между ними, выражая идею естественности, необходимости, возможности ихъ соединенія въ одно болѣе сложное цѣлое.

Вотъ еще примѣры такого употребленія союза *и:* 1) *Послѣ паузы:* „...иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью... вдругъ неожиданно пронесется мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, не видавшей ничего кромѣ сельской телѣги· *и* долго мужики стоятъ, зѣвая, съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хотя давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ". (*Гоголь*, „Мертв. Души", гл. V). „А вотъ теперь я заведусь своимъ домкомъ, сказалъ ты: да не такъ, какъ нѣмецъ, что̀ изъ копейки тянется, а вдругъ разбогатѣю. *И* вотъ, давши барину порядочный оброкъ, завелъ ты лавочку..." (Тамъ-же, гл. VII). „...и разспрашиваешь ихъ, давно ли они въ отставкѣ и въ какой войнѣ бывали. *И* вотъ ты себѣ живешь въ тюрьмѣ, покамѣстъ въ судѣ производится твое дѣло. *И* пишетъ судъ: препроводить тебя..." (Тамъ-же). 2) *Безъ паузы:* „Сурово его поприще, *и* горько почувствуетъ онъ свое одиночество" („Мертв. Души", VII). „Мастеръ-ли ты былъ, или просто мужикъ, *и* какою смертью тебя прибрало?" (Тамъ-же). Между двумя придаточными: „...въ нихъ (комнатахъ) живетъ единственная женщина въ мірѣ, которая любитъ меня *и* которую я люблю..." (*Гончар.*, „Обрывъ", ч. II, гл. II).

Да—синонимъ союза *и*, но съ оттѣнкомъ усиленія, большей выразительности:

. . .тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы
Да цари—орлы. (*Лерм*., „Споръ").
Ждп *да* у моря сиди (*Майковъ* „Кто онъ")?
Да щей горшокъ, *да* самъ большой. . . (*Пушк.*)

Сочетаніе обоихъ: „*да и*“ служитъ для соединенія предложеній, внося особый оттѣнокъ: „Драться съ нимъ поздно, *да и* меня же всѣ обвинятъ въ жестокости“ (Мерт. Д, гл. XI).—„Разъ, ночью, *я* лежалъ въ постели—и не могъ заснуть, *да и* не хотѣлъ заснуть“. (*Тург.* „Стихотв. въ прозѣ“, „Соперникъ“).—Послѣ паузы: „Какіе завѣтные клады схоронила она тамъ, въ глубинѣ души... — никто не зналъ никогда,— и теперь, конечно, не узнаетъ. *Да и* къ чему“?.. (*Тург.*, „Стихотв. въ прозѣ“, „Памяти Вревской“).

Но, *а* соединяютъ равнозначныя части внутри предложенія и равносильныя предложенія, выражая противупоставленіе, раздѣленіе, противорѣчіе. „Не я, *а* ты виноватъ въ этомъ“. — „Мы хотѣли, *но* не могли помочь“... — „Тѣглевъ! кликнулъ я... *но* онъ не отозвался“. (Тург., „Стукъ... стукъ... стукъ“).—„Прошло уже не семь, *а* цѣлыхъ 12 лѣтъ“... (*Тург.* „Пун. и Бабур.“).—Не надѣялся я его застать... *а* засталъ“. (*Тург.*, „Кл. Миличъ“).—„Лѣкарь ушелъ,—*а* Платонида Ивановна пригорюнилась“. (Тамъ же).—Послѣ паузы, при чемъ вносятся различныя оттѣнки, смотря по контексту (противорѣчіе предыдущему, отрицаніе, переходъ къ другому мотиву, неожиданность и т. д.): „Платонида Ивановна то и дѣло заходила къ Аратову въ комнату; не безпокоила его вопросами — только взглядывала на него, шептала, вздыхала — и уходила опять. — *Но* вотъ, онъ отказался и отъ обѣда“... (Тамъ же).—„Она вскочила, бросилась въ кабинетъ къ Аратову—и, по вчерашнему, нашла его лежавшимъ на полу.— *Но* онъ не пришелъ въ себя по вчерашнему, какъ ни бились надъ нимъ“. (Тамъ же).—„Всѣ твари мои дѣти,—промолвила она (Природа)—и я одинаково о нихъ забочусь—и одинаково ихъ истребляю.—*Но* добро... разумъ... справедливость... пролепеталъ я снова“. (*Тург.*, „Стихотв. въ прозѣ“, „Природа“).

Н о и, а и: „Ты былъ правъ, *но и я* имѣлъ основаніе утверждать, что...“

И л и указываетъ на равнозначность данныхъ терминовъ, на возможность замѣны одного другимъ, выбора между ними,

раздѣленіе и т. п. Повторенное *или-или* усиливаетъ тѣ же значенія. „Похожденія Чичикова, *или* Мертвыя Души". — „...а если съ однимъ изъ нихъ и приключалась какая легкая немощь, то они оба пили настой липоваго цвѣту, натирались теплымъ масломъ по поясницѣ *или* капали горячимъ саломъ на подошвы — и въ скорости все проходило". (Тург., „Новь", XIX). — „...вздохнулъ глубоко, заранѣе предвидя, что *или* онъ, *или* она не продержатся до свадьбы на высотѣ идеала, поэзія улетучится *или* разсыплется въ мелкій дождь мѣщанской комедіи"! (*Гонч.*, „Обрывъ", ч. II, гл. XIII).— „Выбирай: *или* я, *или* онъ".

Союзъ *или* мы отнесли къ числу первообразныхъ, потому что въ его составъ входитъ первообразный *и;* слогъ же *ли* собственно — вопросительная частица („Ты-*ли* это"? — „Не пойти-*ли* намъ гулять"?) Эта частица превращается въ союзъ, служа, подобно другимъ вопросительнымъ формамъ (о которыхъ рѣчь будетъ дальше), для подчиненія одного предложенія другому, напр. „не знаю, сказать-ли вамъ это" (безъ прямого вопроса, но съ оттѣнкомъ недоумѣнія, нерѣшительности,—вопроса самому себѣ); такой оборотъ, когда въ немъ (именно въ интонаціи) яснѣе выраженъ вопросъ, обращенный къ другому, называется „косвеннымъ вопросомъ").

Хотя *ли*, какъ союзъ, а равно и нижеслѣдующіе, не первообразны, мы все-таки помѣщаемъ ихъ здѣсь, вмѣстѣ съ первообразными *(и, но, а)*, потому что синтактическая роль тѣхъ и другихъ почти одинакова (кромѣ только-что упомянутаго „подчинительнаго" значенія *„ли"*), и для непосредственнаго сознанія тѣ и другіе стоятъ на одномъ уровнѣ.

Ли-ли: „Этому она сама надивиться не могла: ужъ она *ли* не проворна, она *ли* не мастерица скользнуть, какъ тѣнь изъ одной двери въ другую"... *(Гонч.*, „Обрывъ", ч. II, гл. XII).

Ли-и ли: „Виноватъ *ли* былъ учитель, *или* виновата была ученица, но каждый день повторялось одно и то же"... *(Л. Н. Толстой*, „Война и Миръ", т. I, ч. I, гл. XXV).

Либо. Либо-либо. Одно „либо" нынѣ не такъ употребительно, какъ повторенное, и замѣняется союзомъ *или.*

„*Либо* панъ, *либо* пропалъ“; здѣсь *панъ* — предикативно и составляетъ сказуемое (вмѣсто напр. „сталъ панъ“), такъ что въ этой поговоркѣ два безсубъектныхъ предложенія,—и союзъ *либо-либо* соединяетъ части равноправныя (сказуемыя).—„...садились другъ передъ другомъ—и *либо* бесѣдовали—...*либо* читали...; *либо* просматривали альбомъ“... (*Тург.*, „Новь“, XIX).

То-то; Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя,
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя .. (*Пушк*).

...дышалъ громко *то* ртомъ, *то* носомъ“... (*Гонч.*, „Литер. вечеръ“).

Ни-ни: „*ни* я, *ни* ты не знаемъ этого“.

Примѣчаніе. Либо замѣнило собою старинное *любо*, а послѣднее, очевидно, возникло изъ нарѣчья *любо* (которое, въ свою очередь,—изъ сред. р. прилаг. *любъ*); переходъ *ю* въ *и*—не фонетическій, а, вѣроятно, былъ вызванъ вліяніемъ частицы *ли* (это вліяніе могло быть тѣмъ сильнѣе, что второй слогъ слова *любо—бо* совпадалъ съ другимъ союзомъ — „*бо*“, откуда *и-бо*). — Союзъ *то то*, конечно, возникъ изъ мѣстоименія указат. ср. р., а *ни-ни* заключаетъ въ себѣ отрицательную частицу.

Есть еще малоупотребительное *толи-толи*: „*толи* за недосугомъ, *толи* по нежеланію—онъ не исполнилъ моего порученія“.

Ибо (изъ союза-частицы *и* и старинной частицы *бо*)—выражаетъ отношеніе причины, обоснованіе: „Дамамъ онъ не понравится, это можно сказать утвердительно, *ибо* дамы требуютъ, чтобы герой былъ рѣшительное совершенство...“ (*Гог.*, „Мер. Д.“, гл. XI).—„Со всѣмъ тѣмъ, оба друга одинаково нравились дамамъ—*ибо* были образцами рыцарской угодливости и щедрости“. (*Тург.*, „Пѣснь торжеств. любви“. I)—„.... ему не избѣжать, наконецъ, современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ... и т. д.: *ибо* не признаетъ современный судъ, что равно чудны стек-

ла ...и т. д.; *ибо* не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной...“ и т. д. *(Гог.*, „Мер. Д.,“ гл. VII).

Со (за) всѣмъ тѣмъ. „Со всѣмъ тѣмъ, оба друга одинаково нравились дамамъ“. (Тург.).

Поэтому. Посему. Потому. Оттого. Оттого-то „ты не правъ: *потому (оттого...)* и сердишься“ [1]).

Б) *Союзы подчинительные.*

Потому-что (изъ двухъ мѣстоименій и предлога *по)* подчиняетъ придаточное главному или одно придаточное другому, выражая отношеніе причины.

Мнѣ грустно, *потому-что я тебя люблю*.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Мнѣ грустно... *потому-что* весело тебѣ (*Лерм*., „Отчего“)

„Физіономисту трудно бы было опредѣлить по лицу его свойства, склонности и характеръ, *потому-что* лицо это было неуловимо-измѣнчиво“. *(Гонч.*, „Обрывъ“, ч. I, гл. VI).

Оттого-что, вслѣдствіе того что, въ силу того что—синонимы предыдущаго, отличающіеся, въ особенности два послѣдніе, тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ той цѣльности, той слитности частей, которою отличается *„потому-что“* (почему и пишется часто слитно—*потомучто*). Нерѣдки случаи, когда нужно отдѣлять: *„отъ того (оттого),* что...“, „вслѣдствіе того, что...“, „въ силу того, что...“, и тогда цѣльность этихъ выраженій совсѣмъ разрушается, — формы *„отъ того“*, *„вслѣдствіе того“*, *„въ силу того“* остаются въ одномъ предложеніи, играя тамъ роль дополненія или обстоятельства, а въ качествѣ союза подчинительнаго является только *„что“*, напр.:

И сердце вновь горитъ и любитъ—*оттого,*
Что не любить оно не можетъ... (*Пуш.*, „Отрывокъ“).

Иногда можно дѣлить такъ и „потому-что“: „потому, что“,

[1]) Эти союзы выражаютъ выводъ изъ предыдущаго.

напр. „Разумѣется, если хотите, оно пріятно; только всеже *потому, что* сердце бьется сильнѣе...“ (*Лерм*, „Герой н. вр.“ I, Бэла).

Затѣмъ, что (въ смыслѣ причины) уже выходитъ изъ употребленія.

И не попалъ онъ въ цехъ задорный
Людей, о коихъ не сужу
Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу. (*Пуш*, „Евг. Он.“).

Что (изъ мѣстоименія, но съ полною утратою мѣстоименнаго характера, — союзъ „*изъяснительный*“): „Она писала ему, *что* рѣшилась ускорить отъѣздъ изъ Дрездена...“ (*Тург.*, „Дымъ“, XVII).—„Перечитывая эту страницу, я замѣчаю, *что* далеко отвлекся отъ своего предмета...“ (*Лерм.*, „Герой наш. вр.“, II, кн. Мери“). — „Мнѣ показалось, *что* онъ удерживалъ улыбку“. (Тамъ-же). — „Я знаю, *что*. .“; „я думаю, *что*...“, „я говорю, *что*. “ — „...вдругъ спохватился, *что* молодость его рано захвачена женитьбой, и *что* онъ не успѣлъ пожить...“ (*Гонч*, „Обрывъ“, ч. I, т. II).

Чтобы—какъ замѣна *что:* „...они оба не ожидали, *чтобы* баринъ поселился у нихъ...“ *Тург.*, „Двор. Гн.“, гл. XIX.— „Повѣрите-ли? я, стоя за дверью, также заплакалъ, то-есть, знаете, не то, *чтобъ* заплакалъ, а такъ — глупость!“ (*Лерм.*, „Гер. н. вр.“ I, Бэла).

Чтобы—союзъ, означающій цѣль, намѣреніе: „я употреблю всѣ усилія, *чтобы* вы могли устроиться согласно вашему желанію“.—„Подложили цѣпи подъ колеса вмѣсто тормазовъ, *чтобъ* они не раскатывались“. (*Лерм.*, „Гер. н. вр.“, I, „Бэла“).—Съ инфинитивомъ: я пришелъ *чтобы* сказать вамъ...

Хотя (изъ дѣеприч. отъ „*хотѣть*“, выражаетъ отношенія уступки, изъятія, оговорки, ограниченія): „учился онъ порядочно, *хотя* часто лѣнился“. (*Тург.*, „Двор. Гн.“, гл. XI).— „Мы вѣрили ему на-слово, *хотя* ничего подобнаго въ немъ не находили...“ (*Тург.*, „Исторія лейт. Ергун.“, II). — Хотя (и)—однако: „*Хотя* адъютантъ *и* не зналъ этихъ подробностей, *однако* онъ передалъ полковому командиру... требованіе...“ (*Л. Н. Толстой*, „В. и М.“, т. I, ч. II, гл. I).

Хотя (хотя и, хотя-бы) можетъ стоять и внутри предложенія, *оговаривая* извѣстную часть его, напр.—приложеніе: „его голосъ, *хотя* и *сильный*, едва былъ слышенъ...“; при дѣеприч.—обстоятельствѣ: „буду спать *хотя бы сидя*“; при нарѣчьи—обст.: „онъ говоритъ невнятно, *хотя и громко*“; при дополненіи: „желаю тебѣ *хотя бы покоя*“. Такое *хотя* колеблется между союзомъ и нарѣчьемъ, иногда подходя довольно близко къ послѣднему (въ значеніяхъ въ родѣ *даже, лишь*).

Если, если бы, если-то (изъ глагола *есть-ли;* выражаетъ отношенія условія, обоснованія, причины): „*если* это—правда, *то*...“.

И *если* послѣ многихъ лѣтъ
Прочтешь ты, какъ мечталъ поэтъ,
И вспомнишь, какъ тебя любилъ онъ,
То думай, что его ужъ нѣтъ... (*Лерм.*).

„*Если* вы любовались вымыслами, гораздо болѣе ужасными и уродливыми, отчего же этотъ характеръ, даже какъ вымыселъ, не находитъ у васъ пощады?“ (*Лерм.*, „Гер. наш. вр.“, Предислов.).

Съ инфинитивомъ: „*если взять* во вниманіе...“

Коли (коль) (синонимъ если; употребляется больше въ просторѣчьи): „*коли* это правда, то...“.—„ .. а *коли* у своего брата укралъ, такъ въ немъ чести нѣтъ...“ (*Л. Толстой*, „Война и Миръ“, т. I, ч. II, гл. XV).

Съ инфинитивомъ:

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть, такъ съ горяча,
Коль рубнуть, такъ ужъ съ плеча!
Коли спорить, такъ ужъ смѣло... и т. д. (*Ал. Толстой*).

Коль скоро: „*коль скоро* это доказано,—нечего и сомнѣваться...“

Разъ (=*когда, если, такъ какъ*...): „*разъ* это не принято, то и не слѣдуетъ дѣлать такъ...“ [Изъ существ. „разъ“].

Благо (вѣроятно, не изъ нарѣчья „благо“, а изъ существ.

„благо“): „пойдемъ гулять, *благо* погода хороша“ (=*такъ какъ, если ужъ*).

Несмотря (невзирая) на то что: „Они пустились въ море, *несмотря на то что* погода была неблагопріятна“.

Ли (подчинительное):

Слышу-ли голосъ твой,
Звонкій и ласковый,
Какъ птичка въ клѣткѣ,
Сердце запрыгаетъ... (*Лерм*).

В) Союзы-нарѣчія.

Эти союзы отличаются отъ другихъ союзовъ тѣмъ, что въ нихъ просвѣчиваетъ матеріальное (лексическое) и формальное значеніе нарѣчій.

Когда (отношеніе времени): „*когда* пріѣду, сейчасъ же напишу вамъ“. Въ различныхъ случаяхъ, характеръ нарѣчья чувствуется въ этомъ союзѣ то сильнѣе, то слабѣе. Болѣе ясному проявленію его содѣйствуетъ соотносительное *тогда*: „*когда* все дѣло выяснится, *тогда* можно будетъ опредѣлить...“—„*Когда* всматриваешься пристально въ лица старшихъ чиновниковъ и ихъ свиты и многихъ другихъ, толпящихся на окружающихъ насъ лодкахъ, невольно придешь къ заключенію, что тутъ сошлись и смѣшались два племени“. (*Гончар.*, „Фрег. Палл.“, т. II, гл. I).

Какъ въ смыслѣ *когда*: „Хорошо вамъ радоваться, а мнѣ такъ, право, грустно, *какъ* вспомню“. (*Лерм.*, Гер. н. вр.“, I, „Бэла“).—„Часу еще не протекло, *какъ* уже явился къ Литвинову кельнеръ...“ (*Тург.*, „Дымъ“, XVIII).

Какъ, какъ-такъ, какъ будто (выражаетъ сравненіе, сопоставленіе):

Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали! (*Лерм.*, „Бородино“).

„*Какъ* путникъ въ темную ночь, видя впереди огонекъ и боясь сбиться съ дороги, ни на мгновеніе не спускаетъ съ него глазъ, *такъ* и Литвиновъ постоянно устремлялъ всю силу своего вниманія на одну точку, на одну цѣль“. (*Тург.*, „Дымъ“, XVII).

И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
Какъ будто восторги свиданья
И ласки любви обѣщалъ... (*Лерм*., „Тамара“)

Внутри предложенія, гдѣ этотъ союзъ ближе подходитъ къ нарѣчью „*какъ* тебѣ, *такъ* и мнѣ одинаково не пристало...“; передъ приложеніемъ, которое въ этомъ случаѣ становится *сравнительнымъ:*

Вѣютъ бѣлые султаны
Какъ степной ковыль... (*Лерм.*, „Споръ“).

Какъ только, лишь только: „*какъ только* пріѣду, сейчасъ же исполню ваше порученіе...“.

Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнитъ,
Лишь только міръ, волшебнымъ словомъ
Завороженный, замолчитъ..
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Къ тебѣ я стану прилетать... (*Лерм.*, „Демонъ“).

Такъ какъ (отношеніе причины,—мотивировка): „я не могу обѣщать вамъ это, *такъ какъ* не увѣренъ...“.

Тогда какъ: „онъ скорѣе уменъ, чѣмъ образованъ, *тогда какъ* его братъ, напротивъ, отличается большимъ образованіемъ, при небольшомъ умѣ...“.

Примѣчаніе. Иногда этотъ союзъ служитъ и для сочиненія предложеній. Напр.: „Если другія лица комедіи („Горе отъ ума“) являются строже и рѣзче очерченными (чѣмъ Чацкій), то этимъ они обязаны пошлости и мелочи своихъ натуръ, легко исчерпываемыхъ художникомъ въ легкихъ очеркахъ. *Тогда какъ* въ личности Чацкаго, богатой и разносторонней, могла быть въ комедіи рельефно взята одна господствующая сторона...“ (*Гончар.*, „Мильонъ терзаній“).

Между тѣмъ какъ: „вы настаиваете на вашемъ мнѣніи, *между тѣмъ какъ* доказано противное...“

Какъ ни...

Какъ ни гнететъ рука судьбины,
Какъ ни томитъ людей обманъ,
Какъ ни браздятъ чело морщины,
И сердце *какъ ни* полно ранъ;
. . . . . .
. . . . . ,
Что устоитъ передъ дыханьемъ
И первой *встрѣчею весны?* (*Тютчевъ*, „Веспа“)

Союзы въ старомъ русскомъ.

Союзы *и*, *а* имѣли въ старомъ языкѣ болѣе разнообразное примѣненіе, чѣмъ нынѣ. Въ слѣдующихъ примѣрахъ эти союзы употреблены такъ-же, какъ употребляются теперь:

Созва Володимеръ боляры своя *и* старци градскиѣ, *и* рече имъ... (Лавр. п. 987)—Суть же хытро сказающе, *и* чюдно слышати ихъ...Ославъ испытай когождо ихъ службу, *и* (кто) како служить Богу. *И* бысть люба рѣчь князю... (тамъ-же). „... брата нашего держиши Игоря, *а* онъ уже чернець и схимникъ...“ (Ип. п. 1147).

А вотъ обращики другихъ значеній союзовъ *и*, *а*, которыя въ соврем языкѣ выражаются другими союзами:

И нача Василко глаголати ко Давыдови, и не бѣ въ Давыдѣ гласа и ни послушанія; бѣ бо ужасльса, *и* лесть имѣя въ сердцѣ. (Ип. п. 1097). Здѣсь союзъ *и* значитъ „*хотя и*“ („хотя онъ имѣлъ лесть (коварство) въ сердцѣ“).—„... тобѣ бы, брате, любо ли, *а* быхомъ мы брата твоего держали? (Ип. п. 1147); здѣсь *а* значитъ „если (бы)“.

Союзъ *а* принадлежалъ къ числу наиболѣе употребительныхъ и часто соединялся съ оттѣнками, какихъ теперь не имѣетъ.

Но: да не прельстятъ тебе нѣции отъ еретикъ, *но* вѣруй... (Лавр. п. 988).

Оже (=что, изъяснит.):.. съдумавъ, *оже* ему безъ нихъ нѣлзѣ быти... (Ип. п. 1140).—... слышавше Новгородци, *оже* приялъ Всеволодъ братью ихъ... (Ип. п. 1141).

Яко=(что, чтобы, какъ), *якоже*:... цѣлуй крестъ, *яко* имѣти братью въ любовь... (Ип. п. 1145). Язъ цѣлую крестъ

за братомъ своимъ, *яко* не будеть вы насилья никоторого же... (Ип. п. 1146).—... створю граду вашему, *якоже* и сему створихъ (Лавр. п. 988).

Аще, аче, аже (=если): *аще* кому насъ будеть обида, *то* ты прави. (Ип. п. 1146)... *аще* кто переступить крестьное цѣлованіе, на того быти всимъ. (Ип. п. 1145).—Княже! думають о тебѣ, хотять яти; *аче* по тя и прислета братья, не ѣзди къ нима. (Ип. п. 1146 г.).—... *аче* самъ утечетъ мене, *а* (=то) жену и дѣти отъ него отъоиму. (Ип. 1146 г.).—...*аже*, брате, на мнѣ честь покладываешь, то язъ быхъ... тако реклъ. (Ип. 1148).

Любо-любо (—либо)... *любо* же дати жену и дѣти и дружину на полонъ, *любо* голову свою сложити. (Тамъ же).

Что (вм. *оже*, сперва рѣдко, потомъ чаще): И бѣ вѣсть у тѣхъ, *что* Ярославъ въ Тфери... (Сузд. лѣт. по акад. сп. п. 1216).

§ 23. *Союзныя слова.*

Союзными словами являются *относительныя* нарѣчья и *относительныя* мѣстоименія. Ихъ особенность состоитъ въ томъ, что, кромѣ своего прямого назначенія, вытекающаго изъ ихъ природы, какъ нарѣчій и мѣстоименій, они еще исполняютъ и другую обязанность—выражать связь между предложеніями, подчиняя придаточное главному или одно придаточное другому. При этомъ они вполнѣ сохраняютъ свой характеръ нарѣчій и мѣстоименій, не превращаясь въ союзы.

Въ этой роли союзныхъ словъ выступаютъ также: *а) вопросительныя* нарѣчья и мѣстоименія, утрачивая при этомъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, свое чисто-вопросительное значеніе и приближаясь къ относительнымъ нарѣчьямъ и мѣстоименіямъ, и *неопредѣленныя* мѣстоименія и нарѣчья *(кто-бы-ни, какой-бы-ни, какъ-бы-ни* и др.).

Наши современныя относительныя мѣстоименіи и нарѣчья образовались изъ вопросительныхъ. Ясно различаются слѣд. моменты въ генезисѣ и развитіи грамматической *относительности:* 1) исходная точка—форма вопросительная, напр. „*который* часъ?"—„*Куда* намъ итти?" 2) Зачатокъ и первые всходы относительности въ оборотѣ, извѣстномъ подъ именемъ

„косвеннаго вопроса“: „не знаешь ли, *который* теперь часъ?“—„Скажи, *куда* намъ итти“ 3) Постепенное ослабленіе и, наконецъ, устраненіе вопросительнаго характера въ этомъ оборотѣ: „я не помню, въ *которомъ* часу ты былъ у меня“, „мы хорошо знаемъ, *куда* идемъ“ и т. п. 4) Полная относительность, безъ малѣйшаго слѣда вопросительности: „часъ, *который* я провелъ съ вами, долго будетъ мнѣ памятенъ“,—„мѣстность, *куда* мы пріѣхали, очень живописна“.

Всѣ обороты, въ которыхъ относительное значеніе мѣстоименія или нарѣчья обнаруживается въ извѣстной мѣрѣ, а тѣмъ болѣе тѣ, въ которыхъ оно окончательно опредѣлилось, объединяются подъ общимъ именемъ *„относительнаго подчиненія“*.—Какъ увидимъ ниже, большинство *относительныхъ въ собственномъ смыслѣ* оборотовъ характеризуется тѣмъ, что въ нихъ союзное нарѣчье или мѣстоименіе относится къ какой либо части *другого* предложенія

А) Относительное подчиненіе посредствомъ союзныхъ нарѣчій.

„Я не знаю, *куда* итти“.—„Это случилось въ тотъ самый моментъ, *когда* я выходилъ изъ дому“.—„Квартира для нихъ была нанята Литвиновымъ въ той самой гостинницѣ, *гдѣ* онъ стоялъ“. *(Тург.*, „Дымъ“, XVII).—„Но я готовъ отстаивать свое мнѣніе теперь особенно, *когда* я только-что разстался съ китайцами, *когда* черты лицъ ихъ такъ живы въ моей памяти, и *когда* я вижу другія, имъ подобныя“. *(Гонч.*, „Фрег. Палл.“, т. II, ч. I).—„Я не зналъ, *куда* дѣваться...“ *(Лерм.*, „Гер. н. вр.“, I, „Бэлла“).—„Видите, *какъ* иногда маловажный случай имѣетъ жестокія послѣдствія!..“ (Тамъ же, „Мак. Мак.“).—„Я остановился въ гостинницѣ, *гдѣ* останавливаются всѣ проѣзжающіе, и *гдѣ* между тѣмъ некому велѣть зажарить фазана и сварить щей...“ (Тамъ же).—„Я ѣду туда же, *куда* ѣдете и вы“.—„Городъ, *откуда* вы ѣдете,—моя родина“.—„Деревня, *гдѣ* скучалъ Евгеній...“ *(Пушк.*, „Евг. Он.“).—„Я часто себя спрашиваю, *зачѣмъ* я такъ упорно добиваюсь...“ *(Лерм*, „Гер. н. вр.“, II, кн. Мери).

Такъ какъ союзное нарѣчье, какъ и всякое нарѣчье, есть *обстоятельство*, то предложенія, начинающіяся союзнымъ нарѣчьемъ, по необходимости, носятъ характеръ предложеній *обстоятельственныхъ*.

Нерѣдки случаи, когда такого предложенія нѣтъ налицо, между тѣмъ какъ союзное нарѣчье дано во фразѣ, напр. „я потерялъ кошелекъ да не знаю—*гдѣ*“;—„мнѣ нужно ѣхать, но не могу еще опредѣлить съ точностью—*когда* именно“.—„Мнѣ необходимо было выѣхать...—отвѣчала Лидія, но не сказала *куда*“. (Гончар., „Литер. веч.“).—Здѣсь мы имѣемъ „зачаточныя“ или, лучше, недоговоренныя, легко подразумѣваемыя предложенія. Въ приведенныхъ примѣрахъ нарѣчья *гдѣ, когда, куда* сохраняютъ свое союзное значеніе, не взирая на отсутствіе самыхъ предложеній, которыя связывались бы ими съ предыдущимъ. Но эти предложенія (1, *гдѣ*—потерялъ, 2, *когда*—поѣду, 3, *куда*—выѣхать) легко выводятся, угадываются изъ предыдущаго, почему при *гдѣ, когда, куда* ясно чувствуется *относительное подчиненіе*.

Б) Относительное подчиненіе посредствомъ союзныхъ мѣстоименій (—прилаг. и—существ.).

Который.

„Я не знаю, *который* теперь часъ“.

Здѣсь—неполная относительность: въ силу того, что слово „часъ“, опредѣляемое мѣстоименіемъ „который“, находится въ томъ же предложеніи, это мѣстоименіе сохраняетъ въ извѣстной мѣрѣ характеръ вопросительнаго; но примыкая къ глаголу *не знаю*, принадлежащему другому предложенію, оно уже получаетъ относительное значеніе. Такой оборотъ можно назвать *мнимо—вопросительнымъ*, такъ же какъ и самое мѣстоименіе „*который*“ къ этой роли.

Собственно-относительные: „... довольно значительныя суммы, *которыя* онъ, для большей безопасности, постоянно носилъ въ кожаномъ поясѣ на тѣлѣ“. (*Тург.*, „Исторія лейт. Ергун.“, III).

„... очень сильно разило тѣмъ особеннымъ лѣснымъ за-

пахомъ, *который* всюду сопровождалъ Мартына Петровича". *(Тург.*, „Степ. кор. Лиръ", VI).

„... Григорій Петровичъ поручилъ племяннику своему, студенту, *который* жилъ у него въ домѣ и *котораго* онъ, не имѣя своихъ дѣтей, любилъ какъ сына, помочь ему..." *(Гонч.*, „Литер. веч.", I).

„Я не читалъ книги, *о которой* вы говорите".—„Кто этотъ господинъ, *которому* вы поклонились?"

„... кипѣлъ уже самоваръ, *предъ которымъ*... сидѣла Марья Кириловна..." *(Пушк.*, „Дубров.", XII).

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, между прочимъ, что мѣстоим. *„который"* согласуется въ *родѣ* и *числѣ* съ тѣмъ словомъ (находящимся въ другомъ предложеніи), къ которому оно относится, а *падежъ* мѣстоим. „который" зависитъ отъ глагола, существительнаго, предлога и т. д., находящихся въ томъ же предложеніи, гдѣ находится и мѣстоименіе.

Какой, каковой (послѣднее употребляется рѣдко).

Мнимо-вопросительное: „не могу понять, *какое* тебѣ дѣло до этого..."—„... Алексѣй размышлялъ о томъ, *какую* роль играть ему въ присутствіи Лизы". *(Пушк*, „Барышня-крестьянка"). —

Собственно-относительное: „... природа здѣсь удивительная и мѣстоположеніе такое, *какое* рѣдко можно найти". *(Тург.*, „Дымъ", XVIII).—„Они провели тайкомъ въ этой глуши такое лѣто, *какого*... еще не было ни у нея, ни у него въ жизни"... (Гончар. "Литер. веч." ч. I)—„... она (Софья—въ „Горе отъ ума") напрашивается на какое-то грустное чувство, и въ душѣ читателя противъ нея нѣтъ того безучастнаго смѣха, *съ какимъ* онъ разстается съ прочими лицами". *(Гонч.*, „Милліонъ терзаній"). —

Коего, коему... кои, коихъ, коимъ... (именит. ед. не употребляется, другіе падежи еще встрѣчаются, хотя и рѣдко, и то собственно въ книжномъ языкѣ): „Не стану оправдывать правила, *коими* я руководствовался при составленіи сей трагедіи". *(Пушк.*, „Замѣтки по поводу „Бор. Годун.").

. . . . . цехъ задорный
Людей, *о коихъ* не сужу... (*Пушк*, „Евг. Онѣг.“).

Согласованіе и управленіе всѣхъ этихъ мѣстоименій (*какой* и слѣд.)—такія же, какъ и мѣстоименія „*который*“.

Но есть случаи, когда „*какой*“ *не согласуется въ числѣ* со словомъ, къ которому относится: „человѣкъ, *какихъ* мало“, „книга, *какихъ* много“. Это объясняется пропускомъ: „какихъ (людей) мало, какихъ (книгъ) много [1]).

Чей. Мнимо-вопросит.: „я не знаю, *чей* это домъ“. Собств.—относит.:

Я тотъ, *чей* взоръ надежду губитъ... (*Лерм*, „Демонъ“)
Но отшельникъ, *чьи* останки
Онъ усердно схоронилъ,
За него передъ Всевышнимъ
Заступился въ небесахъ. (*Пушк.*, „Родригъ“).
. . . . . Онъ узналъ
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Того, *чьей* волей роковой
Надъ моремъ городъ основался.. (*Пушк.*, „Мѣдн. Вс“)

Какъ видно изъ этихъ и подобныхъ примѣровъ, оборотъ съ „*чей*“ отличается тѣмъ, что въ немъ слово, съ которымъ согласуется это мѣстоименіе, всегда находится въ томъ же предложеніи. Съ этимъ словомъ,—своимъ опредѣляемымъ,—„*чей*“ согласуется не только въ числѣ и родѣ, но и въ падежѣ. Такимъ образомъ, отъ предыдущихъ это мѣстоименіе отличается тѣмъ, что оно вполнѣ *опредѣлительно* (аттрибутивно) и „*прилагательно*“, между тѣмъ какъ тѣ (*который* и пр.) колеблются между прилагательнымъ и существительнымъ, имѣя и со гласованіе (служа опредѣленіемъ) и управленіе (служа дополненіемъ), и наконецъ являясь также подлежащимъ.

Кто.

Мнимо-вопросит.: „узнай, *кто* пришелъ“, „не знаю, *у кого* бы спросить...“

---

[1]) Благодарю проф. Д. Н. Кудрявскаго за указаніе на это явленіе, о которомъ я упустилъ упомянуть въ первомъ изданіи этой книги.

Собств.—относит.:

Я тотъ, *кого* никто не любитъ.. (*Лерм.*, „Дем.“).
. . . . . Онъ узналъ
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
И львовъ, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главой... (*Пушк*, „Мѣд. Вс.“).

„Тотъ, *кому* ты такъ вѣрилъ, обманулъ тебя“.—Что. *Мнимо-вопрос.:* „я не знаю, *что* это такое...“ „Она недоумѣвала, *чего* хотятъ отъ нея...“ (*Тург.*, „Дымъ“, XVIII).—„Не понимаю, *чему* ты удивляешься...“ —*Собств.—относит.:* „Я сдѣлаю все, *что* вы хотите...“—„... онъ предчувствовалъ, *что* онъ ей скажетъ....“ (*Тург.*, „Дымъ“, XIX). „Изъ крѣпости видны были тѣ же годы, *что* изъ аула...“ (*Лерм.*, „Герой наш. вр.“ I, Бэлла“).—„Все, *что* дѣлалось въ свѣтѣ,—болѣе или менѣе касалось и его“. (*Гонч.* „Литер. веч.“).—„Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, *что* погрубѣе и *что* недостойно лежать на столахъ. (Но далѣе: „*что* именно находилось въ кучѣ, описать было трудно“—оборотъ мнимо-вопросительный) (*Гог.*, „Мерт. Души“, гл. VI).—„... живой и бойкій русскій умъ, *что* не лѣзетъ за словомъ въ карманъ...“ (тамъ же, гл. V).—„Не говори о томъ, *чего* не знаешь“.—„Я слышалъ о твоихъ успѣхахъ, *съ чьмъ* тебя и поздравляю“.—„... я хотѣла видѣть васъ....., чтобы сказать вамъ, что вы должны считать себя свободнымъ, что все то, *что* произошло вчера, не должно нисколько мѣнять ваши рѣшенія...“ (*Тург.*, „Дымъ“, XIX).—Здѣсь первыя два „что“—союзы, а послѣднее—союзное (относительное) мѣстоименіе.—„То, *о чемъ* ты говорилъ...“

Прим. „*Кто*“ относится къ лицу (къ одушевленнымъ предметамъ), „*что*“—и къ лицамъ, и къ вещамъ, напр. „это—тотъ, *кто* приходилъ вчера“ „это — тотъ, *что* приходилъ вчера“. „Кто“, имѣя только единств. число, относится и къ существительнымъ во множ. ч. („всѣ, *кто*...“); „*что*“, будучи

един. ч. и средн. рода относится и къ существительнымъ во множ. ч. („всѣ, *что*...“) и—всѣхъ трехъ родовъ.

Придаточныя предложенія, присоединяемыя посредствомъ этихъ мѣстоименій къ другимъ предложеніямъ, могутъ ближайше относиться къ различнымъ частямъ послѣднихъ, и съ этой точки зрѣнія подраздѣляются на: а) *придаточныя подлежащаго*, напр. „*человѣкъ, котораго* я ожидалъ, не пріѣхалъ“; б) *придаточныя сказуемаго:* „это—*все, что* осталось“, „я—*тотъ, чей* взоръ надежду губитъ...“ (*Лерм.* „Дем.“), „терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, это—*качество, которое* не часто встрѣчается“; в) *придаточныя дополненія:* „я читаю *книгу, которую* ты рекомендовалъ“; г) *придаточныя приложенія—сущ.*: „ко мнѣ пріѣхалъ пріятель, *помѣщикъ, который* считается лучшимъ хозяиномъ въ уѣздѣ“.

Въ самихъ придаточныхъ предложеніяхъ относительныя мѣстоименія выступаютъ въ качествѣ различныхъ частей предложенія: а) Въ качествѣ *подлежащихъ* и *дополненій* выступаютъ всѣ относит. мѣстоименія, кромѣ *чей* (и также *каковой*, если слово, имъ опредѣляемое, находится въ томъ же придаточномъ предложеніи). Въ старину *который, какой* и др. были *опредѣленіями*, потому что тогда обыкновенно говорили такъ: „*который человѣкъ* пріѣхалъ, тотъ человѣкъ хочетъ тебя видѣть“, или: „*котораго человѣка я* ожидалъ, тотъ не пріѣхалъ“, или: „*которую книгу я* прочиталъ, та (книга) не понравилась мнѣ“ и т. д. Опредѣляемое слово повторялось въ придаточномъ предложеніи, и мѣстоим. „который“, по необходимости, являлось опредѣленіемъ. По удаленіи же опредѣляемаго изъ придаточнаго предложенія, на мѣстоим. „который“ было перенесено значеніе этого опредѣляемаго, т.-е. либо значеніе подлежащаго, либо—дополненія. Мѣстоименіе стало на мѣсто въ однихъ случаяхъ подлежащаго, въ другихъ дополненія („*который* вмѣсто „*который человѣкъ*“, „*которому*“ вм. „*которому человѣку*“ и т. д.) и потому изъ мѣстоименія—прилагательнаго превратилось въ мѣстоименіе—существительное. Оно остается прилагательнымъ только тогда, когда оно—вопросительное, или мнимо-вопросительное, отно-

сящееся къ слову (существительному), находящемуся въ томъ же предложеніи. б) Въ качествѣ *опредѣленій* выступаютъ всегда *чей* и иногда *каковой* (послѣднее при наличности опредѣляемаго въ томъ же предложеніи), напр. „я не знаю, *чей* это *домъ*“, „...человѣкъ рѣдкой доброты и необычайнаго великодушія, *каковыя достоинства* особливо-цѣнны въ наше время, когда...“) в) Въ качествѣ подлежащихъ, дополненій и сказуемыхъ являются *кто* и *что:* „Я догадываюсь, *кто* (подлеж.) это сказалъ“, „не знаю, *кому* (дополн.) вѣрить“ „скажи, *чего* (доп.) хочешь“, „не знаю, *кто* (сказ.) онъ“ и т. д.

Союзныя мѣстоименія и нарѣчія въ старомъ русскомъ.

Въ теченіе долгаго времени (приблизительно до XIV—XV-го в.) мѣстоим. „*который*“ въ относительномъ значеніи составляло чрезвычайную рѣдкость: оно было *вопросительнымъ* (см. въ гл. XII-ой, § 26), а также употреблялось и въ смыслѣ мѣстоим. *неопредѣленнаго*, что̀ должно быть разсматриваемо, какъ первый шагъ въ сторону будущей относительности, какъ прецедентъ этой послѣдней. Ясные слѣды этого происхожденія относительнаго „который“ видны еще въ слѣд. примѣрахъ: А *которому* княжому человѣку ѣхать на пригородъ намѣстникомъ, ино цѣловати ему... крестъ... (Пск. Судн. Грам. 1397—1467 г.).—А *которая* женщина или дѣвка рукодѣльна, тѣмъ дѣло указати... (Домострой). — Раньше стало употребляться въ этомъ смыслѣ вопрос. „*кто*“: Аще ли *кто кого* оударить... (Рус. Пр. по акад. сп., ст. 3) [1]).—Собственно—относительнымъ было, какъ и въ цер.-слав., мѣстоим. *иже, яже, еже*, возникшее изъ указат. (съ присоединеніемъ частицы *же*). Слѣдъ указательнаго и анафорическаго значенія былъ довольно замѣтенъ въ немъ, преимущественно въ тѣхъ архаическаго типа случаяхъ, когда при немъ же стоитъ и

[1]) Еще примѣръ: пакы ли на мя *кто* молвить, князь ли *который*, а се язъ к нему, мужь ли *который*... (Ипат. п. 1149 г.), гдѣ ясно виденъ переходъ отъ вопросительности (частица *ли*) къ неопредѣленности.

существительное, опредѣляемое этимъ мѣстоименіемъ. Напр.: Се же третьее (т.-е. въ 3-й разъ) наведе поганыя на землю Русьскую, *егоже грѣха* дабы и Богъ простилъ (Лавр. п. 1094 г.). Здѣсь въ главн. предложеніи совсѣмъ нѣтъ того слова („грѣхъ“), къ которому относится мѣстоим.—А Днѣпръ втечеть въ Понетьское *море, еже море* словеть Руское (Лавр.). При наличности опредѣляемаго существительнаго въ глав. предложеніи, оно въ придаточномъ нерѣдко повторяется помощью указательнаго мѣстоименія, напр., „конь, *егоже* любиши и ѣздиши *на немъ*, отъ того ти умрети.—Кое есть конь мой, *егоже* бѣхъ поставилъ кормити и блюсти *его?* (Лавр. п. 912 г.).—А за княжь конь, *иже той* съ пятномъ, 3 гривны... (Р. Пр. по акад. сп., ст. 25).—Другой способъ введенія опредѣляемаго слова въ придат. предложеніе, это — перенесеніе туда дополненія, къ нему относящагося, напр.: Олегъ же повелѣ зажещи городъ Суждаль, токмо остася дворъ монастырескъ... и *церкви* (имен. ед.), *яже* тамо есть *святаго Дмитрея*...—Безъ повторенія, въ томъ или иномъ видѣ, существительнаго въ придат. предложеніи, что свидѣтельствуетъ о большемъ раззитіи чисто относительнаго значенія мѣстоименія „*иже*“: Преставися Володимеръ... и положенъ бысть въ святѣй Соѳьи, *юже* бѣ самъ создалъ (Лавр. п. 1052)...—землю отець своихъ... *юже* налѣзоша трудомъ своимъ великымъ. (Лавр. п. 1054 г.)...—Ты помагай (подраз. „тому“), *егоже* обидять (тамъ же).—Имѣю отрокъ своихъ 700, *иже* могуть противу имъ стати. (Лавр. п. 1093).—И не бѣ сего слышано въ днехъ первихъ в земли Русьстѣ, *яже* видѣста очи наши... (Лавр. п. 1094 г.).—А дружину, *юже* еси заялъ, вороти... (Лавр. п. 1096 г.).—Наши князи добри суть, *иже* распасли суть Деревьску землю... (Лавр. п. 945 г.).—Другія относительныя—*якъ-же, какъ* (не нарѣчья, а мѣстоим. въ именной, безчленной формѣ). Съ повтореніемъ существительнаго: и створися велико зло в Русстѣй земли, *якого же зла* не было... (Лавр. п. 1203 г.).—Безъ повторенія сущ.: ...бысть буря велика, *акаже* не была николи... (Ип. п. 1143)—не суть таци, *каци* суть поставлени... (Лавр. п. 1051 г.).—Относ. „*кто*“:

выдай, *кого* ти хотять (Лавр. п. 1097 г.).—Относительное „*что*“: Оже кто познаетъ своего, *что* будетъ погубилъ или украдено *что* у него.. (Р. Пр. по Карамз. сп., ст. 30).—...сверзи коверъ или что ли, *что* постьлати или *чимъ* прикрыти господина нашего (Ипат. п. 1175 г.).

Относительныя нарѣчья. Вопросит.—относит. „*како*“: вѣ вѣвѣ, *како* есть человѣкъ створенъ (Лавр. п. 1071 г.).—Собственно—относит.: погребъ мя иди, *яможе* (=куда) хощеши (Лавр. п. 969).—Преставися Евпракси.., и положена бысть в Печерскомъ монастырѣ... и здѣлаша... божонку, *идеже* (=гдѣ) лежитъ тѣло ея (Лавр. п. 1109 г.).—...*якоже* (=когда) перебредѣ Санъ, и ту пригна ему посолъ... (Ип. п. 1152 г.)... а *кдѣ* язъ стану, ту же и ты стани (тамъ же).—...скажи же имъ, *како* есме слышали (Ип. п. 1147 г.).

Къ числу раннихъ (и крайне рѣдкихъ) случаевъ появленія *относительнаго* мѣстоим. „*который*“ принадлежитъ: ...смолвяся с Новгородци, *которыхъ* то былъ приялъ (Ипат. п. 1142 г.).—Велику честь приялъ отъ царя, при *которомъ* приходивъ *цари* (Лавр. стр. 9).—Чаще—въ памятникахъ XV—XVI-го вв., обыкновенно, какъ и въ послѣднемъ примѣрѣ, съ повтореніемъ опредѣляемаго.

Къ числу частицъ предложенія нужно отнести и мѣстоим. „*это*“, о которомъ мы упомянули въ концѣ § 14. Изъ примѣра, тамъ приведеннаго („выучиться чужому языку *это* дѣло не легкое“)—и изъ такихъ, какъ: „отъ“—*это* предлогъ,—„негры *это* аборигены Африки“ и т. п., видно, между прочимъ, что эта частица тянетъ въ двѣ стороны: къ подлежащему и къ именной части сказуемаго; ее можно назвать слѣдов. связкою сказуемаго, т.-е. она беретъ на себя роль глагола-связки „*есть*“, „*было*“. Но, однако, она не исключаетъ послѣдней, напр. „честь *это есть* дѣло великое“, „забота о дѣтяхъ *это было* главное призваніе ея“; если, стало быть, „это“—связка сказуемаго, то здѣсь—двѣ связки, при чемъ „есть“, „было“—главная, а „это“—второстепенная, вспо-

могательная. Только при обычномъ пропускѣ связки *есть, суть* частица „это“ какъ бы становится на ея мѣсто, отчасти заполняя образовавшійся, вслѣдствіе пропуска, пробѣлъ въ грамм. выраженіи. — Далѣе, мы находимъ частицу „это“ и при глагольномъ сказуемомъ: „забота о дѣтяхъ *это было* ея главнымъ призваніемъ“, „любить ближняго *это составляетъ* прямую обязанность христіанина“, „умѣть болтать пофранцузски *это не значитъ* еще знать французскій языкъ“. — Окончательное опредѣленіе этой формы должно быть, повидимому, таково: она — возникающая частица, нѣчто среднее между мѣстоименіемъ и частицею, — она, потерявъ (здѣсь) измѣняемость по родамъ и числамъ, еще удерживаетъ падежное значеніе (имен. п.) и съ этой стороны приближается къ приложенію, и ее можно назвать *мѣстоименнымъ приложеніемъ къ подлежащему, исполняющимъ въ то же время роль второстепенной связки сказуемаго.*

ГЛАВА XI.

Слова, находящіяся внѣ предложенія, но при немъ, и отдѣльныя выраженія, не примыкающія къ нему.

§ 24. Есть не мало словъ и выраженій, не входящихъ въ составъ предложенія, но примыкающихъ къ предложенію, состоящихъ *при немъ*.

Они дѣлятся на слѣдующіе разряды:

1) *Обращенія въ звательномъ падежѣ:*

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ... (*Лерм.*)
Христосъ! Христосъ! Но умирая
И по слѣдамъ твоимъ ступая,
Твой подвигъ сердцемъ возлюбя,
Христосъ, онъ понялъ ли Тебя?..
(*Майковъ*, „Савонарола“).

„Нѣтъ, *Софья Ивановна*, я и слышать не хочу“... (*Гог.*, „Мерт. Д.“, IX). „Что, *Михѣичъ!* Нужно бы намъ съ тобою

доиграть когда-нибудь въ горку".—„Да, *Алексѣй Ивановичъ*", отвѣчалъ тотъ, снимая шапку: „нужно бы".—(Тамъ же, VII).

„*Милостивый Государь!* позвольте вамъ доложить, что я офицеръ"... (Тамъ же, IV).

„*Ребята*, впередъ!—кричитъ онъ, порываясь"... (Тамъ же).

„У васъ, *матушка*, хорошая деревенька. Сколько въ ней душъ?—Душъ-то въ ней, *отецъ мой*, безъ малаго 80"... (Тамъ же, III).

„Послушай, *Чичиковъ*: да ты скотина, ей-Богу, скотина! Вотъ и его превосходительство здѣсь... не правда ли, *прокуроръ*?.. (Тамъ же, VIII).

Русь! Чего же ты хочешь отъ меня?.. (Тамъ же).

Поэтъ! Не дорожи любовію народной... *(Пушк.)*.

2) *Восклицанія въ формѣ звательнаго пад.: Боже! Боже мой! Господи! Силы небесныя!*

3) *Вводныя слова*, составляющія какъ бы часть неоконченнаго, недоговореннаго предложенія, или, наоборотъ, возникшія, какъ результатъ сокращенія нѣкогда полнаго предложенія, отъ котораго осталась лишь та или другая часть, иногда превратившаяся въ частицу. Таковы: *слава Богу, ради Бога, ей-Богу, само собой, молъ* (изъ „молвилъ"), *пожалуй, чай* (отъ *чаять*, именно искаженное 1-е лицо ед. наст. *чаю*), *будто* (изъ *будь-то*), *вѣдь, дескать* и др.

„*Ей-Богу*, далъ десять тысячъ,—сказалъ Ноздревъ" (*Гог.*, „Мерт. Д.", IV).

„Иные молодцы даже русскую науку открыли: у насъ, *молъ*, дважды-два тоже четыре, да выходитъ оно какъ-то бойчѣе" (*Тург.* „Дымъ", XIV).

4) *Вводныя выраженія*, еще сохраняющія, съ большею или меньшею ясностью, характеръ предложенія: *такъ сказать, то-есть, стало быть, знать, разумѣется, кажется; какъ говорится, говоря правду, смѣю сказать, изволите видѣть, виноватъ, чортъ возьми* и др.

„*Знать*, у бойкаго народа ты (тройка) могла только родиться"... (*Гог.*, „Мерт. Д.", XI).

„Я замѣтилъ ямщику, что, *кажется*, можно было на сей

разъ обойтись безъ пятой лошади"... (*Тург.*, „Дневн. лишн. челов.).

„А о чемъ, *вы думаете*, она вчера цѣлый день мнѣ говорила?.. (Тамъ же).

„Предсѣдатель, *казалось*, былъ уже увѣдомленъ Собакевичемъ о покупкѣ"... (*Гог.*, „Мертв. Д.", VII).

„Исключенія, *вы знаете*, только подтверждаютъ правило"... (*Тург.*, „Дымъ", XIV).

Ну, какъ-то тамъ, *знаете*, съ обозами, или фурами казенными, словомъ, сударь мой, дотащился онъ кое-какъ до Петербурга... и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, *такъ сказать*, нѣтъ въ мірѣ! Вдругъ передъ нимъ свѣтъ, *относительно сказать*, нѣкоторое поле жизни, сказочная Шехерезада, *понимаете*, эдакая. Вдругъ какой-нибудь эдакой, *можете представить себѣ*, Невскій проспектъ, или тамъ, *знаете*, какая-нибудь Гороховая, *чортъ возьми*"... (*Гог.*, „Мерт. Д.", X).

5) *Вводныя нарѣчія и другія обстоятельственныя выраженія: словомъ, однимъ словомъ, конечно, повидимому, слѣдовательно,*—если только они не служатъ для связи предложеній (въ послѣднемъ случаѣ они играютъ роль союзовъ—нарѣчій.

„Онъ началъ, *повидимому*, утомляться и своею любимою дѣятельностью"... (*Гонч.* „Замѣтки о личности Бѣлинскаго").

„Бѣлинскій, *безъ сомнѣнія*, лучше другихъ понималъ"... (Тамъ же).

„Несмотря на то, всякій разъ, *однако*, когда мѣняется персоналъ въ роляхъ, и тѣ и другіе судьи (комедіи „Горе отъ ума") идутъ въ театръ, и снова поднимаются оживленные толки объ исполненіи той или другой роли"... (*Гонч.* „Милліонъ терзаній").

6) *Нарѣчія утвержденія и отрицанія: да, нѣтъ.* „*Да*, я согласенъ съ вами".—„*Нѣтъ*, вы не правы".

7) *Междометія:*

„*Ахъ*, что вы это говорите, Софья Павловна"!..—„*Ахъ*, какія же вы, право, Анна Григорьевна!.. (*Гог.* „Мерт. Д.", IX).

Увы! невѣста молодая

Своей печали не вѣрна. (*Пушк.* „Евг. Он.“. VII).
Тьфу! прозаическія бредни... (Тамъ же, отрывки)

Ото всѣхъ этихъ случаевъ нужно отличать тѣ, когда выраженія этого рода *не примыкаютъ* къ предложенію, а стоятъ совершенно отдѣльно, нерѣдко образуя сами родъ предложенія. Таковы: *да* и *нѣтъ*, произнесенныя отрывочно, а также междометія въ роли самостоятельныхъ восклицаній, и другія выраженія, равносильныя предложенію, напр. „*Ахъ!* — воскликнулъ онъ“,—„*Слава Богу!* вскричалъ онъ, увидя меня“... (*Пушк.*, „Кап. дочка“, VIII).—Ну, *можете представить себѣ*: этакой, какой-нибудь, то-есть, капитанъ Копейкинъ, и очутился вдругъ въ столицѣ“... (*Гог.*, „Мерт. Д.“, X).—„*Какое варварство*, Иванъ Ивановичъ! Вы не знаете, что“... (*Гонч.*, „Литературн. вечеръ“, гл. I).— „Знаю, что мастеръ говорить!—думалъ онъ: вонъ какъ—точно зубы заговариваетъ; и о чемъ же—о романѣ! *Дудки!* Этакій богачъ—и станетъ писать“! (Тамъ же).

Сюда же можно отнести и неоконченныя, недоговоренныя предложенія, въ родѣ заключительнаго восклицанія Чацкаго: „Карету мнѣ, карету“!

Далѣе сюда принадлежатъ *заглавія* (книгъ, главъ, статей, журналовъ, газетъ): [1]) „Сочиненія Гоголя“, „Полное собраніе сочиненій“... „Герой нашего времени“, „Всемірная Исторія“... „Вѣстникъ Европы“ и т. д.

Какъ примѣръ недоговореннаго предложенія въ стар.-русскомъ, приведу: ...томимомъ бо Антиахияномъ отъ скорпий и отъ комаръ, (Аполоній) сотворивъ мѣдянъ скорпий и погребе его въ земли, и малъ столпъ мраморенъ постави надъ нимъ, и повелѣ трость держати человѣкомъ, и ходити по городу и звати, тростемъ трясомомъ: „*бес комара граду*“, и тако исчезнуша изъ града скоропиа и комарье. (Лавр. п. 912 г.).

---

[1]) Конечно, не образующія предложенія, слѣдов., напр. „Кому на Руси жить хорошо?“ сюда не относится.

ГЛАВА XII.

Виды предложеній.

§ 25. Предложенія дѣлятся на *независимыя* или *главныя* и *зависимыя* или *придаточныя*. Соединеніе двухъ или болѣе предложеній, составляющихъ одно синтактическое цѣлое, образуетъ *сложное* предложеніе.

Эти понятія—*независимости, зависимости* и *сложности* предложенія суть понятія *формально-синтактическія:* если предложеніе *синтактически* (т.-е. посредствомъ извѣстныхъ союзовъ, относительныхъ мѣстоименій и пр.) не подчинено другому, то оно признается *независимымъ* или *главнымъ*, хотя бы по содержанію оно, напротивъ, являлось второстепеннымъ и подчиненнымъ моментомъ въ данной фразѣ. Такъ напр. въ оборотахъ: „надо замѣтить, что"... „извѣстно, что"... „начать съ того, что"... и т. п., главная мысль заключена въ придаточныхъ предложеніяхъ, подчиненныхъ, посредствомъ союза „что", главному или независимому („надо замѣтить" и проч.), которое, однако, по смыслу своему, не только не „главное", но даже сбивается на родъ вводнаго выраженія. И тѣмъ не менѣе, съ формально-синтактической точки зрѣнія, оно-то и есть главное или независимое, потому что не подчинено другому.

Итакъ, синтактическая *зависимость* предложенія сводится къ тѣмъ формамъ или способамъ *подчиненія* предложеній, которыя мы разсмотрѣли выше, въ гл. X-ой.—*Независимость* предложенія это—*отсутствіе синтактическаго подчиненія.*— Въ свою очередь это отсутствіе подчиненія можетъ быть двоякое: 1) предложеніе не примыкаетъ къ другому, — оно изолировано и 2) предложеніе соединено съ другимъ, но только не по способу подчиненія, а по способу „сочиненія" (напр. посредствомъ союзовъ *и, но, а* и др.).

Сложность предложенія, какъ понятіе синтактическое, сводится къ *сочиненію* и *подчиненію* предложеній, соединен-

ныхъ одно съ другимъ такъ, что между ними нѣтъ разъединяющей паузы. Подъ терминомъ „пауза“ (остановка, „передышка“) нужно въ данномъ случаѣ понимать тотъ перерывъ въ теченіи рѣчи, который зависитъ исключительно отъ грамматической (синтактической) конструкціи предложеній, отъ способовъ ихъ сочетанія, и на письмѣ изображается *точкою* и *точкою съ запятой*. Эта синтактическая пауза можетъ и не быть выраженіемъ паузы, зависящей отъ содержанія, отъ смысла рѣчи; она также можетъ быть (и весьма часто бываетъ) *мнимою*, т.-е. на самомъ дѣлѣ остановки нѣтъ. Такая *мнимая пауза* или *фикція паузы* сохраняетъ, однако, все синтактическое значеніе—момента, разъединяющаго предложенія, символизирующаго отсутствіе болѣе тѣснаго сочиненія или непосредственнаго подчиненія. Синтактическая „пауза“ во всякомъ случаѣ, является ли она дѣйствительною паузою или мнимою, можетъ быть опредѣлена,—какъ грамматическій симптомъ и вмѣстѣ символъ того, что между данными предложеніями нѣтъ извѣстныхъ, болѣе или менѣе тѣсныхъ узъ сочиненія или подчиненія. Поэтому не можетъ быть паузы между главнымъ предложеніемъ и непосредственно подчиненнымъ ему придаточнымъ, или между двумя главными, сочиненными (соединенными) другъ съ другомъ помощью союзовъ сочинительныхъ, или между двумя соподчиненными придаточными предложеніями.—Наличность синтактической паузы является символомъ или симптомомъ того, что данныя предложенія не образуютъ сложнаго цѣлаго, и что, если между ними и есть извѣстныя связи синтактическаго сочиненія или подчиненія, то это—связи болѣе отдаленныя, не столь тѣсныя. Таковы приведенные въ гл. X-ой случаи сочиненія предложеній посредствомъ союзовъ *и*, *но*, *ибо*, употребленныхъ послѣ паузы.

Примѣры: 1) *Сочиненіе и подчиненіе предложеній, образующихъ сложное предложеніе, т.-е.—безъ паузы:* „Князь Багратіонъ, выѣхавъ на самый высокій пунктъ нашего праваго фланга, сталъ спускаться къ низу, гдѣ слышалась перекатная стрѣльба, и ничего не видно было отъ порохового дыма“.

(*Л. Толстой*, „Война и Миръ“, т. I, ч. II, гл. XVIII).— „Полковой командиръ сказалъ, что атака была отбита, придумавъ это военное названіе тому, что происходило въ полку, но онъ дѣйствительно самъ не зналъ, что происходило въ эти полчаса во ввѣренныхъ ему войскахъ, и не могъ съ достовѣрностью сказать, была ли отбита атака, или полкъ его былъ разбитъ атакой“. (Тамъ же). — „Такъ какъ говорить было нечего, и ни тому, ни другому не хотѣлось подать поводъ другому сказать, что онъ первый выѣхалъ изъ-подъ пуль, они долго простояли бы тамъ, взаимно испытывая храбрость, ежели бы въ это время въ лѣсу, почти сзади ихъ, не послышались трескотня ружей и глухой сливающійся крикъ“. (Тамъ же, гл. XIX).—„Пьеръ полтора мѣсяца послѣ вечера Анны Павловны и послѣдовавшей за нимъ безсонной, взволнованной ночи, въ которую онъ рѣшилъ, что женитьба на Эленъ была бы несчастье, и что ему нужно избѣгать ея и уѣхать, Пьеръ, послѣ этого рѣшенія, не переѣзжалъ отъ князя Василья и съ ужасомъ чувствовалъ, что каждый день онъ больше и больше въ глазахъ людей связывается съ нею, что онъ не можетъ никакъ возвратиться къ своему прежнему взгляду на нее, что онъ не можетъ и оторваться отъ нея, что это будетъ ужасно, но что онъ долженъ будетъ связать съ нею свою судьбу“. (Тамъ же, ч. III, гл. II) [1]).—„Князь Андрей представилъ покровительствуемаго имъ офицера, но князь Долгоруковъ, учтиво и крѣпко пожавъ ему руку, ничего не сказалъ Борису и, очевидно, не въ силахъ удержаться отъ высказыванія тѣхъ мыслей, которыя сильнѣе всего занимали его въ эту минуту, по-французски обратился къ князю Андрею“. (Тамъ же, ч. III, гл. IX).—2) *Соединеніе (сочиненіе) предложеній, не образующихъ сложнаго предложенія,*

---

[1]) Это сложное (даже слишкомъ сложное) предложеніе трудно прочитать безъ паузы, т.-е. передышки гдѣ-нибудь посреди̇нѣ; но эта пауза *не будетъ синтактическою* и, какъ бы продолжительна она ни была, она не можетъ разорвать тѣсныхъ узъ синтактическаго подчиненія и сочиненія предложеній, вошедшихъ въ составъ этого сложнаго цѣлаго.

т.-е.—послѣ паузы: „Пьеръ хотѣлъ сначала сѣсть на другое мѣсто, чтобы не стѣснять даму, хотѣлъ самъ поднять перчатку и обойти докторовъ, которые вовсе и не стояли на дорогѣ; *но* онъ вдругъ почувствовалъ, что это было бы неприлично..." (тамъ же, ч. I, гл. XXII).—„Въ началѣ дѣйствій онъ зналъ только то, что по всему его полку стали летать ядра и гранаты и бить людей, что потомъ кто-то закричалъ: конница и наши стали стрѣлять. *И* стрѣляли до сихъ поръ уже не въ конницу, которая скрылась, а въ пѣшихъ французовъ, которые показались въ лощинѣ и стрѣляли по нашимъ полкамъ". (Тамъ же, ч. II, гл. XVIII).—„Князь Василій строго-вопросительно посмотрѣлъ на него, какъ будто то, что онъ сказалъ, было такъ странно, что нельзя было и разслышать. *Но* вслѣдъ затѣмъ выраженіе строгости измѣнилось..." (Тамъ же, ч. III, гл. II). — „Онъ дѣйствительно былъ влюбленъ и въ царя, и въ славу Русскаго оружія, и въ надежду будущаго торжества. *И* не онъ одинъ испытывалъ это чувство въ тѣ памятные дни..." (Тамъ же, ч. III, гл. X).

Надо мною буря выла,
Громъ по небу грохоталъ,
Слабый умъ судьба страшила,
Холодъ въ душу проникалъ.
Но не палъ я отъ страданья,
Гордо выдержалъ ударъ... (*Кольцовъ*, „Послѣдн. борьба").

Особую разновидность сложнаго предложенія образуетъ такъ-называемый *періодъ*.

Періодъ это—сложное предложеніе, составленное изъ нѣсколькихъ предложеній, которыя въ свою очередь могутъ быть сложны, и распадающееся на двѣ половины, раздѣленныя дѣйствительною (а не мнимою) паузою.

Классическими образцами періода справедливо признаются стихотвореніе Лермонтова „Когда волнуется желтѣющая нива" и извѣстныя мѣста въ гл. VII-й первой части „Мертвыхъ Душъ" Гоголя. Приведемъ и то, и другое.

Когда волнуется желтѣющая нива,

И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка,
Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится опъ: —
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

Читая это стихотвореніе, мы невольно (непреднамѣренно) дѣлаемъ дѣйствительную (а не мнимую) паузу послѣ словъ „откуда мчится онъ", т.-е. передъ первымъ „тогда". Паузѣ предшествуетъ постепенное *повышеніе* голоса, достигающее высшей точки при словахъ „откуда мчится онъ". Послѣ паузы идетъ *пониженіе* голоса. Такимъ образомъ, пауза является какъ бы гранью между двумя частями періода: первою, произносимою съ возрастающимъ повышеніемъ, и второю, сопровождаемою пониженіемъ интонаціи. Отсюда видно, что пауза въ періодѣ имѣетъ характеръ *ритмическій:* она образуетъ важный моментъ въ ритмическомъ построеніи періода, и безъ нея послѣдній не былъ бы стройнымъ, гармоническимъ цѣлымъ. Излишне пояснять, что такая пауза не можетъ быть мнимою или символическою: она *должна быть* сдѣлана и *невольно* дѣлается, а также имѣетъ несомнѣнное значеніе для самого смысла, для содержанія періода.

Изъ VII-й главы „Мертвыхъ Душъ":

„Ему [1]) не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ на встрѣчу шестнад-

[1]) Писателю, изображающему темныя, отрицательныя явленія жизни.

цатилѣтняя дѣвушка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченіемъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяніи имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, отъ современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданія, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце и душу, и божественное пламя таланта: *ибо* не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляніемъ балаганнаго скомороха!“

Повышеніе интонаціи идетъ вплоть до перваго *„ибо“*, послѣ котораго начинается пониженіе. Все вмѣстѣ образуетъ стройное цѣлое, естественно распадающееся на двѣ соотносительныя, ритмующія между собою, части, *не раздѣленныя, а скорѣе соединенныя настоящею (немнимою) паузою.*

Еще примѣры (—періодовъ не столь развитыхъ и менѣе стройныхъ):

Какъ ни гнететъ рука судьбины,
Какъ ни томитъ людей обманъ,
Какъ ни браздятъ чело морщины,
И сердце какъ ни полно ранъ;
Какимъ бы строгимъ испытаньямъ
Вы ни были подчинены,—
Что̀ устоитъ передъ дыханьемъ
И первой встрѣчею весны? (*Тютчевъ*, „Весна“).

„Какъ въ часахъ результатъ сложнаго движенія безчисленныхъ, различныхъ колесъ и блоковъ есть только медленное и уравномѣренное движеніе стрѣлки, указывающей время; такъ и результатомъ всѣхъ сложныхъ человѣческихъ движеній этихъ 160,000 Русскихъ и Французовъ — всѣхъ страстей, желаній, раскаяній, униженій, страданій, порывовъ, гордости, страха,

восторга этихъ людей, былъ только проигрышъ Аустерлицкаго сраженія, такъ называемаго сраженія трехъ императоровъ, т.-е. медленное передвиженіе всемірно-исторической стрѣлки на циферблатѣ исторіи человѣчества". *(Л. Н. Толстой,* „Война и Миръ", т. I, ч. III, гл. XI).

§ 26. Въ языкѣ существуютъ особыя синтактическія формы и соотвѣтственныя части и частицы рѣчи, помощью которыхъ выражаются *отрицаніе, вопросъ, восклицаніе, повелѣніе, приказаніе, просьба* и пр.

Предложенія, въ которыхъ даны эти формы, опредѣляются какъ 1) отрицательныя, 2) вопросительныя, 3) восклицательныя и 4) повелительныя.

Отрицательныя предложенія заключаютъ въ себѣ *отрицательную частицу* не, ни, а также есть обороты съ двойнымъ отрицаніемъ, именно съ *мѣстоименіями* никто, ничто, ничего или *нарѣчіями* нигдѣ, никакъ и др. и отрицательной частицею *не,* а равно и обороты съ двумя частицами: *не* при сказуемомъ и *ни* при тѣхъ частяхъ предложенія, къ которымъ ближайшимъ образомъ относится отрицаніе. Примѣры: *я не знаю* этого,—мы *не можемъ* взять на себя отвѣтственности... и т. д.—*Ни* стать, *ни* сѣсть.—*Никто не* знаетъ... *Ничто не* ново подъ луною.—Онъ *ничего не* понимаетъ.—*Нигдѣ не* видно... *Нигдѣ нѣтъ*... *Никакъ нельзя*...

Прим.—Отрицательная частица *не* заключена въ словахъ *нѣтъ* и *нельзя,* образующихъ сказуемыя.

Ни я, *ни* ты *не* можемъ сдѣлать этого. Онъ *не* былъ *ни* въ Парижѣ, *ни* въ Лондонѣ. Я *не* читалъ *ни* этой книги, *ни* той.

Особую разновидность отрицательныхъ оборотовъ составляютъ тѣ, въ которыхъ отрицаніе относится не къ сказуемому, а къ другой части предложенія: *нечего* дѣлать,—*нечему* удивляться,—*никогда* ждать,—я читаю *не эту,* а ту книгу,—онъ хотѣлъ видѣть *не меня,* а тебя,—онъ—человѣкъ еще *не старый* и т. д.

Изъ числа отрицательныхъ оборотовъ нужно исключить тѣ, въ которыхъ частица *не,* примыкая къ сказуемому или

другой части предложенія болѣе тѣсно, чѣмъ въ настоящихъ отрицательныхъ предложеніяхъ, не столько отрицаетъ, сколько измѣняетъ въ извѣстномъ направленіи лексическое значеніе того слова, къ которому она относится. Таковы напр. выраженія: *неправда* („это — неправда"), *поневолѣ, невольно, нечаянно* („я сдѣлалъ это не преднамѣренно, а *невольно*",) „онъ поступилъ такъ по *недоразумѣнію*" и т. п.

Предложенія вопросительныя прежде всего отличаются особой интонаціею, именно повышеніемъ голоса къ концу фразы, а, кромѣ того, могутъ заключать въ себѣ: 1) особыя — *вопросительныя* — частицы, каковы *ли, или, развѣ, ужели,* съ отрицаніемъ: *не — ли, развѣ не, неужели,* 2) *вопросительныя мѣстоименія и нарѣчія (кто? что? который? какой? какъ? когда? куда? гдѣ? почему?* и др.) Къ числу особенностей вопросительныхъ оборотовъ принадлежитъ также (не всегда обязательная) перестановка частей предложенія, именно помѣщеніе въ началѣ фразы того слова, къ которому преимущественно относится вопросъ *(этого-ли* ты хотѣлъ? — *Даешь-ли* слово исполнить мою просьбу? *Хорошо-ли* сдѣлаешь это? и т. д.).

Примѣры вопросительныхъ предложеній.

Какое дѣло намъ, *страдалъ* ты *или* нѣтъ?
На что намъ знать твои волненія.?
(*Лерм.*, „Не вѣрь себѣ").

. . . А ты, ты *любишь-ли* меня?
Не скучны-ли тебѣ непрошенныя ласки?
Не слишкомъ часто-ль я твои цѣлую глазки?
Слеза моя ланитъ твоихъ *не обожгла-ль*?
(*Лерм.*, „Ребенку").

Зачѣмъ-же гибнетъ все, чтб мило? (*Лерм.*).

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Всѣ заказаны?...
. . . . . (*Кольц.* „Дума сокола").

Мы думою, скажи, *проникнуты-ль* одной,
И *видится-ль* тебѣ туманный образъ брата,
Съ улыбкой грустною склоненный надъ тобой?
(*Ал. Толстой*, „Съ тѣхъ поръ какъ я одинъ").

Примѣч. Здѣсь „косвенный“ вопросъ, т.-е. поставленный въ зависимость отъ другого предложенія, въ данномъ случаѣ отъ „повелительнаго“ предложенія „скажи“.

Бѣжать?—Куда? Гдѣ правда, *гдѣ* ошибка?
Опора *гдѣ*..? (*Фетъ*, „Смерть“)

Можно-ли, другъ мой, томиться въ тяжелой кручинѣ?
Какъ не забыть, хоть на время, язвительныхъ терній? .
(*Фетъ*, „Мѣсяцъ зеркальный плыветъ...“).

Отчего я люблю тебя, свѣтлая ночь?...
Ночь! *За что* мнѣ любить твой таинственный шумъ?
(*Полонскій*, „Ночь“)

Что ты клонишь надъ водами,
Ива, макушку свою
И дрожащими листами,
Словно жадными устами,
Ловишь бѣглую струю? (*Тютчевъ*)

Цвѣтокъ засохшій, безуханный,
Забытый въ книгѣ, вижу я—
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣлъ? *когда*? *какой весною*?
И *долго-ль* цвѣлъ? и сорванъ *кѣмъ*?
Чужой, знакомой *ли* рукою?
И положенъ сюда *зачѣмъ*?

На память нѣжнаго-*ль* свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?

И *живъ-ли* тотъ, и та *жива-ли*?
И нынче *гдѣ* ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ? (*Пушк.*, „Цвѣтокъ“).

Ей надо отдохнуть, сказалъ князь Андрей морщась.—*Неправда-ли*, Лиза? Сведи ее къ себѣ, а я пойду къ батюшкѣ. *Что́ онъ, все тоже?... И тѣ же часы, и по аллеямъ прогулки? Станокъ?* спрашивалъ князь Андрей съ чуть замѣт-

ною улыбкой... (*Л. Н. Толстой*, „Война и Миръ“, т. I, ч. I, гл. XXVI).

Предложенія восклицательныя характеризуются участьемъ чувства, что̀ выражается междометіями, примыкающими къ предложенію, восклицательными мѣстоименіями и нарѣчьями (*какой! какъ! что за!* и др.), интонаціею.

Какой свѣтильникъ разума погасъ!
Какое сердце биться перестало! (*Некрасовъ*)

Предложенія повелительныя—это обороты съ повелительнымъ наклоненіемъ, нерѣдко заключающіе въ себѣ особыя *частицы*, придающія извѣстные оттѣнки фразѣ. Это именно частицы—*ка* (скажи-ка!), *ну-ка, пусть, пускай* (*пусть* онъ самъ сдѣлаетъ это!—*Пускай* не ходятъ сюда), *да* со *2-мъ лицомъ глагола* (да перестань!), *же* (возьмите-же!).

Прим. Старинное (церк.-слав., а также и русское) *да* (*съ 3-мъ лиц. глаг.*), въ разговорной рѣчи не употребляющееся, изрѣдка встрѣчается въ литературномъ языкѣ,—въ подходящихъ случаяхъ, напр.:

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія... (*Пушк*, „Мѣдн. Вс.“).

Примѣры:

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня... (*Лерм.*).
Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана? (*Лерм.*, „Бородино“).

Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ... (*Пушк.*, „Мѣдн Вс.“).

...Все равно,
Ты *разскажи* всю правду ей.
Пустого сердца *не жалѣй*—
Пускай она *поплачетъ*.. (*Лерм.*, „Завѣщаніе“).

Отрицательные, вопросительные и повелительные обороты въ старомъ русскомъ.

Отрицат. Дюрди же *не* имѣяше *ни* откуда же помочи...

(Ип. п. 1151 г.)—... и его ся *не* отлучити *ни* (въ) добрѣ *ни* в *мисъ* (=*михъ*, злѣ, несчастьи). (Ипат. п. 1152).—*Не* ѣдемъ, *ни* на конехъ, *ни* на возѣхъ, *ни* пѣшь идемъ... Ипат. п. 945).—.... *нѣсть* у насъ учителя... (Лавр. 898 г.).

Вопросит. .... а ты князь-*ли* еси? (Лавр. п. 968). — *Камо* (куда) хощеши отъ мене ити? (Лавр. п. 969).—*Кто* се приде? (Лавр. п. 968). — *Кому* дань даете? (Лавр. п. 964 г.).—*Како* азъ хочю инъ законъ прияти единъ? (Лавр. п. 955 г.).—*Кде* есть братъ? (Лавр. п. 1097 г.).—*Кому* до мене обида? (Лавр. п. 1100 г.).—*Который* то грѣхъ? (Ипат. п. 1147 г.).—*Какый* то Богъ сѣдя въ безднѣ? (Лавр. п. 1071).—Мнимо-вопрос. на переходѣ къ относительности: Царь же испыта, *кося* ради вины придоша... (Лавр. п. 987 г.).—„*Что*“ въ качествѣ вопросительной частицы: .... *что* уподобитеся Горясѣру? *что* вы зло учинихъ? [1])—Также „*егда*“ (=развѣ): *егда* кто вѣсть, кто одолѣеть, мы *ли*, онѣ *ли?* (Лавр. п. 944).

Повелит.... понесите ны в лодьи (Ип. п. 945).—Князь уже почалъ; *потягнемъ*, дружино, по князи (Ипат. п. 946 г.).—Да *вдайте* ми се малое (тамъ-же). А Бога дѣля *пусти* ю ко мнѣ вборзѣ... („Поуч.“ Вл. Мон., Лавр. п. 1096 г.).—Богъ ти *буди* послухъ... (Лавр. п. 1097).

Частица *ать* въ см. *да, пусть:* Новагорода не березѣта (=не оберегайте, вы двое, Новгорода), *ать сѣдять* сами (т.-е. Новгородцы) о своей силѣ... (Ипат. п. 1140 г.)—.... но *ать* Изяславъ пойдеть... (Ипат. п. 1149).

Част. „*да*“: воля Господня *да* будеть (Лавр. п. 1097 г.).—*Да* приходячи Русь слюбное *емлють*... да *емлють* мѣсячину... и да *творять* имъ мовь... (Лавр. п. 907.)—.... *да* не *имуть* помощи отъ Бога ни отъ Перуна, *да* не *ущитятся* щиты своими... (Лавр. п. 945, „Договоръ Игоря съ греками“).

---

[1]) Второе „*что*“ можетъ быть понято и какъ вопрос. мѣстоименіе согласующееся со „*зло*“. Но, въ виду того, что первое—несомнѣнно частица, болѣе вѣроятно, что таково же и второе.

Заключеніе.

Подводя итогъ всему, изложенному въ этой книгѣ, мы получаемъ слѣдующія положенія, открытіе и научное обоснованіе которыхъ составляетъ великую заслугу Потебни.

1) Синтактическія формы — подвижны: онѣ измѣняются въ теченіе вѣковъ.

2) Эти измѣненія совершаются въ опредѣленномъ направленіи, а именно, въ сторону *наибольшаго развитія глагольныхъ формъ и убыли именныхъ*, и съ тѣмъ вмѣстѣ строй предложенія преобразуется въ томъ смыслѣ, что роль глагола — сказуемаго и вообще глагольность предложенія все болѣе и болѣе увеличиваются насчетъ роли подлежащаго и другихъ именныхъ частей. Это выражается въ развитіи безсубъектности, въ перевѣсѣ управленія надъ согласованіемъ, исчезновеніи составныхъ сказуемыхъ съ именами и причастьями, распространеніи двойныхъ сказуемыхъ съ инфинитивомъ, развитіи такихъ оборотовъ, какъ „творительный предикативный“, и мн. др.

Наблюденія въ области другихъ языковъ (въ особ. — новыхъ, германскихъ и романскихъ) приводятъ къ тѣмъ же выводамъ. Сравнительно-историческое изученіе синтаксиса разныхъ языковъ должно привести къ раскрытію картины эволюціи грамматическаго мышленія въ указанномъ направленіи, т.-е. въ направленіи *къ преобладанію грамматической категоріи дѣйствія надъ грамматическою категоріею субстанціи.*

Первостепенное значеніе этого рода изысканій для изученія психологіи и эволюціи человѣческаго мышленія вообще не подлежитъ сомнѣнію.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Къ реформѣ школьной грамматики русскаго языка.

Давно уже чувствуется настоятельная потребность устранить ошибки и исправить неточности, какихъ встрѣчается немало въ учебникахъ русской грамматики.

Предлагая здѣсь перечень важнѣйшихъ и наиболѣе „ходкихъ“ ошибокъ и неточностей, я буду имѣть въ виду преимущественно учебники гг. Петрова и Смирновскаго, какъ болѣе распространенные.

1) Въ „этимологіи“ К. Ѳ. Петрова („Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Этимологія. 17-е изд. 1910 г.), на стр. 43 (§ 24. Степени сравненія) формы *добрѣе, крѣпче, тоньше* и т. д. понимаются какъ формы сравн. степени *прилагательныхъ*. А между тѣмъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ современномъ языкѣ это — нарѣчія, что̀ 1) явствуетъ изъ ихъ неизмѣняемости и 2) подсказывается непосредственнымъ чутьемъ языка. Та-же ошибка повторяется и въ другихъ руководствахъ, напр. г. *Смирновскаго* („Учебникъ русской грамматики. Ч. I. Этимологія“. Изд. 23. 1911, стр. 20), въ „Краткомъ курсѣ русской грамматики“ (Изд. 3-е, 1909 г.) *Сатарова* (выпускъ 2-ой, стр. 21), въ „Практической грамматикѣ“, составленной гг. *Ананьинымъ, Селезневымъ, Гусаковымъ, Симоновымъ, Макаровымъ, Чернышовымъ и Чукаевымъ* (Изд. 4-ое, 1910), стр. 42.—

2) Г-да Петровъ (указ. учебникъ, стр. 61) и Смирновскій (указ. учебн., стр. 43) полагаютъ, что нарѣчье *„нѣсколько“* есть мѣстоименіе. То-же самое — въ „Практической грамматики“ гг. Ананьина, Селезнева и др. (стр. 65). — Слово *нѣсколько,* вмѣстѣ съ словами *столько* и *сколько,* безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ къ категоріи нарѣчья. Оно-же и не склоняется: падежныя формы *нѣсколькихъ, нѣсколькимъ* и др. принадлежатъ исчезнувшему въ имен. пад. прилагательному *нѣсколькіе,* а вовсе не формѣ *нѣсколько,* возникшей изъ вин.

п. сред. р. ед. ч. того-же прилагательнаго (по образцу большинства нарѣчій, какъ *хорошо, высоко, много, мало* и т. д.) и давно ставшей настоящимъ *нарѣчіемъ*.

3) *Г. Петровъ* утверждаетъ, будто *числительное* есть *служебная* часть рѣчи (тамъ-же, стр. 55). Но вѣдь числительныя распредѣляются по категоріямъ существительныхъ, прилагательныхъ и нарѣчій, а эти категоріи не могутъ быть названы служебными частями рѣчи. — „Служебными“ частями рѣчи являются только *союзы* и *предлоги*. Ошибка произошла отъ неправильнаго опредѣленія самого понятія „служебности“: на стр. 23, въ примѣчаніи, г. Петровъ говоритъ: „Всѣ части рѣчи, изъ которыхъ слагается наша мысль, выражаютъ или понятія, или отношенія понятій; поэтому онѣ раздѣляются на два рода словъ — на слова понятій, или *знаменательныя*, и на слова отношеній—*служебныя*“. Явное смѣшеніе грамматики съ логикой!

Теперь прочтемъ то, что говоритъ г. Петровъ о падежахъ существительныхъ: „имена существительныя измѣняются для выраженія отношеній между предметами. Окончанія, которыми выражаются отношенія между предметами, называются *падежами*...“ (стр. 28). Итакъ, значитъ, и существительное, поскольку въ своихъ падежныхъ измѣненіяхъ оно выражаетъ отношенія между предметами, должно быть отнесено къ служебнымъ частямъ рѣчи?

4) Опредѣленія частей рѣчи въ нашихъ учебникахъ большею частью неудачны. *Г. Смирновскій*, опредѣляя существительное — какъ часть рѣчи, обозначающую *предметъ*, одушевленный или неодушевленный, не объясняетъ, что̀ именно нужно понимать подъ терминомъ „предметъ“ (стр. 5). Этотъ пробѣлъ восполняетъ г. Петровъ, но какъ! Вотъ что читаемъ у него на стр. 22: „Все, что существуетъ отдѣльно, особо, или что представляется намъ такъ существующимъ, называется *предметомъ* (обезьяна, страхъ, пчела, тишина)“. Итакъ, „страхъ“ и „тишина“—предметы, потому что „существуютъ особо“! — Лучше было бы, по примѣру г. Смирновскаго, не опредѣлять, что̀ такое „предметъ“. Но все-таки желательно

указать, что *въ грамматикѣ* дѣло идетъ о предметахъ *грамматическихъ*, часто отличныхъ отъ „настоящихъ“ предметовъ, и что *въ грамматикѣ* „предметомъ“ признается все то, о чемъ можно сказать: „онъ“, „она“, „оно“, и слова съ такими-то окончаніями, обозначащія именно эти—*грамматическіе*—предметы, и называются „именами существительными“.

Неудачно у г. Петрова и опредѣленіе *прилагательнаго*: „*именемъ прилагательнымъ* называется такая измѣняемая и знаменательная часть рѣчи, которою выражается качество предмета безъ отношенія къ другому предмету (?) или по отношенію къ матеріалу, времени, мѣсту, принадлежности“ (стр. 39—40).

Справедливость требуетъ сказать, что тутъ-же (стр. 39), *въ примѣчаніи*, г. Петровъ поправляетъ свое опредѣленіе и даетъ единственно-правильное: „имя прилагательное есть названіе такого признака, который представляется какъ нѣчто готовое, *данное* въ предметѣ“.—И дальше (въ томъ-же примѣчаніи) вполнѣ правильно указываетъ на отличіе прилагательнаго отъ глагола, „который также есть названіе признака, но признака, возникающаго въ извѣстный моментъ“ (я бы сказалъ: производимаго дѣйствіемъ предмета) —

Спрашивается: зачѣмъ оставлять въ текстѣ неточное и сбивчивое опредѣленіе, а правильное и ясное прятать въ примѣчаніи?

Удачнѣе и проще опредѣленіе прилагательнаго у г. Смирновскаго: „Имя прилагательное есть часть рѣчи, обозначающая *признакъ* предмета, на вопросъ: *какой?* или *каковъ?* или *чей?* и измѣняющаяся по родамъ“ (стр. 18).—

Лучше было бы, еслибы г. Смирновскій, вмѣсто традиціонаго выраженія „признакъ предмета“, сказалъ: „признакъ, данный въ предметѣ“, или: „признакъ, который мы представляемъ находящимся въ какомъ-то предметѣ“.—

Опредѣленіе глагола у гг. Петрова и Смирновскаго одинаково: это старое, традиціонное опредѣленіе, гласящее, что глаголъ обозначаетъ дѣйствіе и состояніе предмета (см. Петровъ, стр. 66; Смирн., стр. 25).

Это опредѣленіе *недостаточно, неполно:* 1) нужно внести въ него указаніе на *лицо,* какъ необходимую и отличительную принадлежность глагола, 2) а также, вмѣсто выраженія: „дѣйствіе или состояніе предмета", слѣдовало бы сказать: „*признакъ,* производимый дѣятельностью предмета или изображаемый, въ словѣ, такъ, какъ-будто онъ производится дѣятельностью предмета".—

Нарѣчіе опредѣлено г. Петровымъ совершенно-правильно, но бѣда въ томъ, что это опредѣленіе („нарѣчье есть неизмѣняемая... часть рѣчи, употребляемая въ предложеніи, какъ *обстоятельство*", стр. 93) не ладитъ съ опредѣленіями другихъ частей рѣчи, которыя объясняются не съ точки зрѣнія ихъ роли въ предложеніи, а сами по себѣ—какъ категоріи грамматической мысли. — Буквально то-же самое читаемъ и у г. Смирновскаго на стр. 47.—

Подобно другимъ частямъ рѣчи, нарѣчье можетъ быть опредѣлено и an sich, какъ особая категорія грамм. мысли,— какъ часть рѣчи, обозначающая все тѣ же признаки, но только не предметовъ, а другихъ признаковъ, или способъ проявленія признака.

5) Въ отдѣлѣ о *наклоненіяхъ* г. Петровъ по старому причисляетъ къ наклоненіямъ *инфинитивъ,* — ошибка, которую давно пора исправить. Форма инфинитива употребляется нерѣдко для выраженія повелительнаго и сослагательнаго наклоненій („молчать!", „взять-бы"), но самъ по себѣ и въ своемъ обычномъ употребленіи инфинитивъ вовсе не наклоненіе. Самый терминъ „неопредѣленное наклоненіе" слѣдуетъ разъ навсегда вычеркнуть изъ грамматической терминологіи.—Напрасно также думаетъ г. Петровъ, что инфинитивъ не имѣетъ лица: онъ не имѣетъ только личныхъ окончаній, но имѣетъ, несомнѣнно, отношеніе къ лицу, что̀ давно уже установлено и разъяснено.—

Тамъ-же (стр. 70) повторена старая ошибка, нынѣ, послѣ изслѣдованій Потебни, уже непростительная, именно — будто инфинитивъ можетъ выступать въ предложеніи въ роли подлежащаго, дополненія и обстоятельства. Обороты въ родѣ

приводимыхъ г. Петровымъ (*„учиться* полезно“, „мы рѣшили *учиться*“, „мы идемъ *учиться*“) должны быть понимаемы иначе (см. стр. 189—191 этой книги).—

Г. Петровъ признаетъ три наклоненія: *неопредѣленное, изъявительное* и *повелительное*, не подозрѣвая, что первое— вовсе не наклоненіе, а второе, въ лучшемъ случаѣ, можетъ быть названо „мнимымъ наклоненіемъ“. Настоящимъ наклоненіемъ изъ этихъ трехъ формъ является только *повелительное*, которое г. Петровъ опредѣляетъ такъ: имъ „обозначается повелѣніе, просьба, желаніе“ (стр. 70). Слѣдов., напр., если я скажу: „прошу васъ“, „онъ приказалъ“, „я желаю“,—это будетъ повелительное наклоненіе?—

Очевидно, г. Петрову неясно самое понятіе наклоненія. Это явствуетъ также изъ того страннаго факта, что г. Петровъ устраняетъ *сослагательное наклоненіе*, переименовывая его въ „прошедшее условное“ (стр. 71),—и приводитъ примѣръ: „хранилъ-бы“. — Спрашивается: во фразахъ въ родѣ „я хотѣлъ-бы прочитать это книгу“, „я могъ-бы исполнить вашу просьбу...“ и т. п.—мы имѣемъ все то же прошедшее условное?

Гораздо лучше опредѣляетъ понятіе наклоненія г. Смирновскій (стр. 27 указаннаго выше учебника). Только напрасно онъ считаетъ, постарому, изъявительное наклоненіе настоящимъ наклоненіемъ (оно — мнимое наклоненіе), а также — и неопредѣленное, о которомъ онъ ошибочно утверждаетъ, что оно не спрягается. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что инфинитивъ, всегда имѣющій отношеніе къ лицу, спрягается, но только его спряженіе не выражается внѣшнимъ образомъ — окончаніями. Вѣдь и наше прошедшее на — *лъ* также не имѣетъ личныхъ окончаній и однако спрягается.

6) Нѣсколько лучше изложено у гг. Петрова и Смирновскаго ученіе о залогахъ, но и тутъ у нихъ встрѣчаются ошибки и несообразности, объясняемыя незнакомствомъ съ выводами современной науки и также слабостью чутья къ оттѣнкамъ залоговыхъ значеній и признаковъ въ своемъ-же, родномъ, языкѣ. Напр., г. Смирновскій частицу—*ся* въ возвратномъ залогѣ понимаетъ, какъ прямое дополненіе (стр. 28:

„одѣвать себя=одѣвать-ся“!). Эта частица когда-то, очень давно, была прямымъ дополненіемъ; но тогда (именно потому, что „ся“ было сомостоятельнымъ словомъ, мѣстоименіемъ въ вин. п.) формы въ родѣ „одѣваться“ вовсе и не были формами возвратнаго залога. Они стали возвратными только съ того момента, когда слово „ся“ перестало быть словомъ и превратилось въ окончаніе, потерявъ, конечно, и значеніе прямого дополненія.

Та-же ошибка—и у г. Петрова (66—67).—

7) Въ „Синтаксисѣ“ г. Петрова („Русскій языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. Синтаксисъ“. Изд. 16-ое, 1909), на стр. 9 — 10, весьма неудачно опредѣляется *дополненіе: „Дополненіемъ* называется тотъ второстепенный членъ предложенія, которымъ обозначается предметъ дополнительный, второстепеный, принимающій какое-либо участье въ проявленіи дѣйствія или состоянія главнаго предмета (подлежащаго)“. Изъ этого опредѣленія и изъ дальнѣйшихъ поясненій вытекаетъ, что дополненія могутъ относиться только къ сказуемому. Подводя итогъ (стр. 10), г. Петровъ категорически утверждаетъ это. — Авторъ, стало быть, не признаетъ той — давно уже извѣстной и въ самихъ учебникахъ — истины, что дополненіе можетъ относиться не только къ глаголу, но и къ существительному (подлежащему и дополненію), и къ прилагательному, и къ нарѣчью, и къ предлогу. И въ самомъ дѣлѣ, на стр. 8, говоря объ опредѣленіи онъ утверждаетъ, будто существительное въ косвенныхъ падежахъ, относясь къ существительному, является опредѣленіемъ. И выходитъ что слово „гусей“ въ выраженіи „гусей крикливыхъ каравановъ“ есть опредѣленіе къ существительному „караванъ“ (стр. 8), а равно и слова „съ хлѣбомъ и водою“, относящіяся къ сущ. „чашка“, являются опредѣленіемъ этого послѣдняго (стр. 8—9)! Г. Петровъ исходитъ изъ смысла (все то-же пресловутое смѣшеніе грамматики съ „логикою“), исключая формальную точку зрѣнія, единственно правильную въ грамматикѣ. По его мнѣнію, *„опредѣленіемъ* называется тотъ второстепенный членъ предложенія, которымъ

обозначается признакъ, выдѣляющій извѣстный предметъ изъ числа ему подобныхъ" (стр. 7). Это — не грамматическое, а потому и неправильное истолкованіе части предложенія, именуемой „опредѣленіемъ".

Столь-же неправильно объясняетъ г. Петровъ и понятіе „обстоятельства": „слова, которыми выражается, при какихъ условіяхъ совершается дѣйствіе, называются *обстоятельственными*" (стр. 12). — Изъ дальнѣйшаго (стр. 13—19) видно, что г. Петровъ смѣшиваетъ дополненія съ обстоятельствами. Тутъ-же находимъ и неизбѣжное толкованіе инфинитива — какъ обстоятельства (стр. 17: „ночевать" въ выраженіи „зашли ночевать"), т. е. превращеніе въ обстоятельство части сказуемаго.

Очень плохи и толкованія г. Смирновскаго.

„*Опредѣленіями* называются второстепенные члены, указывающіе или *качество*, или *отношеніе*, или *порядокъ*, или *количество*, либо *объемъ* предметовъ". („Учебникъ русской грамматики. Часть II. Элементарный Синтаксисъ. Изд. 17-е. 1910 г.).

Все это можетъ быть выражено и опредѣленіями, и дополненіями, и обстоятельствами,—и, очевидно, эти части предложенія нельзя объяснять по смыслу: ихъ можно различать и понимать только формально. Послѣ изслѣдованій Потебни (съ 1874 года!) это стало азбучною истиною.

Въ довершеніе мы узнаемъ, что опредѣленіе можетъ быть выражено инфинитивомъ, напр. „привычка *трудиться* похвальна" (стр. 16), а равно и неизмѣняемою частью рѣчи: „слышенъ однообразный звукъ *бумъ-бумъ-бумъ*..." (тамъ же). Это уже совсѣмъ непростительно.

„*Дополненіями* называются второстепенные члены, указывающіе, какіе еще предметы, кромѣ подлежащаго, принимаютъ какое-либо участье въ проявленіи дѣйствія или состоянія" (стр. 15).

„*Обстоятельствами* называются второстепенные члены, указывающіе обстановку или условія, или которыхъ проявляется дѣйствіе или состояніе" (18). Тутъ, разумѣется, является и инфинитивъ въ роли обстоятельства (19—20).

Излишне пояснять, что эти толкованія, съ научной точки зрѣнія совершенно несостоятельныя. въ то же время крайне неудобны въ педагогическомъ отношеніи. Они сбивчивы, неясны и даютъ только поводъ превращать преподаваніе грамматики въ схоластическую головоломку.

8) Пресловутое ученіе о сокращеніи придаточныхъ предложеній, которое давно пора изгнать, какъ научно-несостоятельное и педагогически-ненужное, попрежнему занимаетъ свое мѣсто въ учебникахъ (напр. въ „Синтаксисѣ“ г. Петрова на стр. 62 и сл., на стр. 81 и сл., у г. Смирновскаго— „Синтаксисъ“ стр. 42 и сл.).

9) Составители учебниковъ, вслѣдствіе незнакомства съ трудами Потебни, обыкновенно не понимаютъ, что творительный предикативный и нарѣчья не могутъ составлять второй части сказуемаго. Такъ, напр., г. Смирновскій обороты: „лебеди легко дѣлаются *ручными*“ и „*короче* становился день“ считаетъ оборотами съ составнымъ сказуемымъ, упуская изъ виду, что сказуемое только тогда можетъ быть признано „составнымъ“, когда въ немъ есть „второй *именительный*“, котораго въ приведенныхъ фразахъ нѣтъ. Тутъ же г. Смирновскій утверждаетъ, что „именная часть составного сказуемаго въ русскомъ языкѣ ставится обыкновенно или въ *именительномъ* падежѣ или въ *творительномъ*“ и засимъ приводитъ еще нѣсколько примѣровъ (стр. 9). Это неправильно. Столь-же неправильно и дальнѣйшее утвержденіе, будто вторая часть состав. сказуемаго можетъ стоять и въ родит. падежѣ (такъ-наз. „родительный предикативный“) и еще— въ косвенномъ падежѣ съ предлогомъ (стр. 9—10).

Это—все тотъ-же старый грѣхъ: уклоненіе отъ строго-формальной, *грамматической* точки зрѣнія въ сторону истолкованія по смыслу фразы, „логически“. И выходитъ нѣчто ни съ чѣмъ не сообразное, ни грамматика, ни логика, ибо въ этой послѣдней нѣтъ ни составного сказуемаго, ни творительнаго предик., ни такового же родительнаго, ни падежей съ предлогомъ.

Этотъ списокъ ошибокъ можно было бы еще увеличить.

Ограничиваясь приведенными, замѣчу въ заключеніе, что нѣкоторымъ извиненіемъ для составителей учебниковъ могла бы служить ссылка на всемогущую школьную традицію и на то, что учебники всегда и вездѣ (за рѣдкими исключеніями) отстаютъ отъ науки. Но вѣдь должны быть предѣлы всякой косности и отсталости. Можно, пожалуй, отставать лѣтъ на 5, даже на 10, но отставать на 30 лѣтъ—это ужъ слишкомъ.—

Проведеніе строго-формальной, истинно-грамматической точки зрѣнія не только устранило бы вопіющія разногласія школьной грамматики съ научной, но и значительно облегчило бы и упростило самое преподаваніе этого предмета, столь важнаго, какъ въ низшей, такъ и въ средней школѣ.

УКАЗАТЕЛЬ.

Абсолютно-безсубъектныя предложенія. Стр. 192, 196—207.
Аппозиція. Стр. 66, 70—77.
Безсубъектныя предложенія. Стр. 191—221.
Виды (глагола). Стр. 143—155.
Вопросительныя предложенія. Стр. 307—309.
Восклицательныя предложенія. Стр. 309.
Времена. Стр. 102—119.
Глаголъ. Стр 33, 39—40.
Двойное сказуемое. (Инфинитивъ въ сказуемомъ). Стр. 89—92.
Дополненіе. Стр. 56, 237—258.
Дѣепричастье. Стр. 34, 45, 66—78.
Залоги. Стр. 126—143.
Звательный пад. въ см. именительнаго. Стр. 182—183.
Инфинитивъ. Стр. 86—94, 188—191, 194, 198—202, 204—206.
Лица. Стр. 100—101.
Ложное подлежащее. Стр. 205.
Междометіе. Стр. 34.
Мѣстоименіе. Стр. 34, 45—47, 183—185, 288—295.
Наклоненія. Стр. 119—126.
Нарѣчье. Стр. 34, 44—45, 198—203, 258—260, 287—288.
Обстоятельство. Обстоятельственныя слова. Стр. 57, 258—264.
Опредѣленіе. Стр. 57, 222—237.
Относительно-безсубъектныя предложенія. Стр. 192, 193—196.
Отрицательныя предложенія. Стр. 306—307.
Падежи. Стр. 23—26, 241—258.
Переходныя формы отъ субъектности къ безсубъектности. Стр. 207—211.
Періодъ. Стр. 303—306.
Подлежащее. Стр. 55, 127—128, 179—191.
Подчиненіе предложеній. Стр. 300—302.

Предлоги. Стр. 34, 264—271.
Предложеніе. Стр. 51.
Предикативный аттрибутъ. Стр. 58—59.
Предикатъ. См. сказуемое.
Предицированіе (сказуемость). Стр. 26—29.
Прилагательное. Стр. 33.
Приложеніе. Стр. 223—233.
Причастье Стр. 33, 39—40.
Причастья дѣйств. наст. и прош. врем. Стр. 78—86.
Причастья страдательныя. Стр. 99, 134—135.
Родительный предикативный. Стр. 247.
Родъ (грамматическій). Стр. 10—14.
Связка. Стр. 48, 58—61.
Сказуемое (предикатъ). Стр. 51—54.
Склоненіе. Стр. 22—24
Слова внѣ предложенія. Стр. 296—299.
Согласованіе. Стр. 9—10.
Составное сказуемое. Стр. 58—66.
Сочиненіе предложеній. Стр. 300—302.
Союзныя (относительныя) слова. Стр. 286—295.
Союзы. Стр. 271—286.
Спряженіе. Стр. 101—102.
Субъектъ. См. подлежащее.
Существительное. Стр. 33, 40—43.
Творительный предикативный. Стр. 155—176.
Управленіе. Стр. 9, 22—26.
Формальное (грамматическое) значеніе словъ. Стр. 36—37.
Части предложенія. Стр. 33, 51—57.
Части рѣчи. Стр. 32—34, 37—50.
Частицы „это“. Стр. 295—296.
Числа. Стр. 14—19.
Членъ. Стр 34—36.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
114	10 сверху:	отличалась	отличалось
312	7-8 снизу:	въ „Практической грамматики	..... грамматикѣ
317	3 сверху:	самостоятельнымъ	самостоятельнымъ
318	3 снизу:	или которыхъ	при которыхъ